РЕЙНГОЛЬДА ГЕЙДЕНШТЕЙНА

ЗАПИСКИ
О
МОСКОВСКОЙ ВОЙНѢ

(1578—1582)

Переводъ съ латинскаго.

ИЗДАНІЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
1889.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рейнгольд Гейденштейн (1553–1620) — немецкий и польский хронист, дипломат, юрист, историк. Обучался в Кенигсбергском, Виттенбергском и Падуанском университетах. С 1582 г. — секретарь великих князей литовских и королей польских Стефана Батория и Сигизмунда III, друг коронного канцлера Яна Замойского.

Р.Гейденштейн был автором ряда выдающихся исторических произведений. Служба в Коронной канцелярии давала ему возможность знакомиться со множеством документов, в том числе секретных. Таким образом, все его сочинения основывались на официальных материалах и до нынешнего времени остаются значимыми источниками.

«Записки о Московской войне» Р.Гейденштейна сохранились в латинском оригинале и были впервые переведены на русский язык для настоящего издания. Это сочинение освещает последний период проводившейся царем Иваном Васильевичем Грозным борьбы с Польшей за обладание Ливонией. Этот период начался после вступления на польский престол Стефана Батория и закончился перемирием в Запольском Яме. Произведение написано на основе документальных источников и сообщений непосредственных участников.

Автор подробно описывает осаду и взятие Полоцка войсками Стефана Батория и иные военные события на белорусских землях в 1579–1580 г.г., грабежи, насилие, ужасы войны. Произведение дает возможность понять отношение к войне различных группировок правящей верхушки Речи Посполитой. Считается, что в редактировании, а, возможно, и в написании «Записок» принимали участие Стефан Баторий и Ян Замойский. Данное сочинение было создано вскоре после окончания Ливонской войны и стало одним из первых трудов Р.Гейденштейна.

- Рейнгольд Гейденштейн
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ КНИГА I
  - ○ КНИГА II-я
  - ○ КНИГА III
  - ○ КНИГА IV
  - ○ КНИГА V-я
  - ○ КНИГА VI
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88

- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132

- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170

Рейнгольд Гейденштейн
Записки о московской войне (1578–1582)

REGII DE BELLO MOSCOVITICO QUOD STEPHANUS REX POLONIAE GESSIT COMMENTARIORUM LIBRI VI

Предисловие

Написанное по латыни и теперь издаваемое в переводе на русский язык сочинение польского автора «Записки о Московской войне», если смотреть на его содержание с русской точки зрения, обнимает последний период веденной царем Иваном Васильевичем Грозным борьбы с Польшею за обладание Ливониею, период, начавшийся после вступления на польский престол Стефана Батория и закончившийся перемирием в Киверовой горе или иначе в Запольском Яме. Сочинение это уже потому замечательно и важно, что оно появилось вскоре после окончания войны и почти современно самым событиям. Оно принадлежало *Рейнгольду Гейденштейну,* который был тогда еще малоизвестным писателем, а после прославился целым рядом исторических трудов, составляющих украшение польской историографии. Об этих позднейших трудах Гейденштейна мы не имеем нужды говорить здесь; равным образом и о самом авторе мы можем ограничиться только теми сведениями, которые относятся к первоначальной его литературной деятельности и, могут способствовать правильной оценке значения его **[II]** наиболее важного для русской истории и наиболее раннего произведения[1].

Род Гейденштейнов, как показывает самое наименование, был немецкого происхождения. Говорят, что этот род выселился в Польшу при Казимире IV и происходил из Франконии, что права польского шляхетства (собственно индигенат) он получил только от Стефана Батория в 1585 году в лице нашего автора; но эти подробности довольно сомнительны[2]. Не в собственной Польше находились родовые владения Гейденштейнов, а в той части Пруссии, которая входила прежде в состав владений Тевтонского ордена и с тех пор заключала в себе значительную примесь немецкого населения, и которая потом по Торунскому **[III]** миру (1466 г.) сделалась непосредственным владением польской короны. Отец Рейнгольда Бернард жил в западной Пруссии и владел селом Солец или Соленчин (Solescium) около города Гданска (Данцига), откуда и происходит прозвание Солецкий (Solescius), усвояемое также его сыну. Рейнгольд Гейденштейн родился приблизительно около 1556 года[3]; по матери он уже состоял в родстве с чисто польскими фамилиями и с детства был воспитан в духе строгого католичества[4]; жена его тоже была чистокровная полька (из фамилии Конарских). Есть известия, что Рейнгольд Гейденштейн путешествовал и учился в Германии, Франции, даже в Италии, что, конечно, не было необычным в то

время ни для Польши (пример Замойского, учившегося в Падуанском университете), ни для Пруссии: оттуда он вынес то гуманистическое образование, которым отличался, и которое заключалось главным образом в искусстве хорошо владеть латинским стилем. После возвращения из-за границы он **[IV]** с начала поступил секретарем к герцогу Прусскому, вассалу Польши, Альбрехту Фридриху, но оставался при нем не долго. Неизвестно, как и почему, Гейденштейн обратил на себя внимание знаменитого и образованного польского государственного деятеля, Яна Замойского. Замойский рекомендовал его королю Стефану Баторию[5]. В 1582 году Гейденштейн уже был, по видимому, на службе короля; тотчас по заключении Запольского перемирия, в виду опасностей и затруднений со стороны Швеции, заявлявшей соперничествующия притязания на Ливонию, Баторий хотел заручиться содействием Прусского герцога и для переговоров по этому делу отправил к нему Гейденштейна, как мы узнаем из шестой книги Комментариев о Московской войне[6]. В первом своем литературном опыте, относящемся к следующему, 1583 году, Гейденштейн уже прямо придает себе титул королевского секретаря (см. ниже стр. VI). Видно, что он вообще считался особенно пригодным для сношений с вассальною Пруссией: после первой своей поездки к герцогу, в том же самом 1582 году он снова туда **[V]** ездил по другому делу, именно для примирения правителя Пруссии с его собственными подданными, после того, как они принесли жалобу и протест против нарушения своих прав верховному сюзерену, Польскому королю[7]; а за тем известно, что Гейденштейн и позднее бывал туда посылан; он участвовал наконец в составлении или точнее в исправлении земского судебного уложения собственно для королевской (то есть западной) Пруссии, непосредственно подчиненной польской короне; но это относится уже к 1598 году[8]. Нужно сверх того заметить, что отношения к Замойскому нисколько не были прерваны поступлением Гейденштейна на королевскую службу; напротив, Гейденштейн всегда оставался близок к Замойскому; во первых потому, что служил под его начальством — Замойскому по званию канцлера были подчинены все служащие в королевской канцелярии, во вторых потому, что состоял членом кружка ученых, которыми любил себя окружать Замойский, и к которым, кроме его, принадлежали Цеклинский, Пискоржевский, Давид Гильхен, доктор Левель и др.[9]. **[VI]**

Первое произведение Гейденштейна написано было по поводу брака его патрона, Яна Замойского, с племянницей короля Стефана, Гризельдой, дочерью Христофора, князя

Седмиградского; оно появилось в форме письма к маркграфу Бранденбургскому и герцогу Прусскому Георгу Фридриху и напечатано было в Кракове в 1583 году[10].

За тем точно также в Кракове вышли Комментарии или записки о Московской войне, помеченные 1584 годом. В переписке известного и в свое время даже знаменитого гуманиста Бруто, происходившего из Италии, но проживавшего больше на севере и между прочим при дворе Стефана Батория, в качестве историографа Венгрии, королевского секретаря и пенсионера, находится относительно времени печатания этой книги такое известие, которое на первый взгляд кажется трудным примирить с стоящею на заглавном листе датою. В июле 1585 года, отправляя письмо из Кракова в Вену, к придворному медику и ученому гуманисту, Кратону, Бруто прибавил в конце его приписку, в которой сообщал о прибытии в Краков Гейденштейна с тою целию, чтобы уговориться с типографщиком относительно печатания Комментариев о Московской войне[11]. И так летом 1585 года Гейденштейн **[VII]** только собирается приступить к изданию своего сочинения, а судя по заглавному листу, оно было отпечатано еще в предыдущем году. Для соглашения двух дат обыкновенно принимают, что в 1585 году речь шла уже о втором издании Комментариев. Предположение во всех отношениях мало вероятное; никаких следов мнимого второго краковского издания не существует, и при всех рассуждениях, вскоре возникших по поводу книги Гейденштейна в польской публике, именно на съезде 1587 года, имеется в виду только одно первоначальное издание, без всякого намека на существование второго. Гораздо проще было бы предположить, что дата 1584 года поставлена была на манускрипте Гейденштейна, служившем, в качестве оригинала при печатании, что она означала только год, когда сочинение было окончено автором и приготовлено для печати; но этому предположению противоречит то обстоятельство, что таже самая дата повторена и на последнем печатном листе книги очевидно от лица типографщика (Cracoviae in officina Typographiae Lazari Anno Domini, 1584). Приходится думать, что в издании добавочных писем Бруто допущена была ошибка или простая опечатка в означении года, выставленного им в конце письма и впереди приписки: следовало читать не XXCV (не 1585), а XXCIV (1584). **[VIII]**

При первом издании, теперь сделавшемся весьма редким, сочинение Гейденштейна сопровождалось предисловием, которое в новейших не повторяется. В этом предисловии, которое в тоже время служит и посвящением, автор обращается к князю Трансильванскому, Сигизмунду Баторию, племяннику короля

Стефана, и говорит прежде всего о великой важности и пользе исторических сочинений, а также об их трудности. Впрочем, существует два рода исторических сочинений, и автор хочет писать не историю в собственном и высшем значении этого слова, а только комментарии. Различие между сими двумя родами такое, что комментарии имеют как бы служебное значение по отношению к настоящей истории; в них повествуется о событиях просто и без всяких украшений, о которых обязан думать историк; кто пишет комментарии, тот не имеет нужды заботиться об ораторских приемах и о соблюдении правил красноречия, а только обязан как можно правдивее передать то, что случилось; совершенно иные требования с точки зрения внешней формы и обработки могут быть предъявлены настоящему историку. Однако, и комментарии имеют свои требования по отношению к изложению; главное требование от них — простота, но простота, соединенная с чистотою речи и своего рода изяществом изложения. Недосягаемый образец в этом роде представляют комментарии Цесаря. Если кому покажется, что автор не удовлетворил означенным сейчас требованиям, тот пусть обратит внимание на то, в какое короткое время он написал свое сочинение и среди какой неудобной обстановки он должен был работать; **[IX]** он писал свое сочинение, занятый делами при дворе, который почти не имел постоянной резиденции, но всегда почти находился в пути или в сборах в путь[12]. На ряду с военными делами в Комментариях излагаются и гражданския; ибо они были тесно связаны с военными — как по времени, так и по самому своему существу; неудобно было бы разделять то, что на деле было связано. Первое и важнейшее достоинство всякого исторического произведения есть, конечно, правдивость, уважение к истине. Гейденштейн уверяет нас, что он свято соблюдал это само собою разумеющееся требование. За правдивость его повествования ручается самое его отношение к предмету сочинения. Он пишет не о каких-либо происшествиях, далеких от памяти современников, при чем ошибки и даже прямой вымысл могли бы не встретить противоречия со стороны людей помнящих: «я издаю то, что должно сделаться известным для лиц, принимавших участие в событиях, пишу для того, чтобы ознакомить с событиями минувшей войны лиц, остававшихся вдали от них, на основании свидетельства мужей, которые давали направление событиям и которые до сих пор живы и находятся на лицо[13]. Положение мое было такое, **[X]** что с одной стороны я легко мог собирать сведения от многих, лично принимавших участие в делах, а с другой стороны я не мог ни в чем отступать от истины, связанный сознанием, что о том же знают столь

многия лица[14]… К этому нужно прибавить, что, благодаря месту, которое занимаю, я имел полную возможность пользоваться оффицальными документами, которыми засвидетельствована большая часть фактов, заключающихся в этих книгах»[15]. В конце предисловия, снова обращаясь к Сигизмунду, Гейденштейн объясняет, почему именно ему посвящается это сочинение. Основания заключаются в том, что часть славы, приобретенной королем в минувшей войне, как бы по праву наследства принадлежит его родственнику, и в том, что сам Сигизмунд подает надежды, что он способен пойдти по стопам дяди и также совершить славные дела.

Не останавливаясь пока на разъяснении общих показаний Гейденштейна об его источниках, мы можем уже теперь извлечь из его слов одно не лишенное важности заключение. Гейденштейн ссылается только на документы и на сообщения живых свидетелей, **[XI]** участвовавших в делах, и совсем не упоминает о каких-либо личных наблюдениях; ясное дело, что сам он не участвовал ни в одном из трех походов Стефана Батория в пределы Московского государства не был очевидцем ни взятия Полоцка (1579), ни осады Великих Лук (1580), ни Псковской осады (1581). На это потом прямо указывали его недоброжелатели, его политические враги, о которых речь будет ниже[16]. «Гейденштейн не видал ни Москвы, ни Московской войны», говорится в одном современном сочинении, отражающем неблагоприятные толки против нашего автора. И так, если Карамзин, описывая взятие Полоцка и ссылаясь при этом на Гейденштейна, называет его очевидцем[17], то он допустил тут маленькую неточность, весьма, конечно, извинительную. Что же касается слов самого Гейденштейна о том, что он постоянно должен был следовать за королевским двором, по неволе отрываясь от своей работы, то они должны быть относимы ко времени после окончания войны. Не ранее 1582 года он мог приняться за составление своих записок, а если припомним, что в этом году он два раза ездил в Пруссию, то еще вернее срок этот должен быть перенесен на 1583 год. Впрочем еще у современников существовало такое мнение, что труд, выпавший на долю Гейденштейна, если и не был очень легкий, то был для него весьма облегчен его вдохновителями. Гейденштейн в предисловии ссылается на сообщения очевидцев, принимавших в делах **[XII]** непосредственное и направляющее участие; он никого не называет по имени, но очень естественно думать, что главным его руководителем был его ближайший начальник и его всегдашний патрон, сам Ян Замойский, правая рука Стефана Батория во время Московской войны, с саном канцлера

соединявший звание главнокомандующего (гетмана), и после удаления Батория самостоятельно распоряжавшийся Псковскою осадой. Еще в 1587 году высказывалось мнение, что собственно автором Комментариев был не Гейденштейн, а Замойский; другие более сведущие и осторожные утверждали, что история о войне Московской была пересмотрена и где нужно исправлена не только канцлером, но и самим королем. Удивительно, что никакого прямого намека на такое высокое сотрудничество нет в предисловии; тем не менее оно должно быть признано за факт весьма достоверный. Все это разъяснилось по случаю гонения, которое было воздвигнуто на произведение Гейденштейна тотчас после кончины короля Стефана.

Когда Стефан Баторий умер (12 декабря 1586 г.) и наступило новое безкоролевье, в Польше поднялось сильное брожение, загорелась борьба между двумя партиями; оне и раньше существовали, так как всегда было много недовольных политикою Батория и влиянием Замойского, а теперь вопрос о замещении трона должен был обострить отношения и глухую борьбу превратить в открытую. Партия покойного короля, с Яном Замойским во главе, примкнула к Шведскому королевичу Сигизмунду, отпрыску старых Ягеллонов, так как избрание его представляло больше видов на успех и обещало известные выгоды. Вожаками другой **[XIII]** партии были Зборовские; ими руководила не какая либо политическая мысль, а только ненависть и оппозиция Замойскому, с которым у них были личные и весьма крупные счеты; они выставили кандидатуру Австрийского эрцгерцога, отчасти вопреки прежним своим стремлениям. В первых числах февраля 1587 года собрался конвокационный съезд в Варшаве, созванный примасом королевства. Сюда явились почти исключительно одни только приверженцы Зборовских, а также все недовольные прежним правлением или завидовавшие положению и значению Замойского. Приверженцев последнего было на этом сейме не много, да и сам он отсутствовал; по этому враждебная ему партия могла дать полный простор выражению накопившейся ненависти и неудовольствия: среди громкого шума, брани и бряцания оружием она стала требовать, чтобы привлечь Замойского к ответственности за все, что происходило в прошлое царствование. Между прочим поднят был вопрос и о недавно появившемся сочинении Гейденштейна, внесены были предложения о полном уничтожении и совершенном истреблении этого произведения: оно было ненавистно преобладающей на съезде партии, с одной стороны, как прославление прошлого царствования и в особенности идей и деятельности Замойского, а с другой, как

заключающее в себе страницы, прямо оскорбительные для некоторых сторонников партии Зборовских. Обвиняли, впрочем, книгу не только за то, что было в ней, но также и за то, чего в ней не было, находили, на пример, что в ней не воздано надлежащей чести подвигам в Московскую войну одного знатного литовского магната **[XIV]** (именно Радзивила). Все рассуждения и постановления сейма были потом изложены в письме, которое адресовал к Замойскому примас королевства, архиепископ Гнезненский Карнковский, желая разыграть роль посредника и примирителя и выставляя условия возможного соглашения. В своем ответе Замойский между прочим остановился с некоторою подробностию и на том пункте, который касался Комментариев о Московской войне. Весь этот эпизод, равно как и содержание ответа Замойского, переданы как самим Гейденштейном — в позднейшем его труде «Польской истории двенадцать книг», куда вошли и Комментарии и продолжение их до 1602 года[18], так и в одном анонимном произведении (заглавие будет приведено ниже), посвященном времени междуцарствия после смерти Батория до утверждения на престол Сигизмунда III. Упоминается о нем и в изданных недавно дневниках конвокационного съезда 1587 года[19]. Отсюда мы видим, что 12 февраля против истории о войне Московской говорил воевода Трокский, называя ее пасквилем, потому что в ней в ложном виде представлено отношение к войне народа литовского, да умалена честь и самого польского народа тем самым, что все приписано одному лицу; видим, что 28 февраля Чарнковский просил о разрешении преследовать автора «Московских дел» за личную обиду (albo mu wolno bulo contra scriptorem **[XV]** rerum Moscoviticarum de injuria), что за тем было рассуждение о Гейденштейне в заседании 9-го марта (стр. 54) и т. д.

Сам Гейденштейн говорит об опасности, угрожавшей его книге, и об ее защите Замойским довольно кратко. На съезде не решались ничего предпринять прямо против Замойского, но только выставили и предложили на общее одобрение условия соглашения, и в числе их шла речь именно об уничтожении Комментариев о Московской войне, а также книжки, которая вышла под именем Андрея Ржецицкого, королевского инстигатора (прокурора), и содержала обвинение против Христофора Зборовского[20]. Что касается Комментариев, то они почти ничего не заключали в себе, касающегося дела Зборовских, и возбудили против себя ненависть преимущественно Чарнковского и еще одного литовского сенатора; эти люди отчасти негодовали за правду, которая о них была написана, отчасти за то, что им не воздано было похвал, которые были бы

ложными[21]. Намек на непоименованного члена литовской рады разъясняется вполне удовлетворительно у Оржельского, который также жил и писал в эту эпоху. Говоря об экспедиции Христофора **[XVI]** Радзивила, отправленного в 1581 году, при начале Псковской осады внутрь Московского государства к Старице и Ржеву, Оржельский выражает такое мнение, что будто бы Гейденштейн, впрочем отличный писатель, в своих Комментариях славу этого похода, неизвестно по какому побуждению, совсем оставил во мраке[22]. На самом деле экспедиция вовсе не пройдена молчанием, напротив описана с достаточною подробностию, но только без всяких особых выражений удивления или прибавления похвальных эпитетов мужеству или же предприимчивости вождя (см. Записки Гейденштейна в предлагаемом переводе стр. 219–222). Возвращаемся к обвинениям конвокационного съезда и к передаче их у Гейденштейна. Он утверждает, что вышеозначенные условия подписаны были не всеми присутствующими, и что многие удалились, не дав на них своего согласия. Когда они тем не менее сообщены были Гнезненским архиепископом канцлеру, то Замойский дал на них письменный ответ, в котором о Комментариях было объяснено, с какою целию и в каком честном духе они были написаны и изданы[23]; сверх того Замойский указывал на опасности для общественной свободы, если будут преследовать то, или другое сочинение, говорил, что **[XVII]** такой способ борьбы с книгами вовсе не пригоден, что чем больше их преследуют, тем больше находится охотников их читать[24]; если кто полагает, что в книге содержится что либо несообразное с действительностию, то может это обличить в собственном произведении, написанном иначе, как это не стыдились делать величайшие государи или полководцы (imperatores): истина с одной стороны говорить уже сама за себя, а с другой — еще более разъясняется от столкновения с ложью, и насколько с каждым днем укрепляется правда, на столько — же ложь само собою рушится[25]. О том, какое имели действие эти замечания, у Гейденштейна ничего не говорится, равно как из его слов не видно, чтобы кто-нибудь в самом деле перешел от слов к делу и принялся за истребление печатных экземпляров его произведения[26].

С большими подробностями вся эта история гонения на издаваемое теперь в русском переводе **[XVIII]** сочинение передается в анонимном сочинении другого современника, описавшого события 1586–1588 годов еще ранее Гейденштейна. Нужно думать, что оно принадлежало Варшевицкому[27].

По словам Варшевицкого вопрос о книге Гейденштейна

подняли литовцы при чем, однако, он не объясняет, почему именно они взяли на себя в этом деле почин, и ничего не говорит о неудовольствиях Радзивила. Литовцы желали, чтобы на основании публичного авторитета, принадлежащего съезду, было издано постановление об уничтожении сочинения Рейнгольда Гейденштейна о (Московской) войне, как произведении лживом, при чем некоторые высказывали мнение, что действительный автор сочинения есть сам канцлер: в самом деле, прибавляет от себя Варшевицкий, хорошо известно, что оно было внимательно пересмотрено и исправлено и королем и канцлером[28]. В этих Комментариях Рейнгольда, продолжает объяснять **[XIX]** Варшевицкий, подвергался весьма тяжким обвинениям Чарнковский, хотя это совсем не относилось к обещаемому в заглавии предмету, то есть к Московским делам, и хотя Гейденштейн, никогда не видавший ни Московии, ни Московских войн, точно также не знал и Чарнковского — таким, как его описывает[29]. Кратко изложив с своей точки зрения дело о Чарнковском, а затем указывая на последния страницы сочинения Гейденштейна, где о нем идет речь, Варшевицкий выражает еще более прямое сомнение в истинности несколько длинного повествования и решительно высказывается против его уместности. «Сам подрывает к себе доверие тот, кто без особенной нужды и без точного знания, но больше по пристрастию и притом нелепым образом предается разысканиям о вещах, находящихся вне связи с предметом повествования[30].

Из дальнейшего изложения о заседаниях съезда видно, что предложение литовцев было принято, решение об уничтожении произведений Ржецицкого и Гейденштейна было утверждено в публичном заседании съезда, правда, уже не имевшем обычного многолюдства.

Ответ Замойского на это постановление, сообщенное ему в письме примаса, передан Варшевицким с гораздо большею отчетливостию, чем у самого Гейденштейна, на первый взгляд ближе заинтересованного в **[XX]** этом деле, если бы только он не желал уклоняться от щекотливых вопросов о сотрудниках. «Требование об истреблении сочинений Ржецицкого и Гейденштейна — несправедливо: комментарии Гейденштейна служат свидетельством славных деяний, совершенных не только королем, но и Речью Посполитою; сам король не только видел их, но и поправлял; экземпляр с сделанными королем исправлениями находится в руках автора[31]. И почему — это требуют уничтожения Комментариев, прежде чем они были подвергнуты проверке? Не следует — ли скорее допросить тех которые не только присутствовали при событиях, но и заправляли делами, и

посмотреть, существуют ли в самом деле какия неверности в этих Комментариях? Иначе тщетны будут попытки затушить истину; напротив чем больше будут преследовать сочинение, тем больше будут содействовать его распространению. (Следуют примеры из классической древности: Анти-Катон Цесаря, Филиппики против Антония).

«Комментарии Рейнгольда разошлись не только внутри, но и вне королевства, они находятся в руках многих и даже очень многих ученых людей; если в них чего-либо не достает, следует это указать; не все сразу можно, как следует, увидеть и рассмотреть»[32]. **[XXI]**

В последних словах как будто заключается намек на возможность новых исправленных изданий сочинения. Вероятно, в том же смысле нужно понимать и заключительную мысль письма, очень неясно и дурно выраженную Варшевицким «типографщик новым и последним изданием, без сомнения, отнимет цену у предшествовавших»[33]. Нужно, де, желать не уничтожения книги, а того чтобы автор получил возможность сделать в ней исправления, необходимость которых ему будет доказана; когда появится новая исправленная редакция, она, конечно, вытеснит старую, так как никакой издатель не станет перепечатывать книгу в старом виде, раз признанном за неудовлетворительный. — Таким именно образом разъясняется смысл приведенных слов в полной редакции письма Замойского — (на польском языке), которою мы, однако, не считаем возможным пользоваться вследствие сомнений возникающих относительно ее подлинности[34]. **[XXII]**

Новые издания книги Гейденштейна действительно появились и в очень скором времени, но только не в Кракове. Прежде всего Комментарии о Московской войне были перепечатаны в Базеле у Вальдкирха; на заглавном листе этого издания in 4°, экземпляр которого тоже находится в Императорской Публичной Библиотеке, стоит 1588-й год[35]. Никаких исправлений оно в себе не заключает, да и перепечатано, вероятно, без ведома автора, так как в данное время обычай контрафакции **[XXIII]** был весьма распространен и особенно процветал в Базеле; права литературной собственности ограждались специальными привилегиями государей, но только в пределах известной страны и на определенный срок. Тоже самое следует думать и относительно кельнского издания Комментарий в виде приложения к сочинению Кромера, издания, относящегося к 1589-му году[36].

Во всяком случае повторяющиеся одно за другим издания свидетельствуют о том внимании, с каким в тогдашней Европе,

интересовавшейся, правда, и борьбою Стефана Батория с царем Московским, относились к сочинению Гейденштейна. По словам Замойского, оно обращалось в руках самых ученых людей тогдашнего времени. Что эти слова были сказаны канцлером Батория не без основания, в этом мы убеждаемся из переписки современных корифеев науки и вместе публицистики. Приписка в письме Бруто, обещавшего пересдать книгу тотчас по отпечатании в Вену, нам известна.

Знаменитый ученик Меланхтона, профессор университета в Ростоке, со вниманием следивший за политическими и церковными делами Европы, Давид Кохгофф больше известный под именем *Хитрея* (Chytraeus), приветствовал автора Комментариев о Московской войне весьма лестным письмом. "Я, — так говорится в нем — прочитал записки о войне храброго и мудрого короля Стефана против Московского тирана с великим **[XXIV]** удовольствием и пользою для себя, удивляюсь политическому смыслу и здравому суждению автора, правильности выражения, ясности, изяществу и чистоте речи»[37]. Не имев до тех пор никакого знакомства и никаких сношений с Гейденштейном, Хитрей решился ему писать, и желая ответа, посылает в подарок новое отдельное издание собственного сочинения «Вандалия», в котором идет речь тоже о севере[38]. Труд Гейденштейна не остался безызвестным и для знаменитого французского историка *Де-Ту* (de Thou, Thuanus), который отзывается о нем в следующих выражениях: «Книги о Московской войне, обращающиеся с именем Рейнольда Гейденштейна, королевского секретаря, изложенные, если я не ошибаюсь в своем суждении, с большим изяществом и точностию, написаны либо **[XXV]** самим Замойским, либо каким-либо другим лицом, опытным в латинском стиле, под диктовку самого Замойского, или же на основании сообщенных им его собственных записок[39]. — Таким образом прославленный автор «Истории своего времени» (1553–1617) относительно самостоятельности Гейденштейна разделял взгляд некоторой части польских его современников. — Заключение выведено им, повидимому, из близкого знакомства с Комментариями и, конечно, не лишено основательности. Обращают на себя внимание похвалы литературным достоинствам книги Гейденштейна, ее изложению и языку. Похвалы эти, хотя оне отчасти и повторяются новейшими писателями, могут быть приняты только с большими ограничениями[40]. Правда, что в Комментариях заметно старание о хорошей внешней форме, есть стремление к группировке фактов, к некоторому объединению однородного содержания, к последовательному изложению мотивов действующих лиц, что

достигается посредством сжатого изложения произнесенных ими речей и соединения нескольких речей в одну; документы, на которые автору приходится ссылаться весьма часто, приводятся не в подлинном сыром виде, и не в буквальных извлечениях, а в сжатом изложении **[XXVI]** их существенного содержания. Тем не менее остается в силе основная форма записок — то есть рассказа о событях шаг за шагом, с соблюдением хронологического порядка, и неудобства этого способа повествования сказываются по местам в бессвязном нагромождении фактов, в внезапных переходах от Пруссии в Крым и обратно при перечислении разного рода дел посольских и сеймовых. Что касается собственно языка, которым пишет Гейденштейн, то, конечно, латынь его никак не может быть признана изящною или даже просто хорошею. Старание подражать «недосягаемому» образцу, то есть Комментариям Юлия Цесаря, очень заметно; но именно это самое придает речи какой-то школьный искусственный характер. Все эти длинные периоды, непременно начинающиеся придаточными предложениями с союзом quum, и вмещающие в себе один или несколько ablativi absoluti, и если возможно accusat. cum infinit., составлены довольно механически, так что при переводе почти всегда безопасно можно начинать не задумываясь опущением союза, с тем чтобы превратить придаточное предложение в самостоятельное. Школьную латинскую грамматику Гейденштейн несомненно знал, привычку строить латинския фразы ловко и скоро он имел, но пишет он по латыни все-таки довольно тяжело, свободы и плавности в его слоге совсем нет, фразеология довольно скудная и однообразная. Правда, что некоторые современники Гейденштейна в Польше писали еще хуже, но настоящие гуманисты, превосходили его безконечно, хотя бы тот же самый Бруто, прославлявший в своих письмах Стефана Батория. **[XXVII]**

В этом отношении, пожалуй, можно было бы пожалеть о том, что итальянский гуманист, занятый своею венгерскою историей, предпринятою по желанию короля Стефана, не нашел времени и досуга — исполнить другое свое намерение, о котором заявлял в поздравительном послании к Баторию после второго московского похода — прославить современные подвиги своего мецената и героя[41].

Но с точки зрения исторической достоверности потеря, конечно, небольшая. Талантливые гуманисты умели льстить еще лучше, чем посредственные латинисты. Возвращаясь к оценке этой стороны в сочинении Гейденштейна, мы можем ограничиться несколькими краткими замечаниями, так как входить в подробности не наше дело, а будущего специального

историка, войн за Ливонию. Нельзя, конечно, удовольствоваться общими заверениями Гейденштейна, что он мог знать истину и не желал отступать от нее в своем изложении, равно как нет причины и заподозривать искренность таких заявлений. Впечатление, производимое фактами даже на очевидцев, бывает не одинаковоу здесь многое зависит от субъективного настроения, от личного предрасположения, от характера и темперамента данной личности, и очень много от ее общественного положения. В этом отношении нужно иметь в видо следующия данные, которые выяснились из предыдущего изложения. Уже вследствие своего полунемецкого происхождения, Гейденштейн был отчасти чужд собственно польскому магнатскому и шляхетскому обществу, **[XXVIII]** польским национальным увлечениям и страстям: он мог относиться с известною холодностию и объективностию к соперничеству и вражде, которые все-таки существовали между различными составными частями польско — литовского государства. Во время походов Батория, как мы знаем из других источников, довольно резко и раздражительно обнаруживался антагонизм между разными народными группами, входившими в состав ополчения короля Стефана, обнаруживались соперничество и неприязнь между поляками и литовцами, и особенно нерасположение и прямая вражда тех и других к мадьярам, приведенным Баторием с родины. Не разделяя таких чувств уже по своему происхождению, Гейденштейн еще менее мог отдаваться им по своему положению, как чиновник так сказать дипломатического ведомства и как оффициальный историк, ибо и король и Замойский не имели интереса возбуждать и распалять эти страсти. Нельзя сказать, чтобы Гейденштейн совсем не касался означенного щекотливого пункта. Он замечает (стр. 56 русского перевода), что король опасался племенного соперничества, он упоминает о ссорах между поляками и венграми (стр. 72 и стр. 86), в одном месте (стр. 78) он не умолчал о неодобрительной жестокости немецких солдат; но все это указано бережно и осторожно. То или другое настроение отмечается как факт, но писатель не желает показать, что он разделяет его, что он сочувствует той или другой стороне; он стоит либо выше, либо вне подобных увлечений. Не нужно, однако, совсем обольщаться таким наружным бесстрастием очень возможно, что тут, ради осторожности, затушеваны **[XXIX]** и прикрыты некоторые проявления неприятного для правительственных лиц племенного антагонизма, что самые факты, при которых обнаруживались эти антипатии или которые после были предлогом для взаимных укоризн и попреков,

представлены в намеренно смягченном виде. Указания на то, что это действительно по местам встречается в Записках о Московской войне, будут сделаны ниже. Прибавим здесь, что безпристрастие Гейденштейна в известной степени простирается и на неприятеля, то есть на русских людей Московского государства. Делая их характеристику в начале своего сочинения (см. особенно стр. 31), Гейденштейн вовсе не отказывает им в добрых качествах и природных дарованиях, объясняя несимпатичные черты дурными влияниями и худыми привычками. Выносливость и стойкость, которую проявляли москвитяне во время войны с Баторием, также выставляются на вид польским историком. Конечно, и вдохновители Гейденштейна могли понимать, что унижать врага, с которым пришлось бороться и которого удалось победить, не значит возвышать значение и блеск своего торжества над ним. — Очень важное значение для определения тенденции записок о Московской войне имеют отношения автора к Замойскому. Мы видели, какия отсюда выводились заключения современниками его. С одной стороны утверждали, что Гейденштейн был как — бы подставным лицем, за которым скрывался действительный сочинитель — сам канцлер, а отчасти даже и король Стефан. Такие слухи мы должны считать явным преувеличением. Справедливого в них разве только то, что в самом деле без помощи **[XXX]** материалов, сообщенных в том или другом виде Замойским, никак не могло быть частным и посторонним человеком или даже членом королевской канцелярии написано сочинение, так подробно и точно передающее речи Замойского на сейме, его советы королю, данные устно без посторонних свидетелей, его распоряжения в лагере. Одних дипломатических документов королевской канцелярии для этого было бы недостаточно, и сам Гейденштейн ссылается на сообщения ближайших участников в делах военных. Очень возможно, что Замойский просматривал и поправлял сочинение еще в рукописи, нельзя решительно отвергать такого же участия короля; но уже, конечно, ни тот, ни другой не могли взять на себя утомительной и в сущности мелочной для них работы сопоставления документов, извлечения из них существенного содержания и т. д… Это было делом Гейденштейна, который и после занимался совершенно такими же работами — уже совсем независимо от Замойского. Только то несомненно, что в сочинении не сказано ни одного слова которое не соответствовало бы видам Замойского, а вместе с тем и самого короля. В какой степени это повлияло на правдивость историка? Вопреки слишком раздражительным и резким обвинениям современников, принадлежавших к другой партии, мы должны

прежде всего признать, что именно Замойский, не говоря о короле Стефане, был способен сообщить наиболее верные и точные сведения о действительном ходе военных дел, о намерениях и планах, которые давали им направление. Так или иначе Замойский, а не Радзивил был руководящим **[XXXI]** лицом — особенно во втором и третьем походе, и он является центральною фигурою в Комментариях не вопреки исторической истине. Какой смысл имели вопли недоброжелательных современников на сейме 1587 года, об этом можно судить по некоторым произведениям предшествующих годов, посвященным прославлению Радзивилов, писанным их клиентами в Литве — в роде Франциска Градовского[42]. Превознося до небес своих героев, приписывая им даже небывалые подвиги, завоевание городов, которых не отыщешь ни на современных, ни на древних картах, они желают нам внушить, что именно Радзивилам польско-литовское государство было обязано своими успехами; если бы не движение Христофора Радзивила к Старице и Волге, напугавшее Грозного, то, пожалуй, война и не кончилась бы так благополучно — Запольским миром. Очень легко решить, на которой стороне находится беззастенчивое преувеличение. О странице в конце Записок о Московской войне, посвященной Чарнковскому, не зачем много рассуждать. Она, действительно, не относится к главному предмету сочинения, она могла быть выпущена без вреда для дела, но Гейденштейн с самого начала держался такого плана, чтобы на ряду с военными и политическими делами говорить и о внутренних домашних событиях. На Гейденштейна злились, что он в неблагоприятном свете представил, общее отношение литовцев к войне с Москвою; но если обратиться к показаниям других современников, **[XXXII]** хотя бы к дневнику Пиотровского (о нем см. ниже), то легко будет убедиться, что действительно походами своего короля всего более тяготились литовцы, что именно они постоянно надоедали требованиями скорейшего мира — конечно и потому, что от войны всего более страдали их экономические интересы и вообще их родина, истощаемая продолжительною борьбою с соседом. В сущности Гейденштейн здесь еще сгладил многое согласно с оффициальным характером своей задачи. — Все сказанное не исключает, однако, возможности, что верное в общем воззрение все-таки в частностях выразилось некоторыми погрешностями в смысле преувеличения и односторонности, в смысле исключительности и неравномерного признания заслуг второстепенных деятелей. Нельзя поручиться и за то, что все сообщения руководящих лиц, разумея тут и самого Замойского, на сколько речь идет о позднейших хотя бы на несколько лет

устных сообщениях, отличались совершенною точностию и не были окрашены субъективною неизбежною примесью. Но такого рода мелкия извращения и недостатки могут быть открыты только путем тщательного изучения подробностей при помощи вновь издаваемых документальных источников, и в особенности долго остававшихся под спудом, но немалочисленных современных польских дневников. Следует пожалеть, что собственно русские источники, которые бы представляли ход дел с московской точки зрения, почти совсем отсутствуют за первые два года Баториевой войны. Сказание о Псковской осаде[43] в высшей степени любопытно **[XXXIII]** по своему основному духу и тону; проникнутое религиозным одушевлением и крепкою верою в непосредственное действие Божественной силы в пользу православных людей против иноверцев, оно представляет такой же выразительный резкий контраст с произведением польским, какой бы мог получиться при сопоставлении средневекового жития, наполненного чудесами, с комментариями Юлия Цезаря о Галльской войне; имеем в виду образцы обоюдного подражания. Тем не менее повесть о прихождении короля Стефана на Псков не только дает нам понять и почувствовать общую причину стойкости и твердости русского сопротивления, заключавшуюся именно в религиозном настроении, но и в подробностях может служить к исправлению и восполнению показаний, идущих с другой стороны. Так или иначе, она все-таки написана непосредственным свидетелем и очевидцем; помимо того, что внутри псковских стен можно было лучше знать, что здесь именно происходило, каждая отдельная фактическая черта самостоятельного русского источника, хотя бы она касалась и внешних по отношению к городским стенам явлений, может пригодиться для разрешения недоумений, возбуждаемых противоречиями польских свидетелей, то есть, другими словами — при критике Гейденштейна. Некоторые указания такого рода сделаны ниже. Вообще дельный и трезвый труд Гейденштейна о Московской войне, не смотря на недостатки **[XXXIV]** изложения и формы, на сдержанность и некоторую сухость тона, соответствующую его оффициальному происхождению, в конце концев отличался такими большими достоинствами, что с ним не могли выдержать соперничества другия польския произведения, касавшияся того же предмета и появившияся еще при его жизни — ни хроника Стрыйковского, на сколько дело касалось ее последней части, ни сочинение Соликовского или даже писанная на польском языке Хроника света Мартина Бельского продолженная сыном. В новейшей польской исторической литературе наиболее подробным изложением царствования

Стефана Батория и соответственного периода борьбы за Ливонию остается посмертный труд Альбертранди, выходивший несколько раз с различными дополнениями[44]. Рассматривая его, мы видим, что автор в своем рассказе следует здесь исключительно за Гейденштейном и держится своего руководителя столь усердно, что вся его работа есть в сущности простой перевод латинского подлинника с легкими пропусками эпизодических второстепенных отделов летописного характера (об отправлении и приеме посольств и т. п.), с отступлениями, обусловливаемыми требованиями стиля или хорошего слога, одним словом — это есть сокращаемый по местам, близкий к подлиннику перифраз.

В настоящее время задача специального исследования по истории царствования Батория была бы совсем **[XXXV]** другая. Вследствие издания целого ряда документальных источников как для изучения дипломатических сношений, предшествовавших Московской войне и сопровождавших оную, так и для точнейшего ознакомления с ходом военных дел, теперь представляется возможность подвергнуть ближайшей критической проверке сочинение Рейнгольда Гейденштейна. Между этими изданиями первое место занимают русския публикации:

Тургенева «Historia Russiae Monumenta» (Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек 1 Т. I–II) и Supplementum (дополнения). С.-Петербург 1841–1842.

Погодина и Дубенского «Книга Посольская Метрики Великого Княжества Литовского» издана по поручению Императорского московского общества Истории и древностей (том второй 1843).

Проф. М. О. *Кояловича* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию и дипломатическая переписка того времени (издано по поручению Императорской Академии Наук). С.-Петербург, 1867.

А также новейший том польских исторических актов, издаваемых Краковскою Академиею, именно XI том, составленный Игнатием Полковским и посвященный военным деяниям короля Стефана Батория[45]. Весьма важны также публикации неутомимого Варшавского проф. А. И. Павинского, хотя для Московской войны оне уже не могли дать много нового, так как Литовская **[XXXVI]** метрика, главнейший резервуар подлинных актов, была уже исчерпана в двух томах Археографической коммисии; притом эти публикации захватывают главнейшим образом начальные годы правления Батория и останавливаются на первом годе Московской войны[46]. Достопамятный эпизод папского вмешательства, вызванного просьбою о посредничестве со стороны Грозного, и участия в

мирных переговорах Антония Поссевина, эпизод, которого Гейденштейн касается только вскользь и без особенной охоты, в последнее время разъяснен усердными исследованиями и публикациями иезуита *Пирлинга,* русского по месту своего рождения и образования[47]. Не говорим о многоразличных других **[XXXVII]** изданиях более общего содержания, каковы *Памятники* Рачинского, прилагаемые при новых изданиях Альбертранди, Реляции апостольских нунциев, продолжение Церковных летописей Барония Тейнерово и т. д. В Актах Литовской метрики, изданных Археографическою коммисиею, заключаются те самые документы, которыми располагал Гейденштейн. Как он ими пользовался — всегда-ли точно и внимательно передавал их существенное содержание, об этом отчасти можно судить по сделанным нами примечаниям, сопровождающим русский перевод.

Мы не считали своею задачей дать полную систематическую проверку, что завело бы нас слишком далеко, но если из сделанных по местам кратких указаний достаточно выяснились необходимость и польза постоянного сопоставления сообщений Гейденштейна с подлинными актами, на которые он в своем предисловии ссылается, то наша цель уже достигнута; специальная и более детальная работа всецело принадлежит будущему исследователю данного периода. Прибавим, что, как сейчас окажется, существуют основания сомневаться, чтобы Гейденштейн всеми русскими документами пользовался в их первоначальном подлинном виде или даже в полном переводе на польский язык; иногда он, очевидно, предпочитал готовое латинское изложение их содержания, которое было доступно не только для него, но и для других его литературных современников. Польския сношения с Москвою входили собственно в компетенцию литовской рады и литовского канцлера, и первое знакомство с содержанием иных русских предложений получалось **[XXXVIII]** поляками чрез их посредство, — если при этом имели в виду и короля, то непременно на латинском языке, потому что Стефан Баторий не понимал польского. — Такого рода сообщения или resumes, по видимому, были в распоряжении Гейденштейна.

При изучении собственно военных дел изложение Гейденштейна, как уже указано, следует поверять показаниями свидетелей-очевидцев, оставивших нам свои *дневники* или *диариуши*: очень распространенная и любимая у тогдашних поляков литературная форма. Кроме дневника ксендза *Пиотровского,* относящегося к Псковской осаде и напечатанного профессором М. О. Кояловичем, теперь изданы еще два,

посвященные второму году войны; о них мы скажем ниже[48]. Далее следуют разного рода правительственные сообщения: королевские манифесты, в которых излагались причины и поводы войны с Московским царем, предписывались благодарственные молебствия по случаю одержанных успехов; королевския послания к чинам и сословиям, а также к провинциальным сеймикам, в которых, по поводу предлагаемых новых податей и сборов, указывались и довольно подробно описывались уже достигнутые утешительные результаты, а также и нужды будущего. Такого рода документы, вообще довольно обширные, **[XXXIX]** тогда же предавались публичности и печати; в отдельном, виде они составляют обыкновенно большую библиографическую редкость, но уже во времена Гейденштейна их можно было найти в исторических сборниках Пистория и Гваньини[49]. Сюда относятся 1) Edictum regium Svirense ad milites, ex quo causae susceptae in Magnum Moscoviae ducem belli cognoscentur. (Pistor. pag. 118 Rerum Polonic. tomi tres 1, 223).

На эдикт или манифест к войску, данный 12 июля 1579 года, объясняющий причины войны, ссылается и Гейденштейн (стр. 45, русского перевода).

2) Edictum regium de supplicationibus ob rem bene adversus Moschum gestam. Anno 1579 30 Augusti (Pistor. pag. 114. — Rerum Polonic. tomi tres 1, 214).

3) Rerum post captam Polociam contra Moschum gestarum narratio (Pistor. pag. 123 Rerum Polonic. 1, 288).

4) Edictum de supplicationibus, a serenissimo Rege Stephano Vuielicoluco ex Moschovia missum. Die 5 mensis Septembris Anno Domini 1580. (Pistor. pag. 126. Rerum Polonic. 1, 249).

5) Stephani Poloniae regis litterae ad ordines Regni Polonici, De rebus a se in bello adversus Moschos **[XL]** superiori aestate gestis. Anno 1580 Die 6 Septembr. ad Vielikolucum scriptae (Rerum. Polonic 1, 357).

Такие манифесты и подобный им другия королевския грамоты к сословиям отдельных земель, встречающияся в новейших изданиях[50], содержат на столько подробное изложение по крайней мере главного хода событий, что давали хорошую и удобную руководящую нить для позднейшего дееписателя; ему оставалось вставить и развить подробности. Что Гейденштейн пользовался таким источником, едва-ли можно в том сомневаться, тем более что о некоторых документах этого разряда он упоминает в своем сочинении, как например о манифесте к войску, данном в Свире. Во втором эдикте — О молебстии по случаю взятия Полоцка — в начале излагаются соображения, побудившия начать войну именно походом на

Полоцк, и Неринг (польск. стр. 63, 64; лат. pag. 83; 34) находил, что в изложении Гейденштейном тех же мотивов видны следы буквального заимствования из оффициального акта. Впрочем, мы думаем, что это едва-ли справедливо: в документе передан только результат совещаний, а у Гейденштейна сообщаются противоположные мнения, высказанные при обсуждении вопроса, с их мотивами; равным образом и рассказ об осаде Полоцка у Гейденштейна, конечно, гораздо подробнее; полного сходства фразеологии не встречается ни там, ни здесь. В отчете о военных действиях после взятия Полоцка подробно расказывается о взятии *Сокола* и **[XLI]** происшедшем при этом избиении защитников, почин которого приписывается немцам; у Гейденштейна (стр. 73, 74) в фактическом отношении — согласно, однако признаков буквального заимствования не заметно; у него есть и свои дополнения.

Кроме правительственных документов, современно с событиями появлялся неизбежный ряд похвальных речей и стихов, так называемых *Панегириков* — в прозе и героических поэм, писанных гекзаметром. Здесь не за чем перечислять эти произведения словоохотливой к льстивой латинской элоквенции и версификации, выходившия не только в Варшаве, Вильне, Ковно, но даже в Риме и Падуе; заслуживают внимания из речей — *Панегирик* Варшевицкого, содержащий обозрение первого и второго года войны Московской (Panegyricus ad Stephanum regem: Rerum Polonicar t. 1, 1 — 48) и его же поздравительная речь к королю Стефану по случаю заключения мира (Rerum Polonic. 1, 255; ср. Turgen. Histor Russ. Monum. 1, 374, 240–273); из стихотворных поэм — Московская Стефанеида Германа Прусса (Danielis Hermanni Borussi Stephaneis Moschovitica) в двух книгах вышедшая в Гданске (Данциг) в 1582 году и содержащая довольно подробный рассказ о первом и втором годе войны (в позднейшем издании прибавлено начало и Псковского похода). Но какого-либо прямого отношения к сочинению Гейденштейна эти произведения не представляют. Наконец нужно иметь в виду так называемые *Ведомости,* Zeitungen, то есть летучие листки и небольшия брошюры, выходившия преимущественно в Германии и касавшияся животрепещущих интересов **[XLII]** современности, к которым для немцев принадлежал и вопрос о судьбах Ливонии, а ради того и ход борьбы между Баторием и Московским *тираном*. Так как король Стефан при начале этой борьбы обращался к помощи и содействию князей немецких и отчасти пользовался их денежною помощью, так как он вербовал в Германии целые значительные отряды военных людей, то и он с своей стороны обращал внимание на современное общественное

мнение Германии, образованию и выражению которого служила публицистика Ведомостей: мы их не называем газетами только потому, что оне еще не имели характера периодичности. Вследствие того в числе собственно так называемых "Польских ведомостей" (Polnische Zeitungen) были такия, что уже при первом знакомстве с ними возникает большое предположение об их происхождении в польском лагере среди ученых гуманистов, группировавшихся вокруг Замойского. Наша императорская публичная библиотека в своем отделе «Rossica» представляет наиболее полное собрание означенного рода листков, выходивших непосредственно в след за событиями, к которым они относились. Как они ни любопытны сами по себе, мы здесь не можем ими заниматься; а должны будем остановиться на двух только латинских брошюрах, посвященных событиям второго года войны, потому преимущественно, что одна из них прямо считалась то произведением Гейденштейна, то его источником. Но предварительно не лишним считаем указать одно обстоятельство, касающееся первого (Полоцкого) похода, до сих пор остававшееся незамеченным. Давно уже сделалась известною любопытная карта военних **[XLIII]** действий между русскими и поляками в 1579 году, изданная первоначально в Риме в следующем 1580 году с приложением планов отдельных, городов на отдельных листах (Полоцка, Туровли, Ситна, Козьяна, Красного, Суши и Сокола). Все это составлено было, как объяснено надписаниями, в самом лагере Пахоловичем, секретарем коронной канцелярии, и награвировано в Риме И. Баптистом Каваллери[51]. При картах — сверху их — находится объяснительный текст на латинском языке, особенно подробный относительно Полоцка. И вот теперь оказывается, что объяснительный текст, помещенный на верху карты, а также на плане города Полоцка, представляет столь близкое родство с соответствующим описанием у Гейденштейна, что необходимо предположить заимствование — очевидно со стороны последнего, так как, римское издание вышло ранее Комментариев. О степени сходства предоставляется судить по прилагаемому ниже под литерою А сопоставлению обоих текстов. Но при этом возникает вопрос, ужели Гейденштейн — историк до такой степени сознавал за собою скудость литературных средств, что стал бы прибегать к столь мелочным и нищенским **[XLIV]** заимствованиям из оглавлений к географическим картам Можно догадываться, что карта и планы явились не отдельно, а сопровождали цельное историческое повествование о походе 1579 года, по чему-либо до нас недошедшее или пока скрывающееся в неизвестности и что

заимствования Гейденштейна не ограничивались однеми выписками географического содержания — предположение, получающее новую силу от обнародованной в сборнике профессора Павинского привиллегии короля Стефана, в силу которой составление всякого рода изображений и рисунков, относящихся к военным действиям Полоцкого похода было предоставлено одному лицу, а этим лицем не был ни Пахолович, ни Италианец Каваллери[52].

Что касается второго года войны, то именно здесь должны быть приняты во внимание те две подразумевавшияся печатные, в высшей степени интересные брошюры, вышедшия тотчас за окончанием похода и теперь сделавшиеся большою библиографическою редкостью. Первая из них появилась в 1581 году без означения места печати, равно как без имени автора. На заглавном выходном листе она имеет следующий титул: Historia rerum a Poloniae rege in Moscovia superiori anno fortiter et feliciter gestarum; а на начальном листе, вверху текста: Brevis narratiorerum a Regia M. Poloniae contra Moscum, Julio, Augusto, **[XLV]** Septembri et Octobri mensibus bello gestarum, Anno 1580. Сверх того в брошюре, как это и обозначено на заглавном листе, напечатаны сведения (narrationes), почерпнутые из письма, полученного в Январе 1581-го года из Константинополя, сведения, касающияся происходившей тогда турецко-персидской войны. Автором *Краткого повествования* прежде считали самого Гейденштейна, но таковое мнение опровергнуто Нерингом. Из самого рассказа анонимного автора мы видим, что он лично участвовал в походе, а Гейденштейн, как известно, не ходил на войну и оставался дома; далее — Гейденштейн ведет счет расстояний на римския мили в тысячу шагов, а безыменный автор имеет в виду польския мили (milliaria), из коих каждая, как оказывается по сравнению параллельных указаний, заключает в себе пять тысяч шагов. Сверх того нужно обратить внимание на следующее обстоятельство, которое Неринг упустил из виду. Вышеупомянутая турецкая статья — по крайней мере с внешней стороны — тесно связана с повествованием о Великолуцком походе короля Стефана; она начинается не с новой страницы, а на той самой странице, где кончается Краткое повествование, по средине ее. Автор константинопольского письма, из которого в брошюре сделано извлечение, в конце его назван по имени; там приведена его подпись: «Венцеслав Будович из Будовы». Wenceslaus Budowitz a Budowa. Само собою ясно, что Будович, находившийя в 1580-м году в Константинополе, никак не мог быть автором Краткого повествования о Великолуцком походе. **[XLVI]**

От чего-же, однако, сообщенные им сведения изданы за раз и вместе с польскою статьею? Объяснение заключается, вероятно, в личности издателя. По всем признакам брошюра, заключающая означенные две статьи, появилась в Германии и напечатана была *Хитреем,* тем знаменитым публицистом, о котором у нас речь была выше (стр. XIII). Насколько дело касается второй части, это — несомненно, потому что о сношениях чеха Будовича, личности тоже весьма достопримечательной, с Хитреем существуют очень определенные известия, да и в самом письме 1581 года, приводимом в брошюре, находятся на эти сношения косвенные указания. Припомним, что Хитрей до присылки ему Гейденштейном Комментариев о Московской войне не имел с ним никаких сношений (см. на стр. XXIV); отсюда будет следовать, что он получил статью о польских делах, обнародованную им вместе с извлечениями из письма Будовича, не от Гейденштейна, а от кого-либо другого. При некотором знакомстве с перепискою Хитрея, можно отыскать другие следы, указывающие действительного автора краткого повествования. О делах польско-литовских сведения доставлялись Хитрею отчасти королевским секретарем (при Стефане Баторие) Тидеманом Гизе (Гизиус), частию известным протестантским пастором *Одерборном,* автором известного жизнеописания царя Иоанна Васильевича (Грозного). Именно последнего считаем мы автором занимающей нас реляции о походе 1580-го года, изданной Хитреем под названием Краткого повествования. Есть прямые указания, что Одерборн сопровожал Батория во время Полоцкого похода; он **[XLVII]** же написал после брошюру об осаде Пскова и об условиях мира, заключенного в Запольском яму. Последняя тоже была издана Хитреем, и что замечательно, она была напечатана — конечно, в Германии — совершенно тем же шрифтом, как и Краткое повествование.

Краткое повествование о походе 1580 года заслуживает внимания и само по себе, так как принадлежит хотя и не военному человеку, но за то очевидцу, сопровождавшему польскую армию или точнее немецкий наемный отряд при ней, а во вторых оно ставится и новыми исследователями в прямое отношение к Комментариям Гейденштейна. *Неринг* положительно утверждает, что Краткое поветствование, не принадлежа самому Гейденштейну, все-таки служило для него источником, что в Комментариях находятся очевидные следы прямых и буквальных отсюда заимствований. В доказательство этого приведены два примера, из коих один, впрочем, оказывается неудачным и основанным на простом недоразумении[53], за то второй, действительно, представляет несомненное и близкое родство

между сопоставляемыми отрывками из **[XLVIII]** обоих сочинений. Мы с своей стороны можем привести, и ниже приводим, подобных случаев, указывающих на буквальное сходство между двумя рассказами, не один, а несколько, и тем не менее мы все-таки должны будем усумниться в прямом заимствовании Гейденштейном у анонима, или что тоже у Одерборна, этих буквально сходных мест. Дело в том, что Нерингу осталось неизвестным существование другой брошюры, тоже современной и тоже посвященной описанию похода 1580 года. В 1582 году некто Фламинио *Нобили* издал в Риме полученные им от знакомых польских духовных сановников различные оффициальные манифесты, касающиеся Полоцкого и Великолуцкого похода: Edictum regium Svirense, Edictum de supplicationibus и т. д., а вместе с ними анонимное частное повествование, озаглавленное Commentarius rerum a Stephano rege Poloniae in secunda expeditione adversus magnum Moscorum Ducem gestarum Ann. 1580. Сборник находится в Императорской Публичной Библиотеке в отделе Rossica. Для нас представляет интерес последняя пьеса, наиболее обширная. Происхождение ее до сих пор оставалось совершенно темным; но не далее как в прошлом году мадъярским ученым, графом *Сабо* (Szabo), посредством фототипии переиздана была еще более редкая отдельная брошюра, не находящаяся даже в С.-Петербургской библиотеке, с тем же самым (только более кратким) заглавием, но с обозначением места и года издания: Commentarius rerum a Stephano rege adversus magnum Moscorum Ducem gestarum, Anno 1580. Claudiopoli in Officina Relictae Casparis Helti. Anno 1581. **[XLIX]**

Сверх того в этом, очевидно, первоначальном издании брошюра сопровождается письмом автора, *Павла Гиулана* (Paulus Giulanus) к Вольфгангу Ковачевичу (Kouacciocio), Трансильванскому канцлеру. И так автор *Комментария* о военных действиях 1580 года, изданного первоначально в Седьмиградском Клаузенбурге, а за тем перепечатанного через год в Риме, был известный по своей ученой деятельности местный гуманист, принадлежавший к кружку вышеупомянутого Бруто; о прибытии Гиулана в лагерь при Полопке говорится в современном стихотворном описании подвигов Батория, в *Стефанеиде* Германа Прусса, при чем он называется питомцем муз и харит и любимцем короля Стефана, посвященным в его секреты. Гейденштейн, как увидим ниже, тоже упоминает о Гиулане при рассказе о взятии Великих Лук — во втором походе.

Читая рассказ Гиулана о военных действиях 1580 года, писанный под живым впечатлением событий, мы замечаем то

поразительное обстоятельство, что в нескольких местах рассказ этот представляет буквальное сходство — во первых с текстом анонима (Одерборна), а во вторых и с текстом Гейденштейна. Еще точнее: те именно места, которые сходны в Кратком повествовании и в записках Гейденштейна, в тоже время буквально сходны у Гиулана и у анонима (Одерборна). Прилагаемое в конце (под литерою В) сопоставление всех трех текстов в данных местах наглядно убеждает в несомненном их родстве. Что — же из этого следует? Так как Гиулан и Одерборн (аноним) писали в одно и тоже время — один **[L]** в Трансильванию, другой в Германию Хитрею, то, очевидно, они не могли списывать друг у друга, а вероятно имели какой нибудь общий источник. В польском лагере заботились об общественном мнении тогдашней Европы, с этою именно целию привлекали сюда образованных литераторов и гуманистов; они распространяли чрез посредство своих знакомых публицистов и ученых в Германии и других странах реляции или Zeitungen, соответствовавшия нынешним корреспонденциям с театра войны, и конечно, так же как и ныне, этим корреспондентам в случае нужды делались подходящия сообщения оффициозного характера. То, что есть общего у Гиулана и анонима именно и представляет след таких сообщений, сделанных, разумеется, на общедоступном для всех образованных латинском языке. Теже самые сообщения были после и в руках Гейденштейна. Иначе никак нельзя было бы себе объяснить такое странное совпадение, что Гейденштейн угадал и догадался заимствовать у анонима (Одерборна) именно только такия места, какия раньше были заимствованы либо анонимом у Гиулана, либо Гиуланом у анонима. Сходные места относятся: 1) к московскому посольству, прибывшему в польский лагерь после взятия Велижа, при чем совершенно одинаково передается на латинском языке содержание царской грамоты, писанной, конечно, на русском и в этом подлинном виде могшей быть доступною — по крайней мере для Гейденштейна; 2) к описанию военного движения от Велижа, при чем в тождественных выражениях говорится не только о наведении моста через Двину и о новом **[LI]** моссковском посольстве, но также и о дальнейших затруднениях, представляемых лесами и болотами; 3) к описанию осадных действий и взятия крепости Усвят (русский перев. стр. 123).

Если пойдем дальше, то заметим, что между повествованием Гейденштейна и рассказом анонима (Одерборна) не только нет тождества, но даже являются существенные отличия. Описание осады и взятия Великих Лук в анонимной брошюре, изданной Хитреем, очень кратко, так что оно никак не могло служить

источником для гораздо более обстоятельного повествования Гейденштейна (стр. 128–144). Нужно припомнить, что здесь все дело вел Замойский, и следовательно его приближенному едва — ли предстояла надобность в этом случае обращаться за сведениями к кому нибудь другому. 0 резне уже сдававшихся и даже сдавшихся защитников, произведенной венграми и поляками (по Гейденштейну начали мадьяры, пристали поляки), аноним (Одерборн) говорит вскользь и только останавливается на убийстве Воейкова, сообщая, что его умертвили на пути к венгерским шанцам встречные солдаты (fol. В в начале). Гораздо подробнее здесь Гиулан, писавший по личным наблюдениям; от Гейденштейна (стр. 140) мы узнаем, что Гиулан (= Павел Юлан, Julanus) был посылан в крепость с требованием безусловной сдачи на милость короля. Не удивительно, что и он почел нужным остановиться на постыдном факте, избиения людей, которые уже отказались от сопротивления и сдались победителю; но Гиулан поступает здесь несколько иначе, чем Гейденштейн: **[LII]** извинения он приводит не от себя, а повторяет то, что тогда на этот счет говорили некоторые *авторитетные и серьезные люди* (pag. 12) в польском лагере. От себя он замечает, что при резне все — таки действовали не без разбора, и щадили детей и жен. Указания на почин в этом гнусном деле мадьяр у Гиулана не находится, действуют вообще солдаты (milites).

С именами московских воевод, полоненных в Великих Луках, аноним (Одерборн) справился лучше, чем сам Гейденштейн. В *Кратком повествовании*: In his Palatini tres initio ante militarem caedem in castra traducti fuere: knias Fedor Iwanouicz Likow, knias Georgius Aksakkow, knias Michael Kassen. His omnibus summa cum potestate praefuerat Iwan Voieiko. У *Гейденштейна* (pag. 114); knesium Theodorum Obalenscium Lichovum cum summa authoritate, secundum cum Michaelem Chassinum et Oxachovum praefecerat… loannem Viechovum primarium cubiculi ministrum. — Очевидно, что написание анонима (Одерборна) гораздо ближе к русскому произношению. Гейденштейна особенно затруднял *Воейков*; написав в тексте Viechovum, он в поправках к своему краковскому изданию на конце книги предлагает читать Vieichovum (так, впрочем, и в тексте ниже. pag. 125).

В Кратком повествовании с особенною подробностию описана экспедиция против *Торопца* и взятие этого пункта, так что приходится предполагать личное участие в ней автора. Существуют признаки, указывающие на родство рассказа Гейденштейна с изложением **[LIII]** анонима, но ведет ли это родство свое начало от непосредственного пользования

брошюрою со стороны Гейденштейна — решительно сказать нельзя, потому что, если в начале замечается буквальное сходство в выражениях, то ниже у Гейденштейна помянут (стр. 143 русск. пер.) Станислав *Сабоцкий,* совсем непоименованный в брошюре. Вместо пятнадцати миль или собственно 15 тысяч шагов, указываемых Гейденштейном (pag. 127 = 144 русск. пер.), как конечный путь преследования Русских Поляками за Торопцом, автор Краткого повествования, как всегда в таких случаях, считает милями: ad tria milliaria ultra Toropeciam.

В поименовании воевод, плененных Поляками около Торопца, опять есть разница между Кратким повествованием и Комментариями Гейденштейна. В первом: Gregorius Offannassovicius Nasczokinus, Dementinus Ceremistinus. У Гейденштейна в тексте (pag. 127) здесь читается Demetrio Ceremissino, de quo supra dictum est, et loanne Nassokino Offanasi filio, но имя Димитрия при Черемисинове есть очевидная ошибка, потому что выше (pag. 114) Гейденштейн назвал его Dementium Ceremissam; а в поправках к 127 pag. заметил — lege: Damiano Ceremissino. У *Гиулана* (pag. 16): Dementinus Cerementinus et Gregorius Naschiochinus.

Из указанного при русском переводе, примечания Карамзина видно, что и в имени Нащокина ошибался Гейденштейн, тогда как другие правильно называют его Григорием.

За экспедициею Збаражского к Торопцу в **[LIV]** анонимном Кратком повествовании прямо следует рассказ о походе к Смоленску Филона Кмиты. У Гейденштейна (pag. 128, русск. перев. стр. 144) ему посвящено несколько строк, не упомянуто даже об убитом русском воеводе *Игнате Блудове,* о котором говорится в анонимной брошюре — по поводу великолепно сделанной железной кольчуги и булавы, оставшихся после него в добычу врагам и отправленных в дар королю Стефану. В остальном Гейденштейн очень близко сходится с автором Краткого повествования; однако, нельзя с уверенностию сказать, что именно отсюда он выписал свою заметку. По видимому, в основе лежит краткое оффициальное сообщение, к которому один ничего не прибавил, так как тут не было Замойского, а другой узнал об интересной присылке королю и нашел не лишним и это сообщить. — У Гиулана о Кмите ничего не сказано.

Замечательно и несколько странно близкое сходство Краткого повествования и Комментариев Гейденштейна в рассказе о московском посланце под Невлем и в передаче содержания грамоты царя Иоанна, им привезенной. В примечании на стр. 148 русского перевода уже указано некоторое искажение, допущенное Гейденштейном против подлинных слов документа,

который, казалось бы, как и все другие подобные, должен был находиться у него в руках. На сей раз, однако, мы принуждены сделать такое предположение, что секретарь королевской канцелярии не дал себе труда внимательно изучить длинное послание Грозного, а воспользовался готовым изложением — тем самым, которое послужило анониму, если только не им самим составлено. Дело **[LV]** в том, что как неизвестно откуда взявшееся показание о Святославе Мстиславовиче, так и искаженное производство названия города Юрьева — Дерпта находится также и в Кратком повествовании, а затем и все остальное очень сходно.

Brevis narratio A (ошибочно вместо B).

Fuisse quendam ait in maioribus suis Suentoslaum Misceslavovicium: is antequam sacro baptismate christianae religioni fuisset initiatus, Jurg vocabatur, ab eo Jurgohorodum, quam arcem et civitatem alias Derbatum Glermani nominant, conditam, ac inde cunctam Liuoniam ad se tanquam verum haeredem per successionem deuolutam

Heidenst. Commentar. de bello Moscovit. pag. 131.

A Suentoslao quodam Misiclai filio genus suum deducebat. Eum antequam sacro baptismate christiana religione initiatus fuisset, Jurg vocatum: ab eoque Jurgo Horodum, quam arcem et urbem alias Derpatum Germani appellarent, conditam: inde cunctam Liuoniam ad se unicum. Micislai ejus Haeredem longa successione pertinere.

и т. д.

У *Гиулана* (pag. 18) любопытно только сравнение длины грамоты с величиною копья: tam longas literas attulit, ut earum charta facile hastae longitudinem aequaret. В передачу содержания он не пускается, говорит только, что Иоанн кроме Кокенгаузена готов был возвратить *семь* замков в Ливонии (вместо четырех у Гейденштейна, у анонима и в подлинной грамоте).

О взятии Озерищ Радзивилом в обоих сравниваемых источниках сказано кратко. В определении **[LVI]** расстояния от Невля употреблена каждым своя обычная система. Гейденштейн (pag. 132): lesericia, quindecim a Neuela millibus passuum[54]. Brevis narratio: Oseriscia tribus a Neuela milliaribus = три мили.

Об осаде Заволочья, которую вел Замойский, у Гейденштейна, как и всегда в подобных случаях, повествуется гораздо подробнее, чем у других, то есть у анонимного автора и у Гиулана.

Нужно еще прибавить, что в настоящее время для истории второго похода против Московского государства короля Стефана мы имеем помимо вышеозначенных другие превосходные источники, отчасти более подробные, чем даже рассказ Гейденштейна. Мы разумеем два дневника, недавно (в 1887 г.)

изданные Краковскою Академиею в X1-м томе собрания: «Acta historica res gestas Poloniae illustrantia»[55]: *Диариуш* добывания замков Велижа, Усвята, Великих Лук, писанный Яном *Зборовским,* кастеляном Гнезненским (стр. 189–203) и *Диариуш* обложения и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья, писаный *Лукою Дзялынским,* старостою Ковальским и Бродницким (стр. 203–275), о личности которого упоминает и Гейденштейн (стр. 114). Особенно важен второй дневник; если даже исключить вставленные в него обширные документы (военные артикулы, московския грамоты), все таки останется в нем такое количество страниц, посвященных собственно описанию военных дел, что Комментарии Гейденштейна по объему, а вместе **[LVII]** и по изобилию подробностей останутся позади. Зборовский больше держался Радзивила, Виленского воеводы, Дзялынский стоял ближе к Замойскому и пользовался его доверием. Нет, однако, никаких признаков, чтобы второй дневник — о первом нечего и говорить — был известен Гейденштейну. Этими вновь обнародованными источниками можно будет пользоваться будущим историкам эпохи для критической проверки Гейденштейна и для более непосредственного ознакомления с духом и настроением в Польском лагере. Мы здесь не можем этим заниматься. Отметим только весьма любопытные и важные указания на соперничество между Замойским, стоявшим во главе Польских войск, и Литвою, во главе которой стояли Радзивилы: оно проявилось в виду Великих Лук в стремлении опередить друг друга появлением под стенами этой крепости (стр. 224). Вот где заключается источник обвинений, органом которых на сейме 1587-го года явился кастелян Трокский, то есть Христофор Радзивил. Упомянутый выше эпизод избиения безоружных и покорившихся защитников Великих Лук с наибольшею подробностию и откровенностию рассказан именно в дневнике Дзялынского (стр. 233, 234 — под 5 Сентября). Автор называет факт его настоящим именем «haniebnie wielkie morderstwo»; он не скрывает, что при этом не давали пощады ни полу, ни возрасту, и что разбор, который по словам других, при этом соблюдался, заключался только в стараниях «старших» спасти хотя некоторых, как это отчасти и удалось. Экспедиция к Смоленску Филона Кмиты в рассказе — гораздо более подробном — Дзялынского **[LVIII]** является совсем в ином свете, чем у других, и не только по результатам не удачною, но и по самому ходу дела довольно бесславною (стр. 257). На основании дневников Зборовского и Дзялынского могут быть сделаны и другия частные поправки в сообщениях Гейденштейна; например, если от Гейденштейна (стр. 118) мы знаем фамилию захваченного под

Велижем местного боярина, то от Дзялынского (стр. 208) можем узнать имя казака, который его захватил, а что того важнее — о пытках, которым был подвергнут плененный местный боярин и которые вынудили у него сообщение нужных врагам сведений. Равным образом был подвергнут пытке и другой пленник, захваченный казаком Острожского Винцентием (Гейденшт. стр. 125. Дзялынского, Диариуш; Acta XI, 225); Гейденштейн называет пленника *Уланецким* (pag. 112: Ulanecius), — Дзялынский просто *татарином,* но Зборовский (Дневник: Acta XI, 196) сыном боярским *Уланом Износковым,* и последнее всего более похоже на подлинное наименование лица… Отметим, что в том же томе Краковского сборника напечатаны *Акты Варшавского вальнаго сейма 1581-ю года* (в Январе), на котором, как уже знаем от Гейденштейна (стр. 165–170), главным образом рассуждали о продолжении войны с Москвою, об изыскании средств для нового похода, а также переговаривались с Московскими послами. Все это с гораздо большею подробностию можно теперь изучать по сеймовому дневнику, представляющему настоящее украшение издания (Acta XI, 285–339).

Переходим к замечаниям относительно третьего похода и осады Пскова. **[LIX]**

Существует мнение, что в истории Псковской осады Гейденштейн пользовался, как источником, трудами своего современника и даже сослуживца по королевской канцелярии, который был еще более близок к событиям, так как участвовал в походе и писал непосредственно под впечатлением событий, а сверх того занимался и собиранием оффициальных документов. Разумеется при этом «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию», только в новейшее время, двадцать лет тому назад, обнародованный русским ученым, проф. М. О. Кояловичем, по поручению Императорской Академии Наук, а в свое время веденный одним из младших секретарей королевской канцелярии, ксендзом Яном Пиотровским, по желанию его патрона, коронного маршалка Андрея Опалинского[56]. Оставшись дома, этот важный и влиятельный магнат не желал, однако, прерывать своих связей со двором, хотел иметь точные сведения о всем том, что там вдали происходило — о войне и политике, о раздаче мест и новых назначениях, о столкновениях между партиями и отдельными лицами и т. п. Клиент его, принадлежавший к духовному званию, но вращавшийся более всего в светских сферах, должен был лично следить за всем и сообщать о своих наблюдениях, о всем виденном и слышанном, что могло интересовать отсутствующего придворного и патриота. Отсюда **[LX]** произошел крайне любопытный сборник писем, не

имеющих общего заглавия в рукописи, но обозначаемых каждое одним и тем же выражением: "письмо одного придворного приятеля к пану маршалку коронному». — Корреспонденция начинается с 20 Января 1581-го года, ведется сперва с промежутками, а за тем со времени прибытия в лагерь при Дисне (с 1-го июля) идет непрерывно до конца года (до 31 Декабря); систематично день за днем автор записывал свои впечатления в журнал и затем при случае отправлял его по частям своему *приятелю*. Пиотровский получил от коронного маршалка надлежащия рекомендации к канцлеру Замойскому, которому раньше был мало известен, а также и к другим лицам, стоявшим близко к королю; чрез посредство их он имел возможность, впрочем довольно ограниченную, получать сведения о скрытом и не для всех явном ходе дел, доставать и пересылать своему патрону копии с важнейших документов, имевших отношение к частным и личным интересам Опалинского, а также к делам государственным, потому что и это входило в задачу клиента, хотя с другой стороны Опалинский и сам непосредственно получал письма от короля и канцлера (см. № 70 и 71 — в издании проф. Кояловича): вообще обширный сборник документов, составленный для Опалинского и найденный в одной рукописи с дневником, обязан своим происхождением далеко не одному Пиотровскому.

Проф. *Коялович* высказал такое утверждение, что *рукопись,* большую часть которой он издал, была известна Рейнгольду Гейденштейну и что последний **[LXI]** пользовался ею в своем сочинении о Войне Московской. Не совсем ясно, что при этом разумеется: дневник — ли собственно Пиотровского, или же сопровождающая его в рукописном сборнике дипломатическая переписка. О последней едва — ли здесь может идти речь, так как, по собственному заявлению Гейденштейна, оффициальные документы доступны были для него в силу его служебного положения, следовательно не по каким либо частным отношениям и не из частных сообщений. *К. Н. Бестужев — Рюмин* (Русская история, том второй, стр. 296, примеч. 104) положительно говорит о *дневнике,* как источнике, который послужил Гейденштейну при описании Псковской осады и вообще похода 1581-го года. Мы не знаем, на чем основано такое мнение, но возбуждаемый им вопрос представляется в связи нашего рассуждения на столько важным, что мы должны на нем остановиться.

Прежде всего нужно иметь в виду, что письма Пиотровского имели совершенно частное, личное назначение и вполне конфиденциальный характер. Автор их постоянно делает

оговорки, что сообщаемые им сведения должны оставаться в секрете, что он пишет одной его милости "scriptum sit soli W. M.". Дело в том, что корреспондент мало воинственного маршалка и сам не особенно сочувствовал предпринятому Баторием походу, и с своей стороны предпочел бы мирное соглашение с царем Московским на предложенных от него условиях; по этому с самого начала своего пребывания при армии он смотрит на дело несколько пессимистически, находит приготовления недостаточными, скоро впадает в уныние, не ждет впереди **[LXII]** ничего хорошего, последовавшия неудачи находит вполне естественными и — хотя не прямо — вину их возлагает на увлечение короля и нераспорядительность властей. Следов подобного настроения мы не найдем у Гейденштейна, и это объясняется, конечно, не только тем, что он лично не испытал на себе всех невзгод тяжелой экспедиции, всех волнений и тревог очевидца, но также общими условиями его положения в отношении к королю и Замойскому. Из этого, однако, еще не следует, что дневник Пиотровского совсем не годился для пользования позднейшему дееписателю, равно как первоначально доверенный его характер не исключал возможности того, чтобы он был предоставлен для означенной цели Гейденштейну либо самим автором, либо владельцем, хотя такия предположения, особенно первое, и несовсем вероятны. Чтобы придти к более решительному результату, нужно ближайшее сличение обоих произведений по их фактическому содержанию, и вот некоторые наблюдения, сюда относящияся.

При рассказе о нападении на Великую Русу (*Гейденшт.* стр. 171 русского перевода, *Дневник похода* в изд. Кояловича pag. 11) подробности несколько отличные: у Пиотровского не упомянуто об участии в экспедиции Сибрика, у Гейденштейна не сказано о порче соляных копей (варниц).

В Дневнике похода (pag. 11, 12) находятся любопытные подробности о советах Баторию Бельского, а у Гейденштейна (стр. 174) просто сообщается только об его переходе на сторону Польского короля, при чем один Гейденштейн называет его *Богданом* — ошибочно.

Гейденштейн (стр. 179) излагает содержание **[LXIII]** инструкции, данной Дрогоевскому, старосте Перемышльскому, при отправлении послом к султану, а Пиотровский в дневнике от 17-го июля (pag. 22) прямо заявляет, что она осталась для него тайною.

Пиотровский в дневнике от 22-го июля (pag. 35, 36) дает только краткую характеристику грамоты Иоанна, говоря, что она содержала удивительные аргументы и безпрестанные

ругательства, а у Гейденштейна (стр. 182, 183) подробно изложено ее содержание.

При сообщении о тайном совещании 29 Июля относительно дальнейшего направления похода (на Новгород или на Псков) Гейденштейн (стр. 183) гораздо подробнее, чем Пиотровский (pag. 41, 42), излагает содержание различных мнений; видно, что последний пишет только по слуху о результате совещания, а первый имел сведения о самом ходе прений и о мотивах, которые были выставляемы участвовавшими в них. В дипломатической переписке, сопровождающей дневник, находится письмо самого короля к маршалку (№ 59 pag. 329), в котором говорится об этом самом совещании и о мотивах принятого решения, но также весьма кратко; не оно служило источником для Гейденштейна, да и препровождено оно было к Опалинскому, конечно, помимо Пиотровского.

Пиотровский (pag. 42) передает весьма кратко содержание ответной грамоты Батория Иоанну, хотя он сам участвовал в ее составлении и переводе на русский язык; он рассчитывал на то, что будет иметь возможность сообщить своему корреспонденту полную копию документа; Гейденштейн (стр. 186) подробно излагает содержание очень длинного документа. **[LXIV]**

Артикулы военной дисциплины, о которых говорится у Гейденштейна (стр. 189), сообщаются Пиотровским (pag. 45, 46) в подлиннике; но процедура их обсуждения у Гейденштейна передается иначе, чем у Пиотровского; по первому проект предложен сначала сенаторам, а потом военным людям (ротмистрам), по дневнику же он обсуждается в совете короля в присутствии всех ротмистров.

О назначении Замойского гетманом 10 и 11-го Августа у Пиотровского (pag. 45, 52) говорится гораздо короче, чем у Гейденштейна; Пиотровский ничего не знает о беседе короля с Замойским: это интимные подробности, которые можно было узнать только от канцлера; самое содержание речи Замойского к ротмистрам после избрания сообщается только у Гейденштейна (стр. 190), у Пиотровского приведена одна фраза из нее.

Описание укреплений Острова под 12 Августа у Пиотровского (pag. 57) несколько отлично от того, какое находим у Гейденштейна (стр. 192); Пиотровский: стены не очень крепкия; Гейденштейн: довольно крепкия каменные стены; Пиотровский: четыре каменные башни; Гейденштейн: очень много башен или больверков. Совещания короля с Замойским относительно осады Острова делаются нам известными только чрез посредство Гейденштейна (стр. 192): опять интимные подробности, которые можно было узнать не иначе, как только из благосклонных

сообщений канцлера. Первая стычка под Псковом 24-го Августа передана у Пиотровского (pag. 61) в другом виде, чем у Гейденштейна (стр. 194); первый обвиняет **[LXV]** венгерцев в том, что засада, сделанная Брацлавским воеводою, оказалась безполезною, так как была преждевременно открыта, благодаря их горячности и невыдержанности, а по Гейденштейну было *две* засады и оне исполнили свое назначение и не были открыты Москвитянами прежде времени, но только первой засады они не испугались, а уже вторая обратила их в бегство. Автор дневника не преминул заметить, что «бранят венгерцев», но Гейденштейн вообще избегает всяких нападок и обвинений против той или другой племенной группы, тем более против мадьяр, выписанных королем с родины.

В описании Пскова у обоих авторов есть сходство, но не на столько близкое, чтобы нужно было предполагать прямую зависимость одного от другого; оно было обусловлено единством самого содержания.

Николай Черкашенин Гейденштейна (стр. 201) у Пиотровского назван *Мишкою* Черкашенином (pag. 60).

Ответ, данный Турецкому гонцу в лагере под Псковом, сообщается только у Гейденштейна (стр. 205); у Пиотровского под 31 Августа (pag. 69) описывается одна внешняя церемония приема.

Приступ 8 Сентября описан Пиотровским в качестве очевидца (pag. 75–79); всего скорее следы заимствования Гейденштейном могли бы оказаться именно здесь, но этого незаметно. Конечно, есть много общего, так как оба описания относятся к одному и тому же событию, но подробности отчасти расходятся, при том в довольно существенных пунктах: у Гейденштейна (стр. 207) сказано, что Замойский советовал повременить приступом, у Пиотровского этого нет, а **[LXVI]** сказано только, что гетман считал полезным предварительную разведку местности и пролома, что по Гейденштейну являлось уже его уступкою противоположному мнению о пользе немедленного штурма. Пиотровский ничего не говорит об изменении первоначально указанного порядка приступа, вследствие чего, по словам Гейденштейна, немцы устремились будто бы не туда, куда им следовало по диспозиции; у Пиотровского немцы и венгерцы *первые* занимают одну из башен, у Гейденштейна (стр. 209) напротив *поляки* первые пролагают себе путь среди столпившихся у (внешнего) рва немцев и овладевают одною башней, а затем уже немцы и венгерцы занимают другую башню. Как дело было в действительности, всего лучше можно судить по диспозиции, напечатанной в приложениях к дневнику Пиотровского

(Кояловича, Дневник похода Стефана Батория стр. 351, 352 № 73), с замечаниями об ее исполнении. Отсюда видно, что относительно нарушения диспозиции немцами Гейденштейн прав, но за то он ошибается относительно первенства поляков: Уровецкий и Выбрановский заняли башню при польском участке стены только тогда, когда увидели, что венгры подняли знамена на своей. Главною причиною неудачи штурма у Пиотровского (pag. 116) является то обстоятельство, что поляки, прошедшие чрез пролом, очутились на обвале стены, соскочить с которой в город было высоко и трудно, тем более, что за стеною стояли массою неприятели; и в этом Гейденштейн не совсем сходится с автором Дневника похода, потому что у него главную роль играет *ров,* заранее выкопанный русскими **[LXVII]** (стр. 210). За тем по Гейденштейну москвитяне два или даже три раза стараются поджечь башню, занятую поляками, а о венгерской не сказано, чтобы она была подожжена; у Пиотровского подкладывают порох под обе башни, как под ту, которая занята была поляками, так и под ту, в которой находились венгерцы с немцами, но с большим успехом — под первую. Несомненно, что мы имеем два независимых рассказа, из коих один принадлежит очевидцу, хотя не военному человеку, а другой только основан на показаниях очевидцев, но за то ближе стоявших к делу. Согласить их между собою или же решить, которому следует отдать предпочтение, будет делом критики, а эта последняя входила бы в обязанность всякого историка, который вновь поставил бы себе задачею подробное повествование о походе Батория или же о Псковской осаде. В данном случае точкою опоры для критических соображений может служить русское сказание «О прихожении короля Степана на великий град Псков». Здесь дело представляется так, что литовская сила появляется на стенах и в башнях, враги стреляют во град, *сходу своего пути очищают*; рва не предполагается, напротив замечено, что в то время еще не была сооружена против проломных мест деревянная стена с бойницами (со многочисленными бои), долженствующая служить дальнейшею защитою, но что пока готово было только ее основание (стр. 24); а ниже (стр. 35) мы узнаем, что ров между каменною стеною и деревянною выкопан был только после приступа. Далее видно, что враги, которых сказание, не различающее составных частей королевского ополчения **[LXVIII]** по национальностям, называет просто литовскими людьми, но под которыми следует разуметь венгров, дольше всего держались в Покровской башне, но в конце концев защитники «и под тою башнею зажгоша» (стр. 32). И так в обоих случаях более точными оказываются показания Пиотровского.

Рассказ Гейденштейна отчасти противоречит еще более авторитетному, хотя не столь подробному изложению в письме самого короля Стефана к вице-канцлеру (от 13-го Сентября: Тургенев, Historica Russiae monum., I pag. 357, № 230; Кояловича, Дневник похода Стефана Батория, стр. 346, № 70) после двухдневной канонады, когда в стене сделан был пролом, он нашел нужным выслать известное число отборных воинов для разведки, открылись ли места, удобные для вторжения в город; но прочие тоже не могли сдержать своего пыла; не дождавшись знака, который должны были подать высланные для разведки, они развернули знамена и пошли на приступ; однако дело не получило хорошего оборота вследствие неудобного положения местности внутри стен и вследствие крутого и высокого спуска — ob loci intra moenia iniquitatem et praeruptum altumque descensum; — тем не менее занятые башни удерживаемы были довольно долго, хотя враг и обстреливал их сильно из пищалей, пока не приказано было самим королем отступить назад внутрь шанцев. Впрочем о рве и при том глубоком говорится в письме Дзержка от 22-го Сентября (ibid. pag. 359, № 232); самая дата письма, относительно поздняя, ослабляет его авторитетность.

Показания о числе убитых и раненых с польской стороны опять не одинаковы у Пиотровского и **[LXIX]** Гейденштейна. Первый (pag. 77) пишет «не знаю, сколько наших легло при этом штурме, потому что говорить об этом не велят", но полагает, что убитых было до 500 человек[57], а в след за тем перечисляет поименно наиболее известных между ними, но только он не называет француза Гаронна, по Гейденштейну (стр. 209) павшего в самом начале приступа. Гейденштейн о потерях вообще распространяется еще меньше Пиотровского, и общей цифры совсем не дает, ограничиваясь приблизительным определением погибших из среды знати (по 40 человек с польской и венгерской сторон).

В рассказе о дальнейшем ходе осады опять встречаются существенные отличия. Известно, что после неудачной попытки штурма осаждающие обратились к *подкопам*. У Гейденштейна (стр. 213) говорится о *двух* подкопах, которых нельзя было довести до конца, потому что копающие встретили твердую и толстую скалу, и еще о *третьем* секретном (венгерском) подкопе, который, однако, тоже был открыт осаждающими и взорван. У Пиотровского (pag. 88 и 90) напротив — о *двух* взорванных и о третьем секретном, которого нельзя было вести далее, потому что он уперся в скалу. *Русская Повесть о прихождении короля Степана* (стр. 37) считает девять подкопов, но за тем прибавляет, что каждый из начальников разных земель вел свой подкоп: был

большой королевский или **[LXX]** польский подкоп, подле него литовский, угорский, немецкий и иные (последние, вероятно, меньшие); они начаты были 17-го Сентября, а за тем с большими подробностями Повесть (стр. 38) объясняет, как главные из них были открыты русскими: 23-го Сентября вследствие указаний полоцкого стрельца Игнаша, перебежавшего от поляков во Псков, были переняты *два,* очевидно, важнейшие подкопа, а иные литовские подкопы за городом сами обрушились (стр. 39). Следовательно, и на этот раз Дневник Пиотровского ближе сходится с русским источником.

Расходится Повесть с дневником Пиотровского в обозначении времени, когда были начаты подкопы. По дневнику (pag. 79) уже на другой день после первого штурма, то есть 9 Сентября, стали думать о подкопе; 12 Сентября по крайней мере один (нужно думать польский) подкоп был начат, и при этом уже оказалось, что копать приходилось в каменистом грунте (pag. 81); под 13 Сентября сообщается о продолжении подземной работы (pag. 81), под 17 Сентября, как оказалось из перехваченных писем, во Пскове уже знали о подкопах и даже об их направлении (pag. 85), 23 Сентября в польском лагере надеялись, что подкоп будет скоро готов (pag. 88); ночью с 23-го на 24 Сентября русские подвели мину под один из подкопов близ венгерских шанцев и взорвали его (pag. 89); оставался еще другой скрытый, но 27 Сентября осажденные взорвали еще один довольно значительный подкоп, а также и тот третий секретный, о котором никто не знал (pag. 90).

Весьма важным моментом в ходе осады было **[LXXI]** проникновение во Псков подкрепления, приведенного 7-го Октября Мясоедовым; и об этом у Гейденштейна рассказывается иначе, чем в дневнике Пиотровского. Наиболее резким и наглядным образом это различие выражается в представлениях о судьбе, постигшей самого предводителя отряда. Пиотровский 7-го Октября (pag. 99) полагает, что Мясоедов либо был убит, либо ушел назад, и еще под 16 Октября (pag. 115) вспоминает о нем, как о лице, только покушавшемся войдти в город. Между тем Гейденштейн (стр. 216) думает, что Мясоедов успел благополучно пробраться в самый Псков. Из русской Повести о нахождении короля Стефана (стр. 41) мы убеждаемся, что на сей раз прав Гейденштейн, а не автор Дневника похода и очевидец осады.

Гейденштейн (стр. 222, 223) точнее и подробнее знает о том, что предлагал королю Поссевин, воротившийся из Москвы в польский лагерь 5-го Октября, и что король ему отвечал. Пиотровский знает о свидании Поссевина с королем 6-го Октября (pag. 99), но так как кроме сенаторов никого туда допущено не

было, то относительно содержания привезенных из Старицы предложений он ограничивается одними догадками, и еще 8-го Октября (pag. 101) ему неизвестно было, с какими вестями приехал не особенно ему приятный иезуит; по секрету ему сообщили только то, что в этих вестях нет ничего утешительного.

Очень естественно, что Гейденштейн имел впоследствии более определенные сведения о роли Поссевина, хотя и он останавливается на его деятельности не с такою подробностию, какой бы можно было ожидать. Во **[LXXII]** всяком случае он не имел нужды прибегать здесь к дневнику Пиотровского. За то из дневника, веденного ксендзом, можно придти к такому заключению, что, может быть, Гейденштейн, как, впрочем, и другие позднейшие военные писатели в подобных случаях, слишком рано начинает говорить о суровости русской зимы, придавая морозам преувеличенное влияние на ход военных дел и мирных переговоров уже с начала Октября. Правда, что 6-го Октября выпал снег и был порядочный мороз (pag. 99) и что это повторилось 8-го числа (pag. 100, 101), но за то с 30 Октября наступила оттепель, снег стаял и шел дождь (pag. 189), 19-го Ноября опять была оттепель (pag. 155). С 15-го Февраля снова наступили теплые дни и дождливая погода (pag. 171). Об этих переменах в состоянии атмосферы, имевших важное влияние на ход осады, мы ничего не узнаем от Гейденштейна.

У Пиотровского много говорится о резкой оппозиции Литовцев против продолжения осады после неудачных подкопов (pag. 119 = 20 Октября; pag. 125 = 23 Октября и т. д.). Нельзя сказать, чтобы Гейденштейн совершенно умалчивал о волнениях и неудовольствиях в лагере, но он касается этого пункта бережно и осторожно; ничего не специлиазируя, он говорит, что волонтеры требовали отпуска, что нашлись такие, которые считали более выгодным уступить часть Ливонии царю, чем продолжать осаду (стр. 224 и дал.). Что это были Литовцы, прямо не сказано.

Попытка нового приступа, последовавшая 30-го и 81-го Октября, опять передается не с одинаковыми подробностями в Записках Гейденштейна **[LXXIII]** (стр. 229–230) и в Дневнике Пиотровского (pag. 139). Вот, например, одна черта, касающаяся любопытного приема защиты против венгров, старавшихся разрушить стену, поместившись внизу ее. Псковитяне спускали огромной величины бревна, со всех сторон обитые железными зубцами и прикрепленные цепями к длинным шестам; действуя ими искусно, они поражали врагов с низу направленными ударами. Так у Гейденштейна; у Пиотровского, напротив, венгерцы против высовывающихся из за стен русских закидывали

на стены острые железные крючья на длинных веревках и, зацепивши кого-нибудь за платье или руку, сбрасывали со стены. В примечании к переводу Гейденштейна мы уже указали место из русской повести, где означенная военная сноровка приписывается именно защитникам и описывается так, что скорее подтверждает Гейденштейна, чем Пиотровского. «Государевы бояре и воеводы — великие кнуты повелеша на шесты вязати, по концам же привязывати повелеша железные пуги с вострыми крюки, и сими кнуты егда из града за стену противу Литовских подсекателей ударяху, пугами же теми острыми крюками, яко ястребьими носы испод кустовья на заводях утята извлачаху, кнутяными же теми железными крюками, егда литовских хвастливых градоемцов за ризы их и с телом захватываше, и теми их испод стены выдергаше» (стр. 40).

Остается прибавить несколько слов о разных более поздних изданиях сочинения Гейденштейна и об его переводах на новейшие языки. Кроме **[LXXIV]** вышеупомянутых трех изданий Краковского, Базельского и Кельнского *Записки о Московской войне* выходили в свет еще несколько раз, то в отдельном виде, то как составная часть более обширного труда, обнимающего историю Польши от времени Сигизмунда Августа до 1602-го года. Библиографам известно франкфуртское издание 1600-го года в Rerum Moscoviticarum auctores varii (Francofurti, 1600). Затем только в 1672-м году, через пятьдесят слишком лет после смерти Гейденштейна (умер в 1620 г.), уже наследниками автора издано было его обширное творение, образовавшееся из Комментариев, вследствие прибавления в начале и продолжения в конце, и получившее такое заглавие: «Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri duodecim». Московская война составляет здесь третью, четвертую, пятую и шестую книги, то — есть четыре книги из двенадцати. В новейшее время изданы были *Старчевским* в собрании иностранных писателей о России XVI-го века (Historiae ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI. Berolini et Petropoli, 1841) опять отдельно одни Комментарии о Московской войне. Они помещены здесь под № XVII во второй части (pag. 87–186). Русский переводчик пользовался двумя последними наиболее новыми изданиями, между которыми почти нет никакой разницы. Сам Старчевский перепечатал, повидимому, из Кельнского издания Кромеровой Польши[58]. Но единственным более исправным изданием следует считать то, **[LXXV]** которое вышло под наблюдением самого автора в Кракове и которое теперь составляет библиографическую редкость. Именно новейшия изобилуют погрешностями и искажениями текста. Во введении, когда дело касалось латинского подлинного текста,

делались ссылки на Краковское издание 1585-го года. Существуют старинный немецкий перевод Комментариев и новейший польский всех двенадцати книг Польской истории от смерти Сигизмунда Августа. Немецкий перевод принадлежит *Ретелю*; он появился еще в 1590-м году с посвящением курфюрсту Саксонскому Христиану, в котором указывается, что освобождение несчастных угнетенных христиан в Лифляндии от жестокой тирании бывшего Великого князя Московского Иоанна Васильевича (Iwan Wasilowitzen) совершилось не без участия и совета немецких князей именно курфюрста Саксонского Августа (отца Христиана), курфюрста Брандербургского Иоанна Георга, и маркграфа Георга Фридриха, но даже при помощи с их стороны деньгами и другими вещами. Так как описание войны, прославившей польского короля Стефана Батория, написанное на латинском языке благородным и высокоученым Рейнгольтом (Reinholt) Гейденштейном, недоступно для немецких читателей, не знающих латинского языка, а между тем оно должно интересовать многих добрых немцев, принимавших личное участие в войне, то Ретель и взял на себя труд перевода. Переводчик надеется, что посвящение будет принято благосклонно курфюрстом Христианом — из уважения к памяти отца, который вместе с другими князьями был возбудителем и **[LXXVI]** поощрителем в деле освобождения Лифляндии, а также из любви к историческим сочинениям, которые он охотно читает не только на латинском, но и на немецком языке. Перевод имеет следующее заглавие: "Warhaffte grundtliche und eigendtliche Beschreibung des Krieges welchen der nechstgewesene Konig zu Polen Stephan Batori etc. etliche Jahr nach einander wider den Grossfursten in der Moschkaw Ivan Wasilowitzen gefuhret Dadurch er das hochbedrengete Lifflandt von des Moschkowiters vieljahriger hefftiger Verfolgung erlediget et ct. Durch Herrn Reingolt Heidenstein der kron Polen secretarium in VI Buchern ordentlich beschrieben: Nunmehr in Deutscher Sprache aussgangen. 1590 (с портретом Стефана Батория). Подпись под посвящением, дата которого в конце обозначена 21 апреля 1590 г. в Сагане, в Силезии: Heinrich Ratel. Нужно заметить, что тот же самый Ретель перевел на немецкий язык и сочиненную Одерборном биографию Иоанна Васильевича Грозного.

Заглавие польского перевода, который сделан Глищинским и вышел (в 1857-м году) под редакцией В. Д. Спасовича, приведено выше (стр. II примеч.). О качествах его мы должны сказать, что он вовсе не отличается близостию к подлиннику и точностью, но часто представляется свободным перифразом или даже сокращенным изложением; при сравнении с изложением

Альбертранди (см. выше стр. XXIV) не редко оказывается, что перифраз последнего, вовсе не выдаваемый за перевод, гораздо точнее передает текст подлинника, чем перевод Глищинского. Сверх того последний вовсе не чужд погрешностей даже в передаче на польский язык **[LXXVII]** латинской терминологии, служащей для обозначены должностей и званий Польского государства, так например слова structor regius (в начале второй книги) в польском переводе объяснены: budowniczego krolewskiego, тогда как речь идет о крайчем или стольнике (стр. 42 русск. перев.). Значительный по объему отрывок из Гейденштейна, касающийся осады и взятия Полоцка, а также других городов, входящих в состав нынешней Витебской губернии (в первом и втором походе), переведен был г. *Сапуновым* и напечатан в четвертом томе, его издания: «Витебская Старина» (Витебск, 1885) — стр. 200–232.

Предлагаемый ныне, перевод приготовлен был собственно еще ранее перевода г. Сапунова кандидатом С. — Петербургского Университета *И. И. Виноградовым,* но издание и печатание его по разным причинам замедлилось. Переводчик стремился не только к верной передаче смысла, но и к буквальной близости перевода к тексту подлинника, насколько это вообще возможно. Ради этого обстоятельства следует извинить те литературные неловкости и шероховатости, какия при такой системе перевода, имеющей, конечно, свои хорошия стороны, неизбежно являются. Переводчик однако, совершенно справедливо не считал необходимым при титуловании московского государя удерживать везде с педантическою точностию выражение *Великий князь,* соответствующее постоянно употребляемому в подлиннике Magnus Dux; оно было сохранено им только тогда, когда титулу придавалося особенное, так сказать дипломатическое значение, а во всех других случаях допускалася передача его словом *царь*. — Редакция **[LXXVIII]** перевода была поручена Археографическою Коммиссиею члену ее В. Г. Васильевскому, который присоединил с своей стороны к переводу введение и некоторые примечания сверх ссылок на Карамзина и Соловьева, сделанных переводчиком.

КНИГА I

(1576) Стефан Баторий, после своего избрания в короли, думая, что по заключении мира извне и по установлении дружественных отношений со всеми соседями легче будет прекратить и внутри раздоры, возникшие вследствие избирательной борьбы, и тем доставить государству полное спокойствие, написал к большой части соседних князей грамоты, в которых по обычаю, принятому между государями, объявлял о том, что королевство вручено ему, и, заявляя о своих добрых чувствах к ним, выражал желание хранить со всеми мир. Между прочим он послал также и к великому князю Московскому Ивану Васильевичу поляка Георию Груденского и литовца Льва Буховецкого с грамотою о том, что призванный на королевство божественным провидением и желанием сейма, он решился вести дела так, чтобы быть в мире и дружбе со всеми христианскими государями, и что к нему, как к соседнему и христианскому государю, он питает такие же добрые чувства. Если же между ним, великим князем с одной стороны, королевством Польским и **[2]** великим княжеством Литовским с другой и существуют какие несогласия, наследованные от предшественников обоих их, то их можно уладить дружелюбными переговорами согласно с справедливостью. На это царь Московский отвечал, что хотя он и слышал об избрании в короли Максимилиана, тем не менее, однако, не отказывается быть в дружбе и доброй приязни и с ним самим. Ему желательно, чтобы по обычаю предков были посланы великие послы, а в ожидании послов с обеих сторон пусть будут прекращены незаконные и враждебные действия[59]. Получив такой ответ, король всецело предавшись заботе о внутреннем успокоении и в особенности о прекращении бунта жителей Гданска, созвал сейм в Торне и на нем же порешил с одобрения рады послать в Москву послов для переговоров о мире. Послами были избраны Станислав Крыский, воевода Мазовецкий, — Николай Сапега, воевода Минский, — Федор Скумин, литовский надворный подскарбий[60]. **(1577)** Так как королю после этого приходилось приводить к покорности город Гданск оружием, то Московский царь, полагая, что теперь для него настало **[3]** самое удобное время занять Ливонию, к насилию и военным действиям прибавил еще лукавство. В то время Ливония находилась под управлением Ивана Ходкевича с титулом администратора; в крепостях было мало Поляков, большая часть начальников были с Литовской стороны. Туземцы подвергаясь от них дурному обращению и вместе с тем видя, что они не располагают

достаточными средствами против московского могущества, расположены были в пользу какой бы то ни было перемены. Хорошо зная об этом, Московский князь послал в Ливонию Магнуса, Голштинского герцога, которого он держал при себе, связав обещаниями и родственными узами. Царь распространил слух, что если Ливонцы передадутся принцу, то он передаст последнему для управления Ливонию на ленном праве, по примеру Пруссии, с тем, чтобы все управление и власть сосредоточивались в руках Магнуса, а за ним оставалось бы верховное господство и соответствующий тому титул. Жители края, побуждаемые с одной стороны нерасположением и ненавистью к чужеземной власти, с другой надеждою и горячим желанием иметь начальников того же языка и происхождения, вместе с тем, под влиянием некоторых беспокойных и мятежных людей, прогнали почти из всех городов польские гарнизоны, и сами собрались в Венден, где в то время находился Магнус, возложили на него здесь титул и знаки королевской власти и присягнули на его имя. Между тем Московский князь, собрав огромнейшее войско, проник в Ливонию без всякого препятствия, так как изгнаны были все гарнизоны и большая часть крепостей были заняты Магнусом. Приняв под власть сдавшиеся Мариенгаузен, Режицу, Люцин, Динабург, Когенгаузен до самого Ашерадена, и не делая им никакого вреда, для того, чтобы слух о его милосердии распространился при самом начале управления, Иоанн отправился дальше. В Ашерадене собралось огромное множество **[4]** людей обоего пола и всякого сословия, в особенности же много женщин и девиц; там же находился ландмаршал, человек почтенный и по летам и по тем высшим должностям, которые некогда он занимал. Московский князь, перебив без разбора всех, способных носить оружие, не воинственный пол, женщин и девиц, отдал Татарам на поругание; затем прямо отправился в Венден. Находившиеся там жители, перепуганные слухом о таком жестоком поступке Московского князя, заперли ворота. Магнус, вышедший за них просителем с униженным видом и умолявший на коленях о помиловании, ползая у его ног, был обруган князем, который даже ударил его в лицо. Убедившись, что влияние Магнуса нисколько не может послужить к их спасению, так как даже ему самому угрожает опасность, и видя себя со всех сторон окруженными и обманутыми вероломным неприятелем, жители под влиянием гнева, страха и отчаяния подложили под здания порох, и от этого взрыва погибло огромное множество людей обоего пола, всякого возраста и сословия, и почти весь цвет знати ливонской, сколько ее еще оставалось до сих пор. Овладев таким образом Венденом,

и в то же время сдавшимся Роннебургом, соседним с Венденом, Московский царь уже имел под своею властию всю Ливонию, за исключением Ревеля, Риги и немногих пограничных с ними крепостей. После отъезда Генриха, во время безкоролевья, он захватил Пернов, от Шведов взял славную, искусственно и естественно очень укрепленную крепость Вейссенштейн, Нарву же и Дерпт, Феллин и Мариенбург и некоторые другие уже гораздо раньше он отнял отчасти у епископа Рижского; частию у Ливонского ордена св. Марии. Положив такое начало, Московский князь делал затем постоянные вторжения к Ливонию, нанося ее жителям множество вреда, и тем заставил их отдаться под власть и покровительство Сигизмунда Августа и **[5]** польских королей. И вот это то обстоятельство, вместе с прежними спорами и притязаниями по отношению к великим князьям Литовским из за некоторых русских местностей, служило затем постоянным предлогом враждебных действий между ним и Польскими королями. Эта война, иногда прерываемая перемирием, большею частию веденная с переменным успехом как в Ливонии, так и в Литве, досталась по наследству и королю Стефану. Впрочем Московский князь, уведя с собою воеводу Ходкевича, Александра Полубенского и прочих начальников, вернулся в Москву. На дороге он написал королю письмо, чтобы тот совсем отказался от Ливонии. В письме он выводил свой род от какого то Прусса, брата Августа Цезаря, никому раньше неизвестного, о котором он утверждал, будто бы он управлял в Хойнице и Мариенбурге и на обширном пространстве в остальной Пруссии, для того, чтобы тем заявить притязание на господство до самых границ Пруссии[61]. Послы, которые были отправлены для переговоров об условиях мира, тем не менее продолжали свой путь, получив на дороге новые инструкции — жаловаться на несправедливые действия, совершенные под прикрытем перемирия, и требовать удовлетворения. Пока король стоял лагерем под Гданском, он не имел в готовности никакого войска в Ливонии и Литве, как в виду существующего по наружности мира, так и вследствие недостатка денег в казне, сильно ощущаемого в начале царствования; услышав же о вторжении неприятеля, он обратился с военным призывом к литовской шляхте и передал **[6]** военную власть в этом княжестве Николаю Радзивилу, воеводе Виленскому, так как Григорий Ходкевич, который раньше там начальствовал, в это время умер. Радзивил с значительным отрядом охотников прибыл в Сеельбург. Между тем когда, благодаря посредничеству послов со стороны многих немецких князей, жители Гданска снова покорились королю, он всецело обратился к войне против Москвы, которую уже гораздо раньше

имел в виду. Много причин побуждало его начать войну, кроме полученных оскорблений и кроме возвращения Ливонии; прежде всего он питал весьма справедливое желание каким нибудъ великим подвигом оказать услугу, не только людям своего государства, но множеству других, которым московская власть, соединенная с ужасною жестокостию, внушала страх или была невыносима, и тем самым стяжать своему имени в потомстве такую славу, чтобы все знали, что он не только по имени был королем, но и был достоин этого сана. Сверх того он рассчитывал, что сломив Москву, он получит возможность обратиться к другим еще более великим предприятиям, которые у него были на уме и о которых он сообщал папе Григорию XIII чрез отправленного в Рим посла Павла Зайончковского. В таком настроении он назначил на январь месяц сейм в Варшаве[62]. Это было уже в 1577 году. В это время возвращен был под власть короля Динабург, **[7]** взятый обратно Борисом Савою и Вильгельмом Платером. Эти бдительные военноначальники, внимательные ко всяким обстоятельствам, заметив, что московский гарнизон страдает от недостатка съестных припасов, под видом дружбы и доброй военной приязни, послали туда несколько явств и питья, и в том числе бочку с водкой, — которую особенно любят Москвитяне, по причине недостатка в настоящем вине. Когда Москвитяне напились до пьяна, те заранее это предусмотрев, ночью приставили лестницы, взбежали на валы, которыми только была окружена крепость, и проникли в самую крепость, выгнали оттуда едва успевших опомниться от сна и опьянения Москвитян и овладели таким образом ею. Немного времени спустя затем и Венден был возвращен таким же образом. Под начальством Матвея Дембинского находился какой то плотник Латыш, сестра которого находилась во власти Москвитян; пользуясь предоставленною крестьянам свободою сношений, он часто приходил в Венден под предлогом свидания с нею. Раз улучив удобное время, он сделал восковой оттиск городских ключей, и, приготовив по этому образцу другие, доставил их Дембинскому. В назначенный день, который Москвитяне праздновали у ворот города, Дембинский, подошел со своим наскоро собранным отрядом, и когда с одной стороны были приставлены лестницы, а с другой сбежались Латыши, находившиеся в Вендене, то один из них отворив ворота, впустил Поляков.

(1578) В то время, как король направлялся в Варшаву на сейм, он получил на дороге известие, чуждое отношения к тем делам, которые его занимали[63]. Границею между королевством Польским и великим княжеством Литовским большею **[8]** частию служит Днепр, который начинаясь в Московском княжестве, течет

с небольшими изгибами на запад, затем на юг и потом вливается в Черное море, неся огромное количество воды; более верхняя часть реки принадлежит к Литве, у более нижней части соединяются границы различных народов. Кроме Москвитян и Русских, находящихся под польской властью, здесь соприкасаются некоторые владения Турок, на небольшем же расстоянии начинаются владения Валахов. При соседстве стольких народов, притом сохранивших воинственный характер, с древних веков и до сих пор здесь не может держаться мирный порядок. Огромное пространство полей, множество земли остается там не возделанным и не населенным по причине разбоев или вследствие страха. Всякий, кто был в тяжкой нужде или был осужден за уголовные преступления, и все те, которым или обстоятельства или законы не дозволяли жить в отечестве, как из других народов, так и из Поляков и Литовцев, — собирались сюда, чтобы жить грабежем и добычею. В прежние же времена, при общем мире между народами, даже некоторые знатные юноши стремились к этим местам, ненавидя спокойную жизнь, избегая праздности и бездействия, и желая упражняться в военных подвигах. Все подобного рода люди большую часть жизни проводят здесь на воде, в рыбной ловле и в разбоях, считают врагом всякого, от кого надеются получить больше добычи; но так как среди их все-таки численно преобладают христиане, то они питают особенную вражду к неверным (варварам) и в особенности к Татарам, и не раз оказывали усердное содействие Польским королям. Так как они занимают самую нижнюю части Польши, соприкасающуюся с рекою, то назывались по месту Низовыми, и среди остальных *казаков,* — таким именно общим именем называются как конные, так и пешие люди, которые собираются по доброй **[9]** воле для занятий разбоем на границах и для того, чтобы тревожить соседей набегами, — эти Низовые в особенности имели значение и силу, как по своей многочисленности, так и по отважности. Среди этих людей жил с некоторого времени Иван Подкова, по народности Валах, человек низкого происхождения, но отличавшийся физическою силой и приобревший себе прозвание Подкова тем, что разрывал рукою железные лошадиные подковы. При сходстве образа жизни и занятий, он своими обещаниями легко уговорил людей, живших грабежем, напасть вместе с ним на Валахию и передать ему власть над нею. Они захватили Петра, воеводу Валашского, совершенно в расплох и лишили его власти, прежде чем тот мог заподозрить, что ему грозит откуда нибудь оружие. Король, узнав об этом, недовольный уже тем, что без его приказания затронуты были войною чужие границы, и сверх того

желая восстановит власть Петра, которому он благоприятствовал, отправил письма в Польшу к некоторым лицам и в Трансильванию к брату своему, князю Христофору, с просьбою оказать помощь Петру. Когда этот последний (т. е. брат) прислал несколько эскадронов всадников и пеших под предводительством Стефана Батория, сына брата своего Андрея, то Подкова, принужденный отступить в польский город Немиров, попал в руки Николая Сенявского, кастеляна Каменецкого, начальствовавшего над пограничными войсками в Руси, и был отослан им к королю. После того как собрался сейм, в первый день совершено было торжественное богослужение, а на другой день было доложено сословиям, каждому порознь, об оскорблениях со стороны Москвитян и Татар, и король спросил: желают ли они вести войну с Москвитянами и Татарами, или с которым нибудь одним из этих двух народов. Решена была война с Москвою, а с Татарами пока отложена. **[10]** Татарский хан, по отъезде Генриха, делал набеги на границы в то время, как государство было обеспокоено и занято другими делами, и тревожил их опустошениями, грабежом и всякого рода безчеловечием; во время же осады Гданска он сделал хищнический наезд в больших размерах. В самые дни сейма, узнав по слухам о свадебном торжестве, которое справлял для своей родственницы князь Константин Острожский, воевода киевский, хан сделал набег на Волынь и осадил князя Острожского. По усмирении восстания в Гданске, король отправил войско, бывшее под Гданском, в Русь для защиты границ, и уже несколько полков достигли Волыни, когда дошел слух о вторжении Татар. Временное начальство над этим войском король поручил Яну Збаражскому, воеводе Брацлавльскому[64]. Некоторые из польских отрядов, не подалеку от Торчина наткнулись на толпу Татар, которые, еще не зная о приходе войска, совершенно беззаботно занимались грабежем; завязалась тотчас битва и польские полки вышли победителями. Татарский хан, узнав из этого о приближении войск, выслал против Збаражского отборных воинов с обычным поручением, разузнать о намерениях и силах неприятеля. Последние встретились с нашими у Заславля, и когда нападение их храбро было отражено нашими, тотчас возвратились, — а татарский хан, заключив договор с полководцем, между прочим и о том, чтобы тот хлопотал пред королем об удалении от Крымских границ Низовцев, разбои которых он выставлял единственною причиной войны, удалился. Тем не менее решено было на этом сейме не поднимать пока речи о наказании Татар. Да и какой богатой добычи можно было **[11]** ожидать от неприятеля бедного,

кочевого? а между тем на их защиту легко могли подняться войска Турок, тем более, что турецкий султан утверждал, будто земля, на которой они находятся, принадлежит ему и будто они владеют ею как его подручники. Молва приписывала несравненно больше могущества Московскому государству: тем большую славу в настоящем и в потомстве можно получить победою над ним; наградою победы будет служить Ливония, провинция цветущая, некогда богатая средствами и городами, представляющая и теперь множество выгод, особенно вследствие своего приморского положения.

Таким образом решена была война против Москвы, и при этом положено было вести ее в пределах неприятельских, так как прежний способ держать войска внутри собственных границ и только обороняться от врага был осужден на основании происходящего отсюда домашнего вреда и на основании примера прошлого года. Ближайшею затем заботой была забота о денежных средствах. В сенате выбрана была коммисия для того, чтобы обсудить сколько нужно солдат для войны, и какое жалованье положить на каждого солдата. Назначена была подать на каждый лан *(югер)* по одному злоту, учреждена была подать на пиво в городах и местечках, в размере одной восемнадцатой части с продажной цены каждой бочки. Это была тяжелая подать, подобной которой до того времени никто не помнил; однако все согласились, за исключением только послов воеводств Краковского, Сендомирского и Серадского, сопротивлявшихся на том основании, что они по их словам не имели никаких полномочий насчет одобрения такого налога[65]. Шляхта не **[12]** хотела подать голоса ни за войну, ни за налог пока король не установит для нее судов, которых она требовала еще во время Сигизмунда Августа, и какие во время междуцарствия сама собою учредила. В древности существовала аппеляция от гродских судов к воеводским, смотря потому, к какому воеводству принадлежал город, затем аппеляция к королю на сейме. Так как Сигизмунд Август весьма редко производил суд вследствие слабого здоровья, то шляхта постоянно просила, чтобы позволено было ей постановлять судей из своей среды. Король противился этому всю свою жизнь. Лишившись таким образом надежды испросить себе эту привиллегию у короля, шляхта во время междуцарствия, прежде чем выбрать королем Генриха, между прочим предложила ему и это условие о передаче судебных дел шляхте, и тот принял оное. Вследствие этого, после отъезда Генриха, шляхта в каждом воеводстве выбрала себе из среды своей в судьи кого ей было угодно для разбора аппеляционных дел. Как и следовало ожидать, отсюда произошла большая

путаница во всем. Король Стефан, заметив это, хотел, сколько возможно было, поправить испорченное и восстановить порядок и однообразие, и ради того постановил, чтобы не в каждом воеводстве был особый трибунал, но чтобы каждое большее воеводство избирало по два, а меньшее по одному делегату от шляхты ежегодно, и чтобы эти делегаты, съехавшись с начала в Петроков, от дня св. Мартина до Пасхи заседали и судили для шляхты Великой Польши, а затем от Пасхи до убора жатвы в Люблине для Малопольской шляхты. Суд в частных делах переходил при этом всецело к шляхте; в делах, касающихся государства, королевских прав или казны, он оставался по прежнему за королем, равно как юрисдикция в тех землях, которые имели свои законы и особые от других права. Некоторая остановка в издании устава (конституции) произошла от того, что шляхта **[13]** домогалась, чтобы сенаторы (паны рады) были устранены от участия и заседания в тех судах, между тем последние напротив утверждали, что несправедливо будет, если их сан и достоинство вместо выгоды, как бы это следовало, будет служить им в ущерб и если бы они, выдаваясь среди шляхты своею знатностию и честью, были лишены привиллегии, даруемой целому сословию, при том в таком деле, которое относится к области публичного права и следовательно касается всех одинаково. Наконец согласились на том, чтобы шляхта могла выбирать делегатов в трибуналы, как из среды шляхты, так равно из среды сенаторов. Между королем и шляхтою был небольшой спор по тому поводу, что шляхта хотела, чтобы и королевские города зависели от нее в делах, ей подсудных (подчинялись ее юрисдикции), и в предшествовавшие годы она уже привлекала к своему суду некоторые дела такого рода. Уступила шляхта, и положено было, что подобные дела, не смотря на решение их судами шляхты, будут перенесены в высшую инстанцию и снова пересмотрены королем на этом же сейме. Шляхта домогалась, чтобы королевские урядники и старосты, главная обязанность которых заключается в исполнении судебных приговоров, были под властью шляхетских судов, поколику на них лежит обязанность исполнения судебных приговоров; говорили, что не зачем было бы вручать шляхте суд, если она не будет иметь юрисдикции над теми, которые должны приводит в исполнение решения ее суда. Король согласился на то, чтобы насколько дело будет касаться исполнения трибунальных приговоров, урядники и старосты были подвластны трибуналам. Оставалось решить спор между духовным и светским сословиями, так как последнее хотело чтобы духовные подчинены были тем же самым судам, как прочая шляхта; духовные лица утверждали, что эти суды шляхты,

в состав которых, понятно, будут входить **[14]** и разноверцы (диссиденты), по многим причинам для них подозрительны, и потому духовные не хотели от них зависеть. Канцлер Ян Замойский поставил им на вид, что от подчинения этим судам они ничего не потеряют, равно как ничего не выиграют от того, что откажутся признавать их, потому что все-таки их будут подвергать заочным приговорам и штрафам за неявку, как это водилось ранее в судах воеводских, где между прочим один архиепископ был присужден к пене в 150 т. злотых. По внушению канцлера прибавлена была такая статья, чтобы каждый раз как будет подлежать разбору церковное дело, к шести судьям шляхетского сословия, которые будут разбирать дело, присоединялось столько же чинов духовного звания, и если окажется равенство голосов, то пусть дело переходит к королю на сейм. Спор об этом тянулся несколько дней, наконец было решено в таком именно смысле[66]. По обычаям Польского народа, на тех, которые, будучи присуждены ко взысканию за долги, или за другие частные дела, не повинуются решению суда, налагается пеня; если они откажутся заплатить, то налагается в три раза больший штраф; ежели и тогда даже не послушаются, посылается военная экзекуция в имение, и если кто воспротивится ей, то подвергается банниции (опале) постановлением старосты. Это весьма страшное оружие некогда было направлено против мотов, а в настоящее время, когда роскошь еще больше распространилась, а с нею и число должников умножилось, стали относиться с пренебрежением к этому постановлению, и на этот раз об нем много говорили, но не **[15]** принято было никаких действительных мер к его поддержке. По выслушании за тем послов иноземных государей, Георг Фридрих, маркграф Бранденбургский, был допущен к опеке над болезненным родственником его Альбрехтом Фридрихом, сыном Прусского герцога Альбрехта; приняв так называемую инвеституру, он дал торжественную присягу королю. При этой церемонии присутствовали и послы курфюрста Саксонского и герцога Вюртембергского. Когда послы Бранденбургского курфюрста от имени своего государя стали требовать права на одновременное участие в инвеституре, взявшись за знамя, то послы шляхты стали протестовать на том основании, что в условиях о ленной связи, заключенных между Сигизмундом и Бранденбургскою фамилией, ветвь Бранденбургских маркграфов не была упомянута; они высказывали, что считают незаконным то, что впоследствии было дано частною властию и без ведома сословий. Послы стали жаловаться королю на это и заявляли, что они готовы вести свое дело пред сословиями. Им был дан ответ, что они конечно

хорошо знают (юридическое) значение всякой протестации и то, что ею как ничье право не уменьшается, так и не усиливается, и что потому предлагаемая ими мера не может быть признана ни своевременною, ни необходимою. Тут находились также и послы князей *Померании*; от имени своих государей они признали верховную власть короля над *Битовскою* и *Лауенбургскою* областями и получили грамоты инвеституры. Между тем послы, отправленные, как мы выше указали, к Московскому князю, явились в Москву. Московский князь, жестокий по своему характеру, и еще более возгордившийся по причине удачных действий в Ливонии, сделал им недостойный и унизительный прием; многие поступки царя и слова были оскорбительны для Польского и Литовского народа; и так как обычай обоих народов требовал, чтобы уполномоченным другой стороны отпускалось содержание, то он приказал **[16]** доставлять послам пищу, но с величайшим неуважением, только самые простые и отвратительные кушанья, а покупать провизию в Москве и не в обычае, да и не было возможности, если бы они того захотели. Затем, когда во время переговоров послы объявили, что они имеют полномочия только о перемирии, он дал им перемирие на три года: при этом грамоту, которую послы должны были подписать, он приказал писать просто не внося никакого условия, а в грамоте, которую он должен был от себя передать послам и к которой он приложил собственную печать, он прибавил такие условия, что король уступает ему всю Ливонию, вместе с Ригою и Курляндиею, которые находились до сих пор во власти короля, и все, что простирается до границ *Пруссии*; что он не вступится за Ливонцев, хотя бы те и просили его помощи, а еще менее займет какой либо город, и вообще не окажет с своей стороны никакой поддержки или помощи. Затем, когда по обычаю следовало скрепить соглашение клятвою, то царь, отложивши в сторону грамоту, над которою присягали послы, взял только эту последнюю и над нею произнес клятвенное обязательство[67]. Так как после этого уже не оставалось места для дальнейших переговоров, то он приказал послам выехать из Москвы и в то же время, послав войска в Ливонию, он стал **[17]** осаждать Венден. Слухи обо всем этом, дошедшие при конце сейма, возбудили гнев и негодование в умах, уже и без того настроенных воинственно против Москвы. Однако Московский князь тщетно осаждал Венден. Когда Московиты в продолжении нескольких дней сильно били машинами в стены, и уже разрушили часть стены, то Дембинский, в виду малочисленности гарнизона опасаясь за город, пытался убедить своих войдти с ним в город, но не достиг цели, так как вследствие недостатка припасов и неуплаты

жалованья, они были не особенно готовы подвергаться опасности, и притом большая часть была всадники, которые полагали, что запертым внутри стен им не будет места для проявления своей храбрости. Наконец он настаивал, чтобы они по крайней мере ближе подступили к стенам вместе с ним, дабы этим причинить тревогу караулу и лагерю неприятельскому. Достигнув этого, он в глубоком молчании, ночью, не задолго до рассвета, подвел их к воротам города и объявил, что так как они уже стали видны неприятелю, то могут быть легко окружены его превосходными силами, и потому лучше войдти, как следует храбрым военным людям, в город для того, чтобы своею храбростью, своим мужеством подать и ему помощь и себе найдти в нем защиту. Вступив в город, они действительно помогли сохранить и защитить его. Поправив старательно разрушенные неприятелем стены посредством спешной работы ночью, они затем везде оказали весьма храбрый отпор неприятелю. Вследствие этого Москвитяне, прекратив уже действительно начатую осаду, при наступлении весны, ушли, отправив наперед пушки. Александр Ходкевич, начальник Гродненский, племянник Яна Ходкевича, которого помощником он состоял по управлению Ливонией, хотя и был в то время болен, собрав однако отовсюду войска, преследовал их до Зевальда, но не мог все-таки настигнуть. Почти около того **[18]** же времени изменил Московскому царю герцог Магнус, перейдя под покровительство короля. Этот юноша, происходивший из очень знатного рода, прежде владел епископством Курляндским и Эзельским в Ливонии. Увлеченный советами некоторых дурных людей, московскими обещаниями и молодостию, так как по своему возрасту он еще не был в состоянии сам ведаться с своими делами, Магнус перешел на сторону московского властителя и получил от него в супруги дочь его двоюродного брата, при чем ему внушили надежду, что он, с помощию Москвы, может получить в виде королевства весь Ливонский край; затем он был послан с большим войском осаждать Ревель. Однако, принужденный отступить без успеха, он во время осады Гданска с теми же обещаниями был, как сказано выше, отпущен в Ливонию. Там, устрашившись жестокости Московского царя, так как тот замышлял, отняв у него крепости в Ливонии, отправить его к границам татарским, и узнав чрез донос, в какой он находится опасности, Магнус решился отпасть от него и мало по малу выходя из-под его власти, бежал в Лемпсал, затем ближе к Риге и королевским границам, и просил короля, при посредстве герцога Курляндского и чрез частных послов письмами о том, чтобы последний принял его снова под свое покровительство. Король, не имея ясного представления о

положении дела, так как об удалении Магнуса ходили разные толки и неизвестно было, одобряет ли брат его, Датский король, это его намерение и вообще принимает ли он с прочими родственниками какое либо участие в его судьбе, не дал никакого определенного ответа относительно вступления под его верховную власть, однако дал понять, что ему дозволяется жить безопасно в Ливонии, пользуясь общим покровительством закона. Затем, когда отправился в Ливонию Николай Радзивил, воевода Виленский, то король **[19]** позволил ему там устроить дело с принцем Магнусом, как он найдет выгодным для государства. Когда тот прибыл в Курляндию и к нему пришел Магнус, то он принял его со всеми его владениями от имени короля под покровительство и привел его к присяге на верность королю. Условия сдачи были следующия: король либо оставит за ним те земли, которыми он теперь владеет, на тех правах, на каких владеют и другие ленные владетели, либо даст ему другие в каком нибудь ином месте нисколько не худшого положения, сообразно достоинству его рода и фамилии. Когда король узнал об исходе своего посольства, он послал тотчас к Московскому князю Гарабурду объявить, что он считает для себя обязательным перемирие не иначе, как только если тот устранит условие относительно Ливонии, не принятое королевскими послами[68]. Московский государь, задержав Гарабурду, назначил между тем посольство к королю, чтобы склонить его к утверждению условий перемирия и скреплению их присягою, и уже при наступлении конца лета отправил другое войско, гораздо сильнее прежняго, снабженное большим запасом, к Вендену, который был захвачен нами и потом был, как мы выше сказали, им осажден. Прежде чем пойти дальше, я хочу предпослать немного слов о происхождении Русских князей, могуществе, нравах народа и о положении всего государства. Древнейший престол **[20]** Русского государства сперва находился в Новгороде, потом в Киеве, в последующие же времена престол, прежде чем перенесен был в Москву, был во Владимире, который по этой причине еще доселе полагается в княжеском титуле выше Московского. Летописи относят по происхождению князей Русских к Варягам, народу теперь неизвестному, как и многие другие из древних народов, который, по свидетельству тех же летописей, жил однако за морем. Три брата из этого племени, будучи призваны сначала и приняты Новгородцами, принадлежащими тоже к Славянам, получили власть в Новгородской земле; главную власть получил в Новгороде старший из братьев Рюрик, а двоим другим, как передают, достались две области Русские: Белозерская и Изборская. У Рюрика затем был сын от Ольги Псковитянки[69],

Святослав. Последний, с большим войском проникнув в Болгарию до самого Дуная, победил Болгар и Греков, под властью которых находились тогда Болгары, и полюбив красоту и богатство этой земли, избрал здесь для себя столицу. Киев он оставил в управление своему сыну Ярополку, второму сыну Олегу дал Древлянскую область, Новгород же предоставил сыну Владимиру, рожденному от служанки Ольги, дочери, как говорят летописи, какого то Любечанина Малха. Владимир, будучи изгнан Ярополком из своего владения, бежал за море и, вернувшись оттуда с набранными морскими дружинами, занял как те земли, которые ему были отданы отцем, так вместе с тем и Киев, свергнув Ярополка. От Владимира произошли, как говорит предание, все русские князья. Оставив двенадцать сыновей и разделив между ними всю Русь, он передал власть и главный престол Киевский старшему сыну Святополку. Так как **[21]** последний умер бездетным, то ему наследовали на престоле по порядку другие два брата, Ярослав и Изяслав[70], после их занял престол Владимир Мономах, сын Всеволода князя Владимирского, имя которого до сих пор пользуется почетом у Русских; он происходил из того же рода. Несмотря на то, что на некоторое время Всеволоду, внуку Святослава от Олега и правнуку Игорю, удалось получить обратно дедовский престол[71], последний остался во власти потомства Владимира и в последующие времена князь Суздальский Андрей, происходивший из того же поколения Владимира, заключив договор с 11-ю другими родственными князьями, свергнул Мстислава, который владел Киевским престолом, принадлежа тоже к потомкам Мономаха, и посадил на него сына своего Мстислава. Он первый перенес столицу во Владимир и дал первенство Суздальскому роду; тот, кто владел этим городом, хотя бы и не имел власти над остальными родственными князьями, тем не менее пользовался титулом великого князя, а достоинством и почестями возвышался над прочими, которые чтили его величие, между тем как прежде эта честь доставалась кому либо одному, либо по наследству, либо по желанию всех остальных, либо, как это не редко бывало, достигалась силою или оружием. После того, как князья подпали под власть Татар, они стали выпрашивать великокняжеский престол у них. В летописях их о власти Татар упоминается около 6732 года, как считают Русские, от Р. Х. уже в 1224, когда Татары, выступив с войском против Половецкого князя Котяна, опустошили Русь. Когда же Котян призвал на помощь Мстислава Романовича, князя Черниговского или Киевского (ибо **[22]** под тем и другим именем он упоминается в летописях), женатого на его дочери и

многих других русских князей, тогда Татары в большом сражении при Калке 17-го июля победили их, перебив 11 русских князей и 70 богатырей (героев), как называют их летописи, составлявших храбрый конный отряд и многих взяли в плен. Возвратившись затем под предводительством Батые около 6745 года, Татары, покорив сперва Рязанских, Владимирских и почти всех остальных князей, поработили всю Русь и, хотя не редко потом Русские князья вступали с ними в войну, тем не менее почти всегда Русь должна была платить дань. И вот с этого то времени Татары начали назначать даже великих князей для Руси. Назначались же они, как мы выше указали, почти всегда из князей Суздальских. Упоминание о Московских князьях и о самом городе начинает встречаться в летописях со времени Батые, вместе с упоминанием о тех опустошениях, которые произведены были последним на Руси. Среди других городов, как передают, была завоевана Батыем Москва, и там был взят в плен Татарами некий воевода Филипп и Владимир, сын Юрия, великого князя. В 6812 году от сотворения мира, по смерти великого князя Андрея Александровича, между Михаилом Ярославичем Тверским и Георгием Даниловичем, Московским князем, произошел спор из-за власти и великого княжества Владимирского; когда оба они стали просить о том у татарского хана, то последний, удержав у себя Георгия, посадил на престол сперва Михаила, а потом, по прошествии некоторого времени, в 6825 лето, утвердил Георгия; с этого времени доселе, не смотря на то, что всякие другие Русские князья пытались выпрашивать у татарского хана Суздальское княжество, однако честь эта оставалась постоянно принадлежащею Московскому дому. Из этой фамилии произошел прадед нынешнего царя, Василий Васильевич, **[23]** наследовав княжение после отца; он был лишен престола вследствие заговора, составленного против него князьями Дмитрием Георгиевичем, по прозванию Шемяка, Северским князем, Иваном Андреевичем Можайским, Борисом Александровичем Тверским и ослеплен Георгием Северским, но потом с помощию Новгородцев он снова получил княжеский престол и затем княжил мирно. Василию наследовал сын его Иван, который первый положил основание тому могуществу, до которого теперь дошли Москвитяне. Лишив княжества князя Тверского, не смотря на то, что сам имел жену из того же рода, Иоанн овладел его уделом; затем он стал собирать и другие княжества и достиг такого могущества, что прочие князья от страху стали уступать ему, и не было никого, кто решился бы противиться его стремлениям. Он же первый свергнул и татарское иго, побужденный к тому речами умной женщины, своей супруги, Софии Греческой, из фамилии

Палеологов, на которой он женился по смерти княжны Тверской. Затем сын его Василий подобным же образом почти до безконечности усилил могущество, основание которому положил отец. К землям, приобретенным отцем, Василий присоединил великое княжество Смоленское и что оставалось от Северского княжества; он воевал с моря и с суши Казанское царство, привел в полную зависимость всех родственных князей, лишив их владений, а также покорил и Псковскую область. Ему наследовал на престоле ныне царствующий Иван, который также с своей стороны еще более увеличил при помощи своего счастия и искусства обширное царство, полученное им от отца. Он покорил Казанское и Астраханское царства, против которых ходил с величайшими силами еще его отец, преимущественно с помощию нового в то время у тех народов способа, которым он стал пользоваться при осаде городов, т. е. посредством подкопов и пороха. Получивши с покорением этого царства власть над **[24]** Каспийским морем, он распространил пределы своего государства почти до Персии, занял, благодаря внутренним раздорам Ливонцев, большую часть Ливонии, часто наносил поражения Шведам; во время Сигизмунда Августа взял Полоцк. Когда же турецкий султан Селим вздумал соединить Дон с огромнейшей рекой Rha, которую Русские на своем языке называют доселе Волгой, с тою целию, чтобы отправившись на кораблях из Черного моря вверх по течению Дона в Волгу (Rha), подчинить своей власти Астрахань, расположенную в устье Волги, где она впадает в Каспийское море, и чрез то овладеть и всем Каспийским морем, то молва приписала ему победу над Турками. Именно *Селим* потребовал от Сигизмунда-Августа, чтобы король пропустил его войско чрез свои владения, и с этим требованием прислал чауша Ибрагима, польского шляхтича из фамилии Струсей, с детства однако воспитанного в турецком нечестии и потом за свои отличные способности достигшего величайших почестей. Когда он воротился с отказом Сигизмунда Августа, то Селим, не смотря на то, отправил войско чрез Татарию для прорытия канала там, где было самое узкое место между этими двумя реками уже на Московской земле. При явном нерасположении самих Татар помогать предприятию, войско это должно было совершить путь чрез обширные пустыни и в дороге сильно пострадало от всякого рода неудобств, и за тем встретившись с Москвитянами, принуждено было воротиться назад, не сделав ничего важного. Таким образом быстро образовавшееся могущество Московского князя стало внушать страх не только соседним народам, но даже и более отдаленным, и высокомерие его при таких обширных границах и великих

удачах дошло до того, что он презирал в сравнении с собою всех других государей и полагал, что нет ни одного народа, который бы мог поспорить с ним **[25]** богатством и могуществом. До того времени Московские государи употребляли титул князя, прибавив к тому прозвание великий для обозначения превосходства над другими князьями, которые были под их властию; но отец Иоанна, Василий, первый захотел называться царем, названием, заимствованным из славянского перевода св. писания, которое на их языке означает короля, и хвастался, что Максимилиан Первый уже величал его этим титулом. Русский народ был приведен к христианской религии и посвящен в христианские таинства константинопольским архиепископом, некиим Василием, как указывают их летописцы и византийская история. Так как первыми учредителями религии были Греки, и так как были частые сношения между Греками и Русскими с одной стороны чрез Мизию и Иллирию, страны, занимаемые Славянскими народами того же племени, — с другой стороны чрез Киев, который соединяется через Днепр (Borysthenes) с Черным морем (Pontus Euxinus), то потому Славяне и удерживают по большой части как письмена греческие, так и обычаи, отличные, от постановлений Римской церкви; однако многое изменилось у них из этих постановлений частию от влияния времени, частию вследствие желания митрополита и других епископов угождать своему князю. У них существует немного законов, и даже почти только один — почитать волю князя законом. О князе у них сложилось понятие, укреплению которого особенно помогали митрополиты, что через князя, как бы посредника, с ними вступает в единение сам Бог, — и, смотря по заслугам их перед Богом, князь их бывает или милостивым, или жестоким. Вследствие этого они считают за долг, предписываемый верою, повиноваться его воле, как воле божественной, во всех делах, прикажет ли он постыдное или честное, хорошее или дурное; князь имеет относительно своих власть жизни и смерти и неограниченное право на их имущество. Это **[26]** обстоятельство, — что он один сохраняет во всем высшую власть, и что от него одного исходят все распоряжения, что он волен принимать те или другие решения и властен над всеми средствами для выполнения оных, что он может в короткое время собрать самое большое войско и пользоваться имуществом граждан, как своим для установления своей власти, — все это имеет чрезвычайно важное значение для приобретения могущества и для успешного ведения войн. Но если при этом увеличилась власть и могущество Московского царя, то с другой стороны тем сильнее поддерживался его жестокий и суровый

образ управления. Он совершил безчисленное количество убийств, и между прочим замучил самыми изысканными пытками своего двоюродного брата Андрея, на основании каких то подозрений в мятежных замыслах, со всеми его детьми и всем родом, за исключением только одной дочери, которую он потом сосватал за герцога Магнуса; он почти совершенно истребил Новгородское знатное дворянство, которое он подозревал в расположении к брату. Где попадалось, он не щадил также простолюдинов, избивая их массами, так что иной раз попавшие ему на встречу толпы несчастных людей, умолявших его о расположении и милости, по его приказанию избивались его сателлитами, или же в большом числе утопляемы были подо льдом, которым там бывают покрыты большую часть года озера и реки. Тому, кто занимается историею его царствования, тем более должно казаться удивительным, как при такой жестокости могла существовать такая сильная любовь к нему народа, любовь, с трудом приобретаемая прочими государями только посредством снисходительности и ласки, и как могла сохраниться та необычайная верность его к своим государям. При чем должно заметить, что народ не только не возбуждал против него никаких возмущений, но даже выказывал во время войны невероятную твердость при защите и охранении крепостей, а перебежчиков было вообще весьма **[27]** мало. Много, напротив, нашлось и во время этой самой войны таких, которые предпочли верность к князю, даже с опасностию для себя, величайшим наградам. Это объясняется, кроме многих других причин, между прочим и тою, о которой мы говорили выше, двояким религиозным их убеждением. Они считают варварами или басурманами всех, кто отступает от них в деле веры, даже и тех, кто следует обрядам Римской церкви, и отвращаются от них, как от какой-то язвы, считая непозволительным иметь что либо общее с ними; вследствие такого убеждения явился обычай, что всякий раз, когда князья выслушивают иностранных послов, они имеют пред собою таз с водою, чтобы ею тотчас обмыть руки, как бы осквернённые от прикосновения иностранцев. По установлениям своей религии, считая верность к государю в такой же степени обязательною, как и верность к Богу, они превозносят похвалами твердость тех, которые до последнего вздоха сохранили присягу своему князю, и говорят, что души их, расставшись с телом, тотчас переселяются на небо и наслаждаются небесным блаженством наравне с душами тех учеников нашего Спасителя, которые до конца остались тверды в своем благочестии и вере. Князья поддерживают суеверие, сколько это зависит от их власти. Они не позволяют никому ездить к чужестранным каким либо

народам, не позволяют даже чужестранцам вступать с их подданными в сношения; отправляя кого либо послами, они распоряжаются так, что к каждому послу приставляют по одному сторожу, и никому из них не позволено переговариваться с кем либо без сторожа. Вследствие этого Москвитяне, ходя как бы в постоянных потемках невежества, не видев обращения других народов и не понимая вообще приятности свободы, настоящее предпочитают более лучшему, известное сомнительному. К этому присоединяется страх, любовь и забота каждого о своих близких — **[28]** обстоятельство, легко ослабляющее даже и великие характеры, привыкшие к свободе. От тех, кого князь выбирает начальниками войск или крепостей, или вообще назначает на какие либо должности, он всегда держит в виде заложников жен, детей, родственников и все то, чем всего более тот дорожит. Если кто либо из таких лиц изменит ему, или если какое либо дело сделает не по его желанию, или не по его воле, он предает заложников страшным мучениям. Относительно займов, долговых обязательств и других частных сделок у них очень мало писанных законов. Есть разнообразные и жестокие наказания смертью, есть разного рода штрафы и битье батогами; все эти наказания, при безграничной власти князя, налагаются столь же часто, как мы сказали, по его произволу, сколько по заслугам; содержание в тюремном заключении они считают больше, чем штрафом или пенею, наказание же ссылкою им совершенно неизвестно. Князь собирает думу более для вида, так как всем распоряжается по своей воле. Большая часть ее членов состоит, как известно, из князей, потомков тех первоначальных князей, которые были подчинены Московскими князьями, или таких, которых государь из уважения к заслугам или по своей милости возвел в это звание или чин. Более знатные отличаются от народа, как разными знаками, так и тем, что они, по примеру государя, одни пишут имя своего отца впереди других титулов, например: князя, что считается у них весьма высокой честью, и они употребляют такой способ только пиша к равным, или к более низким; пиша же к государю, они не только не употребляют имени отца, но даже не пишут своего, разве только в некотором испорченном виде, свойственном тому языку (в уменьшительном), для того, чтобы показать, что они в сравнении с государем не только рабы, но как бы маленькие человечки, а не люди. В войске каждый имеет маленький **[29]** барабан привешенный к седлу, который употребляется всякий раз, когда войску нужно остановиться; при первом ударе и звоне, перенятом ближайшими и переданном остальным, в короткий промежуток времени войско перестает двигаться вперед. Митрополит не входит в думу, но иногда

государь пользуется также его советом, отчасти для того, чтобы снискать себе большое доверие у народа, отчасти чтобы показать по крайней мере вид, что его слушает. Войско князя состоит по обычаю и прочих народов из пехоты и конницы, лошади по преимуществу ногайские. Ни на одно средство князь не полагается так много, как на укрепления, и потому большая часть последних расположена на самых удобных местах между извилинами рек и озер; и гарнизоном, военными снарядами, провизией они снабжаются тщательнее, чем у какого бы то ни было другого народа. По видимому, они усвоили такой способ войны с того времени когда при незначительности своей они еще имели мало возможности бороться открытою силою с более могущественными соседями, и потому искали защиты большею частью в свойствах местности; захватывая удобные места, они понемногу усиливались, а за тем они удержали этот образ действий по неволе, так как видели, что при всяком сражении с соседями и в особенности с Поляками их воины остаются побежденными и таким образом они на самом опыте узнали, что нельзя много рассчитывать на храбрость своих в битве. Вследствие большого богатства лесного запаса, у них выстроены почти все крепостцы из дерева, из собранного в кучу множества огромных бревен, обыкновенно покрытых дерном; притом все крепостцы снабжаются больверками и башнями и кроме того окружаются искуственными рвами, если не было природных, валом и забором; вследствие чего эти строения не только не оказываются по виду некрасивыми, но до последней войны, во время которой **[30]** большая часть их была взята королем вследствие воспламенения от падавших бомб, считалось, что эти строения более безопасны для обороны и представляют большую выгоду, нежели каменные, так как с одной стороны таковое строение больше противится действию орудий, а с другой, если оно и пробито, то это не ведет за собою большого разрушения стены, что обыкновенно бывает с каменною постройкой. Что же касается Ливонии, то в ней есть и каменные стены. Ежегодно царь, по своему усмотрению, назначает в каждую крепость бояр и дворян в известном количестве и, распределив последних по укреплениям, держит всякого в одной крепости не дольше года. К ним он прибавляет стрельцов, т. е. воинов, на жалованье из среды народа. Воеводства также бывают годичные. По большой части назначается по три военноначальника; первого назначают для того, чтобы заботиться преимущественно об укреплениях, и ему не позволяется вообще ни в каком случае выходить за пределы укреплений, тем менее проводить ночь вне их; двое остальных назначаются наблюдателями или стражами к первому, из которых

одному в случае нужды, и если он получил полномочие от князя, позволяется делать вылазки и выходить за укрепления. Этих начальников на своем языке, по примеру польских воевод, они называют воеводами, иначе сказать — как бы военными предводителями, хотя у них эта должность не бывает постоянною и ограничивается только одною крепостью, и притом власть эта разделена бывает между многими. Не могу утверждать, от самой ли природы, или по их неуменью находить, в Московском государстве нет золота, серебра и других металлов, все это у них привозное; из Персии они получают вышитые одежды, шелк, драгоценные каменья, жемчуг. С Германией и другими западными странами они большею частию ведут меновую торговлю, при чем за свои товары, за дорогие меха, которых у них множество, **[31]** за воск, кожу, они получали оружие, снаряды, порох, а также серебро и золото, и местом такой торговли Московский царь сделал Нарву, после того как она была покорена им. Англичане же, объехавши Норвегию, Лаппландию и почти весь север, открыли себе дорогу по Ледовитому морю, там, где река Вологда, берущая начало из более внутренней части Московской земли, образует гавань Св. Николая. В характере рассматриваемого нами племени, кроме верности к князю, можно отметить еще крайнюю выносливость при всякого рода трудах, при голоде и при других тягостях, а также презрение к самой смерти. Впрочем, мужчины склонны к любострастию, и предаются любви не только с женщинами, почему даже в юношеском возрасте женятся, но и с мальчиками. Они отличаются лживым характером, вследствие дурной привычки, чрезвычайно изворотливы во всякого рода обманах и кознях; но может быть столько же способны к быстрому усвоению и добрых художеств, если бы кто наставил их в таковых.

Король, выступив из Варшавы, для устройства русских дел направился во Львов. Прежде чем отправиться, он назначил сеймики в воеводствах Краковском, Сандомирском и Серадском, так как эти воеводства, как мы выше упомянули, при установлении налога не согласились с общим мнением. На дороге он узнал, что воеводство Серадское потом согласилось, остальные же два упорно настаивали на своем отказе. Поэтому он остановился в Сандомире и сюда вызвал всех сенаторов Малой Польши. По их желанию он снова назначил съезд для тех же воеводств в Корчине. Здесь наконец согласились и эти два последние после того, как король уменьшил налог на пиво, так чтобы выплачивалась 18-я часть дохода в имениях королевских и духовных и 24-я в имениях шляхты. Во Львове король **[32]** выслушал татарских послов.[72] Султан турецкий по

просьбе Татар присоединил к посольству их и своего посла. С Татарами был заключен мир на тех условиях, на каких они его имели при прежних королях. Посол их привез грамоту своего повелителя, в которой он требовал мира, нечто упоминал относительно границ, и заранее делал прямо угрожающие оговорки относительно Низовцев. Король, не взяв письма, отвечал, что он будет держать мир с ним на тех же условиях, на каких его хранили предки, и что он будет давать такие поминки, какие те обыкновенно давали. Таким образом, все время войны с Москвою был мир с Татарами. А чтобы со стороны Низовцев, во время отсутствия его, не произошло какого либо замешательства, король, желая их сдержать примером и страхом, казнил смертию Подкову, тогда как султан турецкий требовал чрез послов его выдачи. Король находил тем более поводов поступить так, что казаки, не смотря на несчастный исход прежней экспедиции в Валахию, не отказывались от своего намерения и, взяв с собою младшего брата Подковы, Александра, снова с опасностию для себя свергли воеводу Петра. Александр попался живым в руки неприятелей, и посажен был на кол, а часть Низовцев, захваченная Турками, была отослана в цепях в Константинополь. Однако и самому Петру, столько раз низвергаемому как бы за его малодушие или беспечность, это послужило к беде. Когда убит был Магомет-паша, занимавший первое место между турецкими вельможами, то его место заступил Ахмет, и по его навету Петр был лишен власти, а на его место затем был назначен некий Янкола, родом из Трансильванских Саксов, ложно утверждавший, будто он не только принадлежит к народу **[33]** Валашскому, но даже и к роду князей Валашских. Покончив таким образом дела русские, король отправился в Краков, туда же явилось и московское посольство; старейший и сановитый начальник посольства умер на дороге от болезни[73]. Остальные же были по обычаю приняты высланными им на встречу людьми, затем введены были в городе, в дом, для них назначенный, и после представлены королю. Послы объявили, что не будут говорить, если сперва король, с открытою головой, стоя, не осведомится у них о здоровье и о состоянии их государя. Помимо унизительности такого требования, король вообще был того мнения, что не следует увеличивать уступчивостию высокомерия врага и без того уже напыщенного диким тщеславием, и проявившего едва выносимые гордость и надменность. Послы с своей стороны упорствовали в своем требовании и твердо объявляли, что они в противном случае уедут не исполнив поручения. Король позволил удалиться им в их помещение, не дав им аудиенции, и затем уехать в Литву[74]. Здесь же оказалось,

что налог, утвержденный на Варшавском сейме, дает гораздо меньше, чем некоторые утверждали, и что он совсем не будет соответствовать потребностям войны, ради которой он был утвержден сеймом. Король видел, что ему нельзя ни созвать сейма в это время, пока еще не совершено ничего важного, дабы потом его не упрекали некоторые, будто он под пустым предлогом войны ищет способов собрать как можно более **[34]** денег, ни созвать шляхту на сеймики, дабы не стали жаловаться, что он против обычая предков слишком часто обращается к этому средству. Так как в данный период времени шляхта заседала в судах, то король счел нужным объявить через эти собрания о том, чего он может себе ожидать от утвержденного налога, потому что были люди, которые до безконечности преувеличивали в речах своих величину налога. Затем он назначил послов к соседним государям, чтобы еще больше укрепить доброе расположение к нему друзей и воспрепятствовать планам недоброжелателей. Августу, курфюрсту Саксонскому и Иоанну-Георгу Бранденбургскому он сообщил о своих планах войны. Последние с негодованием взирая на то, что Московский царь так долго свирепствует против Германского племени с варварскою жестокостию, дружески поощряли короля предпринять войну за Ливонцев, так как сами, будучи отделены от границ их другими землями, не могли им ничем помочь. Бранденбургкий же курфюрст даже прислал ему в подарок военные пушки. Когда польские послы явились к турецкому султану, то Магомет, умнейший советник последовательно трех восточных государей, питавший расположение к королю, узнав о его намерениях вести войну с Московским царем, объявил, что он сочувствует его попыткам и желает ему успеха, но при этом прибавил, что король берет на себя трудное дело. “Велики силы Московцев, говорил он, и за исключением его повелителя, нет на земле более могущественного государя”. Отпустив посольство, король обратил свое внимание на внутренние дела. Так как утверждали, что уставы королевства не допускают назначения наместника, то он объявил, что он будет сноситься с первейшими из сенаторов, в случае если произойдет что либо во время его пребывания на неприятельской земле. Он обезпечил строгими постановлениями общий мир, дабы предупредить **[35]** всякие волнения среди диссидентов (несогласных о вере), что бывало в другие времена, особенно в Кракове. Король издал такое постановление: в случае, если кто в городе или местечке совершит какой либо слишком дерзкий своевольный поступок, особенно если будет какое нибудь сомнение относительно законного судебного приговора по

отношению к нему, тот пусть будет содержаться под стражей до его прибытия; тогда как, по обыкновенному и общему порядку судопроизводства, разбирательство вновь совершенных преступлений принадлежало старостам вместе с городскими урядниками (магистратами) и только в случае несогласия между ними следовало обращаться к королю. В то время, как король находился в Кракове, получено было известие об одержанной нами победе при Вендене; это известие принесло с собою как бы предзнаменование о ходе всей войны. Венден, как мы выше сказали, снова подвергся осаде со стороны Москвитян с далеко большими чем прежде силами, при чем послано было к городу четверо воевод, пользовавшихся особенным уважением: Петр Татев, Василий Воронцов, Петр Хворостинин и Андрей Щелкалов. В продолжение нескольких дней они тщетно осаждали город, и тем самым дали время нашим собраться с силами и войдти в сношение с начальником шведской милиции Георгом Бойе. Под городком Стропою соединились Андрей Сапега, вождь тех войск, которые в небольшом количестве находились в Ливонии: не смотря на весьма незначительные силы, он с большим мужеством до сих пор воевал против неприятеля, — Матвей Дембинский; кроме того пришли из Ливонцев Николай Корф и некоторые другие как из Поляков и Литовцев, так и из Ливонцев, с отрядом из нескольких всадников. При реке Говьей, в средине между Вольмаром и Венденом, к нам присоединились шведские войска. Выступив отсюда, они встретили неприятеля, **[36]** который в боевом порядке, с распущенными знаменами, ожидал их у Вендена. Наши очень храбро сражались, ибо Поляки, Литовцы и Шведы поощряли друг друга, чтобы отомстить за свои оскорбления, а Ливонцы, чтобы достичь свободы, все же вообще стремились к чести и славе; конница неприятельская была обращена в бегство, при чем Татары прежде всех бросились бежать. К ночи воеводы стали задерживать бегущих и собирать их в лагере, увещевая во имя давнишней славы народа, во имя верности своим князьям, лучше подвергнуться крайней опасности и гибели, чем покинуть лагерь и военные снаряды, вверенные их мужеству государем. Однако, когда страх стал увеличиваться с приближением опасности и ночи, которая вместе с тем, казалось, прикрывала их позор и стыд, то исчезла всякая возможность сдерживать толпу, и двое воевод, Петр Хворостинин и Андрей Щелкалов, начальствовавшие над конницею, вместе с нею бежали; другие двое, коим вверены были пушки и снаряды, оставшись почти одни в лагере, охватили руками более важные военные орудия, дабы показать, что они до последнего вздоха охраняли лагерь, военные снаряды и верность к государю; в таком

положении они были найдены на другой день рано утром, когда наши ворвались в лагерь и окопы, и взяты живыми вместе с лагерем и с 30-ю приблизительно орудиями. Другое не менее замечательное доказательство верности представили простые бывшие при наряде пушкари. У Москвитян такой способ управления орудиями: они зарывают пушки в землю; впереди их, там, где приходится дуло, проводят ров надлежащей глубины, в нем прячутся те, которые заряжают пушку; к жерлу дула прикрепляют веревку, и когда нужно зарядить ее, то пушку пригибают ко рву, когда же нужно стрелять, снова опускают. Из орудий особенно замечательны были следующия: одно под названием волк, другое ястреб, два под названием девушки, **[37]** столько же с именем и изображением соколов, сверх того несколько отнятых у Шведов с их же знаками. Когда из поставленных при этих орудиях пушкарей большая часть была перебита, а другие разбежались, то остальные, видя, что наши овладели лагерем, потеряв надежду на спасение орудий, и вместе с этим любовь к жизни, добровольно повесились на веревках, которые, как мы выше сказали, спускались сверху жерл. Эта победа была замечательна: много неприятелей было убито, не мало взято в плен, причем с нашей стороны был незначительный урон.[75] Потеряв названные пушки, Московский царь тотчас приказал вылить другие с теми же названиями и знаками и при том еще в большем против прежнего количестве; для поддержания должного представления о своем могуществе, он считал нужным показать, что судьба не может взять у него ничего такого, чего бы он при своих средствах не мог в короткое время выполнить еще с знатным прибавлением. Около того же времени жители Ревеля, умоляя короля о помощи и милосердии, просили помочь им некоторым количеством хлеба, так как вследствие продолжительной войны, они приведены неприятием в ужаснейшую крайность; отрезанные почти от всяких сношений и загнанные в город, они уже долгое время лишены были возможности заниматься земледелием. Король подарил 100 мер хлеба.

Прежде чем оставить Краков, король посоветовался с сенаторами относительно назначения главного предводителя войска; сенаторы говорили, что он может назначить либо пожизненного гетмана, либо чрезвычайного на известный срок, как например на один или на два похода, но большинство **[38]** высказывалось в пользу назначения для одной только этой войны. Король, отправляясь из Кракова в Варшаву, вызвал туда Подольского воеводу Николая Мелецкого. Он еще при жизни Сигизмунда Августа снискал себе большую славу

храброго и знающего военное дело человека, так как, сопровождая Богдана в Валахию и будучи неожиданно окружен многочисленнейшим войском Валахов и Турок, он сумел отвести войско назад в Польшу с честию и без всякого урона. Мелецкий извинялся своим слабым здоровьем и разными другими препятствиями, но наконец принял начальство только над этою экспедицией. По этому король, условившись с ним о том, каких и скольких он желает набрать полковников и ротмистров, отпустил его домой для приготовлений. **(1579)** Отсюда король двинулся в Гродно; он находился в большом затруднении, потому что суммы, поступившие от установленного налога, были пока незначительны сравнительно с важностию предприятия, и если бы даже оне поступили все в целости, то он видел, что и тогда их было бы далеко недостаточно для предстоящих военных потребностей. В виду всего этого он с величайшею энергиею принял ряд необходимых мер. Что касается денег, то он частию взял взаймы, частию отдал свои, которые имел, как частный человек, в казне. Повсюду в Польше он приказал набирать солдат, послал к брату Христофору, князю Трансильванскому, чтобы он прислал ему несколько рот старой венгерской пехоты и несколько конных эскадронов. Дал поручение вербовать солдат в Германии Христофору Розражевскому и Эрнесту Вейеру. Литовские паны, которым он сообщил о своих затруднениях, обещались выставить солдат, каждый сообразно со своими средствами, и при этом каждый в отдельности заранее обозначал количество, которое он имел привести с собою; когда это число стало доходить до 10.000 человек, то король, ободренный усердием **[39]** Литовцев, с большим одушевлением занялся остальными делами и устроив их сообразно с требованиями времени, прибыл в Вильну. Воевода Виленский Николай Радзивил, которому король еще прежде отдал Литовское гетманство, а позднее, по сдачи Ходкевичем управления Ливониею, поручил на время попечение и об этой провинции, с своей стороны передал начальство над войском, находившимся в Ливонии, своему сыну Христофору, королевскому подчашему и гетману надворному литовскому. Сей последний успел совершить экспедицию к Дерпту и опустошив на огромном пространстве неприятельские земли, захватил и разрушил, при первом нападении, Киремпешь; к этому же времени он явился в Вильну к королю и к отцу, а за ним последовало войско, требуя заслуженного жалованья. Там же король приказал приготовить и все другое, что нужно было для войны; он приказал выливать военные пушки по известному образцу, который он признал сам по опыту и пробе самым удобнейшим; приказал навести мост в Ковне, чтобы

воспользоваться им при следующих экспедициях. Мост составлялся из отдельных судов, которые затем соединялись между собою посредством досок, так что всякий раз, когда нужно было, суда эти могли быть разъединены и, будучи поставлены вместе с разобранными досками на телеги, могли быть перевезены куда угодно без всякого затруднения на запряженных попарно лошадях. Вместе с тем, так как и не все войска собрались, и не прекратились морозы, которые в этой стране, находящейся под созвездием Большой Медведицы, в этом году продолжались дольше обыкновенного, до дня св. Ивана, так что никакие травы не показывались до того времени, — король занялся рассмотрением литовских дел, отложенных было уже на более долгий срок. Затем он отправил Василия Лопатинского[76] с **[40]** письмом к Московскому князю, в котором он объявил ему открытую войну, выставляя следующие причины: несмотря на объявленное перемирие, царь опустошил огнем и мечем провинцию Ливонию; послов его принял неуважительно, обманул их двойственностью перемирных грамот и в это самое же время отправил в Ливонию войска, осадил Венден, и наконец чрез посредство своих собственных послов прибавил к прежним оскорблениям новую обиду и насмешку. Около того времени, Московский царь отпустил Гарабурду, которого до сих пор он удерживал, дав ему только ту отповедь, что он пошлет к королю спустя немного своего человека переговорит об этих делах. И действительно, за Гарабурдой тотчас отправился кто то с письмом.[77] Царь требовал чтобы король сохранял перемирие раньше заключенное; если же есть еще какое либо несогласие относительно Ливонии, то пусть он покончит его с ним полюбовно чрез посредников, выбранных с обеих сторон. Король отвечал тоже что и прежде, что он никак не может допустить перемирия на таком основании. Что же касается прибавления относительно Ливонии и полюбовного решения спора о ней, то это напрасная и смешная выдумка; ибо, если бы он (король), однажды приняв и скрепив клятвою перемирие, по которому он отступался от всякого права на Ливонию и заявлял, что впредь не будет иметь притязания на какую бы то ни было часть ее, затем снова захотел бы вести о ней речь, то — разве возможно для кого сомнение в том, что он пошел бы против своей клятвы, **[41]** и уже по этому самому должен был бы проиграть свое дело. Если царь желает, чтобы был мир между ним и королем в Литве и Руси, а спор о Ливонии в тоже самое время решался бы на месте оружием, то такой вид перемирия ему (королю) кажется чем-то новым и странным, и хотя он хорошо знает, что во время Сигизмунда Августа и безкоролевья Польше

было навязано перемирие такого же рода, однако он сам, когда ему представляется случай заключить новое перемирие, желает иметь надлежащее. Нет человека до такой степени тупого и неопытного, который бы не видел, что еслибы, получив некоторый успех в Ливонии, царь пожелал возобновить войну в Литве, то благодаря тому перемирию, к которому он прибавил условие об уступке Ливонии, у него всегда нашелся бы предлог к перенесению военных действий в Литву, как только показалось бы ему это удобным; достаточно было бы сослаться на то, что король нарушил вышеозначенное условие, ведя войну в Ливонии. По отпуске этого посла, рассмотрены были предложения татарского хана. Последний в это время прислал послов к королю, зная, что предпринимается война против Московского царя; согласно договору, по которому он обязан был помогать Польским королям против всяких неприятелей, за исключением одного турецкого султана, хан предлагал с своей стороны вторгнуться в Московское государство, просил даров, требовал обуздания буйства Низовцев. Хану отвечали, что он, обещая свою помощь против Московского царя, исполняет свою обязанность, и что ему присланы будут дары: дано было действительно несколько тысяч золотых монет и известное число одежд; что же касается до Низовцев, то ответом было, что этот сброд из всяких народов не находится во власти короля, и при том часто сами Турки и Татары к ним присоединяются, но король всетаки постарается, на сколько это возможно, **[42]** оградить Татар от обид с этой стороны. Татарский хан, вопреки обещанию, совершенно не участвовал в войне против Московского царя, будучи занят другою войной против Персов, веденной тогда турецким султаном. Явился и Готтард, князь Курляндский и Семигальский, и просил подтверждения своих владений и инвеституры. Король приказал ему остановиться в Дисне и обещал между тем предложить об этом сенату. Затем он дал приказ собраться войску к началу июля месяца в Свирь. В Вильну в это время пришла венгерская пехота, присланная Трансильванским князем Христофором и значительный эскадрон всадников. Мелецкий, возвратившийся тогда же к королю, заметил, что вследствие медленного доставления денег сборщиками податей и запоздавшей по этому уплаты военного жалованья, уже обнаруживается некоторое охлаждение усердия со стороны солдат, стал настойчиво побуждать, чтобы польское войско собиралось как можно скорее на призыв короля.

КНИГА II-я

Отправившись из Вильны накануне июльских календ[78], король прибыль затем в Свирь. Тут он увидел часть литовской конницы, которая была отлично снабжена всем нужным, в особенности та, которая приведена была фамилией Радзивилов и королевским крайчим Иваном Кишкой. Король, считая нужным предварительно решить главный вопрос войны, держал здесь совет о том, в какую сторону лучше всего направить поход. По мнению почти всех Литовцев, следовало идти через Ливонию ко Пскову, так как этот город по обширности и по значению достоин был того, **[43]** чтобы из-за него подвергнуться величайшим трудам и всяческим опасностям; к тому же его считали мало защищенным против нападения, ибо стены его, вследствие ветхости, были в упадке, и никаких мер предосторожности не было принято, как в месте совершенно безопасном и отдаленном от театра войны. Поэтому Литовцы выражали надежду, что король мог бы без большого труда и опасности овладеть им. Король был противного мнения; главнейшею задачею войны он поставил — освобождение Ливонии от неприятеля, и понимал, что если перенести военные действия на Ливонскую территорию, то в стране, обладающей частыми городами и крепостями, в продолжении стольких лет разоряемой, при недостатке припасов и при необходимости многократно прибегать к осадам, военные действия были бы медленны и трудны при том он не только бы передал страну, ради освобождения; которой предпринял войну, снова в жертву опустошениям неприятеля и своих, но и Литву, лишенную защиты, открыл бы в тоже время для неприятельских нападений, направив все военные средства в другие места. Если же направиться на Псков по другой дороге, чрез неприятельскую землю, то он считал противным правилам военного искусства, оставив в тылу столько вражеских гарнизонов, через край неприятельский и трудно проходимый углубляться, так далеко в страну противника; в случае какой-либо неудачи, не было бы оттуда ни удобного отступления, ни возможности вызвать подкрепления из соседних пунктов. Он видел, что избегнет того и другого взятием Полоцка, так как этот город, расположенный у реки Двины, открывает легкий доступ в Ливонию и в Литву; продолжая затем постепенно движение вперед, он мог бы внести потом войну в самое Московское государство и потом, как — бы обойдя Ливонию и преградив к ней доступ неприятелю, он мог бы овладеть ею вполне, не удаляясь далеко от Литвы; притом обеим, и Литве и **[44]** Ливонии, он мог бы подать руку помощи в случае

неприятельских нападений. К этому присоединялось и то обстоятельство, что король кроме возвращения Ливонии очень много думал о том, чтобы доставить Литовцам и Ливонцам судоходство по реке Двине, которою одной только держится Рижская гавань; плавание по ней много содействовало бы охранению Ливонии и недопущению к ней неприятеля, а вместе доставило бы большие удобства для торговли и промышленности. Король видел, что завоеванием Полоцка будет сделано много для таковой цели, ибо гарнизон Полоцка господствует на значительное протяжение над течением Двины; из этого города посылаются вспомогательные войска и провиант в Кокенгаузен и в другие крепости Ливонии, отсюда производятся набеги, вследствие которых останавливается торговля Риги и Вильны. Наконец, так как Полоцк очень недавно был взят неприятелем, то чем свежее сохранялась память у людей о той потере, тем живее была бы радость при его возвращении и большая слава досталась бы его освободителю. Другие говорили, что осада Полоцка дело слишком трудное, чтобы предпринимать его при самом начале военных действий: Полоцк — город сильно укрепленный самою природою, а также и искусством, и в виду своего пограничного положения, весьма тщательно снабженный припасами, пушками, порохом и всеми военными снарядами, так как неприятель не мог сомневаться, что (в случае нашествия) ему придется выдержать первое нападение. Во всяком деле много значит самое начало, так как по первому впечатлению люди легко склоняются в ту или другую сторону; общее настроение во время войны, уверенность в успехе зависит оттого, чтобы не встретить неудачи при начале. Но король полагал, что нет ничего непреодолимого для мужества, и был того мнения, что чем больше будут побежденные в начале трудности, тем ревностнее будут все стремиться к достижению прочих целей **[45]** войны, и что если встретятся какие либо затруднения, то во всяком случае они будут гораздо меньше, когда все будет с тыла спокойно и недалека помощь из дому. Поэтому король полагал не отступать от ранее принятого решения. Соображая, что слух о предпринятом походе распространился уже на огромном пространстве по различным народам, и кроме того, что у него войско собрано из различных племен, и желая, чтобы всеми была одобрена не только война, но и повод к ней, он обнародовал манифест, сперва написанный по латыни, потом переведенный на польский, венгерский и на немецкий языки, ибо из этих народностей исключительно состояло его войско; в манифесте он напоминал об оскорблениях, нанесенных ему Московским царем, и излагал, по каким причинам он предпринимает войну против него. Затем решено

было послать наперед кого-нибудь с частью войска для того, чтобы согласно правилам военного искусства задерживать неприятеля в стенах и открыть дорогу остальному войску, пока оно не подойдет. Так как наибольшее влияние и главная власть и право команды в лагере принадлежали польскому (коронному) гетману, и притом не все польские войска собрались, то король, удержав при войске Мелецкого, послал наперед Радзивила с сыном Христофором и с несколькими литовскими войсками в Полоцк; с ними же он приказал отправиться Каспару Бекешу с венгерскою конницей и несколькими полками. Затем из Свири он направился в Дисну в следующем порядке: так как с правой стороны на дороге были неприятельские крепости — Красный, Суша, Туровль, то по этой стороне двигался Мелецкий с польским войском, при чем Иван Збаражский получил приказание быть у него в авангарде. Король шел по левой стороне. По дороге к королю пристали отличнейшим образом снаряженные войска других литовских магнатов, воевод: Степана Збаражского, воеводы Трокского; **[46]** Николая Дорогостайского, воеводы Полоцкого, и некоторых частных лиц; войска эти были им осмотрены. В продолжении нескольких дней непрерывно шли сильные дожди, что до такой степени затрудняло перевозку тяжелых военных снарядов, особенно пушек, что король счел нужным уступить лошадей, которые у него были при собственных повозках, для того, чтобы поскорее подвинуться к цели похода. Это затруднение, явившееся при самом начале, даже без слов опровергало мнение тех, которые полагали, что нужно идти таким далеким путем прямо на Псков. В Дисне Мелецкий показал королю конницу и польское войско почти в полном сборе, превосходнейшим образом на вид устроенное и разделенное на эскадроны и полки, которые проходили перед королем под знаменами. Всадники, покрытые железными панцырями и шеломами, кроме копья все были вооружены саблею, дротиком и двумя пищалями, прилаженными к седлам, так что и всадники во время маневров производили такой же треск и гром, как и пехотинцы, принадлежностью которых были ружья. Туда же явились и запоздавшие литовские войска; в числе их 900 отборнейших всадников Ивана Ходкевича, кастеляна Виленского, одержимого в то время весьма тяжелой болезнью, от которой немного спустя он умер; также были всадники и Ивана Глебовича, кастеляна Минского и других. В тоже время пришло с Христофором Розражевским, и Эрнестом Вейером и немецкое войско; хотя они не имели позволения на открытую вербовку и производили ее только урывками и тайно, однако приведенные ими люди не уступали всем другим в мужестве, а также по роду

оружия и по опытности в военном деле они нисколько не были ниже остальных. Вообще все войска, как по роду и числу людей, так и по уменью владеть оружием были таковы, что Мелецкий не поколебался уверить короля, что войско составлено гораздо даже лучше, [47] чем того требовала важность начатой войны, и что оно снаряжено так удачно и хорошо, как ни одно из виденных им, в коих он служил на родине и на чужбине в качестве ли полководца, или простого воина, ибо прежде он всегда замечал, что с какой нибудь одной стороны войско бывает неудовлетворительно, либо со стороны пехоты, либо конницы.

После осмотра войск, за герцогом Курляндским, который, как мы выше сказали, был отправлен в Дисну, было подтверждено обыкновенным порядком владение Курляндским и Семигальским герцогством, и сам он был принят под защиту и покровительство короля. Спрошенные о том все литовские сенаторы, большая часть которых присутствовала, и те из магнатов польских, которые тут также находились, были согласны покончить дело, несколько исправив те условия, которые, по их мнению, были заключены королем Сигизмундом Августом по обстоятельствам того времени недостаточно выгодным образом. В таком же смысле письменно дан был ответ не присутствовавшими тут сенаторами Великой Польши, также Руси, Пруссии и Мазовии. Большая часть сенаторов Малой Польши, которые в то время случайно собрались в Люблине для судебных дел, так как в то время там были первые аппеляционные суды, о которых выше было сказано, полагали, что следует передать это дело на сейм, повидимому из опасения того, что при малочисленности польских сенаторов сравнительно с литовскими, права королевства относительно этого княжества недостаточно будут приняты во внимание. Но королю казалось недостойным дольше задерживать герцога, в котором после раз данного слова, он никогда не замечал колебания, но всегда видел искреннее расположение к Польше; и кроме того он не считал достаточно безопасным оставлять в неизвестности при настоящем положении Ливонии свое ленное право по [48] отношению к владельцу области, соседней с неприятелем. По этому, дело было решено главным образом на тех условиях, чтобы герцог обещал королю верность и повиновение и дал присягу на его имя, что он не будет признавать над собою никакой верховной власти, как только королей Польских; и чтобы король с своей стороны принял на себя защиту и покровительство его против всех; относительно же юрисдикции над подданными герцога было предусмотрено, чтобы аппеляции на приговоры герцога поступали на сейм ливонский, который король намеревался учредить после присоединения

остальной Ливонии. Когда герцог приближался к лагерю, Мелецкий выслал людей, чтобы проводить его к нему в палатку; пробыв здесь некоторое время, пока его не позвали, герцог затем был приведен к трибуналу и при распущенных знаменах и при собрании всего войска произнес торжественную клятву королю, при чем коронный канцлер ему подсказывал слова. Между тем неприятель, дошедши до Пскова, послал наперед часть войск в Ливонию. Последния, перейдя тихонько реку Двину у Кокенгаузена, которым, как выше сказано, Московский царь овладел раньше, отбросив, благодаря неожиданности нападения, около 150 всадников Курляндского герцога, находившихся в карауле по сю сторону Двины, и опустошив области Зельбургскую герцога Курляндского и Биржанскую Христофора Радзивила, поспешно вернулись за Двину[79]. Мы выше сказали, что войско, находившееся в Ливонии, отправилось в след за Христофором Радзивилом в Вильну для получения жалованья. Между тем король послал в Ливонию Ивана Талвоша, кастелана Жмудского, с теми войсками, которые можно было собрать наскоро; Филону же Кмите, начальствовавшему в Орше, приказал наблюдать на Днепре, **[49]** чтобы с этой стороны не понести от неприятеля какого либо урона. Войско, посланное вперед с Виленским воеводой в Полоцк, переправилось чрез Двину при Дисне по мосту, устроенному в Ковне из кораблей таким способом, как выше было описано. Неприятель ничего не предпринимал, чтобы воспрепятствовать ему в переправе, или по той причине, что согласно правилам московской дисциплины войско не осмеливалось выйдти из крепости без приказания государя, или потому, что возгордившись недавними успехами, он с пренебрежением относился к слухам о польских силах, сосредоточивавшихся в Свири. За Двиною некоторое время немного задержали наших частые леса, ибо с того времени, как Московский царь взял Полоцк, почти впродолжение 16 лет его господства, поля, которые тянутся от Двины и Дисны к Полоцку, оставались необитаемыми и невозделанными, а вследствие того на этой плодородной почве выросли многочисленные и очень густые пущи. Но венгерская конница принялась за дело, стала рубить топорами лес и живо окончила работу, так что в скором времени войско преодолело эти препятствия.

В древнее время Полоцк имел своих князей и, около 980 года от Р. Х. или по летосчислению русских около 6488 лета, повиновался князю Рогвольду (Rochuoldus); последний потерял жизнь вместе с двумя сыновьями и власть в борьбе с Владимиром, когда этот пошел на него войною с большим ополчением за то, что дочь Рогвольда Рогнеда, по рассказу русских летописей,

отказалась выдти за него замуж. После этого Полоцк перешел во владение государей и князей Русского народа; когда их племя, княжившее в Южной Руси, угасло, Полоцк перешел к Литве, как и некоторые другие Русские области. Во время царствования Ягайла сперва у Литовцев, а потом и у Поляков, брат его Андрей захватил владычество над Полоцком почти в то самое время, когда **[50]** Ягайло принимал знаки королевской власти в Кракове, но потом Полоцк опять был возвращен посланными туда войсками и оставался под властью королей польских и великих князей литовских до 1563 года, пока не был взят и завоеван Иваном Васильевичем, Московским царем. Область Полоцкая простирается до 150 миль в длину, и столько же в ширину, не уступает ни одной области, как в плодородии почвы, так и в изобилии рек и озер. Она имеет много судоходных рек, главным образом Двину, которая, беря начало недалеко от Торопца, в Московской области, вливается в Рижский залив и из всех почти северных рек самая величественная и красивая. За нею следуют Дрисса, Усвяча, текущая из Московской области, Дисна, Ула из Литвы, Каспля от Смоленска, все впадающие в ту-же Двину. Положение литовских и русских крепостей по большей части таково, что оне находятся при устье какой нибудь малой реки, соединяющейся с большою; так как близость большой реки одинаково обща многим, то все почти эти крепости имеют названия от меньших рек. Отсюда Полота, небольшая речка, дала некогда название крепости и городу, а город целой области. До подпадения под власть Московского царя, вся эта страна имела один только укрепленный город, Полоцк, и крепость Озерище; а впрочем в этой области довольно много было местечек и селений. Благосостояние Полоцка, благодаря большим выгодам от реки Двины, до того увеличилось, что богатством он превзошел столицу Литвы, Вильну. Озерище; находящееся по направлению к Москве на озере, откуда берет начало река Оболь, имеет доступ только с одной стороны, так что едва можно пройдти пешему. После занятия Полоцка Московцами, здесь и там было построено несколько крепостей и поставлены гарнизоны, частию для того, чтобы удерживать за собою область, реку и судоходство и мешать плавать неприятелю, **[51]** частию для того, чтобы препятствовать неприятельским нападениям на эту область, весьма обычным там, где право владения окончательно не было решено ни в ту, ни в другую сторону. Король Сигизмунд Август основал Дисну при слиянии с Двиною реки того же названия, Воронеч при реке Ушаче и Лепель на острове озера, образуемого рекою Лепелем.

Так как мы дошли до этой местности, то кажется не лишним будет сказать несколько слов об ее положении и природе.

Через эту часть Литвы протекают две отдельные реки, обе судоходные; оне находятся между собою в таком отношении, что отстоят друг от друга не более 5000 шагов и обе вливаются в два большие и очень далеко отстоящие моря. Вышеупомянутый Лепель впадает в реку Улу, также судоходную, с нею вместе вливается в Двину, а чрез нее у Риги в Балтийское море. Другая река Березина, протекая в противоположную сторону, чрез посредство Днепра вливается в Черное море, так что если бы умиротворены были те народы, во власти которых находится течение этих рек, то при такой близости их и при возможности перевозить товары из одной в другую и наконец при удобстве соединения их, Север и весь Запад весьма легко могли бы сообщаться для торговли с Востоком. Вместо того, плавание по Двине уже ранее Московцы сделали небезопасным и за тем те же Московцы, Татары и другие, о которых выше сказано, теперь делают таким же и Днепр. Сигизмунд Август, пытался защитить также устье реки Улы крепостью, но принужден был уйти от сюда не без потерь, после того как строитель ее, какой-то Венецианец, был убит вместе со своими работниками; с другой стороны, когда неприятель вздумал укреплять эту местность, то и Август послал туда войско из Радошкович, и хотя осада, не смотря на все усилия, долго оставалась тщетною, все-таки наконец в следующем году воевода Брацлавский **[52]** Роман Сангушко взял укрепление, в то время как Московский царь вывел старый гарнизон для смены новым; верхнюю же часть этой страны и слияние реки Лепеля с Улою король еще раньше укрепил, устроив крепость Чашники. Подобным же образом, построив за Двиною 5 крепостей, Москвитяне с своей стороны вполне утвердили за собою владение этой местностью. На Псковской дороге, на полуострове, образуемом реками Дриссою и Нищею, против Литовских крепостей, Дисны и Дриссы, они поставили крепости: Сокол, Нищерду у озера того же имени, в расстоянии 30 миль от Заволочья, Ситну на дороге Велико-Лукской, при верхнем течении реки Полоты, затем Козьян на реке Оболи, которая тут как бы описывает круг около него, Усвят при судоходной реке того же названия, впадающей в Двину у Суража насупротив реки Каспли; Козьян противопоставлялся Уле, Усвят Витебску и Суражу. По сю сторону Двины царь выстроил Туровль, при устье реки того же имени, которым она впадает в Двину, и на озере, выпускающем реку Туровль, на месте очень укрепленном и окруженном со всех сторон водою, с особенными целями была воздвигнута крепость Суша, угрожающая Литве, так как царь уже замышлял войну Литовскую и мысленно представлял Вильну средоточием и главною целию будущих военных предприятий.

Вследствие этого он укрепил искуственно и без того уже раньше природой весьма укрепленное место и снабдил его всякого рода военными снарядами, для того, чтобы держать там небольшой, но хорошо вооруженный гарнизон. Сверх того к ним он прибавил Красный, также лежащий на более высоком месте по направлению к Литве. И вот казаки литовские, собранные под начальством Франциска Жука на границах, при первом слухе о решенной войне, ночью внезапно напали на Красный; приставив лестницы и захватив гарнизон, они **[53]** овладели укреплениями и довольно большими запасами провианта. С таким же успехом был взят и разрушен казаками на другой стороне Козьян, Задвинская крепость, посредством внезапного нападения. В это же время Виленский воевода с войском, имевшимся при нем, подошел к Полоцку; неприятель, увидя это, тотчас вывел свои войска из-за укреплений, и у самых ворот выстроился в боевой порядок, но не дав никакого повода завязать сражение, вернулся в город; однако конница, жадная до битвы, пустившись за ним в погоню, преследовала его до самых стен и успела несколько человек поразить копьями. В то же время Венгерцы и Литовцы, бросившись вдруг от Полоцка по дороге Псковской на Ситну, сожгли ее неожиданным и внезапным образом. Идя к Полоцку и имея с левой стороны неприятельскую крепость Сокол, король боялся, чтобы неприятель не причинил какого либо вреда при подвозе провианта нашим, тем более, что он мог получить подкрепления из Пскова, и советовался с Мелецким, не повернуть ли с дороги для завоевания этой крепости, но потом, подумав что из-за такого рода маловажных осад часто теряется возможность совершить более важные дела, поспешил к Полоцку, как главному городу провинции, совсем оставив свое намерение и, в три перехода, для которых места (остановки) обозначил Мелецкий, ранее прошедший дорогу с легкою конницею, прибыл из Дисны к Полоцку.

В то время как войско направлялось к Полоцку, Московиты умертвили мучительным образом польских и литовских пленников, которых с давнего времени держали в тяжелых оковах, и привязав их трупы к бревнам, они спустили их по реке Двине на встречу шедшим, полагая тем возбудить в них ужас[80]. Взяв с собою только **[54]** канцлера Замойского и Каспара Бекеша, между тем как Мелецкий принял на себя заботу о войске, и расположил на удобной местности сторожевые отряды против вылазок, король, объехав город, осмотрел местоположение, и тут же совещался о том, с какой стороны лучше всего следует начать приступ.

Полоцк состоял из двух крепостей или замков — одна

расположена на более высоком месте и приходится посредине; другую Русские называют на своем языке Стрелецкою, и из города Заполотья. С юга протекает река Двина, которая, сделав малое уклонение к западу, затем прямо течет к Риге и у нее впадает в море. С севера течет река Полота, у подошвы Стрелецкой крепости немного уклоняясь от прямого течения к востоку она затем снова отклоняется к северу и, обогнув подошву холма, на котором расположен Верхний замок, отделяемый ею от города, немного ниже того места направляется к югу и соединяется с рекою Двиной. Средняя крепость (или Верхний замок), которая, как мы сказали, расположена на холме, имеющем весьма обширный кругозор, с юга, как показано, граничит с рекою Двиной, с севера и востока рекою Полотой и городом Заполотьем, с западу крепостью Стрелецкою. Холм, на котором возвышается Верхний замок, со всех сторон обрывист и окружен повсюду весьма высоким валом и большими глубокими рвами, для усиления которых употреблены были все средства; стены же и башни ее очень тверды и состоят из нескольких связанных между собой рядов из весьма крепкого дуба. Стрелецкая крепость, расположенная на меньшей возвышенности по направлению к западу, на холме немного покатом с востока, соединялась коротким мостом с более высокой крепостью. Город некогда стоял по сю сторону реки Полоты при подошве холма, который Москвитяне впоследствии заняли Стрелецкою крепостью, но он был **[55]** разрушен при осаде неприятелем. Впоследствии, по закреплении владения, ради чрезвычайного удобства этого пункта для торговых сношений, Московский царь думал возобновить город на том же самом месте; но так как с этой стороны оказалось для него самого более удобным завоевание города, то, опасаясь, что и наши здесь откроют себе доступ, он перенес город за реку Полоту, а главную крепость на место, занимавшее середину между обеими реками, так что образовался, так сказать, трех-угольник, одну сторону которого защищала Двина, другую против главной крепости река Полота, а третью рвы и башни. Королю казалось несомненным, что осаду нужно начать с средней и в то же, время самой главной и сильнейшей крепости — по той причине, что сколько бы ни истратить труда и времени на осаду остальных мест, но ясно, что если самый важный пункт останется не взятым, то еще нельзя будет лишить неприятеля возможности к отступлению и надежды на возможность выдержать осаду; со взятием же этой части, по занятии более высокого и в то же время наиболее укрепленного пункта, в котором хранился весь провиант и воинские снаряды неприятеля, и город и другая, то есть Стрелецкая крепость

достались бы в его власть без всякого труда. К этому присоединялось и то обстоятельство, что со стороны города взятие крепости оказалось бы все-таки довольно трудным по причине брода через реку Полоту, омывающую подошву холма, на котором расположена крепость. Несмотря однако на это, Бекеш полагал, что прежде нужно попробовать взять город Заполотье, который стоял прежде всех по течению реки Двины: если бы по завоевании его неприятели удалились в крепость, то во первых это усилило бы затруднительное положение всех осажденных, которые тогда были бы стеснены в одном месте, убавило бы у них надежду, уменьшило бы труд нашим, и придало бы им мужество; при том взятие замков со стороны города немного было бы труднее, **[56]** чем с другой стороны, ибо реку Полоту везде можно, говорил он, перейти в брод, едва обмочив ноги до колен. Действительно в то время река была так мелка. Главным образом Замойский побуждал короля настаивать на своем первоначальном плане, потому что, когда во второй раз с целию рекогносцировки он один подошел ближе к месту, на котором стоял прежде город, и который Русские по сожжении называли на своем языке как бы Пожарищем (Pozar), то заметил, что гораздо более легким представляется приступ с этой стороны, ибо тут нет ни рвов, ни высоких холмов, которые находятся с тех сторон, и что Стрелецкая крепость расположена на холме, покатом к низу, так что на вершине холма, на внешней ее стороне, поднимался как бы некоторый горб, который мешал находившимся в крепости метко бросать стрелы. В то время, как король думал поближе посоветоваться с Мелецким и другими сенаторами, немецкий отряд, по собственному побуждению перейдя р. Полоту, выбрал местность для лагеря у Двины в стороне от города против самой главной крепости и Стрелецкого замка. Поэтому король боясь, чтобы не произошло какого либо раздора вследствие племенного соперничества, позволил копать шанцы по направлению к городу и там, где стоял Бекеш с Венграми. Затем было выбрано место для королевского лагеря за рекою Двиной, между нею и каким то озером, ниже места, занятаго, как мы сказали, Немцами, и сюда Мелецкий в два дня перевел войско.

Общий вид всего лагеря и всей осады был приблизительно таков: если идти вдоль по реке от Дисны к Полоцку лицем к Заполотью, то первыми у реки Двины стояли Венгерцы, в месте особенно удобном для доставки провианта, потому что нижняя часть реки была покорена, и все сплавы направлялись к этому месту; затем там же по устроенному известным образом из кораблей мосту был переход через Двину. **[57]**

Ниже Венгров, по сю сторону реки Полоты, все пространство,

оставшееся свободным до этой реки, заняли лагерем Николай Радзивил, воевода Виленский, с сыном Христофором и находившиеся под их начальством служилые войска Литовцев, затем различные отряды охотников. По ту сторону Полоты, между рекой и каким то озером, находился, как мы сказали, королевский лагерь. Тут по большей части находились сенаторы и польская конница, кроме них Николай Христофор Радзивил, надворный маршалк Литовского Княжества, который начальствовал над всем королевским двором, по причине отсутствия маршалка польского. Почти всю средину лагеря занимали палатки сенаторов, и, смотря по тому, на сколько каждый выдавался саном и знатностию, на столько ближе занимал место к королю. Три ряда палаток, шедшие кругом образовали как бы две улицы, находившияся на равном расстоянии одна от другой; при этом также оставлены были по двое ворот для входа к ним; столько же было входов в лагерь, охраняемых караульными постами; наружную сторону лагеря защищали расположенные кругом повозки, соединенные между собой, по обычаю польскому, железными цепями; при ожидании нападения и вообще в случае большой опасности, Поляки проводят сверх того еще ров и делают насыпь перед телегами и таким образом придают лагерю вид неприступной крепости. Выше королевского лагеря расположились лагерем на указанном нами выше месте Немцы. В то время, как войско уже находилось у Полоцка, явились 500 отборнейших пехотинцев от Георга Фридриха, Прусского герцога, которые, согласно их желанию, получили назначенное им место между Немцами в одном с ними лагере. В таком же положении очутились и другие войска — из Подолии и иных пограничных областей королевства: не имев возможности вследствие отдаленности придти раньше, они примкнули к остальному войску у Полоцка; между ними в числе **[58]** волонтеров находился Константин, сын Острожского князя Константина, прибывший с отборнейшим отрядом всадников, и некоторые другие. Между тем Бекеш начал осаждать город Заполотье и, подведя к стенам подкопы, уже стал громить их орудиями. Отчаявшись в возможности защищать город, Москвитяне, согласно с общим наказом, какой получают от царя все, на кого возлагается защита городов, взяли с собою все вещи, зажгли город и удалились в верхний замок. Затем шанцы были подвинуты вперед к крепости и к реке Полоте, омывающей подошву горы, на которой находилась крепость, при чем венгерское войско обнаружило большую доблесть, так как эта работа требовала величайшего труда и терпения, при том ее приходилось вести отчасти городом, встречаясь с кладбищами,

клоаками и другими очень грязными местами. План осады был установлен так: Венгры действовали с правой стороны, где был город; на небольшом от них расстоянии стояли Поляки, затем литовская пехота, приведенная Трокским воеводой Стефаном Збаражским, и Евстахием Воловичем (Eustachius Valovicius), Трокским каштеланом, а также некоторыми другими волонтерами; в средине между теми и другими, несколько ниже, недалеко от реки Полоты, находились 200 отборнейших венгерских пехотинцев, набранных Замойским, приблизительно так что при размещении остальной польской и венгерской пехоты выше их на двух противоположных позициях, эти 200 человек казалось, занимали как бы самую вершину треугольника; с другой стороны замка, за Полотою, где он примыкает к Стрелецкой крепости, Немцы, как об этом сказано было выше, вели свои подкопы против главной крепости (замка) из своего лагеря. Бекеш сперва начал громить крепость из пушек; когда же это мало имело успеха по той причине, что стены, состоявшие из дерева, хотя и пробивались в некоторых местах, но почти не разрушались, то Бекеш начал **[59]** бросать каленые ядра. Этот способ возбуждать пожар изобретен был еще ранее самим королем во время междуусобных войн венгерских; он еще тогда заметил, что все разнообразные средства, выдуманные другими для возбуждения пламени, более были рассчитаны на внушение ужаса призраком пожара, вовсе не имея действительной к тому силы. Ядра держатся на огне до тех пор, пока совершенно им не накалятся, и в таком виде опускаются в пушки — однако так, что между ними и пушечным порохом надлежащее пространство наполняется сперва песком или золою, потом свежею и влажною травой для того чтобы порох не мог загореться от раскаленного ядра, и в таком виде выбрасываются на предстоящие стены. Такие ядра, проникнув в дерево, дольше остаются незамеченными, и по этой причине не могут так легко, как огонь, быть потушены, а в силу того весьма действительны для возбуждения пожара. Таким именно способом король сжег маяк в Гданске. Однако в настоящем случае даже и этот способ мало оказывал пользы — по той причине, что, когда ядра бросались несколько выше, то они только проходили через стены; если же направлялись в нижнее место к основаниям стен, где могли бы засесть, то попадали в холм, на котором стояла крепость, и который так выставлялся, что противуположное место, где находились королевские пушки, хотя само по себе было не низко, всетаки было ниже того, и потому ядра попадали в землю. При этом вследствие дувшего впродолжении многих дней южного ветра и ливших весьма продолжительных дождей, река Полота поднялась так, что там,

где прежде можно было удобно перейти ее в брод, теперь нельзя было безопасно переправиться и на коне. Река разрушила мосты между двумя лагерями; устоял только один, устроенный в начале, тотчас после прибытия к Полоцку Иваном Борнемиссою, который нашел под водою, подле какой то сожженной мельницы, **[60]** несколько свай и набросав сверх них перекладины на скорую руку, открыл переправу между окопами и обстреливаемою башнею.

Так как казалось, что не вполне удобно будет идти солдатам на приступ по одному мосту, то Бекеш, потопив несколько рыбачьих лодок, сделал там новый мост. Но когда и этот потом в короткое время был разрушен от постоянных пушечных выстрелов, направляемых сюда неприятелем, то оставался только один вышесказанный мост, так как его защищала от неприятельских пушек некоторая часть мельницы, уцелевшая от пожара. Заметив, что ни пушки, ни ядра не достигают цели, для которой их бросают, Бекеш стал уговаривать всех храбрецов, из стоявших по близости, поджечь факелами стены, обещая им большие награды, и отправил их через мост на противуположный холм прямо к крепости; за ними в след тотчас пошли другие из польских и литовских окопов. Но удивительная храбрость наших воинов встретила отпор во всех местах в весьма усердном старании неприятелей защитить крепость. Особенно большой урон причиняли нашим огромной величины бревна, находившияся на верху стены, где площадь была шире, нежели внизу, и заранее приготовленные на случай приступа неприятелями: при легком толчке они падали на наших и, катясь по холму, всех, кого только захватывали, увлекали с собой, неся с собою гибель. У всех осажденных так велико было старание потушить пожар, что ни дряхлые старики, ни женщины, ни даже дети не уклонялись от работ или опасности, приносили своим в большом количестве воду и другие средства для тушения пламени, обливали наших, когда те подходили близко. Когда за тем со всех сторон против крепости и ее башен направлены были выстрелы наших орудий, то произошло нечто, достойное удивления: многие решались **[61]** спускаться на канатах за стены и лили воду, подаваемую им другими, свешиваясь с более высокого места, для того, чтобы потушить огонь, приближавшийся извне; после того как эти погибли под хорошо направленными выстрелами наших пушек, то, не смотря и на это, впродолжение всего времени пока велась осада, всегда находились люди, подражавшие доблести предшественников в презрении смерти и заступали место убитых[81]. При всем этом дожди и непогода, о коих выше было сказано, до такой степени

благоприятствовали осажденным, что простые солдаты считали это следствием волшебства, которому, впрочем, этот народ при своем злом суеверии действительно предан. Дожди с одной стороны мешали пожару, а с другой наполнили все рвы и залили водой землю, так что нигде почти не было места, на котором можно было бы солдатам расположиться. При этом приступе погибло несколько храбрых человек и в числе их Михаил Вадаш (Vadasius), принимавший деятельное участие во многих сражениях и за доблесть выбранный в предводители венгерского войска; он был пронзен ядром в то самое время, как совещался у орудий на позициях польских со Станиславом Пенкославским и другими польскими начальниками. Николай Христофор Радзивил, маршалк, также подвергся немаловажной опасности; он был тяжко ранен в глаз и лоб обломком дерева, отбитого от неприятельской стены ударом одного нашего большого орудия и занесенного в самый лагерь. Однако почти не меньший урон несли и неприятели: всякий раз, как они сбегались в одно место для тушения пожара, они были осыпаемы частыми выстрелами из пушек, как было сказано, направленных против того места, и они во множестве погибали не только от ядер, но также от осколков бревен и балок, приносимых ядрами; это **[62]** производило еще большее опустошение, нежели сами ядра. К трудностям осады присоединились недостаток в провианте и затруднительность подвоза, так как можно было доставлять запасы по одной только почти Дисне и по нижнему течению реки (Двины). Все пространство по направлению к Вильне, отстоящей от того места на расстоянии более 225 миль, вплоть до Постава, находящегося между Вильною и Полоцком, на равном расстоянии от той и другого, было опустошено неприятелем; затем неудобно было оттуда подвозить по той еще причине, что до сих пор в руках неприятеля находилась Суша: засевшие там гарнизоном люди ночью напали на литовских казаков, захвативших, как мы сказали, Красный, когда те ничего такого не ожидали, разбили их и сожгли лагерь, сравняв его с землей, а потом они стали нападать по дорогам на наши подвозы, приходившие из Вильны. По верхнему течению реки, вследствие присутствия там туровльского гарнизона, ни в которую сторону не было безопасных мест для фуража или пастбища. Франциск Жук делал набеги к Туровле; имея несколько легких орудий и надеясь овладеть ею скорее страхом, нежели силою, но всякий раз отступал без успеха, так как неприятель, благодаря тому, что Полоцк не был еще взят, всецело верил в свои силы и мужество. С других сторон по направлению к Пскову и Лукам почти на 100 миль простирались очень густые и непроходимые леса.

Между тем Московский царь, который, как сказано было, с войском пришел во Псков, узнав об осаде Полоцка, тотчас послал на помощь осажденным отборнейшую часть всего войска под предводительством Бориса Шеина (Borissus Seinus) и Федора Шереметева (Theod. Seremetus).

Последние, видя, что нельзя безопасно пройти в Полоцк, так как все дороги были заняты нашими караулами, остановились в Соколе, и хотя не достигли Полоцка, тем не **[63]** менее делали набеги на Дисненскую дорогу и захватывали наших людей, высылаемых за съестными припасами. Сначала король отправил против этих войск Христофора Радзивила с несколькими отборными отрядами всадников, к нему присоединился Иван Глебович, каштелян Минский; неприятель держался то внутри окопов, то в своей позиции и не хотел принимать сражения; однако наши, наскакав на них, под самыми стенами завязали конное сражение, и когда с той и другой стороны несколько человек было убито, в том числе из наших славный всадник Николай Каменский, то, уведя несколько пленников московских, наши возвратились к королю; последний, полагая, что и тут нужно действовать с большими войсками, решил подождать окончания осады Полоцка, выставив пока против Сокола несколько конных пикетов. Все эти неудобства увеличивались и тем, что вследствие весьма сильных и непрерывных дождей дороги так испортились, что вьючные лошади, не имея возможности выкарабкаться из грязи, по большой части умирали от истощения, и все дороги устланы были конскими трупами. Дожди до такой степени увлажили почву, и без того жирную и влажную саму по себе, и все напоили водою, что даже под кожами в самых палатках магнатов не оставалось места, где можно было бы лежать. Следствием всего этого было то, что так как для наших со всех сторон был отрезан подвоз съестных припасов, и так как купцы при таком неблагоприятном начале только в небольшом количестве последовали за лагерем в эту даль, то съестные припасы и в особенности сено до крайней степени возрасли в цене; чего раньше и не слыхивали, особенно в Польше, — каждая мера овса покупалась за 10 талеров, так что им конечно кормили только более благородных коней; с другой стороны в числе Поляков и Венгерцев находились такие люди, которые не задумывались есть мясо падших **[64]** лошадей; и не столько казалось удивительным это само по себе новое и непривычное кушанье, сколько то, что питавшиеся им не замечали, чтобы от этого им приключилась какая-нибудь болезнь. При затруднительном положении всех, всего более страдали Немцы, не только потому, что привыкли вести войну в странах

населенных частыми городами, но потому, что они явились менее других приготовленными к таким неудобствам, менее снабженными необходимыми вещами, да к тому же еще они расположились лагерем на таком месте, к которому последнему приходили съестные припасы. Впереди расположен был лагерь Венгерцев, затем Литовцев, за ними королевский, и ко всем трем подвозы должны были приходить ранее на столько, на сколько ближе они были расположены по направлению к Дисне. Однако Пруссаки, присланные маркграфом, вследствие большого знакомства с местностию и ее неудобствами, превосходно были снабжены своим государем как повозками, так и съестными припасами и другими необходимыми вещами. При такой нужде во всем, величайшей терпеливостью отличались в особенности венгерские солдаты, и преимущественно сам Бекеш, который иногда сильно мучился от тяжелых болей в членах (ревматизма) и вследствие слабости желудка, но, нисколько не теряя от всего этого бодрости, хвалился, что никогда не чувствовал себя лучше; он всегда был при орудиях, там ел, там отдыхал, и постоянно вращался на самых опасных местах, так что из числа ближайших его спутников многие были убиты и при том иные, как Иван Куровский, в столь близком от него расстоянии, что обрызгивали его своею кровью. Даже польская пехота, хотя и недавно еще только набранная, тем не менее нисколько не падала духом. Когда в виду столь тяжких отовсюду затруднений король держал совет относительно дальнейших действий, то большая часть мнений высказались в смысле тех предложений, которые уже раньше многими делались в частных **[65]** разговорах именно: что нужно, оцепив кругом город, со всех сторон всеми войсками попробовать сделать единовременный приступ. Король не был с тем согласен; он боялся, что в случае неудачи этого плана, на который все возлагают последнюю надежду, не оставалось бы ничего другого, как только отступить; ибо всякая надежда тогда была бы уничтожена; и потому, по его мнению, следовало испробовать с начала все другое. Обещанием больших наград, он подстрекал венгерских солдат снова подойти к стенам; убеждал всадников, отличавшихся в особенности проворством, отправиться туда же вместе с пехотой, без лошадей, чтобы зажечь стены; указывал, что в особенности не следует возвращаться назад, прежде чем пожар совершенно не войдет в силу, на что они прежде не обратили внимания; лучше наконец найдти смерть под стенами и стрелами неприятелей ради славы своего народа и ради доброй молвы о их мужестве, нежели без успеха отступить от приступа и тем подвергнутья безчестию[82]. И вот солдаты с большей смелостью подошли к стенам крепости, неся перед

собою смоляные факелы и все, что уже раньше приготовлено было для этой цели. В это время, счастье как будто стало склоняться на нашу сторону; дожди немного прекратились, вследствие того огонь, подложенный под основания, быстро уничтожил часть городских стен и, распространившись отсюда на огромное пространство, свирепствовал впродолжении целого дня, так что нельзя было никак его потушить. Это было 29 Августа. Так как зарево пожара могло быть видимо на очень далеком расстоянии, то король опасался и того, что неприятель, для спасения своих и крепости от пожара, поспешит на огонь из соседних местностей и особенно из Сокола, где, как мы выше указали, находилась отборнейшая часть войска, **[66]** собранного Московским царем в Пскове, и того, что в то же время осажденные попробуют сделать вылазку из крепости; поэтому он вывел все войско из лагеря, оставив для защиты его надлежащий отряд пехоты, и построил его в боевой порядок на поле; сам же, взяв себе для защиты надворную конницу, чтобы лучше за всем следить, переправился через реку Полоту, так как там шла дорога к Соколу, да и вылазки, если бы таковая была предпринята, преимущественно должно было опасаться с той стороны. Устрашенные этим Москвитяне начали помышлять о сдаче, и 10 человек, спустившись со стен, перебежали к нашим. Бекеш отправил их к королю; но венгерские солдаты умертвили их с целью отклонить прочих от сдачи, которая лишила бы их славы завоевания крепости, плодов победы и всей награды за труды. Молва о древних богатствах знаменитого города и особенно находящейся в нем церкви св. Софии, о серебрянных статуях, о богатейших дарах древних русских князей, которые, как говорили, находились там, возбудила в солдатах надежду на огромную добычу; воспламененные ею, они переносили весьма равнодушно все невзгоды, лишь — бы овладеть крепостью. Уже стало вечереть; между тем казалось трудным и опасным взбираться через огонь на столь крутой холм, ибо до сих пор продолжался пожар, а никакой другой дороги в крепость не представлялось, как только через пламя: поэтому решено было отложить нападение до следующего дня. Однако, когда король возвращался в лагерь, некоторые с венгерских постов, сговорившись между собою, толпой направились через мост, о котором выше было упомянуто, к противулежащему холму и через пламя, еще не совсем потухшее, полуобгорелые, вторгнулись в крепость; к ним присоединилось много польских пеших солдат, возбужденных их примером. Но Московцы быстро провели ров в том месте, где прогорела стена и, **[67]** расставив за ним меньшие орудия, укрепились на все случаи. Когда наши

были отброшены и принуждены отступить через пламя — оттуда, куда безрассудно зашли, Московцы, ободрившись успехом, преследовали их довольно далеко, поражая их с тылу стрелами. В это время 200 пехотинцев Замойского, охранявших, как сказано, мост, по которому шла дорога в крепость, завидя, что наши были прогнаны, поспешили им на помощь и принудили Московцев вернуться назад. Король, отошедший уже немного к лагерю, заметил между тем вторжение в крепость своих солдат и принял все нужные меры для подания помощи штурмующим, занявши как можно скорее дорогу в Сокол. Тоже сделал Мелецкий; сойдя с коня, он увлек за собою многих дворян, последовавших его примеру и все они побежали для защиты окопов и орудий. Неприятель тоже не дремал, и с высоких башен, особенно же с той, которая находилась посредине крепости и возвышалась над всеми прочими, сильно палил из пушек во все стороны. Король, разговаривавший с Замойским, подвергался не малой опасности вместе с своим собеседником от выстрелов. Когда Замойский после окончания беседы случайно повернулся, чтобы переменить лошадь, и какой то всадник слишком неосторожно бросился на его место, то последний упал, пораженный ядром подле самого короля. Ночь прекратила всю эту тревогу; вместе с тем она очень сильно изменила настроение умов, от величайшей надежды, возбужденной дневным пожаром, перешедших к унынию. Все горевали о том, что мужество неприятелей благодаря этому успеху увеличилось, наших же напротив ослабело. Начались также пререкания между различными национальностями. Поляки сваливали вину на безрассудство Венгров, которые всему были зачинщиками, а относительно дальнейшего хода дел после вторжения в крепость, другая сторона обвиняла противную в недостаточной ревности и энергии. Ради того, все утреннее **[68]** время следующего дня до полудня отдано было солдатам, чтобы они ободрились; затем снова начат был приступ. Накануне Московцы, как было сказано, очистили ту башню, которая была подожжена; положение ее было таково, что она находилась на самом выдающемся углу двух сходящихся боков стены, которые она как бы защищала, и вот Московцы, покинув угол и все пространство, заключавшееся между двумя другими самыми близкими и противуположными друг другу башнями, которых еще не достиг огонь, соединили эти самые башни между собою; вместе с тем полагая, что теперь удобное время вернуть назад оставленное ими раньше место, они стали снова направлять туда свои усилия. Когда об этом было доложено королю, то он, конечно, не желал им давать времени снова там укрепиться, и тот час приказал войску снова подойти к валу и,

отбросив неприятеля, завладеть местом. Указанная часть холма была взята внезапным нападением Венгерцев, затем от нее, как приказано было им, они выдвинули шанцы вдоль ближайшего фаса, и, предшествуемые славным всадником венгерцем Петром Рачем, зажгли башню, в которую только что успели ворваться. Когда пожар, начавшийся от нее, продолжался целую ночь, то наши поставив с фронта несколько больших орудий, которыми тревожили неприятеля, работая непрерывно всю ночь, провели рвы так далеко, что при рассвете находились уже на близком расстоянии от неприятельских укреплений и почти касались нижнего угла того места, у которого кончался ров, проведенный накануне неприятелем; фланги же неприятельские так были открыты, что даже внутри своих укреплений они не могли оставаться в безопасности. Когда таким образом у неприятелей отнята была всякая надежда на защиту, то последние опять вернулись к переговорам о сдаче; были высланы от общего имени всех — бояр и ратных людей — послы, чтобы выговорить жизнь **[69]** находившимся в крепости. Они просили, чтобы всякому позволено было удалиться с одной одеждой туда, куда он захочет. Епископ, или, как они говорят, владыка, по имени Киприян, и воеводы, бывшие в крепости, одни только отговаривали от сдачи и настаивали, что лучше умереть, нежели отдаться живыми в руки неприятелей; они уже раньше пытались поджечь порох и за один раз взорвать крепость, убить себя и всех находившихся в ней, но были удержаны ратными людьми. Затем когда мнение их было отвергнуто вследствие общего страха остальных, они все-таки собрались в храм св. Софии, решившись не выходить из него, прежде чем не вытащут их оттуда силою. Задержав у себя послов, король отправил людей привести епископа и воевод. Будучи приведены пред его лицо, они, по обычаю, бив челом, приветствовали короля, причем один из них, Петр Волынский (Petrus Volenscius), стал обвинять другого своего товарища, Василия Микулинского (Basilius Mikolenscius), в том, что по его вине обнесенный пред своим государем, он был некогда заключен в оковы. Король, заметив, что теперь не время разбирать это, приказал передать пленных литовскому подскарбию, Лаврентию Войне, с тем, чтобы последний надзирал за ними. Затем он послал на другой день Венгерцев и Поляков принять крепость.

Прежде всего король хотел совершить богослужение и принести за настоящую победу благодарность Богу, но не мог войти в город вследствие сильного запаха от разбросанных повсюду трупов, которые Московиты до сих пор оставили непогребенными, и приказал вывести сдавшихся Московитян,

оставшихся еще в крепости. С этой целью были назначены пристава для защиты их от оскорблений солдат; выходившим было назначено на выбор два места: на одно шли те, которые желали поступить под власть и покровительство короля, на другое те, которые хотели возвратиться в Москву. **[70]**

Тем и другим предоставлена была свободная воля для решения вопроса о себе и о своих выгодах; большая часть избирала возвращение в отечество и к своему царю. Замечательна их любовь и постоянство в отношении к тому и другому; ибо каждый из них мог думать, что идет на вернейшую смерть и страшные мучения. Московский царь их однако пощадил, или потому, что по мнению его они были вынуждены к сдаче последней крайностию, или потому, что он сам вследствие неудач упал духом и ослабел в своей жестокости; он разместил их по крепостям: Лукам, Заволочью, Невелю, Усвяту, чтобы там они могли смыть с себя безчестие за сдачу Полоцка[83]. Король приложил величайшее старание, чтобы они не подвергались обидам со стороны солдат и сам с крепости смотрел на уходивших; когда же один солдат, надеясь в толпе остаться незамеченным, стал некоторых грабить, то король бросился на него с булавою и прибил его. Такой поступок короля внушил неприятелям большое уважение к нему; чем больше до сих пор милость, верность (данному обещанию) неизвестны были людям, находившимся в крайнем порабощении, тем более удивлялись они в нем этим добрым качествам. На площади крепости в разных местах найдено было несколько трупов наших воинов; некоторые из наших, как это было естественно при таком недостатке в пище и во всем, чтобы утолить голод, собирали травы в прилежавших Стрелецкой крепости садах, но были захвачены неприятелем, и те затащив их внутрь окопов своих, умертвили в страшных мучениях. Замечено было, что над Немцами они обнаружили гораздо большую жестокость, чем над прочими. Посадив их с ногами в котлы и подложивши огонь, они варили их живыми в кипящей воде; в то же время, **[71]** связав им руки за спиной веревкою, пропущеной по локтям, они самым гнусным образом изрезали у них животы и все тело частыми продольными ранами, так что это имело вид изорваного панцыря. По этому воины там и тут стали выражать свое негодование. Однако король, полагая, что ни коим образом не должно нарушать своего слова, данного однажды, тем, которые возвращались в Москву, дал 2 эскадрона всадников с тем, чтобы защищать их от оскорблений. На другой день совершены были молебствия за успешное окончание дела в лагере, так как в крепости они не могли совершиться по вышеуказанной причине. В Польшу также были посланы приказы

о служении молебнов. Найденная добыча была гораздо меньше, чем можно было ожидать, особенно в сравнении с молвою о богатстве крепости. До взятия Полоцка Москвитянами, там хранилось огромнейшее количество золота и серебра не только казенного и церковного, но и частного, снесенного дворянами и купцами полоцкими, в виду опасностей осады, во храм; но по взятии города Москвитяне увезли с собою в Москву все сокровища, оставив немного пожертвований. Все найденное в замке отдано было в добычу солдатам; однако, их надежды совсем не были удовлетворены. В глазах образованных людей почти не меньшую ценность, чем вся остальная добыча, имела найденная там библиотека. Кроме летописей, в ней было много сочинений греческих отцев церкви и между ними сочинения Дионисия Ареопагита о небесной и церковной иерархии; все на славянском языке. Большая часть из них, по свидетельству летописей, была переведена на этот язык с греческого Мефодием и Константином. В церковных порядках Московцы отличаются от прочих народов даже того же обряда главным образом в следующем: у них не позволяется священнослужителям говорить никаких проповедей к народу, которыми он бы наставлялся в вере, но они перевели на свой язык для этого **[72]** употребления то, что передано им древними греческими отцами, и тщательно сделав выборку, всенародно читают по писанному; так делается ради того, что люди, не обученные никаким наукам, не полагаются на свои способности, или же, что кажется ближе к правде, для того, чтобы стремление находить новое, при пытливости человеческого ума, не повело к отступлению от старины и истины. Снарядов военных, и в особенности пороха в крепости осталось столько, что хотя во все время осады его было истреблено огромное количество, однако повидимому у них хватило бы его для выдержания еще труднейшей осады; огромное количество съестных припасов и фуража, найденное в крепости, доставило войску возможность скоро оправиться от утомления и недостатка. Но так как после всех невзгод каждый при этом стремился прежде всего позаботиться о себе, то начались ссоры между Поляками и Венграми, дошедшие до того, что, выстроившись в боевой порядок, они едва не бросились друг на друга с обнаженными мечами. Уже раньше этого польские солдаты стали собираться в кружки, шумели по всему лагерю, говоря, что их храбрость пренебрегается Венгерцами, что те во всем присвоивают себе преимущество, одни только захватывают плоды победы и всю добычу, как будто война предпринята для их славы и выгод. Во время этих споров простых солдат, являлись также некоторые столкновения между людьми сенаторского

сословия и самими полководцами; так между Мелецким и воеводою Виленским, хотя они были связаны весьма тесным родством друг с другом, явились какие то недоразумения, повидимому, из-за раздела власти; и хотя между Мелецким и Замойским было не менее близкое родство, при отсутствии впрочем достаточного расположения друг к другу, тем не менее и между ними проявлялись неудовольствия, так как Замойский считал для себя оскорблением, если гетман вмешивался во что либо, **[73]** касающееся его должности; Мелецкий же полагал, что Замойский не помогает ему своим авторитетом сколько бы это следовало в силу взаимного родства. В особенности скорбел достойный и влиятельный муж на то, что, по его мнению, Бекеш и другие иностранцы не достаточно уважали его величие, тогда как должность гетмана в этом королевстве всегда была в самом большом почете, и он с досадою чувствовал, что авторитет высшей военной власти подвергается ущербу в его особе. Эти несогласия поддерживались искателями почетнейших должностей, остававшихся не замещенными по смерти Ивана Ходкевича; соответственно тому, чего они себе ожидали от известного лица — содействия или же противодействия, они возбуждали других в ту или другую сторону. Желая прекратить между солдатами раздоры из-за того, что добыча не соответствовала их ожиданию, король роздал им от себя подарки.

До сих пор еще держались с помощью неприятельских гарнизонов в области Полоцкой крепости Сокол, Туровль, Суша и некоторые другие, и король понимал, что полное замирение покоренной страны невозможно, если он не разрушит их раньше своего ухода из нее. В особенности король тревожился из-за Сокола и Туровли; из них первый, слева касаясь дороги ко Пскову, был уже усилен посланными оттуда войсками; можно было опасаться, что это повторится и что Москвитяне из него предпримут вылазки с большими силами; Суша же беспокоила потому, что она расположена была у реки Двины, и через нее очень удобно было тревожить всю эту страну. Король отправил под Сокол Мелецкого; последний взял с собою польскую пехоту и конницу и немецкий отряд. К Туровле король намеревался послать Бекеша с Венгерцами. Между тем в это время Мартин Курц (Martinus Kurzius) с отрядом казаков предложил свои услуги Виленскому воеводе; **[74]** присоединив к нему Константина Лукомского, начальника в Уле, его послали против Туровли. Москвитяне, стоявшие там гарнизоном, заметив, что в эти дни не слышно было пальбы и не видно пожара, заключили по догадке, что Полоцк находится во власти короля и потому, не смотря на удерживание своих начальников, бросились через задние ворота и

покинули крепость. Оставшиеся же воеводы были приведены к королю. Что касается до Суши, то король не хотел ее осаждать в настоящее время, так как она была самая укрепленная из всех, и Русские имели там в огромном количестве военные снаряды и провиант и притом казалось, что она, находясь на земле Литовской, по сю сторону Двины, по разрушении других крепостей и по заграждении всякого подвоза к ней провианта, должна будет добровольно подчиниться власти короля. По окончании всего этого, король решил заняться устройством дел провинции в отношении административном и духовном. В крепости был довольно обширный храм, выстроенный из камня, — принимая в рассчет местные средства, — с большим великолепием; так как храм этот находился в ведении людей греческого обряда, которых было очень много, и так как они имели на него все права на основании глубокой древности владения, то король передал его русскому епископу того же обряда, который уже и раньше, имея жительство в Витебске, титулован был по имени этого храма. Главным же побуждением к такому поступку служили для короля его дальнейшие виды; так как он намерен был внести войну далее в глубь Московии и понимал, как много значит религия для возбуждения умов в том или другом направлении, то он не хотел, чтобы из любви к своей вере, из опасения, что от нее нужно будет отречься, побежденные отказывались от сдачи ему и покорности. Для потребностей Римской Церкви король указал выстроить новый храм. В пользу его он записал **[75]** обширнейшие земли и угодья в ближайшем соседстве, а пока назначил определенный ежегодный доход из казенных сборов на построение церкви и на нужды священников, доколе опустелые поля не превратятся опять в плодоносные. Король поместил там монахов ордена иезуитов; в них он одобрял благочестие и ревность в деле отклонения людей от заблуждений, и считал тем более необходимыми эти качества в данном случае, что в тамошних людях и преимущественно в поселянах господствовало не только невежество по отношению к религии, но сильное нечестие. Существовал такой обычай, что, не имея в достаточном количестве людей для обработки полей, крестьяне к своим женам брали еще много других для своих малолетних сыновей и чтобы наполнить дом большим числом детей, сперва сами с ними вступали в связь, потом передавали их сыновьям, достигшим надлежащего возраста.

После этого король приказал венгерскому отряду засыпать рвы и шанцы, сделанные войском; указал, каким образом он желает возобновить разрушенную часть стены и как укрепить самую крепость; назначил для этого дела деньги и все другое, что

нужно, поставил начальников.

Полоцкая земля в древности управлялась, равно как и Киев, королевскими наместниками, не имевшими титула воевод, так как во всей Литве было их не больше как двое: Виленский и Трокский, и столько же каштелянов. Впоследствии при увеличении литовского сената не только Полоцкое и Киевское княжества, но и Витебское показались достойными того, чтобы находиться под правлением воевод. Воеводой Полоцким при взятии его Москвитянами был Станислав Довойна; будучи уведен в Москву вместе с женою, происходившей из фамилии Радзивиллов, по имени Петронией, и проведя в неволе и оковах несколько лет, он не прежде возвратился оттуда как был выкуплен Сигизмундом Августом за несколько тысяч **[76]** золотых и после того, как жена его умерла в плену[84]. Когда последовало соглашение об унии между Поляками и Литовцами при Сигизмунде Августе, то, для уравнения числа литовских сенаторов с польскими, назначено было в Литве много новых воевод и каштелянов, и так как некоторая часть области Полоцкой еще оставалась за Литвою, то к воеводе здесь был прибавлен каштелян. По этому поводу Московский царь с надменностию, проявлявшеюся не только в делах, но и в словах его и объясняемою тогдашними его успехами, довольно остроумно заметил: “Король Август не имел никакого ущерба, что пленили воеводу, так как у него вместо одного воеводы уже пять; вместо двух он будет иметь десять, если я кроме первого воеводства отниму у него еще другое”. Пока был жив, Довойна пользовался званием и титулом воеводы, он умер во время безкоролевья. Когда король прибыл в Польшу, то вследствие стараний Литовцев о том, чтобы число их сенаторов не уменьшалось, он выбрал Полоцким воеводой Николая Дорогостайского. Ему он и отдал теперь в управление Полоцк. Должность городничего, — так они называют чиновное лицо, имеющее попечение об укреплениях и замках — он поручил ведению Франциска Жука и указал, из кого и в каком количестве будет состоять гарнизон, который следовало там оставить из конницы и пехоты. Шляхтичам Полоцкого княжества, лишенным Москвитянами своих имений, Сигизмунд Август дал во владение имения в других местностях на том условии, чтобы в случае, если когда либо их прежняя земля будет возвращена неприятелем, они снова ушли с них. Возвратив им теперь их старые имения, король тем не менее дозволил им держать и вновь пожалованные сроком до шести лет, пока они не возделают своих земель, **[77]** опустошенных неприятелем. В это время Мелецкий, отправившись, как было сказано, с войском под Сокол, на пути

подвергся величайшим затруднениям, как от размытых сильными дождями дорог, так и от недостатка провианта. Пушки король отослал вниз по течению реки Двины до Дриссы, крепости при слиянии реки того же имени с Двиною; оттуда по Дриссе везли их до самого Сокола. Река Дрисса у Сокола несколько задержала войско, ибо мостом, сделанным в Ковне из кораблей, как о том мы выше говорили, пользовалась армия, остававшаяся у Полоцка, для перевозки провианта; и так как не было способа выстроить поскорее другой, то Иван Збаражский, воевода Брацлавский, переплыл с частию всадников чрез реку в стороне от Сокола, по направлению к Пскову и занял там сторожевой пост; переправе же остального войска содействовал Николай Уровецкий, человек благородного происхождения, начальствовавший над конницею; он предложил свои услуги Мелецкому, и устроил плот из весьма крепких бревен, связанных между собою железными цепями и другими крепчайшими связями. Между тем как войско переправлялось, неприятель почти ничего не предпринимал, хотя бы и мог легко воспрепятствовать нашим, задержанным трудностию переправы; только его караулы, по обычаю своему разъезжая для возбуждения в наших страха, выкликали — каждое по имени — войска разных народов, бывших под властию Московского царя, Рязанцев, Астраханцев и других племен. Вследствие дурного положения дорог и по недостатку обозных лошадей, потерянных при недавних невзгодах под Полоцком, войско не могло взять с собою повозок. Поэтому, не разбивая лагеря, оно расположилось в палатках за рекой Дриссой; немецкая пехота вдоль Дриссы, а польская по направлению к Нище и стала проводить рвы и окопы, чтобы, начав в разных местах, потом соединить их под крепостью. **[78]** Неприятель, располагая свежими силами и, видя, что наших не столь большое число и что они ослабели как от разных невзгод, испытанных при прежней осаде, так и от дороги, в притворном страхе (как потом было узнано от пленных), заперся на ночь внутри окопов, и за тем намеревался, подкрепивши свои силы и приготовивши все нужное для вылазки, до рассвета внезапно напасть на наших. Произошло совершенно случайно, что Доброславский, поставленный Мелецким в начальники над пушками, сделал пробу с тремя калеными ядрами, о которых мы выше говорили. Из них два ядра произвели пожар, потушенный неприятелем; но одно, застрявши в самом основании, не было замечено, и немного спустя произвело страшное пламя, так как стены были сухого материала. Мелецкий, заметив это, тотчас дал сигнал трубою, чтобы созвать всех к оружию. Смущенные нечаянностию, Москвитяне ожидали немедленного вторжения и не могши потушить пожара, в виду

такой внезапной опасности, бежали из города разными воротами. Шереметев с частью конницы бежавший ко Пскову, встретился с воеводой Брацлавским Иваном Збаражским, с этой стороны наблюдавшим за неприятелем, и попался живым в руки неприятелей вместе с бывшими с ним всадниками. Те же, которые выбежали на другой день с другой стороны вместе с Борисом Шейным, встретились с Немцами. Последние, желая отомстить за бедствия, претерпеваемые их соплеменниками впродолжение стольких лет от Московской свирепой жестокости, новейший образец которой мы недавно видели при взятии Полоцка, умертвили всех и в том числе Шеина. Оставшиеся в крепости на коленях стали просить о пощаде, но при вторжении немецких солдат, убивавших без разбора всех, отчаявшись в спасении, опустили подъемную решетку, висевшую над воротами сверху, и перебили до 500 немцев, заперев их в крепости. Между тем **[79]** Разражевский и некоторые Немцы и Поляки скоро разломали ворота, и когда последние были открыты, тогда одна часть защитников была перебита, другая отчаявшись во всем сгорела, бросившись в пламя. Повсюду происходило великое убийство, так что многие и, между прочими, Вейер, старый полковник, говоря о своем участии во многих сражениях, не задумывались утверждать, что никогда ни в одном месте битвы не видели они, чтобы так густо и тесно друг с другом лежали трупы. Многие из убитых отличались тучностию; немецкие маркитантки, взрезывая такие тела вынимали жир для известных лекарств от ран, и между прочим это сделано было также у Шеина. Вследствие этого Московский царь написал королю письмо, о котором мы скажем ниже, и в котором он укорял короля между прочим за этот случай, как за безчеловечное и жестокое злодеяние; сверх того он упрекал короля и в том, что тот употребил при осаде крепости каленые ядра, рассчитывая будто бы не на храбрость и войско, но действуя при помощи какого то ухищрения. Наградой за труд была добыча; у большой части людей боярского рода найдены были шкатулки, наполненные чеканным серебром, и эта находка не только ободрила воинов, сокрушенных предъидущими невзгодами, но даже обогатила их. Мелецкий, возвратившись с войском к королю, привел с собою большое число пленников, которых частию подарил публично королю, частию друзьям. Одарив полковников и многих сотников и даже солдат, особенно отличавшихся каким-нибудь подвигом, раздачею староств, бывших в то время свободными, или же простыми военными подарками за доблесть, король назначил, на какие стоянки какие войска должны быть отведены. Затем он отправился в Дисну; тут он оставил все пушки, за исключением

тех, которые требовали починки, решившись в следующем же году перенести военные действия в Московское **[80]** государство. Отсюда он отправил грамату к Московскому царю, в которой по примеру, поданному сим последним после опустошения Ливонии, уведомлял его об успехе своего похода. Грамата эта написана в таком смысле, что король не столько де гордится вследствие успеха, сколько возмущается вследствие убиения столь многих не винных людей, и всю вину этого слагает на Московского царя и на несправедливые действия последнего по отношению к нему.

В то время как король находился у Полоцка, к нему пришло посольство от Генриха, магистра Тевтонского ордена. При начале царствования, когда король находился в затруднительном положении, и хотел избегнуть их на время Ливонской войны, он побудил герцога Голштинского Адольфа просить Ливонии на правах лена и зависимого владения, обещая, что он будет защищать его в этой войне против Московского царя. Из зависти к Адольфу, кастелан Виленский Иван Ходкевич тоже внушил магистру Тевтонского рыцарского ордена св. Марии; посланный им Иван Таубе, ливонец, убедил магистра, что если он будет просить, то без большого труда получит Ливонию, склонив на свою сторону подарками нескольких первейших сенаторов. Король отослал сперва посольство в Вильну, заявив, что эти дела будут подлежать обсуждению сейма; за тем он сам от себя включил в предложенные условия статью о деньгах, которые должен будет дать взаймы их господин для этой войны. Но послы объявили, что не имеют никаких к тому полномочий, но что донесут об этом своему господину; за тем испросив себе отпуск в Варшаве, они ушли ничего не сделав. Король, сев на корабль на Дисне, по течению Двины, много восхищаясь красотою этой реки, прибыл в Друю, затем сухим путем чрез Литовский Брацлавль он прибыл в Вильну. Андрей Калигарий (Andr. **[81]** Caligarius), папский легат, равно как и многие другие из шляхты, отправились к нему на встречу; при его приближении виленское гражданство в целом составе выступило для поздравления и приветствовало его нарочно сочиненной речью, — в которой вспоминалось, что из двух в особенности пунктов неприятели до сих пор мешали их безопасности и мирным занятиям, с одной стороны из Полоцка, с другой из Кокенгаузена; король же, благодаря божеской милости и своей доблести, уничтожил первое неудобство; теперь они просят его также удалить и второе. Среди других вышедших на встречу были также сдавшиеся Русские, которые предложили ему хлеб и соль, чем по обычаю своему обыкновенно встречают своего государя.

Получив известие о потере Полоцка и об истреблении

гарнизона Сокола, Московский царь из Пскова удалился внутрь Москвы и может быть, самым делом убедившись, что единственную крепость государства составляет мужество и верность народа, с дороги послал грамоту к тем, кто находился в гарнизоне Суши, написанную не по его обычаю, и вручил ее для доставления нескольким различным гонцам. Он де узнал, что по воле Божией Полоцк и Сокол достались в руки неприятелей, и поэтому, мало имея возможности к ним, запертым со всех сторон, придти на помощь, он разрешает им, испортив пушки и в особенности порох и остальные военные орудия, которых не могут унести с собою, закопав в землю образа и священные вещи, чтобы оне не послужили предметом насмешки для неверных (ибо он считал такими всех, кто разногласил с ним в религии), спасаться каким бы то ни было способом не потому, чтобы он сомневался в их верности, но потому, что он не желает подвергать их доблесть, которую он желал бы сохранить для более важных подвигов, ненадежному испытанно и жестокости неприятелей. Эти грамоты попали Мелецкому, **[82]** который, всего более беспокоясь о пушках и военных снарядах, послал к неприятелю уговаривать его к сдаче. Неприятель, договорившись на том, чтобы ему позволено было уйдти каждый с одною одеждою, передал крепость, пушки и все военные снаряды, которые там только нашлись; по окончании этого Мелецкий, разделив войско на три части, отвел его на зимние квартиры. Над первыми поставил начальником Христофора, наместника Нищицкого (Christ. Niscicius), над вторыми Мартина Казановского (Martinus Kasanovius), над третьими Сигизмунда Розена (Sigismundus Rosnius). Уже раньше князь Острожский Константин приготовлялся к экспедиции в неприятельские земли, за Днепром, и король приказал тогда Николаю Сенявскому, начальнику Русских станиц (постов), присоединиться к Острожскому с теми войсками, которые стояли под его начальством на границах Руси, и вступить в неприятельскую землю со стороны Киева; но отдаленность места помешала Сенявскому исполнить это. Между тем наступила средина осени, и по этому князь думал, что не должно упускать времени для ведения дела; и так, набрав из среды своих клиентов, которых у него было довольно большое число, несколько тысяч человек и присоединив к ним других многих молодых людей, он переправился за Днепр с сыном Янушем и Михаилом Вишневецким, кастеляном Брацлавским. Разослав вперед легковооруженные отряды и приказав им во все стороны опустошать страну и вносить везде ужас, он сам с остальными войсками дошел до самого Чернигова и, расположившись

лагерем, приступил было к осаде его с большою энергиею. Видя, что город защищен надежным гарнизоном, и что гарнизон готов мужественно держаться и снабжен всем нужным, что он сам пришел не запасшись хорошею пехотой и пушками, прочее же войско пострадало от больших тягостей пути и непогоды, он скоро, оставив осаду, стал просто грабить **[83]** окрестные места и, раззорив всю Северскую землю, распространив опустошительные набеги конными легкими отрядами до Стародуба, Радагоста и Почепа, удалился, взяв огромную добычу. Также успешно действовал Иван Соломерецкий (Joh. Solomirecius), после смерти отца вне обычного порядка управлявший староством Мстиславским. Он разграбил город Ярославль и много селений. Филон Кмита, староста Оршанский, которому было поручено несколько эскадронов всадников, присоединив к ним значительное количество людей всякого рода из соседних местностей, также вступил в неприятельские владения; сжегши около 2000 сел, дошедши своими опустошениями до Смоленска, он ничего не оставил в тех местах кроме голой земли на полях, и затем, обремененный добычей всякого рода, без всякого урона для себя воротился со своими назад в Оршу.

Король, понимая, что необходимо созвать сейм как ради других важных дел, так в особенности ради продолжения войны, уже назначил его в Варшаве на 23 ноября; между тем он порешил с литовскими сенаторами о мерах, касавшихся безопасности Литвы, и на случай отпора против возможных неприятельских вторжений, назначил, кто из них останется дома для защиты края и кто отправится на сейм. В Вильне он оставил воеводу Виленского Радзивила, облеченного военною властью. В это же время он распределил и должности, остававшияся свободными. Большая часть их досталась Радзивилам: кроме епископии Виленской, которая была назначена и раньше Юрию Радзивилу, кроме воеводства в соединении с высшею военною властию (гетманства с большою булавою), а также начальства над надворным войском (гетманства с малою булавою), из коих одно было в руках Николая, отца, другое — сына Христофора, король прибавил тому же Христофору кастелянство Трокское и дал малую печать; Новогрудское воеводство он отдал второму сыну **[84]** воеводы, по имени также Николаю, кроме того сан великого маршалка он дал Николаю Христофору, а звание надворного (низшее) — Альберту, сыновьям второго Николая, бывшего Виленским воеводою; кастеланство Виленское отдал вместе с большою печатью Евстафию Воловичу, кастелану Трокскому, так как воевода Виленский отказывался от нее — с

тем, чтобы должность Воловича была передана его сыну Христофору. Жмудское староство, которого многие домогались весьма сильно, отдано Ивану Кишке. Затем из Вильны король двинулся в Гродно, где посвятил несколько дней охоте, ибо в этом приятном занятии он обыкновенно находил отдохновение от величайших своих трудов. Там же умер Гаспар Бекеш, о котором было выше говорено, известный как своей сильною неприязнью, которую некогда питал к королю, так и своею храбростью. Бекеш родился в Трансильвании и воспитывался в семействе знакомого барона Петровича (Petrovicius); выросши же, приобрел такую любовь князя Трансильванского, Ивана Сигизмунда, что тот, умирая без наследника, назначил его своим преемником. Когда же Баторий получил перед ним предпочтение, благодаря влиянию народной партии, тогда между ними началась борьба: Бекеш пытался возмутить государство Трансильванское, за то был лишен королем Фугараша и других крепостей, и бежал в Германию к императору Максимилиану; собрав здесь несколько войска, он пробовал затем силою и оружием завоевать княжество. Будучи однако разбит королем, он вторично удалился в Германию. Когда же потом увидел, что его соперник призван на Польское королевство и не смотря на всяческие противные интриги, единственно своею доблестию, достиг высокого места, то, сознавая в душе его великодушие, он увидел в нем единственного человека, которому бы мог совершенно вверить себя, и решив от него одного ожидать себе выгоды и всяческих почестей, **[85]** добровольно предложил ему свою верность и услуги. Король не только изгнал из сердца озлобление на него, но, милостиво приняв его, осыпал деньгами и почестями. Умирая, Бекеш поручил королю и Замойскому жену и двух несовершеннолетних своих сыновей.

Между тем в Польше были не одни и те же чувства у всех; обнаружились разнообразные и взаимно враждебные настроения. Много было таких, которые относились к королю почти неприязненно за то, что не получили того, на что надеялись, так как король, обещав им всевозможные богатые дары, потом, вследствие затруднительного положения, не нашел возможным, при всей своей чрезмерной щедрости, удовлетворить их ожиданиям. Вследствие того, что каждый шляхтич при избраниях королей мог подавать голос, весьма много было таких, которые полагали, что король лично им обязан престолом, ибо они поддерживали его своими голосами при избрании на королевство. Видя, что Радзивилы возвеличены столькими почестями, Мелецкому дана должность самого высшего разряда, что с ними соединился родством и Замойский, что таким

образом, высокие и почетные должности находятся в руках людей, соединенных друг с другом фамильными узами, — многие досадовали в душе и толковали так, что все то клонится к их гибели. Считая себя оскорбленными тем, что им не давали милостей, пользуясь существующею в этом государстве возможностию для каждого с полною свободою говорить, что думает, они стали все заподозревать, все — даже славные — дела короля извращать, истолковывая их в дурную сторону. Уже при начале, когда король отправлялся по поводу русских дел во Львов, были такие люди, которые распространяли в народе ложный слух, будто он, собрав сокровища, оставшияся после Сигизмунда Августа, вследствие неудовольствия удаляется в Трансильванию; когда же увидели, что он назначил срок для сбора войска в **[86]** Свирь, то стали распускать слухи, что он и не думает предпринимать что-либо против неприятеля, так как могущество Московского царя слишком велико, чтобы можно было какими-либо силами его пошатнуть; но что король ищет предлога, дабы захватить в свою пользу податные деньги, количество которых они в своих разговорах преувеличивали до безконечности. Некоторые, зайдя дальше, стали расстраивать королеву: указывали, что король пренебрегает ею за ее лета, замышляет развод и что по этому поводу послан Петр Вольский, епископ Плоцкий, к папе; что королевство столько же принадлежит ей, как и королю, ибо она, будучи как бы отпрыском древнего рода Ягеллонов, оказавшего болышие услуги королевству, и сама провозглашена была на том же сейме королевой и коронована с такими же священными обрядами, как и король. Делали это они с тем, чтобы склонив ее на свою сторону, иметь возможность выставить любимое народом имя, и тем большую иметь возможность производить смуты в государстве и мешать планам короля. Почти все жаловались на то, что король не исполнил условий, принятых им в Трансильвании, когда ему предлагали королевство; пришлые люди получают староства и почести, указывали преимущественно на Бекеша, коему король дал Ландскоронское староство. К этому прибавляли, что герцог Курляндский утвержден во владении тем княжеством не в том месте и не в свое время и на менее выгодных для государства условиях, чем прежде. Время опровергло большую часть этих обвинений и в особенности показало, что поездке Львовской и Свирскому походу придано было ненавистное толкование самым ложным образом; и вот теперь те же люди, при получении грамоты о сейме, намеренно преувеличивая возникшие между Поляками и Венграми раздоры, жаловались на то, что приводятся чужестранцы, что военная

власть ими презирается, значение наивысшего начальства **[87]** ослабляется; говорили, что король, не смотря на взятие Полоцка, потребует на сеймиках и на сейме новых налогов. Но хотя бы и вся Московия поступила под нашу власть, то, спрашивали они, найдется ли надлежащее средство при таких обширных границах управлять такою громадой; и какая будет польза от того, когда уже давно раны республики заставляют искать необходимого и более надежного врачевания? Некоторые полагали, что нужно потребовать в силу какой то Августовской конституции, толкуемой ими в желаемом смысле, чтобы король брал со старост три части доходов староства, говоря, если это будет сделано, то таким образом навсегда будет положен конец всяким другим поборам. Когда король заметил, что все эти толки проникают в народ, он счел нужным противодействовать более открыто, чем прежде, и вот канцлер Ян Замойский, в первый же день, как только получил возможность говорить на сейме о делах государственных, произнес следующую примененную к обстоятельствам речь.

Речь Замойского.

Если было когда либо время, когда нужно было бы благодарить Божество за величайшие благодеяния, оказанные им государству, то всего более это кстати теперь, когда мы одержали столь славную победу над неприятелем, которого все страшились вследствие высокого мнения о его могуществе и о его воинской доблести, о его победах над другими народами; никто не думал, что он сам может быть побежден. Случилось, однако, по особенной милости Божией, то, что неприятель не только побежден, но лишен Полоцка, который будет служить вечным памятником этой победы, лишен славы своих прежних побед; все его трофеи, какие он только получил впродолжение стольких лет над **[88]** Ливонцами, Шведами, над покоренными Казанцами и Астраханцами, над Татарами и Турками, пытавшимися было соединить Дон с Волгою и Каспийское море с Черным, над другими воинственными и дикими народами, все эти трофеи с него сняты этою победою; их будут нести впереди при настоящем триумфальном военном торжестве. Видя, продолжал Замойский, сколь велики к нам благодеяния Божии, будем охранять дарованное своею доблестью и твердостью; при бездеятельности своей мы не получим от них никаких плодов, тогда как мы можем иметь величайшие выгоды, если надлежащим образом воспользуемся божественною милостью. Велик подвиг этот; в прежние времена едва казалось ли даже позволительным питать такие надежды на будущее, чтобы нам получить обратно от неприятеля обширнейшую область которою он владел

впродолжение стольких лет и на которой главнейшим образом опиралось некогда благосостояние Литвы. Враг, упоенный успехом в стольких удачных делах остановлен на пути своих дотоле постоянных побед; оружие его, обращенное на опустошение и гибель этих областей, отклонено. Однако, все это нам не только не принесет никакой пользы, если мы не довершим остального, чего требует продолжение войны, но окажется даже не стоившим понесенного труда и издержек.

Перед нами враг очень могущественный; всякий из нас знает, каковы и сколь велики его силы, о них свидетельствует огромное множество побежденных им народов. Можно ли думать, что он равнодушно перенесет обиду, нанесенную ему отнятием провинции, или что он останется в покое? Он уже в ярости и, как какой нибудь дикий зверь, запертый в клетке, ищет всевозможных средств и способов возвратить себе потерянное и отомстить за нанесенные ему оскорбления. Неужели мы дадим ему своею медленностью, своею готовностию заключить с ним мир, — время **[89]** собраться с силами, поправить причиненный вред, залечить домашние раны, восполнить недостаток знаний, все то, что обнаружила эта война? Будет ли кто из нас столь беззаботен, чтобы не предвидеть с его стороны нападения на нас с гораздо большими силами, с целью загладить свои потери? Власть его столь сильна, что его не может отклонить от войны никакая трудность, и вероломство его столь велико, что его не может удержать в мире никакая святость договора. Поздно тогда будет искать средств для борьбы; тогда как теперь, если бы мы и не легко могли вполне совладеть со врагом напуганным и устрашенным, все таки легче могли бы победить его. О, если бы Бог дал нам уверенность, что нам не следует его опасаться, и что он, потерпев урон, успокоится совершенно, и что нам никакой опасности не грозит от него? Кто другой, кроме Бога, мог бы в таком деле быть достаточною порукою? Разве, раз достигнув такой славы в этой войне, мы впредь будем совершенно равнодушны ко мнению о нас людей? И как мы могли бы сохранить репутацию, приобретенную этою войною, если бы мы взявшись за предприятия столь великие, вдруг остановились бы на средине пути? Не припишет ли тогда всякий эти успехи скорее счастью, чем нашей доблести? Если дело направляется умом и доблестию, при малом вмешательстве фортуны и случая, то середина соответствует началу, а конец той и другому; а прихоти счастья — на сколько слепы, на столько же редко концом соответствуют началу. Есть не мало и таких, которые опасаются трудностей управления при слишком большой обширности владений и думают, что не следует разширять далее границы

власти, ибо приобретение потребует издержек и большого труда, а пользы от этого республике не будет никакой. Но может показаться удивительным, от чего в своих частных делах никто не рассуждает так, как по отношению к государству. Существует ли хоть один **[90]** человек, который не предпочел бы десяти поместий одному? Тяжелы заботы, налагаемые обширным именьем, но оне вознаграждаются большими выгодами и удобствами. Положение нашего государства, мне кажется, таково, что если только мы хотим иметь пружину дел (нерв войны) и если желаем сохранить настоящее положение республики, то совершенно необходимо присоединить к ней какое нибудь новое королевство. Все подчиненные области, присоединившияся к нашему государству, получили полное гражданство на равных совершенно правах, нет ни одной, которая обращена была бы в зависимую провинцию, или поставлена в условия данничества; таким образом при одинаковой для всех свободе, для всех уравнены и податные тягости. Если бы мы захотели облегчить их для себя, то какое могли бы иметь к тому средство, кроме присоединения к государству нового владения, по образцу всех бывших великих империй; установив в нем подати и пошлины, мы могли бы освободить себя от некоторой значительной доли общих тягостей. После своего подчинения оружием, Русь некоторое время была данническою, и республика имела не мало облегчения от средств ею доставляемых. Когда Великое Княжество Литовское управлялось королями польскими по древним правам, то мы помним, оно справлялось большею частио собственными силами и с Москвою и с Татарами; по соединении же его с королевством, каждый знает по опыту, сколько прибавилось к общим тягостям. Если некоторые считают нужным прикрывать свою недеятельность бедностью и скудостью материальных средств, то пусть они ограничат свои страсти и роскошь, обратят на лучшее употребление и те деньги, которые они тратят на пустые и бесполезные вещи, и тогда они увидят на самом деле, что они вовсе не лишены необходимых средств для каких бы то ни было наиблистательнейших предприятий. Я не порицаю тех, которые полагают, что нужно **[91]** устроить домашние дела; но помимо того, что всегда будет в их власти исправить внутренние недуги, а удобный случай для войны с Москвою, какой мы теперь имеем, мы не всегда будем иметь, нужно еще подумать о том, что забота о безопасности важнее всякой другой. Есть и такие, которые полагают, что до сих пор они слишком скудно были вознаграждены за свои заслуги. Им открывается теперь свободное поприще, как для того, чтобы в полном свете выказать свою доблесть, так и для того, чтобы

выслужиться пред королем; пусть они отправляются на войну, пусть посвятят государству свой труд и усердие, и за тем ожидают от любимейшего короля самых богатых наград. Если им не дозволяет сделать это или возраст, или здоровье, или положение каждого, то есть честные пути к отличию и в мирной гражданской жизни; но пусть никто не рассчитывает злословием и особенно запоздалыми стараниями произвести смуту, выслужить себе те награды, какие даются за доблесть и честные заслуги.

После этой речи, уполномоченные ни сколько не колебались дать согласие на продолжение войны и дальнейшее взимание налога для нее, так как шляхта, обрадованная успехом военных действий и возбужденная надеждами на будущее, на многолюдных частных сеймиках уже ранее склонялась в такую сторону; тем не менее для того, чтобы оправдать мнение других о себе, они сочли нужным заняться некоторыми предметами из тех, о которых, по их замечанию, больше толковали в народе: прежде всего они подняли речь об условиях (договора избирательного), будто бы неисполненных королем, и особенно об уплате государственных долгов. Им было поставлено на вид, пусть они взвесят, сколько король ранее своего прихода переслал денег для защиты королевства, сколько он их привез с собою, сколько выплатил на жалованье ратным людям за **[92]** службу ранее его прибытия, на усмирение мятежа в Гданске, и наконец сколько он истратил из своей частной казны в текущей войне, и пусть рассудят о том, что он впредь намерен сделать, — что у него нет ничего приватного, ничего отдельного, но что все свое и самую жизнь он готов принести в жертву государству: после этого легко будет решить, может ли республика по справедливости предъявить к нему какие нибудь жалобы и требования. Что же касается до отдачи в залог некоторых мытных (пошлинных) сборов, то до-вольно ясно, что для него было бы гораздо выгоднее выкупить их, так как они дают не малый доход, чем тратить деньги на войну; но образ мыслей короля таков, что он при настоящем положении государства предпочитает частной выгоде общую пользу и честь государственную.

Относительно предложения о трех частях дохода со староств, был дан такой ответ, что об этом не говорится прямо в конституции Сигизмунда Августа и что не следует вопреки постановлениям, запрещающим отступать от буквального смысла конституции, придавать словам той конституции такой широкий смысл, что такое толкование заставило бы шляхту, лишив ее всех наград за доблести, заниматься только земледелием и своим хозяйством. Если не поощрять доблести и храбрости наградами,

то кто захочет оказывать услуги королевству на войне, в отправлении посольств и других общественных должностей; кто станет служить ради величия и славы своего отечества, если ему не будет обещано за то никаких выгод? Когда зашла речь об уменьшении наивысшей военной власти и предпочтении, оказываемом иностранцам, то король отвечал, что он не желал ни в чем ослаблять авторитет той должности; он назначил Бекеша начальником над Венгерцами не для того, чтобы предоставить ему возможность распоряжаться в каких-нибудь военных делах по своему усмотрению, но чтобы, подчиненный власти верховного вождя **[93]** (гетмана), он служил ему посредником и толмачем при венгерском войске.

Побуждаемый крайностью, пользовался он во время этой войны услугами иноземных войск потому, что королевство, имея хорошую конницу, которая может не только поравняться с другими государствами, но даже превзойти их, не располагает достаточною пехотою; в трансильванских своих владениях он тоже пользуется помощью других иностранцев и военными услугами частных лиц. Много было рассуждений по этому предмету, следует ли пользоваться помощью иностранцев, и как со стороны послов шляхты, так и со стороны сенаторов много заявлено было мнений такого рода, что не заслуживает порицания, если кто захочет за чужое государство подвергаться опасности и трудам, проливать свою кровь ради славы и чести его; не есть признак мудрости желать кровью граждан достигнуть того, что может быть достигнуто помощью иностранцев; подобным образом в начале образовались величайшие государства и тем же путем достигли необычайного величия. В этом самом королевстве многие первейшие фамилии произошли от иностранцев; в числе других и славнейший род Тарновских относит свое происхождение к иностранцам. Скорее следует привлекать таких людей, которые желают свою доблесть связать с величием нашего государства, и это могло бы принести большую выгоду республике; но только надо смотреть за тем, чтобы с одной стороны иностранцы не отделялись от остальных граждан ни особыми законами, ни отдельными властями, но чтобы те и другие были у них общи с прочими гражданами, а с другой, чтобы иностранцы не достигали такой силы, которая давала бы им возможность теснить самих граждан, и чтобы не давались бы им почетные должности. Пусть им поручаются приватные (частные) службы; а общественные почести и должности пусть будут доступны только гражданам, **[94]** но в тоже время, как соблюдается в других государствах, следует награждать иностранцев за доблесть землями и подобного рода милостями;

при получении же почетных должностей преимущество должно принадлежать гражданам. После этого относительно данного вопроса последовало молчание, так как не нашлось никого, кто стал бы отрицать необходимость иметь пешее войско из иностранцев.

Относительно герцога Курляндского было отвечено, что это герцогство в то время, когда Ливония только что присоединялась к королевству, было отдано герцогу королем Сигизмундом Августом на условиях гораздо более невыгодных для государства; совершенно правильно и в порядке вещей, что дело, уже ранее решавшееся прежними королями, на основании их авторитета, повершено и теперь королем, при том на более выгодных для республики условиях, как свидетельствует и самый представленный документ (жалованная грамота): не сделано ничего такого, что было бы не сообразно с обычаями и примерами предков. За все времена было принято, чтобы лены, установленные прежними королями, были утверждаемы последующими, если в условиях владения ничего не изменялось и ничего не прибавлялось; если даже оказывалось нужным прибавить что новое, то короли делали это без обращения к сейму, посоветовавшись только с радою. Так как в сенате была речь о посольстве епископа Плоцкого, то теперь была оглашена причина этого посольства и повод, о котором уже во время предшествующих сеймов в сенате было говорено; тем самым уничтожено было всякое подозрение касательно замышляемого королем развода. И так без всяких возражений был снова утвержден на этот год такой же налог, какой был назначен в прошлом году. Старосты, устроив между собою совещание, сами предложили королю внести вторую четверть годовых доходов со своих старостств в общественную казну в г. Раве, **[95]** прибавив условие, чтобы об этом не издавалось наперед никакого постановления, и чтобы потом это не служило примером. Между прочим заявлено было требование к королю, чтобы он вел войну через наместников, и держался бы сам вдали от опасностей военных действий; но король считал это недостойным своего сана и мужества; сверх того прибавлено было соображение, что на войну придет больше добровольных охотников, если можно будет сражаться на глазах короля, и кроме того, присутствие его будет полезно для ослабления раздоров, могущих возникнуть из-за соперничества между польскими и литовскими должностными лицами. На этом же сейме были постановлены выборными от того и другого сословия некоторые законы, касавшиеся между прочим ленных отношений зависимых владетелей, военной власти и наказаний преступников. Однако эти законы не были

обнародованы; только ради удержания Низовцев в пределах повиновения, было прибавлено в тех грамотах, в которых объявлялось о налоге, что король впредь до будущего сейма имеет чрезвычайную власть наказывать их по своему усмотрению. На предъидущем сейме было сделано такое постановление, чтобы никакие судебные приговоры не были постановляемы относительно лиц, находящихся в отсутствии на войне для пользы государства, разве только дело шло о предъявленном кем-либо требовании относительно исполнения ранее постановленного приговора, или же обвинение касалось учиненного отсутствующим насилия (самоуправства), или наконец заключено было кем-либо добровольное обязательство к известному сроку явиться в суд в случае неуплаты долга. Эти-то исключения, при помощи сутяжнического кривого толкования, обращались иными во вред обвиняемых: к тяжбам, начатым еще при предках, привлекали теперь первого попавшегося под руку потомка, или же вновь подымали дело, вследствие глубокой давности почти совсем забытое. **[96]**

Ради того на этом сейме было присоединено дальнейшее разъяснение, что ссылка на ранее постановленный приговор или же на учиненное насилие тогда только будет иметь силу, если приговор был постановлен или преступление самоуправства совершено было недавно; а обязательства о добровольной явке к суду должны быть считаемы поводом к изъятию из правила только тогда, когда они заключены на известный срок, не выходящий из пределов ближайшего десятилетия.

Король с сейма письменно уговаривал Мелецкого, который не был на этом сейме, чтобы тот приготовлялся к будущему походу и оказал бы свое содействие в этой войне, но последний отказался. В то время, как король находился в Варшаве, он получил известие о том, что Нищерда, о коей мы выше говорили, покорилась его власти. Вначале, когда Московский царь взял Полоцк, то он увел всех тамошних дворян и всех крестьян в Московскую область; потом, когда уже укрепилось за ним владение этой областью, он, полагая, что у туземцев от долгого времени пропала любовь к прежнему управлению, снова поселил на прежних землях некоторых из них, и в том числе некоего Коссонского, выдававшегося над крестьянами не столько телесною силою, но и умом, вместе с его сыновьями и братьями, также весьма сильными людьми. Лишь только Полоцк воротился под власть короля, Коссонский стал измышлять, как бы ему возвратиться с некоторой почестью к прежней власти. Он указал Полоцким казакам, в каком положении дела неприятелей. Когда последние, с разрешения воеводы Полоцкого, в назначенное Коссонским

время подступили к Нищерде, то они нашли, что окопы, как предупреждал их Коссонский, даже не окончены, и без всякого труда овладели этой крепостью. Тем не менее Коссонский, по своему обыкновению, продолжал вращаться между Москвитянами, не возбуждая никакого подозрения, так как они считали **[97]** приход казаков под Нищерду случайным, и вот он задумал таким же образом передать нашим и Заволочье. Тем же казакам он назначил день для прихода под Заволочье, условился, что он сам зажжет башню, и, пока Москвитяне будут заняты тушением этого пожара, введет их в крепость. Когда же план этот был открыт, то Коссонский вместе с двумя сыновьями был посажен на кол в виду Заволочья. В то же время казаки возъимели надежду таким же неожиданным нападением захватить и Усвят. С ними соединился Николай Зебридовский, сын Флориана, бывшего некогда начальником над войском надворным и Люблинским кастеланом. Наскучив праздностию на зимних квартирах в Витебске, оставив конницу, чтобы обмануть неприятеля, Зебридовский был проведен казаками по известным тропинкам к Усвяту; но оказалось, что крепость снабжена была сильным гарнизоном и всем нужным. Неприятель, однако, устрашенный неожиданным прибытием, сожег посад, прилегавший к крепости.

КНИГА III

(1580) Когда король собирался из Варшавы в Гродно и весь был занят заботами о будущем походе, он встретился с двумя главным образом препятствиями: во первых препятствие было в деньгах, так как оне поступали слишком медленно; во вторых в наборе солдат, ибо многие из тех, которые были в первом походе, потерпев большой урон и лишившись лошадей и всего вооружения вследствие непогод и дурного состояния дороги, теперь слишком ясно представляли себе все тягости столь отдаленной службы и потому очень не охотно многие записывались в нее; даже те из них, которые не желали подать вида, будто они уклоняются от службы, **[98]** тем не менее отговаривались недостатком времени, вследствие чего им будто бы делалось невозможным приготовиться к походу. Что касается военных расходов, то король употребил на это частию свои собственные деньги, частью взял для этого у частных лиц взаймы, с тем условием, чтобы уплатить эти деньги к известному сроку. Замойский обещал свое содействие в деле набора. Хотя он занимал гражданскую должность, но не забывал того, что отец его, кастелан Холмский, был гетманом надворного войска и что другие предки его большею частию прославились военными подвигами; поэтому желая сохранить славу, наследованную от предков и с своей стороны поддержать традицию своего дома, Замойский как и раньше всегда, так и в прошлый поход, содержал на свой счет солдат и имел около себя несколько дельных военных людей. Посоветовавшись теперь с королем, он всенародно объявил, что будет сам набирать и конницу и пехоту. Когда это стало известно, то во всех проявилось великое рвение, и отовсюду стали являться охотники. Сверх того король поручил брату своему Христофору, воеводе Трансильванскому, набрать еще и венгерских солдат. Польша до сих пор имела не много пехоты по той причине, что почти вся шляхта служила в коннице и пренебрегала пешею службой, которая представляла больше труда и меньше блеска; потому вся наличная пехота, сколько ее было, состояла из городского и преимущественно рабочего совершенно неопытного в военном деле, и даже неспособного, вследствие привычки к городскому покою, переносить военные тягости; иностранную же пехоту нельзя было содержать без огромных издержек. Поэтому-то на прежнем сейме уже толковали об изыскании какого-нибудь способа для образования туземной пехоты и решено было брать по одному из 20-ти крестьян в королевских имениях с тем, чтобы поступившие на таком

основании в военную службу как сами, так и дети **[99]** их были свободны от барщины и крестьянских повинностей. И вот теперь решено было обратиться к такому способу набора; повсюду по областям были разосланы ротмистры и сотники отбирать самых крепких крестьян, более способных переносить военные тягости. Заняться установлением плана военных действий король предполагал в Гродне, ближе к театру войны, а между тем он приказал, чтобы в Вильне отливали новые пушки по его образцу и чинили старые. Король уже держал в уме осаду Великих Лук, однако, чтобы подольше скрывать это от неприятеля, нарочно назначил день, когда войско должно было собраться в Чашники. Эти последние расположены на реке Уле при соединении двух дорог, Лукской и Смоленской, на равном расстоянии от того и от другого города, при чем по дороге к Лукам находилась река Усвяча, а по дороге к Смоленску Каспля, поэтому казалось возможным, внушая неприятелю двойное опасение в ту и другую сторону, удерживать его некоторое время в неподвижности. Мы выше сказали, что от короля были посланы с грамотой уведомить Московского царя об исходе Полоцкой осады. Посол этот был принят гораздо более милостиво, чем кто либо до него, даже приглашен был к столу и получил в подарок парчевую одежду. Прежде чем отпустить его, Московский царь приказал дать ему от двух своих наместников, князей Ивана Федоровича Новгородского и Никиты Юрьевича Мстиславского и от Романова Захарьина письма к Николаю Радзивилу, Виленскому воеводе, и Евстафию Воловичу, тогдашнему кастелану Трокскому[85]. Они писали, что когда несогласия двух могущественнейших владетелей дошли до того, что, начав войну, король Польский завоевал Полоцк, **[100]** а великий князь Московский в свою очередь сильно возгорелся желанием отомстить за это оскорбление, то они бросились с прочими боярами к ногам своего государя и умоляли не проливать христианской крови, и что он, тронутый их мольбами, до сих пор удерживался от военных действий[86]. Теперь советникам короля Польского нужно постараться перед своим королем о том, чтобы склонить его к заключению прочного мира с великим князем Московским; пусть они уговорят короля, чтобы и он сам ушел с войсками и войску приказал бы уйдти как от границ Литвы, так и Ливонии, и чтобы он не раздражал никакими неприязненными и несправедливыми действиями Москвитян; тоже обещает и их великий князь; он возвратится в свою столицу и повсюду воспретит своим всякие насилия и обиды; между тем с обеих сторон пусть будут приняты меры к тому, чтобы отправить послов, устроить согласие и мир, дабы государи могли сложить с себя оружие и все избавились от

страха.

В конце своих грамот они извиняли то, что Василий Лопатинский, чрез которого король объявил Московскому царю войну, до сих пор задержан у них[87]. Они заявляли, **[101]** что как скоро тот и другой (государи) вернутся в свои столицы, то они постараются, чтобы он был немедленно отправлен обратно к королю с наказами о мире. Сделал это Московский царь по примеру, введенному во времена Сигизмунда Августа Литовцами, ибо всякий раз, когда король предполагал послать к Московскому царю послов, литовские паны сперва отправляли письма к московским боярам, в которых просили, чтобы они выправили от своего государя охранную грамоту для тех послов, которые прийдут.

Обсудив это, выше названные литовские сенаторы отвечали в таком смысле, что они много говорили о мире с королем и что он, как христианский государь, выше всего ценит мир и согласие между соседями и особенно между соседями христианскими, что он начал войну будучи вызван к тому тяжкими оскорблениями со стороны Московского царя, не ради чего другого, как ради мира, и будет вести ее до тех пор, пока великий князь их не даст ему возможности заключить справедливый мир, что королю всетаки нет никакого основания посылать к их государю послов, так как не считает себя в праве кого либо из своих подданных подвергать обидам и оскорблениям со стороны Московского царя, как последний раньше делал. Если же их государь пришлет к королю Польскому послов, то король терпеливо выслушает то, что они станут говорить и отпустить с надлежащим ответом[88]. Немного времени спустя, Московский царь сам прислал другого гонца к королю с письмом такого же содержания. Он был отпущен с таким же **[102]** ответом, какой предыдущий получил от панов[89]. Однако, несмотря и на это, Московский царь снова отправил с теми же требованиями к королю своего дворянина Ивана Нащокина. Выслушав публично тот же ответ от короля, Нащокин объявил после того, что имеет кроме того еще личное поручение, которое он может передать только частным образом. Получив позволение на это, Нащокин объявил, что его государь сокрушается о пролитии крови невинных христиан, и что по этому хотя и сознает, что будет противно обычаю его предков, однако решил поступиться в этом случае своим достоинством ради общего согласия и сам пришлет к королю послов для переговоров о мире, но взамен этого требует, чтобы в это время было заключено перемирие, и король не шел бы дальше со своими войсками. Пусть король ожидает послов в Вильне, так как и его предшественники всегда оказывали ту особую честь

великим князьям Московским, что послы их выслушивались только в столице или королевства Польского или Великого Княжества Литовского[90]. Король, понимая, что все это клонится только к тому, чтобы оттянуть время для ведения войны, отвечал: если царь желает отправить послов, то он охотно даст им возможность высказать то, что желают, и милостиво их выслушает. Что же касается требования, чтобы он ожидал послов царя в известном месте, то это требование не имеет **[103]** примера ни у одного из прочих христианских государей: они посылают послов когда нужно во всякое место; везде одинаково право послов и не ограничивается известным местом; послам его можно придти всюду, где только он ни будет, и даже в самом лагере, во время самого разгара сражения, послы могут иметь с ним переговоры, если это окажется очень нужным.

Однако под конец король назначил Московскому царю известный срок, до которого будет еще ждать послов[91].

С прибытием Нащокина обнаружилось дело, которое сильно обратило на себя внимание всех. Григорий Осцик, человек знатного происхождения, во время безкоролевья вступив в соглашение с Москвою, и теперь не прекращал письменных сношений с нею.

Нащокин привез к нему грамоту от Московского царя, и тот под предлогом покупки мехов и других московских товаров, испросив доступ к Нащокину, получил ее, а за тем под тем же предлогом часто приходил к нему, иногда и тайком. Об этом было донесено слугою Осцика, некием Миревским, Мартину Рыбинскому, состоявшему на службе в хоругви королевского подчашего Андрея Зебридовского. Последний донес об этом высшим урядникам, а затем дело дошло до короля. Миревский, так как это случилось в присутствии короля, тотчас был позван к надворному маршалку Альберту Радзивилу и посажен под караул; он добровольно рассказал о том, о чем раньше сообщил Рыбинскому и указал как на человека знающего все это дело, на слугу Осцика, некоего Варфоломея. Пригласив только 4-х первых советников, король стал с ними **[104]** совещаться. Из них воевода Виленский взял на себя поручение захватить Осцика, если он еще в городе. Говорили, что он находится в Троках. Тотчас отправлены были туда в большом числе дворские, чтобы захватить его и привести. Когда его привели, он был посажен в доме маршалка под свободный арест. Другим поручено было обыскать его квартиру и всё вещи; в одном ящике нашли они белые листы, помеченные печатями разных сенаторов и с подделанными подписями их имен, а также найдены были печати многих сенаторов, вырезанные вполне сходно с настоящими,

которыми тот пользовался для возбуждения большего доверия к себе Московитов, дабы казалось, будто он действует в согласии и съобща с другими магнатами. Другой отряд дворских был послан в Коварск, в имение Осцика, находившееся в двух милях от Вильны, где тогда обретался и вышеупомянутый Варфоломей; здесь оказался материал и орудия для подделки монеты, как-то: молоты и проч. Варфоломей сознался что Осцик имел сношения с Москвою, получал оттуда письма и еще раньше безкоролевья два раза пересылался с нею (Москвою). Когда некоторые сенаторы были посланы к Осцику, то он стал отрицать измену; признавался, что пользовался чужими подписями для составления частных подложных документов с целию предъявления ради личной выгоды в судах; обвинение же в подделке монеты сваливал на какого то еврея, с помощью которого достал упомянутые вырезанные печатки. Когда его привели в суд и на суде выставлены были самые вещественные доказательства его измены и подделки монет, Осцику приказано было отвечать. Защитник его говорил, что он не будет отвечать, ибо пользуется общим правом шляхетства, по которому запрещается производить следствие над кем либо из шляхты, прежде чем он не вызван законным образом в суд. Сенаторы разно смотрели на это обстоятельство: некоторые **[105]** полагали, что не следует каким либо примером сокращать шляхетскую свободу, но большая часть из них обращала особенное внимание на военное время; так как король занят приготовлением к походу, и почти живет в лагере, то разбирательство этого дела должно производиться не обыкновенным судом, а скорее военным; только те, говорилось далее, могут пользоваться означенною привиллегиею, которые имеют не запятнанную славу; что же касается до таких, преступность которых обнаружилась в целом ряде злодеяний и подтверждается собственным признанием, такие люди уже сами своим образом жизни сделали себя недостойными привиллегий шляхетства и даже самого звания шляхтича. Вследствие этого, Осцику приказано было отвечать вторично, и он дал записку, приготовленную им на этот случай раньше, чтобы прочесть ее публично. Признаваясь в ней, что сносился с неприятелем и подавал ему надежду убить при удобном случае короля, он старался оправдывать себя тем, что, как говорил, был вынужден к тому бедностью и большими долгами и имел в виду только выманить таким способом сколько нибудь денег от неприятеля, и на коленах просил помилования.

Над сознавшимся в преступлении, а также и над евреем была совершена по обычаю предков смертная казнь; слугам было

объявлено помилование за раскрытие такого преступления.

В это время в Вильну прибыла венгерская пехота. Король приказал ей идти сухим путем до Постава; там они должны были садиться с пушками и другими тяжелыми военными снарядами на суда, плыть по течению реки в Дисну, а оттуда взяв и другие пушки, которые он раньше, возвращаясь из Полоцка, оставил там, отправляться к Витебску вверх по реке Двине. В Вильне Павел Уханский, который был посылан королем к папе и теперь воротился, поднес королю меч, освященный папою с известными церемониями. **[106]**

Отправившись затем из Вильны, король прибыл 8-го июля в село Щудут (Scidutum), в пяти милях по сю сторону от Чашников, и разместив войска по соседним деревням, сам расположился в указанном месте. Пока не собрались прочие ожидаемые войска, он здесь держал совет, чтобы обсудить какой избрать план войны и куда лучше всего во время этого похода направиться с войсками.

По этому вопросу заявлены были различные мнения, из коих три заслуживали наибольшего внимания. Одни полагали, что нужно идти к Пскову, другие — к Смоленску, а третьи были того мнения, что нужно идти к Великим Лукам. Первое мнение, по которому указывалось на Псков, опиралось на тех же самых основаниях, которые были высказаны раньше пред экспедицией к Полоцку, а равным образом и опровергаемо оно было теми же самыми соображениями, как и прежде, именно, что это путь слишком далеко заходящий в неприятельскую землю, что тыл наших войск будет не защищен, если так много крепостей будет оставлено позади, без всякой опоры для нас по близости, что Литва будет предана на жертву неприятелям; и наконец, главным образом, тем, что уже слишком далеко отошли от Псковской дороги. Однако, это первое предложение было во второй раз не столько отвергнуто, сколько отложено до другого более удобного времени.

Что же касается до тех, которые предлагали идти к Смоленску, то их увлекали к тому главным образом многолюдство и богатство этого города, равно как и слава прошлых дел здесь совершавшихся, наконец самая цель войны, состоявшая в возвращении потерянных областей и надежда, что вследствие присоединения к Польше такой твердыни, и вся Северская область, одна из самых обширнейших, должна будет поступить под ее власть.

Против этих доводов возражали те, которые советовали **[107]** идти на Луки, говоря, что, идя к Смоленску, слишком далеко придется отойти от реки Двины и Ливонии, для

освобождения которых главным образом и предпринята эта война, между тем как Северская область не может быть сравнена с Ливонией ни по многолюдству городов, ни по выгодам местоположения, ни по образованности соседних народов; Луки находятся как бы в предсердии Московского княжества, представляя пункт удобный для нападения на другие области, на какие только угодно будет потом направиться; помещенный там отряд войска будет находиться в равном расстоянии от неприятеля и весьма легко будет его удерживать, захочет ли он идти на Литву по Смоленской дороге или на Ливонию по Псковской, так как отсюда открыта одинаково дорога к Смоленску и к Пскову, поэтому-то и великий князь обыкновенно стягивает сюда свои войска, потому что при одинаковой близости окрестных владений, он отсюда может самым удобным образом напасть на ту область, которая покажется ему всего более подходящею. Король, как уже указано было и раньше, склонялся на сторону этого мнения; если же он в течении столь долгого времени не заявил об этом публично ранее, то это случилось по той причине, что он понимал необходимость предосторожности, чтобы каким нибудь образом его планы не дошли между тем до неприятеля, а также в виду того, что какое нибудь новое обстоятельство могло подать повод к изменению его намерений.

Поэтому-то король и велел собираться войску в Чашниках; здесь на месте, из которого весьма удобно можно было достигнуть Смоленска или же Лук, находившихся почти на таком же расстоянии, следовало принять окончательное решение согласно с настоящими обстоятельствами; он кроме того хотел как можно более отклонять неприятеля от всякой догадки о действительном своем намерении. Ради этой последней цели, в грамотах, которые писались к Московскому **[108]** царю, сверх Ливонии и Полоцка тщательно отмечался в королевском титуле и Смоленск, как принадлежащий Польше на основании древнего права: опасаясь нападения с этой стороны, неприятель, конечно, оставил бы без внимания ту, которую преимущественно король хотел видеть для себя открытою. Когда разошлась рада, король стал заниматься деланием смотров войскам и вызвал сперва эскадроны польских всадников, которые служили еще под Гданском и Полоцком и теперь находились по близости на зимних квартирах. Король сверх обыкновения с большим тщанием, чем когда либо прежде, относился к смотру: находясь на близ лежащем холме, он рассматривал каждого по одиночке, в то время как солдаты проходили по узкому мосту. Однако, только у очень немногих отобраны были лошади, а вообще во всех эскадронах имело очень хороший вид как люди, так и подбор

лошадей и оружия. После польских всадников, были выведениы новобранцы последнего недавнего набора.

Среди их находились всадники и пехотинцы, набранные, как мы выше сказали, Замойским. Тут было не мало лиц сенаторского звания: иные из них большую часть жизни посятивши военной службе и уже давно оставив ее, теперь вызвались к ней добровольно снова; иные уже прежде сами командовали войсками; не мало было и таких, которые прежде были старостами или имели другой уряд; несколько человек было таких, которые имели места при королевском дворе и почетные должности и кроме всех этих было огромное число знатных юношей. Всадников было два рода: во-первых, гусары, с тяжелым вооружением, с которым мы ознакомились уже при Дисне, и во-вторых, казаки с более легким вооружением. Последним вместо лука и колчана Замойский дал карабины в два локтя длиною, которые она имели у себя за плечами и кроме того более короткие ружья-пистолеты, **[109]** привешанные к поясу, оставив у них по старому обычаю короткую саблю с левой стороны и пики. Пехоту главным образом Замойский набрал из соседних областей Венгрии, отчасти из Варадина, отчасти из других более отдаленных мест; некоторая доля состояла из Поляков или таких, которые уже раньше служили в предшествовавшие войны, или же большею частию таких, которые поступили вновь при последнем наборе.

Пехота, которая служила у Замойского в прошлом году под Полоцком, была набрана в тех же областях Венгерских; слухи об его благосклонном обращении с нею сделали то, что с каждым днем стало оттуда к этому времени притекать все более охотников; Замойский образовал из них особый отряд и поручил над оным начальство Томашу Дрогоевскому, старосте Перемышльскому, своему кровному родственнику; все эти войска имели убранство, одежду и оружие, отличные от других, ибо все было темного траурного цвета в знак двойной печали их полководца, который лишился жены своей Христины Радзивиловой и единственной от нее своей дочери; уже тем самым эти войска особенно выдавались из среды прочих.

Накануне выступления короля из Чашников, когда истекал последний срок, назначенный им московским гонцам в Вильне для прибытия новых послов, с величайшею поспешностью действительно прибыл к королю гонец от Московского царя и не подождав пышного торжественного платья, которое выдавалось исполнявшим посольские обязанности из московской казны, и теперь следовало за ним с остальным обозом, боясь пропустить срок, явился к королю, вопреки посольским обычаям своего

народа, в обыкновенном платье, и бив челом, отдал королю грамоту следующего содержания. Так как царь видит, что невозможно склонить короля прислать к нему послов для мира, то он сам, ради сохранения **[110]** согласия, изменяя праву и обычаю как своих предков, так и своему собственному, посылает уполномоченных своих, наиболее сановных людей, и они прибудут к 5-му или в крайнем случае 16-го августа, и потому он просил, чтобы король подождал их в Вильне, ибо на основании обычая, вошедшего в употребление с давних времен, он не желает, чтобы его послы имели аудиенцию у короля в каком либо ином месте, а не в самой столице Польского королевства или Великого Княжества Литовского[92]. На это ему был послан ответ, что король до сих пор напрасно ожидал посольства, которое, как другой предъидущий гонец уверял, должно было отправиться в наискорейшем времени; что по многим причинам уже невозможно дать им аудиенцию в Вильне, между прочим потому, что он слишком уже далеко отъехал от Вильны на пути к своим войскам; с ними он двинется, куда ему заблагорассудится, так как не может содержать войско внутри своих границ, не нанося большого ущерба своим подданным; однако, если послы московские прибудут к нему в каком бы то ни было месте, то он терпеливо выслушает то, что они скажут[93]. Отправив гонца с таким ответом, король на следующий день выехал из лагеря при Чашниках и осмотрел Лепель, потом Улу, ближайшие крепости, для того, чтобы решить, следует ли их теперь укрепить или разрушить, а войску, по указанному раньше маршруту, приказал двигаться на **[111]** Витебск и через два дня сам вернулся к нему уже в другой лагерь. В этот день была привезена другая грамота от Московского царя к королю, такого же почти содержания, как и последнее письмо, т. е. что Московский царь отправляет послов с большим полномочием для переговоров о мире, и просит, согласно обычаю предков, выслушать их в Вильне; если же это не может быть допущено, то пусть он ожидает их по крайней мере на своих границах[94].

И на это письмо отвечали, что когда придут послы, то король посмотрит, что они будут говорить; если они предложат справедливые и законные условия, то даже во время самого разгара войны будет время для заключения верного и честного мира, а теперь король пойдет с войском дальше; пусть царь решает, как ему распорядиться со своим посольством; король же может обещать ему одно то, что всегда будет у него время выслушать его послов и их речь, если она будет основательна, куда бы они ни явились[95]. К грамоте на имя короля Московский царь присоединил другое письмо к тому гонцу, который был у

короля в Чашниках и, хотя некоторые говорили, что его нужно распечатать, но король отослал к неприятелю, не распечатав его[96]. В этом лагере и затем во многих других ближайших король ежедневно совещался относительно направления военных действий. По его мнению, не должно было **[112]** оставлять в руках врага двух неприятельских крепостей, приходящихся в тылу, если стать у Великих Лук — Велижа у реки Двины и Усвята у реки того же названия — тем более, что он уже раньше желал подчинить своей власти всю Двину. Полагая, что прежде всего нужно взять Велиж, как более укрепленный город и во всех отношениях имеющий более важное значение, он отправил туда Замойского с большой частью войска. К отряду Замойского, который он, как выше было сказано, привел с собою, король присоединил отряды из польских и венгерских всадников и пехотинцев, а также и немецких всадников вооруженных карабинами, и в том числе Георгия Фаренсбека (Farensbekius), маршалка Датского короля, прибывшего в то же время к королю с некоторым числом германских всадников и пехотинцев ради желания послужить своему отечеству, Ливонии.

Литовцы требовали, чтобы это дело (осада Велижа) поручено было им. На это другая сторона возражала, что так как нет на лице польского гетмана, то литовский должен оставаться при короле; что же касается до польского гетмана, то обычаем предков установлено так, что высшая военная власть должна принадлежать (великому) гетману, а вся гражданская юрисдикция при особе королевской должна находиться в руках великого маршалка коронного, в случае же отсутствия гетмана маршалк принимает на себя его обязанности в лагере; должность же канцлера заключается в том, что он председательствует в раде, в судах, вводит послов и представляет королю о просьбах и заслугах отдельных лиц; к канцлеру же, в случае отсутствия маршалка, переходит и вся власть последняго. Что же касается до должности польного гетмана, то последняя не такого рода, чтобы можно было ее сравнивать с указанными выше должностями, ибо будучи введена сначала частным образом самими великими **[113]** гетманами, она и теперь замещается на основании рекомендации этих гетманов.

Споры прекратились вследствие того, что дело не терпело отлагательства, а между тем те из литовского войска, которые должны были идти туда, еще не прибыли, Замойский же имел свое войско наготове, при том снабженное решительно всем необходимым для похода. Предвидя трудности, могущие встретиться на походе в данной местности, Замойский взял с собою значительное число плотников и других мастеров,

пригодных на войне, и значительное число полевых орудий; кроме того заготовил значительное количество пороху, провианта и фуража; все это он заранее распорядился из Книшинского староства свезти в одно место и теперь отправил вперед вниз по реке Неману в Ковно, оттуда вверх по реке Вилии в Михалишки, из Михалишек же по сухому пути в Поставу, оттуда в Дисну и наконец по реке Двине в Витебск.

В то же самое время пришли к королю без всяких определенных поручений, только ради шпионства, послы от паши Темесварского; ибо когда военный клич распространился по всей Венгрии и по соседству производилась вербовка Венгров, то он стал опасаться, не имело ли это какой нибудь другой цели, кроме той, о которой носились слухи. Замойский, прибыв в Витебск, пробыл там два дня и в это время собрал туда все войско; здесь он издал распоряжения, относившияся к соблюдению военной дисциплины и предосторожностей на походе и узаконил их письменно. В то же время он послал вперед вместе с другим тяжелым военным снарядом вверх по реке Двине пушки, полученные от короля. Для прикрытия транспорта, он приказал идти с левой стороны Стефану Лазарю с венгерскою конницей, над которой тот начальствовал, смотреть же за пушками и остальными военными снарядами было поручено Станиславу **[114]** Костке Кульмскому (Хельминскому). Над передовым отрядом он поставил начальником Луку Дзялынского, старосту Ковальского и Бродницского, своего родственника. Ему дал в помощники Николая Уровецкого, который, получив сначала военное образование при его отце, за тем по приказанию его самого в прошлом походе находился под начальством, Мелецкого с отрядом всадников; теперь же, заметив мужество его при встрече с какою бы то ни было опасностию, и готовность его переносить всякие воинские труды, Замойский приказал ему находиться при себе. Он предписал им держаться на походе такого порядка, чтобы идти впереди остального войска на известном расстоянии. Сам Замойский шел посредине с остальным войском, взяв к себе наместником Станислава Жолкевского, впоследствии воеводу Бельзского, который и раньше, под начальством Николая Сенявского, воеводы Русского, в Подолии командовал войском против Татар в качестве наместника.

За ним следовали обозы, и эта часть войска составляла гораздо большее затруднение, чем все остальные по той причине, что, при множестве телег и служб, без которых войско не может обойтись в опустошенных странах, оне обыкновенно между собою путаются и мешаются, а это обстоятельство по необходимости

сильно задерживает движение. Замойский избежал этого затруднения тем, что весь обоз разделил на три ряда; в каком порядке и куда двигались отдельные полки или отряды, в таком порядке и туда же он приказал двигаться и обозным рядам, смотря по принадлежности каждого из них. Для защиты каждого ряда телег с фронта и с тыла назначался надлежащий отряд пехоты, а для того, чтобы тем ревностнее сохранялся такой порядок и чтобы повозки во время выступления обозов не перепутывались, постоянно отряжались по двое попеременно наблюдать за этим, Испытав придуманное им средство еще сначала при движении **[115]** к Витебску, Замойский рекомендовал его начальникам этих рядов. Самый последний ряд таким образом двигавшихся обозов замыкали отборнейшие роты пехотинцев и на самом конце несколько эскадронов всадников. На полях, где шло войско, уже поспел хлеб, а главным образом в изобилии находилось сено. Но Замойский, зная, что за ним пойдет по той же дороге и король с остальным войском, разделил всю землю, по которой шел, на определенные доли, из которых с одной он позволил войску, бывшему с ним, сжать хлеб, остальные приказал оставить не тронутыми для шедшего позади их другого войска; это приказание было с точностью исполнено солдатами. В тот же день, в который тронулся Замойский, королю, прибывшему в Витебск, представились литовские войска, как получавшие жалованье, так и добровольные, при том в таком количестве и вооружении, что никто не мог догадаться о потерях их прошлого года; вместе с тем произведен был смотр и некоторым польским войскам, пришедшим тогда в первый раз из более отдаленных местностей королевства, которые также были двоякого рода: наемные и охочия.

Между тем Замойский, построив скоро мост чрез реку Касплю, прибыл в Сураж, самый крайний город королевских владений. Здесь он остановился на один день, в ожидании прибытия орудий, которые медленно следовали вверх по реке Двине, и чтобы дать отдых от похода солдатам, а вместе с тем и посоветоваться о дальнейшем пути.

Полагают, что Велиж был некогда весьма многолюдным городом и получил название от величины; доказательством прежнего величия служат еще до сих пор следы громадных рвов, указываемых жителями.

Под литовскою властию в этих местах были только села; а когда князь Московский, воспользовавшись моментом, пока короли Польские были заняты в другом месте, **[116]** покорил под свою власть эту область, то сохранив древнее название Велижа, он воздвиг здесь крепость, которая должна была угрожать

витебскому гарнизону; за тем, по сю сторону Двины, на которой расположены Велиж и Витебск, также позднее основанный Сураж, не желая оставлять ее открытою, Москвитяне, как это делали и в других местах, нарочно дали разрастись непроходимым лесам; ибо у них такой обычай, что они, оставляют землю, соседнюю с неприятелем на протяжении нескольких миль вполне не возделанной и необитаемой; частые деревья, которые по необходимости выростают на свободной почве, и густые леса за тем образуют некоторого рода оплот против неприятеля; и они (считают) себя в безопасности от вражеских набегов, как скоро со всех сторон окружают себя насколько возможно бесплодными пустырями.

Во время Сигизмунда Августа Стефан Збаражский, в то время воевода Витебский, теперь Трокский, желая предупредить неприятеля, наскоро укрепил местечко Сураж; он опасался, чтобы неприятель не овладел устьями рек Усвячи и Каспли, впадающих здесь в Двину, для постройки укреплений с целию соединения областей Смоленской и Лукской, так как эти реки текут в Двину с противоположных сторон: Усвяча со стороны Великих Лук, а Каспля со стороны Смоленска. Сураж находится как бы на самой опушке выше упомянутого леса.

Пред Замойским лежали две дороги по тому или другому берегу реки Двины. Он видел, что если он пойдет по той стороне, то ему придется переправляться через реку два раза и строит второй мост при Велиже, как бы в виду неприятеля; с другой стороны из расспросов он узнал, что второй путь не только представляет трудности для движения, но что даже и одному человеку с трудом можно пройдти по той дороге, что никто после князя Витовта в **[117]** продолжение 160 лет не проводил тут войска. Тем не менее он решил идти по этой последней дороге; сам вступив в лес и осмотрел места, по которым нужно было проложить путь; послав туда несколько рот пехотинцев, он приказал одним рубить лес топорами, а железом прокладывать дорогу, остальным быть наготове для защиты занятых работой и разделить между собой очереди работы и караула.

Работа представляла много трудностей; ибо нужно было сперва вырубать деревья, которые на почве плодородной в продолжении стольких лет разрослись очень сильно и убирать срубленные бревна с прокладываемой дороги. За тем следовал другой труд не меньший первого: так как места были по большей части пересеченные оврагами и болотистые, то приходилось наводить мосты или же уравнивать почву настилкою из деревьев и хворосту. Тем не менее, благодаря замечательному рвению солдат и начальника их Николая Уровецкого, в тот день была

проложена дорога на 20 миль, на следующий день войско, отправясь по ней, дошло до места, называемого Верховьем, где некогда находилось село; в таком же расстоянии оно было и от Велижа (т. е. 20 миль).

Даже и теперь казаки называют ближайшее к Верховью место мостом Витовта, так как они слышали по рассказам, что Витовт, построив мост, некогда провел тут войска. На этом самом месте и Замойский быстро устроил в течении нескольких часов мост чрез огромнейшее болото; а на следующий день, немного подвинувшись дальше, так как движению препятствовали частые холмы, он расположился с соблюдением величайшей тишины в 10 милях от Велижа, не позволяя никому отлучаться с места даже ради фуража; ибо он решился на следующий день напасть на крепость[97]. **[118]**

Тут встретилось еще новое препятствие; неприятель нашел нужным укрепить эту местность ради ее близости к крепости особенным образом: подсекши деревья, повалив их с противуположной стороны и перепутав их между собой, за тем нагромоздив сверху еще другие, он оградил себя на расстоянии нескольких тысяч шагов засеками более надежными, чем какая бы то ни была стена; самый лес почти не пропускавший света, и среди белого дня возбуждал в тех, кто вступал в него, такой же страх, как ночью. Замойский второй раз дал работу пехоте — расчистить дорогу. В тот же день он выслал вперед Никиту и Бирулу (Birulla), известных казацких атаманов, в предшествовавшие дни совершивших набег на Смоленскую область, и теперь явившихся к войску, для того, чтобы они длинным обходом за реку Двину заняли дорогу, идущую к Лукам.

Последние захватили на дороге знатного московского человека, Кудрявого, вышедшего из крепости с двумя провожатыми, из которых один был убит казаками, другой успел спастись. Приведенный на следующий день в лагерь, пленный сообщил, каков гарнизон в Велиже, и что до гарнизона уже дошел слух о каком-то отряде казаков, но ничего неизвестно о близости большого войска. Узнав это и оставив на месте все обозы под защитой надежных небольших отрядов пехоты и конницы, Замойский, выслав вперед траурную пехоту и полк Выбрановского, сам с остальною пехотаю быстро прошел к опушке леса у самого Велижа. Местность эта по природе была такова, что, еслибы неприятель, узнав о приходе Замойского, вздумал преградить ему доступ, то расположив незначительный отряд солдат внутри леса и там и здесь на окраинах, очень легко мог бы достигнуть своей цели; и с другой стороны, если приход его как нибудь еще остался неизвестным неприятелю, то

Замойский мог легко ворваться в крепость чрез оставленные без стражи ворота **[119]** и неожиданно захватить ее. Но едва только он вышел из леса, как неприятель дал знать о его приходе выстрелом из пушки, и в тот же момент приняв всех жителей предместий в крепость, зажег вокруг лежащие строения. Тем не менее Замойский распорядился, чтобы подняв военный клик, всадники и пешие быстрым нападением окружили укрепление.

Велиж простирается на довольно обширное пространство и укреплен 9-ю башнями: с юга и востока он омывается рекою Двиною, с севера — каким то ручьем, впадающим там же внизу крепости чрез озеро в реку Двину; кроме того со всех сторон и в особенности с запада он окружен очень глубокими рвами. Расположившись лагерем с северной стороны, Замойский приказал Венгерцам проводить окопы от верхней части Двины; ниже их поместил в центре Поляков; Уровецкому с траурною пехотою приказал наблюдать на западной стороне, за Двиною; против Лук, расположил на страже казаков. Когда после нескольких дней быстрой работы шанцы были готовы, он начал стрелять из пушек в стены. Меткость выстрелов наших пушек, как потом узнано было от пленных и по самым поломанным неприятельским орудиям, была замечательна, так что ни одно почти ядро не пропало без того, чтобы не испортить что либо у неприятельских орудий. Затем Борнемиссе, которого Замойский поставил начальником над венгерскими окопами, вздумалось попробовать каленые ядра, и вот со стороны венгерских окопов был возбужден пожар, но тот-час же и был потушен; когда же Уровецкий стал делать то же самое, то часть разрушенного моста, которая оставалась при воротах, была сожжена черными солдатами. В одно время с этим стал заметен довольно высоко подымающийся дым с двух противоположных башен. Когда это было замечено, то осажденные сдались без дальнейшего сопротивления. Они **[120]** и без того были перепуганы неожиданностью прихода наших войск с той стороны, с которой они считали себя в полной безопасности; после того, как нами были быстро пройдены столь дремучие леса, показалось, что для них уже нет ни в чем защиты, и нет ничего непреодолимого для наших войск; точно также они были поражены и тою быстротою, с которой окончены были нашими солдатами все работы, наконец тою опасностью, которая теперь для них возникла от пожара. Московиты, огорченные завоеванием Полоцка и боясь подобной же участи и для других крепостей, которые все были деревянные в стороне к Литве, распорядились покрыть стены их дерном, и теперь это очень вредило им, потому что, благодаря вышесказанному распоряжению, ядра пробившись через дерн,

наложенный не довольно толсто по причине торопливой работы, проникали в стену и тем глубже там заседали, так что уже не представлялось никакой возможности тушить их.

Провианту, фуража, пороху и военных снарядов было найдено в этом городе так много, что, не смотря на то, что отсюда было наделено все наше войско, еще осталось всего столько, сколько нужно было для гарнизона. Король решил оставаться в Сураже, куда он прибыл в это время, пока не будет окончен мост на Двине и пока он не узнает об исходе Велижской осады. Когда пришло известие от Замойского о взятии крепости и присланы были начальники, которые там находились, то король тем более был тому рад, что судьба ничем не испортила этого подарка, так как крепость, которую он в особенности желал получить в целости, на самом деле не потерпела никакого вреда. Лишь только устроен был известным образом мост из лодок, король поспешно отправился осмотреть Велиж и затем снова вернулся в Сураж.

Около того же времени была доставлена от Московского **[121]** царя грамота, в которой он слишком унижен для того, чтобы такое смирение можно было считать искренним, извещал, что он сам против обыкновения своего и своих предков уже отпустил послов с надлежащим наказом, который может повести к сокращению недоразумений; и так как все-таки могло случиться, что он до сих пор не понимал ясно намерений короля, вследствие чего может быть предлагаемые условия еще не во всех отношениях удовлетворят короля, то он просит, чтобы или король сам яснее выразил свое мнение относительно оных письменно, или поручил бы послам сделать это; особенно просил Московский царь о том, чтобы прежде чем выслушать послов, король отвел свое войско внутрь границ и удерживался от всех неприязненных действий по отношению к его подданным. В конце письма он отвращал короля от жестоких мер, приводя в доказательство несколько мест из св. писания, по своему обычаю и по своей всегдашней наклонности хвалиться более знанием писания, чем старанием соблюдать оное[98]. Видя, что Московский царь упорно держится такого же притворства, какое раньше обнаруживал, король тотчас переправил по трем мостам все войско на другой берег Двины.

На следующий день, когда он находился уже в дороге, снова было вручено ему письмо Московского царя такого содержания: послы его едут с величайшею поспешностью, пусть подождет их прихода, пусть не думает, что какая-нибудь трехдневная отсрочка принесет его делам большой вред[99]. Короля, не желавшего нисколько уменьшить свою **[122]** обыкновенную скорость,

задерживало неудобство пути, так как Московиты таким же образом, как то было указано выше, на пространстве почти 120 миль от Лук по направлению к Литве развели самые густые леса.

Таким образом и здесь были те же лесистые местности, едва проходимые для одного человека, при том, вследствие многочисленных повсюду разбросанных болот, по большей части до того топкие, что лошади только с трудом проходили по ним. К этому присоединилось еще то, что, по истреблении всех пастбищ, какие только тут были, передними отрядами, у более значительной части войска чувствовался сильный недостаток сена. На походе соблюдался такой порядок, что в первом отряде шли Литовцы под предводительством Виленского воеводы и его сына Христофора, польного гетмана, а за ним следовал кастелян Гнезненский Иван Зборовский, гетман надворного войска, прибывший в это время к королю. За последним шла как конница, так и пехота венгерская. За ними следовал сам король с отборным войском и со своею дворцовой свитой, которою командовал в этот поход Альберт Радзивил, надворный маршалк; за королем — Иван Збаражский, воевода Брацлавский, с польскою конницей; ариергард замыкал Николай Сенявский, воевода Русских войск, присоединившихся также к королю, так как по усмирении Татар не ожидалось со стороны их никакой тревоги; пушки же и другие военные снаряды вместе с теми, которые Замойский отправил королю после взятия Велижа, шли к реке Усвяче вверх против течения. Так как Литовцы, находившиеся в первом отряде, двигались вперед слишком медленно, то король послал вперед 300 человек отборных из венгерской пехоты, для того, чтобы поскорее расчистить дорогу вместе с Литовцами, и когда дорога была ими исправлена очень скоро, то первым прибыло к Усвяту войско Литовцев 15-го августа, а король **[123]** остановился в 10 милях от него. Усвят, будучи расположен на небольшом холме между двумя озерами и рекою Усвячею, с запада ограничивается озером Узмень (Usmeniana), с востока другим, называемым то же Усвят, с юга рекою того же названия, которая протекая по тому и другому озеру вливается в Двину при Сураже. Юрий Соколинский вместе с Литовцами начал, по приказанию Виленского воеводы, вести шанцы по направлению к крепости.

Когда к нему присоединились и Венгерцы, то в одну ночь, благодаря удивительному старанию их, проведен был ров близко к воротам на расстоянии полета стрелы, так что на противуположной башне, вследствие непрерывной ружейной пальбы, уже нельзя было держаться; находившиеся в крепости,

устрашенные одним именем и вместе с тем приходом короля, о присутствии которого они догадались по широкому пространству, занимаемому его лагерем, так как с крепости открывался вид на все внизу расположенные поля, в тот же день сдались. Король, направясь от Усвята к Лукам, вначале снова встретился с такими же неудобными дорогами, с непрерывными и, как мы выше указали, весьма густо заросшими и нарочно перепутанными лесами, при этом еще с топкой и весьма затруднительной для прохода почвой. Потом дорога стала несколько более удобною и представляла сухую и почти песчаную почву. Однако повсюду, как обыкновенно по местам невозделанным и безлюдным, войско терпело большой недостаток в съестных припасах.

Король оставил при пушках, которые следовали от Усвята по сухому пути довольно медленно, Николая Сенявского с русскими войсками; этим приходилось терпеть тем больше, чем медленнее они шли, по причине находившихся при них обозов. Однако потом им доставили некоторое облегчение собственные суда Замойского; не имея возможности вести их за собою дальше, он отпустил их в Усвят, нагрузив **[124]** провиантом и фуражем. В то же время Вольминский, посланный вперед к Лукам Христофором Радзивилом, завязал в нескольких тысячах шагов от города перестрелку с передовыми постами неприятеля и взяв несколько человек в плен, остальных обратил в бегство. Так как мост, которым войско пользовалось для переправы через реки в других случаях, был у короля, то Замойский переправил все войска, бывшие с ним при Велиже с помощью плота, на каком, как мы указывали, переправлено было войско при Соколе. Было также сказано, что в Велиже Замойский отпустил суда, на которых подвозили провиант, от войска в Усвят; вследствие того произошло, что новобранцы и те, которые недавно поступили в военную службу по доброй воле, но не имели большой опытности в военном деле, считая себя лишенными той опоры, на которую преимущественно надеялись, испугавшись вместе с тем трудностей дороги и громадных лесов, по которым, как слышали, их поведут, почти совершенно упали духом, а очень многие разбежались в разные стороны. Замойский, подвергнув тяжкому наказанию двух-трех таких дезертиров, легко удержал от бегства остальных.

Они шли по военной дороге, ведущей от Смоленска в Луки, держась в отношении к королю правого фланга; так как Московский царь по этой дороге обыкновенно также водил свои войска, которые, как выше было указано, всегда собирались в Луках, то на всем протяжении ее были устроены мосты из огромных и очень толстых бревен; тем не менее, так как большая

часть из этих мостов вследствие ветхости уже испортилась, то нужно было употребить не малый труд войску для их исправления.

У Лук и на лугах Ораненских стояло караулом несколько эскадронов Ногайских Татар, которыми предводительствовал Уланецкий, происходивший из рода татарских **[125]** князей и родившийся в Москве. Раньше Хилков их высылал в Велиж при первом слухе об осаде его нашими. Прибыв в Боброедово, в 50 милях (50.000 шагах) от Велижа, уже после покорения этой крепости Замойским, и узнав, в каком положении находятся дела, они направились назад к Торопцу и решили наблюдать за нашим войском по дороге.

Король писал Замойскому, чтобы тот как можно скорее соединился с ним; когда, вследствие того, Замойский повернул со Смоленской дороги влево, то Татары уже бывши однажды отброшены с фронта у реки Полоны, снова появились, надеясь, что, следя за арриергардом, они будут иметь возможность перехватывать тех, которые бы сколько нибудь стали отставать. Но не взирая на то, что войска шли в том порядке, как выше было указано, что отборнейшие полки и несколько эскадронов всадников замыкали арриергард, Замойский приказал также и казакам, всякий раз, как представится возможность, располагаться за войском в засадах для того, чтобы перенимать тех, которые бы пошли по следам войска. И вот, казаки, бывшие под командой Винцентия, раз сделали это, между тем как наше войско только что развертывало свой строй, выступая из лесу на какое то поле; Уланецкий, со своими Татарами, завидя знамена, пошли сзади: сам он выступив вперед других, стал убеждать своих следовать за ним, и в то самое время наткнулся на казаков, был ими окружон и взят в плен; остальные Татары, убежав, скрылись в лесу. Расположившись у Ораненских лугов в расстоянии от остального войска приблизительно на пять миль (5.000 шагов), Замойский тотчас прибыл к королю. Радзивил выслал вперед из литовского войска разведчиков к Лукам; последние, дойдя до реки Ловати, не имея путеводителя, который указал бы им брод, не могли добраться до крепости. Между тем Московиты, **[126]** бывшие в крепости, улучивши возможность, отправили какого то Дмитрия, который проживши долго в Литве, в то время перебежал из нашего войска в Луки, с грамотой к своему государю и извещали его о прибытии королевского войска и о том, что уже накануне некоторые отряды стали появляться при окопах. Когда все войско было переведено в открытое место чрез густые дремучие леса, то каждому казалось, что уже не мало сделано для достижения главной цели, и что открыт вход как бы

ко всему Московскому государству. Всем было ясно, что если бы Московиты вздумали воспрепятствовать движению нашего войска, то ранее могли бы без всякого труда во многих местах задержать его даже при помощи незначительного отряда; и что, отрезав подвоз съестных припасов, в виду таких непроходимых лесов, среди которых наше войско оставалось в продолжении двадцати дней, они могли нанести нам большую неприятность. Решивши идти прямо к крепости, король высылал вперед Замойского рассмотреть положение и природу местности.

Великие Луки, т. е. как бы большие луга, получили свое название от своей обширности и населенности, а также от веселого и приятного вида хорошо возделанных окрестных полей. Крепость стоит на небольшом холме, окруженном почти со всех сторон озером, которое в свою очередь окаймляется отовсюду весьма глубоким рвом; нижнюю часть крепости с юга и запада, с той единственной стороны, где отступает озеро, омывает река Ловать; между озером и ее берегами находится одна только узкая тропинка, извивающаяся вдоль крепости и самой реки; крепость в то время была окружена весьма высоким валом, который не давал видеть подходившим к ней не только кровель частных домов, но даже верхушек храмов, весьма там многочисленных. К этим укреплениям, благодаря стараниям какого — то **[127]** Немецкого мастера, были приделаны многие башни, с знанием дела расположенные одна от другой на известном расстоянии; самую крепкую и самую обширную он поставил с фронта, простирающегося на восток между озером и рекой. Все эти башни покрыты очень толстым дерном, большая в ширину почти на 25 футов. Река Ловать, вытекая из какого то озера выше Озерища, касается, как сейчас было указано, крепости с юга; затем, повернувши к северу, оставив крепость и разделив город на две части, течет прямо в Ильменское озеро, под Новгород; там, переменивши свое название на имя Волхова, вливается в Финский залив и это-то удобное сообщение по реке преимущественно и обогатило Луки. За пять дней до того, как король придвинул к городу лагерь, тамошний гарнизон, снеся прежде все вещи, по обыкновению своему, в крепость, предал пламени большой город на обширное пространство по обоим берегам реки, прилегавшей к крепости, не смотря на то, что он был защищен деревянными стенами, башнями и довольно обширными рвами.

Взяв с собою значительный отряд конницы и пехоты и несколько лучших военных людей, Замойский, дойдя до дороги, ведущей к Торопцу и во внутрь Московской области, снова свернул с нее к крепости и показался Москвитянам. Неприятели, увидевши его и сначала приняв за войска свои, идущие из

Торопца, выступили из крепости, но потом, рассмотрев ближе знамена, очень быстро вернулись назад; однако, при этом некоторые из наших, и в том числе Фаренсбек, бросившись вперед, настигли их и перебили несколько человек. Обозрев тщательно со всех сторон местоположение, Замойский вернулся к королю. Он раньше приказал наперед некоторым другим из войска следовать за собою с тем, чтобы они, пройдя по иной дороге, встретились с ним на той, по которой он пойдет. Москвитяне, завидя с высокого пункта своей крепости, что те перешли реку, **[128]** устроили с той стороны засаду, и бывшие в засаде воины поднялись так быстро, что Иван Борнемисса, венгерский вождь, отличавшийся необыкновенною храбростью, принужден был спасаться бегством, бросивши свою одежду, так как неприятель наложил уже на него в толпе руки, а конь его завяз в трясине.

Хотя Московский царь и подозревал, что король скорее всего обратится на Смоленск, однако он не совсем оставил без внимания и эту сторону; он стянул к Торопцу войска под начальством Хилкова: будет — ли нападение направлено на Смоленск или на Луки, он должен был идти туда, где будет нужна его помощь. Ему дано было приказание во всяком случае уклоняться от битвы, а стараться только захватывать одиночных людей, отделившихся от войска или бродящих по полям. В самых Луках он поставил начальником князя Федора Оболенского Лыко (Theodorus Obalenscius Licovus) с главной властью; под ним — Михаила Кашина (Michaeles Chascinus) и Аксакова; а так как, повидимому, этим своим воеводам, которых сам поставил, он не вполне доверял в деле сохранения крепости и войска, то в эти же дни послал туда Ивана Воейкова (Johannes Voejcovum), своего главного постельничего, чтобы он наблюдал за Лыко и остальными в крепости, а Дементия Черемисинова (Dementius Ceremissa) для наблюдения за Хилковым, находившимися в то время при войске[100].

Рассмотрев природу местности, как она была описана выше, король приблизился к крепости с южной стороны, там где она омывается рекою, ведя войско, выстроенное в совершенном порядке под знаменами, а Замойский подошел с другой стороны с остальными отрядами, весьма широко раскинутыми. Вид целого войска, приближавшегося в **[129]** одно время и развернутого на столько боевых отделов, представлял неприятелю страшную картину.

На другой день пришли в лагерь послы московские, когда еще не было сделано против крепости никаких окопов. Прибыв из Смоленска в Сураж, так как Сураж составлял границу владений

короля, они объявили тем, которые были посланы им на встречу для того, чтобы по обычаю провожать их, что они не желают ехать дальше и что не могут править свое посольство во владениях своего государя. Когда Поляки ответили, что это вполне зависит от их воли, и что сами они возвратятся между тем к королю, а им никто не мешает, если они желают, вернуться к своему государю, тогда послы стали просить своих провожатых, чтобы потащили их в таком случае силою; но их предложение было встречено смехом, и при этом объяснено, что никто не сделает им никакого насилия, и что пусть они сами принимают какое им угодно решение. В конце концев они поехали дальше, забавным образом заявляя, что делают это, вынужденные насилием. Когда они 31-го августа получили аудиенцию, то повторили тоже, что и раньше говорили; объявили, что не могут говорить ни о чем, если король не отведет сперва все войско за границы[101].

Отвергнув столь безрассудное посольство, король на том же самом заседании приказал Замойскому привести в исполнение то, что было условлено относительно приступа. Тогда же вернулся в лагерь Дробицкий. Будучи раньше послан Радзивилом к Торопцу, он наткнулся на конный **[130]** отряд, удаленный от остального войска. Когда отряд этот предался сну, выставив небольшое число караульных, то Литовцы с такою стремительностью напали на последних, что преследуя затем бегущих, успели захватить отряд сонным, и прежде чем те могли опомниться или взяться за оружие, одних убили, других взяли в плен, остальных обратили в бегство. Замойский между тем перевел имевшияся у него войска сперва по мосту чрез речку, составляющую приток Ловати, хотя не очень глубокую, но особенно затруднительную по топкости своего дна, под частыми выстрелами неприятеля, достигавшими того места; потом по двум бродам чрез Ловать ниже крепости и через ручей, протекавший со стороны крепости; и затем укрепил лагерь, по обыкновению польскому, телегами, помещенными кругом его. К войскам, имевшимся уже у Замойского, король назначил еще остальную пехоту, польскую и венгерскую. Венгерцы тотчас переправились с Иваном Борнемиссою и Стефаном Карлом, заступившем место Михаила Вадаши (Michael Vadascius) и, заняв местность по направлению к западу, послали к Замойскому спросить, куда он прикажет им идти. Желая угождать иностранцам более, чем прочим, он объявил им, что позволяет им самим выбрать себе местность; но они снова предоставили это его усмотрению; тогда думая, что всего более им нравится то место, на котором они остановились, Замойский приказал им удержать за собой именно это место и от него вести окопы к крепости, назначив Борнемиссе

заведывать артиллерийским делом.

Рассчитывая на то, что и польская пехота скоро должна подойдти, он расставил посты и у нижней части реки, где прежде был город, для того, чтобы и с этой также стороны вести рвы и окопы. Но так как часть людей он отпустил уже рубить прутья для шанцевых плетней, а с другой стороны необходимо было оставить достаточное число рот для **[131]** охраны обозов, которых он не успел перевести в тот же день, и так как сверх того остальная пехота польская запоздала, то вследствие всего этого только немногие могли заняться работами. Тем не менее в ту ночь они сделали больше, чем можно было от такого числа людей требовать. Между тем, когда некоторые новобранцы из среды их не совсем осторожно стали бродить внизу крепости, то на следующий день Москвитяне сделали против них вылазку, и прежде чем можно было им подать помощь, одних из них убили, других взяли в плен; отняв сверх того военное королевское знамя, которое слишком медленно нес знаменоносец, они поспешно вернулись в крепость. Немного спустя после того прибыли и остальные войска с обозами и вся польская пехота; тогда, окончив очень быстро работу, в следующую же ночь Поляки и Венгерцы поставили пушки.

В эту же ночь Замойский предпринял прорыть промежуток, который, как мы сказали, находился между рекою Ловатью и небольшим озером к востоку. Так как это озеро представляло для крепости род рва, то Замойский полагал, что если его отвести, то войску гораздо удобнее будет идти на приступ по сухим рвам. Над всею армией польской и над траурными полками он поставил начальником Николая Уровецкого. Кроме того он еще условился с некоторыми вельможами, чтобы, в случае его отъезда на другие работы, они попеременно смотрели за окопами. Жребий пал тогда на Петра Клочевского, Завихвостского кастелана; как человек, любивший военное дело, он лично отправился к шанцам (окопам) под частыми выстрелами из пушек, которые непрерывно направлялись из крепости на занятых работою, и погиб, пораженный пулею. Сам король, перешел чрез Ловать, чтобы посмотреть на осадные работы; видя, что ядра не могут проникнуть через толстый и свежий дерн, он посоветовал Замойскому не давать тратить времени на **[132]** бросание ядер. Вследствие этого Венгерцы стали направлять свои выстрелы на другой пункт, именно против башенок (pinnacula), или бойниц, из которых неприятель давал направление своим пушкам, расположенным по валу, и тот-час эти бойницы загорелись. Хотя огонь дальше не шел, так как по сожжении сказанных бойниц, он тотчас прекратился, достигнув земляной насыпи, тем не менее

Венгерцы, завидевши пожар, тотчас составив отряд, подошли к валу и оставались там довольно времени, пока наконец неприятели, собравшись с духом, сбежались, чтобы их прогнать. Затем видя, что ничто из того, для чего они пришли на то место, им не удается, ночью они снова вернулись чрез озеро к своим окопам.

Между тем послы, бывшие в лагере, устрашенные этим пожаром, снова стали просить, чтобы их допустили к королю, и это им было позволено; но так как уже пожар прекратился, то они, повидимому, опять освободились от страха; приняв опять такой же, как прежде, лицемерный образ действий, они сначала стали предлагать королю Курляндию и Ригу, потом к ним присоединяли Полоцк, наконец за пленных давали Усвят и Озерище; из всех этих мест только Озерище одно находилось во власти Московского царя.[102] После многих прений за и против, результат был тот, что они де надеются, что их государь может ради мира согласиться на более справедливые условия, если им будет позволено отправить гонца к нему с письмом об этом деле и при этом пусть сам король выскажет письменно, что он не **[133]** доволен условиями, предложенными чрез послов, а в это время пусть прекратит осаду. Некоторые сенаторы литовские старались уговорить короля согласиться на эти предложения, так как до сих пор, повидимому, все попытки не приводили ни к чему, и им казалось, что все невыгоды войны преимущественно падают на их страну, служащую главным для нее базисом, что всякая опасность к ним всего ближе, а в случае взятия крепости на них более всех падет тягость защиты ее, ибо они понимали, что удерживать ее будет весьма трудно при соседстве со столькими неприятельскими гарнизонами и вследствие больших лесов, расположенных со стороны Литвы. Хотя король готов был скорее решиться на все, чем оставить осаду, однако, уступая настоятельным требованиям их, призвал Замойского, находившегося тогда при окопах и ревностно занимавшегося осадными работами, чтобы узнать от него о положении осады, как того требовали Литовцы.

Пригласив на совещание двух первейших литовских сенаторов, он объявил им, чего требуют послы; сенаторы спросили Замойского, чего можно обещать себе относительно успеха осады; если он не может питать твердой уверенности в том, что овладеет крепостью, то лучше было бы согласиться вследствие просьбы на то, что нужно будет сделать с гораздо большим безчестием немного после под гнетом трудных обстоятельств. На это Замойский отвечал, что ничего верного в таком вообще неверном деле, каково военное счастие, он обещать

не может; но что, полагаясь на ум и счастье короля и на храбрость солдат, он все-таки питает самые лучшие надежды; что согласиться упустить настоящее время для осады — это привело бы не к какому иному результату, как разве к тому, что если есть теперь известная возможность взять крепость, то после не осталось бы никакой, так как при наступлении осени подымутся обычные этим **[134]** странам бури и проливные дожди. Король держался того же мнения, как и раньше, что не должно давать перемирия; но он согласился на то, что пусть каждая сторона ведет свое дело на том же основании, как и раньше, и пусть послы напишут между тем к своему государю; к их письмам он прибавил свою грамоту, как просили послы, в которой он назначал Московскому царю срок для ответа[103]. При этом он приказал Венгерцам подойти к валу и, сделав с нижней части его подземный ход, положить в него порох.

Итак, поспешно наведен был мост с того места, где озеро было более узко, и в одну ночь окончены были остальные работы; на рассвете был подложен порох, в полдень был подожжен, вследствие того занялась огнем башня, находившаяся с той стороны, и развален был дерн, а вместе с тем обнажилась стена больверка. Венгерцы подожгли его, а Москвитяне старались потушить распространившийся пожар; наши не прекращали непрерывной пальбы из пушек всякого рода, а те не оставляли своих попыток потушить пламя, не смотря на большой урон для себя, — пока наступившая ночь с одной стороны отняла у наших возможность употреблять в дело ружья, а с другой — дала врагам время потушить огонь.

С другой стороны неприятельские укрепления, которые они провели, как указано было, чрез большой больверк, и заслонные машины (шанцевые корзины), за которыми они установили пушки, были сбиваемы с вала посредством сильного действия наших пушек: пальба из наших орудий **[135]** производилась безостановочно до тех пор, пока почти все машины были сброшены с вала и неприятели и сами спрятались и спрятали также свои пушки.

Хотя, по мнению многих, нужно было провести подкоп к больверку, но Замойский не одобрял этого по той причине, что, как он полагал, едва ли найдется место для подкопа на земле влажной и болотистой посредине между рекой и озером. С другой стороны он заметил, что этот больверк выступает несколько дальше, нежели остальные башни, так что пушки с других больверков не могли направлять прямых выстрелов вдоль его фронта, а все выстрелы, направляемые с боков на эту часть, стали бы пролетать наискось; таким образом, если бы войско подошло к

тому месту, то пушки уже не могли бы вредить ему; а сверх того ему (Замойскому) казалось, что на земле, покрытой дерном, гораздо легче и удобнее будет посредством заступов проложить дорогу к башне. Вследствие этого Замойский приказал вести ров к бульверку; и за это дело ревностно взялся с черными полками Лука Сирней (Luca Syrneus); когда он захотел было продвинуться несколько далее, то ему помешали колья, множество которых огромной величины неприятели вбили в землю на значительном расстоянии пред валом. На следующий день, когда уже были сбиты машины и пушки неприятельские, как это было выше сказано, некоторые из наших сговорились между собою, и не получив на то никакого приказания, пробежали к бульверку и, подставив лестницы, стали влезать на вал. Москвитяне частью отбросили их с фронта, а другую часть, старавшуюся прорваться чрез задние ворота, выходившие с востока к реке Ловати, окружили, при чем некоторые из наших солдат, получивших тяжелые раны, были там оставлены.

Замойский, занятый до того в лагере другим, узнав об этом нападении наших, тотчас вернулся к окопам; когда **[136]** он заметил упомянутых раненых, то вынув несколько золотых монет, запас которых он всегда имел при орудиях, чтобы наградами поддерживать бодрость в новобранцах для ускорения работ, обещал известное количество денег тем, кто принесет раненых назад. Это было исполнено. Тогда Замойский, чтобы с легкой руки испытать свою удачу и в том, что у него было на уме, дал одному солдату кирку, и пообещав награду, объяснил чего хочет, и в то же время, в случае удачного выполнения поручения, приказал другим быть готовыми последовать за тем, пробежать к нижнему рву и там остановиться, ожидая сигнала.

Для противодействия вылазкам неприятеля, Замойский поставил Выбрановского, приказав ему с несколькими пищальниками подступить вдоль берега реки ближе к бульверку и к задним воротам, в которые неприятели могли сделать вылазку; кроме того приказал Вейеру из-за окопов непрерывно стрелять из пушек на нападающих. Солдат, согласно приказанию Замойского, взял кирку, прошел через ров внутри наших шанцев до самых указанных нами кольев, оттуда с необыкновенной скоростью пробежал среди непрерывных неприятельских выстрелов к валу и, уже ставши около него вне выстрелов неприятельских пушек, начал заступом срезывать дерн. Неприятели выбежали с противуположной стороны с целью его окружить. Тогда с тыла у них показался Выбрановский, находившийся с несколькими пищальниками, как было сказано, у берега реки, и неприятель был отброшен, так как в него стали

непрерывно стрелять из пушек, направленных против него со всех сторон из-за окопов.

Один из них Сабин Носов (Sabinus Nofsovus), отличавшийся среди Москвитян храбростию и причинивший нашим при осаде крепости Суши много вреда, был контужен двумя ядрами в лоб, пущенными со стороны стрелков Выбрановского и **[137]** одним, выпущенным Вейером, которое прошло пред ногами его; он был отнесен нашими к их стоянке. Когда он пришел в себя, то, будучи спрошен о положении крепости, стал говорить все такое, чтобы уменьшить у наших надежду овладеть ею; по его словам эта крепость не такова, чтобы можно было ее сравнить со взятыми нами прежде; она окружена весьма толстым валом, башни покрыты очень плотно дерном и безопасны и от пушечных выстрелов и от пожара; один тот больверк сам по себе похож на очень сильную крепость, каждая из его стен скреплена в три ряда бревнами огромной величины, он покрыт очень толстым дерном; нельзя даже подвести под него подкоп, ибо это болотистое место сыро, да и фундамент этого больверка составлен из самых крепких балок и огромных цельных камней.

Все это еще более укрепляло Замойского в его намерении. Он видел, что хорошо, что раньше не пошел на крепость подкопом, и соображал, что чем большее количество дерева собрано в одно место, тем скорее можно было произвести пожар, который примет тем больший размер. На следующий день он приказал провести другой ров вдоль реки, где прежде стоял Выбраповский; разместил в нем засаду для защиты от неприятельских вылазок и переправил через реку пушки, поставив их против задних ворот. При этом он приготовил раньше с помощью Станислава Костки огромное количество дров, покрыл их паклей и облил серой и смолой для произведения предполагаемого им пожара; по окончании всех этих приготовлений, он весьма рано утром послал еще одного человека, таким же образом, как прежде, дав ему заступ; за ним тотчас выслал в помощь других, так что с постепенным умножением числа направлявшихся туда солдат, а вместе с тем и с ускорением работы открыто было отверстие в дерне, **[138]** способное вместить по крайней мере 30 человек; а вместе с тем они добрались самой башни. На счастье, с давних пор тут находилось окно, которое только засыпано было землей. Через это окно Москвитяне отгоняли наших ружьями, а наши с своей стороны также Москвитян, и при этом бросали через него зажженные принесенные с собою дрова, и когда Москвитяне начали наконец действовать через окно копьями, то наши стали хватать и вырывать их. Между тем Замойский удалился на короткое время к другому лагерю и, боясь, чтобы не сделали бы

чего не так, запретил на время своего отсутствия подкладывать огонь для произведения пожара.

Когда он узнал, что огонь уже пускается в ход, тот-час снова поспешил туда, и видя, что дело дошло до того, что нужно им воспользоваться поскорее, ободрив воинов, приказал подбросить туда в возможно большом количестве заранее уже приготовленные смолистые деревья. При этом деле отличились необыкновенным рвением как многие другие из шляхты, так особенно Христофор Розражевский, староста Ленчицкий, который при самом первом появлении огня, в отсутствие Замойского, пробежав до крайнего рва и палисада из кольев, смело идя на встречу всем опасностям, весьма много способствовал делу.

Однако и Москвитяне не падали духом при столь великой опасности и мокрыми кожами и всевозможными другими способами боролись против огня. Не смотря на огромное количество пылавших смолистых деревьев, которые непрерывно в продолжении целого дня были туда бросаемы, однако до сих пор не видно было огня; на совещании по этому поводу были высказаны различные мнения, при чем некоторые полагали, что нужно еще попробовать действовать подкопом; но Замойский, хотя вследствие неудачного результата приступа в этот день и мучился сомнениями, однако объявил, что он **[139]** еще не потерял совершенно имевшейся у него надежды на возбуждение пожара; ведь и маленькая искорка, говорил он, может обратится в большой пожар; а при такой массе горючих веществ и смолистых подобного свойства дерев никак не обойдется без нее; если теперь это и не удастся, то он прикажет во всяком случае на следующий день снова подложить огонь и между тем заранее приготовит все с большою тщательностью.

Венгерцы требовали произвести нападение с другой стороны, где им был открыт доступ к валу.

Так как место это было высоко и круто, то Замойский объявил им, что доложит о том королю, между тем на всякий случай стал объяснять, каков должен соблюдаться порядок при нападении, если король найдет нужным испробовать их план. В это время Москвитяне, видя, что они находятся в такой с обеих сторон опасности, поставили против входа много пушек, боясь, что Венгерцы вторгнутся через него, с другой стороны всевозможными способами противодействовали пожару. Тем не менее не представлялось вообще никакого способа тушить его, потому, что всякий, лишь только входил в башню, чтобы потушить пламя, тот-час лишался жизни от смрада и дыма.

Чем дольше огонь был сдерживаем, тем большую он принял силу и около 2-й стражи огромная масса пламени стала

прорываться через дерн; поднявшийся пожар уничтожил храм Спасителя, находившийся всех ближе к больверку и отсюда распространившись по верхушкам кровель, начал истреблять остальные частные строения. Зная о близости неприятельского войска, Замойский тотчас усилил караулы другими новыми, прибавленными из войска, разместил всадников на окопах Венгерцев и Поляков; в средине лагеря приказал всем быть на лошадях и, оставив там Станислава Жолкевского, сам отправился к венгерским окопам. **[140]**

В то же время, желая пощадить жизнь стольких людей и для того, чтобы огонь не уничтожил укрепления, пушки и другие военные снаряды, наконец и ту добычу, которая должна была достаться войску, Замойский стал склонять Москвитян к сдаче. Осажденные, видя свое крайнее положение, отправили к Замойскому для переговоров знатнейшего служителя церкви, но предлагали при этом такие условия, как будто дела их имели блестящий вид. Задержав у себя епископа, Замойский отправил к ним Павла Юлана (Paulus Julanus) с Иваном Христофором Дрогоевским объяснить им, в каком положении находятся их дела и что только одно может быть условие сдачи — поручить себя милости короля. В это время, на рассвете, прибыл король и часть сенаторов из верхнего лагеря. Собралось также в надежде на добычу значительное число маркитантов и служителей при обозе и уже часть из них устремилась на вал. Видя это, то есть, что люди, не участвовавшие ни в трудах, ни в опасностях осады, сбегаются для добычи, Венгры пришли в ярость, ворвались в крепость и перебили здесь всех без разбора; они говорили, что должно наконец наказать неприятеля за его жестокость и свирепость и кровью его смыть раны стольких сотоварищей и многих других людей, замученных в весьма жестоких и мучительных истязаниях; и то уже из-за пустого сострадания их слишком часто до сих пор щадили; войско, которое было отпущено при завоевании Полоцка, было распределено по другим крепостям Суше, Велижу и Усвяту, а через это могущество неприятеля только усиливалось и возрасла его жестокость. Также поступили и польские солдаты. Замойский отправил людей, чтобы привести воеводу и первейших начальников. Они привели трех начальников и в том числе Ивана Воейкова, о коем раньше было сказано. Когда Замойский стал слишком прилежно распрашивать его, как человека, пользовавшегося большим расположением у князя и знавшего о **[141]** всех его тайных намерениях, тот по обычаю московскому подумал, что его станут пытать и казнить и потому, когда его увели дальше с глаз Замойского к лагерю, то он, увидя по близости Георгия

Фаренсбека, с которым у него было знакомство раньше в Москве, бросился к нему умолять его о жизни. Венгерские солдаты, считая это бегством, тотчас на него напали и, так как никто не имел силы помочь ему, изрубили его[104]. Уже огонь дошел до погребов, где хранился порох; чуя эту опасность, некоторые из наших удалились, а другие не желая отстать от грабежа и убийства, даже в опасном положении остались в крепости; и вот вдруг со страшным треском вспыхнул порох, причинив страшную гибель и соседним строениям и людям, как нашим, так и взятым в плен. От этого огня вместе с тем частию сгорели, частию испорчены были пушки и все находившееся в крепости оружие, большое количество которого Москвитяне снесли туда, из Ливонской добычи пропали военные снаряды и вся остальная добыча. Из больших пушек была пощажена огнем одна только с изображением ястреба, и еще несколько меньших, находившихся около, которые неприятель, разломав здания, поставил на более низком месте против пролома, где намерены были ворваться Венгры.

Мертвых, которых лежали повсюду огромные кучи, король приказал похоронить маркитантам, засыпать рвы, которые были вырыты во время осады — солдатам. За тем, видя, что никоим образом нельзя без этой крепости удержать в своей власти взятую у неприятеля страну, король решил употребить самое большее старание, чтобы возобновить и укрепить оную.

И так, посоветовавшись с архитекторами, итальянцем Домиником Родольфином Камерином (из Камерина), он **[142]** разделил эту работу на том же основании, как это раньше делал, между Поляками, Венгерцами и Литовцами, полагая, что вследствие народного соревнования тем скорее она будет окончена. Неприятельское войско, как мы сказали выше, находилось при Торопце, оно, как ему было приказано, не пыталось вступать в битву; оно сторожило только отдельных людей, нельзя — ли будет захватить кого, удалившегося от войска ради отыскания хлеба либо сена, пока король был занят осадой Лук; таким образом было захвачено около 50 человек наших.

Так как король полагал, что, по окончании осады, нужно воспрепятствовать этому, то сперва отправил против неприятеля Георгия Барбелия (Georgius Barbelius), начальника эскадрона венгерских всадников, присоединив к нему несколько польских и венгерских всадников и пищальников. Потом решив, что лучше послать значительное войско, которое бы при первой возможности, данной неприятелями, могло вступить в сражение и попытать счастья, при удобном случае, отправил Ивана

Збаражского, воеводу Брацлавского, с отборнейшими всадниками польскими, венгерскими и немецкими. Ему он приказал, взяв к себе Георгия Барбелия и всадников, вышедших раньше, приступить ближе к крепости и завязать битву, если представится к тому удобный случай. Отправившись из лагеря вечером и идя непрерывно всю ночь, Збаражский на следующий день догнал Барбелия; посоветовавшись с ним и Фаренсбеком, которого отправил захворавший в это время Замойский с отборной молодежью из своей дружины, он, дав отдохнуть в течении дня обозным лошадям от труда, приказал к ночи Альберту Киралию (Albertus Kiralius) с надлежащим числом польских и венгерских всадников выступить вперед при второй смене, а Барбелию идти за ним с отрядом всадников на расстоянии одной мили; сам же следовал с остальными войсками. Выступив **[143]** вперед, Киралий наткнулся на неприятельский караул, и преследовал его до самого моста, около которого расположилось в засаде несколько неприятельских пищальников; отбросив их, он не решился дальше идти вследствие темной ночи, и остановился в этом месте. Утром последовал за ним Барбелий и спустя немного остальное войско. После того как присоединилось еще несколько солдат легкого вооружения, Киралий снова был послан вперед.

В это время неприятель, выбрав из всего войска 4.000 человек, которые должны были мешать преследованию со стороны наших, а затем и сами идти вслед за главными силами, начал отступать к Торопцу по направлению к Московской области. Узнав о приближении нашего войска, сейчас означенный задний отряд испугался, движение его сделалось точно также непрерывным и скорым, так что все это вместе казалось похожим скорее на бегство. Впереди нашего войска шли около 40 всадников из шляхты, которые уже успели присоединиться к Киралию. Неприятель переправился через реку и построив войско в боевой порядок, казалось ждал, что наши станут переправляться, чтобы вступить с ними в битву; он оставил тысячу всадников по сю сторону реки, чтобы удерживать наших и привлечь к своему месту.

Последние, то задирая, то отступая, завлекли наших к реке, на противоположном берегу которой размещен был длинный ряд пищальников. После того как они были отброшены Станиславом Сабоцким (Stanislaus Sabocius) и немецкими всадниками, служившими под его начальством, наши переправились через реку и, прогнав неприятельских пищальников, напали с фланга на неприятельское войско. Сначала неприятели готовились было к сопротивлению; завидевши же потом приближение других знамен и гораздо большего войска, не выдержали даже и первого

натиска наших; **[144]** часть их бросилась бежать в Торопец, некоторые по большой дороге к Москве, другие скрылись в ближайших болотах. Хотя уже наступала ночь, наши однако преследовали неприятеля почти па протяжении 15 миль за Торопец, и во время этого бегства умертвив их более 500 человек и взяв в плен 200 человек и между ними особенно знатных, Дмитрия Черемисинова (Demetrius Ceremissinus), о коем выше было сказано, и Ивана Афонасьевича Нащокина (Iohannes Nassokinus), который, как выше упомянуто был отправлен немного раньше ухода короля в Вильну послом к королю, возвратились к войску, при чем из своих потеряно было или ранено немного[105].

Торопецкие гарнизонные солдаты, увидя, что наши подходят ближе, полагая, что они идут с целью их осадить, тотчас, по своему обыкновению, сожгли город и, взяв с собою все имущество, удалились в крепость.

Между тем Филон Кмита, воевода Смоленский, собрав значительный отряд легко вооруженных всадников, сделал вторжение в Смоленскую область и, подстрекаемый удачным грабежом, прошел дальше к Смоленску. Но, когда неприятели, собрав около 10.000 человек войска, стали теснить его, то он, убив пленных, бывших при нем и, оставив несколько более легких пушек, принужден был вернуться в Оршу[106].

В то время, как король уже находился в Усвяте, он отправил Николая Дорогостайского, Полоцкого воеводу, для осады Невля, так как намерен был идти назад от Лук по той дороге, и Дорогостайский сам, а за него и Литовцы просили дать ему это поручение. Город Невль, расположенный выше Лук по направлению к Литве и окруженный **[145]** озером, из которого вытекает река того же названия, уже раньше был известен битвой Поляков с Русскими при Сигизмунде Августе. В сравнении с численностью гарнизона, число осаждающих было недостаточно; притом это были такие, которые никогда не занимались до этого подобного рода военными действиями; они стали осаждать крепость на неудобном месте с той стороны, где озеро, омывая крепость, делало приступ более трудным, а неприятель, презирая их малочисленность, храбро защищался непрерывной стрельбой и вылазками; вследствие этого осада затянулась. После того, как Луки были покорены, король отправил туда сперва 500 человек из черных, немного спустя и Ивана Борнемиссу (loh. Bornemissa) с венгерскими полками и несколькими более тяжелыми пушками; наконец, беспокоясь об исходе осады, так как намерен был, как сказано, держать через Невель свой обратный путь, приказал Замойскому отправиться туда с имевшимися у него войсками.

Последний, пройдя уже несколько миль, получил на дороге известие о взятии крепости.

Борнемисса, прибыв туда в то самое время, как неприятель делал вылазку, рассчитывая на прежнюю незначительность наших, вступил с ним в битву и перебив не-скольких, прогнал врага внутрь укреплений. Затем он продолжал вести обложение города еще с большим рвением; с той стороны, где открывается доступ к крепости с твердой земли, он, при помощи усиленной работы солдат, провел траншеи как можно ближе к неприятельским укреплениям, а старые, начатые литовскими солдатами, расширил. Придвинувшись таким образом, благодаря непрерывной работе своих солдат, к самому рву, окружавшему крепость со стороны материка, он встретился с сильным деревянным тыном, скрепленным поперек положенными бревнами. Неприятель укрепил таким образом окраину рва на 10 футов в ширину снизу до самой верхушки, набросав сверху землю. **[146]**

Благодаря неустанному рвению солдат, эта деревянная преграда была сломана топорами, и Борнемисса подошел в таком молчании к неприятельским укреплениям, что не был ими замечен, пока солдаты, посланные зажечь стену, не подложили огня под нее. Неприятели были до того потрясены этим, что, не смотря на тщетное сопротивление начальников, сдались и таким образом, лишь только потушен был пожар, город достался в руки нашим не разрушенным. Сообразно со способом взятия крепости, найдены были в ней значительные запасы пушек и других военных орудий; пороха же найдено было не более половины бочки, чего до сих пор ни в какой крепости не бывало, так как известно как заботливо Москвитяне всегда снабжали свои крепости.

Король, получив это известие о сдаче и думая уже о своем отъезде и устроении положения взятой области, вызвал обратно с дороги Замойского. Теперь по близости выдавались две крепости, Торопецкая и Заволочская, которые могли мешать спокойному владению всею этой областью.

Король понимал, что, при нерасположении сельского населения к новой власти, при обширности пустынных пространств со стороны Литовской, если он еще оставит в руках неприятеля Торопец и Заволочье, то и гарнизон, находящийся в Луках, будучи окружен со всех сторон вра-гами и разного рода трудностями и отрезан от всякой помощи, может подвергнуться большой опасности. Так как король помышлял уже о походе будущего года, то кроме вреда, какой Заволочье может нанести Лукскому гарнизону, оно получало важность и в другом

отношении; ибо эта крепость находится на острове того озера, из которого вытекает река Великая, и эта последняя, сначала направляясь к Опочке, за тем к Острову и наконец прямо ко Пскову, впадает ниже его в озеро Пельбу (Pelba): следовательно Заволочье расположено на таком месте, от которого идет главная дорога **[147]** ко Пскову, и, очевидно, может послужить немаловажным препятствием при походе на Псков, что, по-видимому, теперь стояло на очереди по самому ходу войны.

Все это требовало тем большего внимания, что если бы в случае нового похода чрез непрерывные леса от Полоцка прямо к Пскову, неприятель вздумал остановить Поляков на| дороге (что он до сих пор упускал из виду), то Заволочье представляло бы к тому большие для неприятеля удобства; а по завоевании Заволочья, по мнению короля, ничего кроме Острова не встретилось бы почти до самого Пскова такого, что могло бы задержать его путь.

Этим соображениям противопоставлялись с одной стороны трудность взятия Заволочья, трудность, которую предполагали весьма великою, так как крепость эта, будучи окружена со всех сторон большим озером, не представляла никакого доступа к ней, за исключением только одного через мост, а с другой стороны — и самое время года, так как полагали, что уже с октября месяца в этой местности начнутся тем большие дожди, бури и непогоды, чем меньше было дождя в прошлое лето. Не смотря на это, король отправил Замойского, дав ему полномочие принять решение сообразно с обстоятельствами, и даже, если представится надежда овладеть городом, придвинуть и войско; в случае же потери всякой надежды, он должен был вернуться, взяв дорогу к Литве справа выше его. Увеличив число пушек, король присоединил к войскам, которые были у Замойского, еще 500 человек венгерской пехоты и отряд всадников, находившийся под командою Бекеша, брата умершего Гаспара.

Между тем, по завершении работ по восстановлению крепости Лукской, во время которых король, по своему обыкновению, сам присутствовал и убеждал солдат не терять времени даром, ее снабдили пушками, провиантом и всем нужным для защиты; отобраны были всадники и пехотинцы, **[148]** которые должны оставаться в крепости; за тем король в три перехода прибыл в Невель.

За королем последовали в Невель и московские послы, бывшие сами очевидцами падения Лук и ожидавшие тогда ответа своего государя на письмо, раньше, как указано было, посланное. Король остановился в Невле на несколько дней подождать исхода осады Заволочья. В это время возвратились гонцы короля и

послов, отправленные в Москву со времени осады Лукской. Посланец короля привез весьма длинную грамату, в которой Московский князь, по обыкновению, повторял в длинной речи содержание всех прежних писем; так как король требовал всей Ливонии, то чтобы показать, по какому праву он владеет ею, он выводил свой род от некоего Святослава Мстиславовича; прежде чем последний принял св. крещение, христианскую веру, его называли де Юргом и этот Юрг основал город (Horodum), который (город и крепость) Немцы иначе называют Дерптом; чрез длинный ряд преемства вся Ливония досталась де ему, как единственному наследнику того Мстиславовича[107].

Прежних польских королей Московский царь обыкновенно называл братьями, Стефана же не иначе, как соседом.

Помимо других условий, предложенных его послами, как показано было, при Луках, Московский царь соглашался называть короля также братом. Король тогда ответил ему, что он не ищет его братства и требует одной только Ливонии, из-за которой и начал войну. Теперь в этом **[149]** новом письме он снова предлагал братские отношения и показывал, что и помимо даже желания другой стороны будет употреблять это наименование.

Сущность же письма заключалась в следующем: ради общего согласия, царь готов разделить с королем права на Ливонию и владеть ею вместе с ним, и кроме того уступает ему четыре крепости той области, между которыми выдавался Кокенгаузен, если король в свою очередь возвратит ему отнятые теперь у него древние владения его, Луки, Велиж и Невель; более обширные полномочия он дал своим послам[108]. Последние, будучи приведены на следующий день к королю, потребовали, чтобы им дана была возможность поговорить с сенаторами. После троекратного совещания с последними, в следующие дни они прибавили к прежним четырем еще 6 других городов, в числе коих особенно важен был Рюннебург, другие были неважные крепостцы. Затем после заявления, что у них нет никаких других полномочий, они должны были удалиться из собрания без успеха, при чем им было позволено идти за королем, возвращавшимся в Литву, а затем в Польшу, до тех пор, пока не получат новых наказов от своего государя[109].

Они сами добровольно просили об этом, и король тем охотнее согласился, что для него было это не совсем не кстати, ибо ему нужно было время, чтобы узнать, как думают сословия о будущей войне.

По взятии Лук и Невля, оставалось Озерище в расстоянии 50 миль от Невля, окруженное со всех сторон как бы **[150]** сетью наших войск. Находившиеся в крепости, видя что у них отнята

всякая надежда на защиту, обнадежили короля сдачей. Поэтому туда был послан прежде выхода короля из Невля воевода Виленский Радзивил, чтобы принять от них сдачу города. В это время прибыл в Заволочье с войском Замойский. Так как дорога пролегала по открытым и широким полям и весьма населенным деревням, то проход по всему этому пространству доставил не малое удовольствие всем: ибо насколько Московская пограничная область, как на это выше было указано, по большой части лесиста, на столько срединная не уступает ни какой другой по хорошему качеству и плодородию почвы, по изобилию выгодно расположенных рек и озер и по многочисленности деревень. Область же Лукская превосходит в этих отношениях даже почти все прочия, вследствие чего и войско, находясь у Лук, имело во всем большой избыток.

При самом прибытии короля к Лукам, крепостное войско по обыкновению своему разрушило город Заволочье, находившийся по дороге в Псков и Луки, и поломало мост, ведущий из крепости к городу.

Крепость расположена, как выше было сказано, на озере, которое, не смотря на исток реки Великой и на очень обширное излияние во все стороны, тем не менее имеет очень широкие воды с востока и запада, так как вытекающая из другого выше расположенного озера река вливается в него с запада, где оно всего уже; оно распространяется не меньше, чем на 300 шагов в ширину.

Отправив вперед Христофора Разражевского с несколькими эскадронами всадников на Псковскую дорогу, Замойский приказал Луке Дзялынскому и Николаю Уровецкому занять другую дорогу, идущую к Невлю и в случае, если бы некоторые из покорившихся жителей Невля вздумали соединиться с гарнизоном Заволочья, что обыкновенно делалось, **[151]** приказал не допускать их до этого и заставить их вернуться во внутреннюю Московию.

Сам он, отправившись вперед от войска к Заволочью, произвел осмотр и, объехав со всех сторон крепость, нашел, что в направлении к полудню против крепости, на том же озере есть другой остров, который защищен больше всего озером, а сверх того тинистою рекой и природным рвом и что тут находится кратчайший путь к крепости.

Замойский видел, что если он переправит туда войско, то достигнет двух целей: с одной стороны войско будет расположено на месте наиболее безопасном против всякого нападения, хотя бы огромнейших сил неприятельских, а с другой — сам он будет иметь полную возможность действовать с того же места против

крепости. Поэтому, на следующий день он перевел туда все войско в широко развернутом боевом строе и с развевающимися знаменами, для того, чтобы неприятель думал, что войска гораздо больше, и поставил лагерь. Казалось всем, что осада будет в высшей степени затруднительна, так как крепость, окруженная водою со всех сторон, была недоступна, кроме того она была укреплена искуственно; время года было также самое неблагоприятное, и войску грозила опасность постоянно страдать от дождей, холодов и уже ожидавшихся в скорости морозов; тем не менее Замойский полагал, что не должно совершенно отчаяваться. Вследствие этого он стал готовить все нужное для приступа. Прямо против нашего лагеря находились огромной величины три больверка; два самые крайние были скреплены из огромных и очень крепких бревен, средний, несколько меньший; все они, равно как больверки и других сторон, были снабжены окнами и были удобны для стреляния из пушек. Так как они не были покрыты дерном, но по старому обычаю были обмазаны глиной, то Замойский возъимел большую надежду на то, что, когда сбита будет глина с одной стороны, **[152]** они, состоя из старого и сухого и свободного от всякой сырости материала, весьма легко загорятся и, загоревшись, вследствие такой большой кучи бревен, возбудят пожар на очень обширное пространство. Надежду его поддерживало и поведение Сабурова, человека, пользовавшегося большим значением среди Москвитян и у князя, и бывшего в то время начальником крепости; не желая или тратить попусту порох или утомлять воинов, он в величайшем молчании, что обыкновенно делалось Москвитянами только при господстве сильнейшего страха, держался и держал своих внутри укреплений, хотя при первом прибытии нашего войска неприятель, изрубив на мелкие кусочки захваченных раньше двух наших фуражиров и бросив их с крепости, пытался этою жестокостью возбудить ужас в проходящем войске[110]. Между тем Замойский поручил Николаю Уровецкому сколотить плот для того, чтобы шестами пригнать его к крепости и устроить таким образом переправу для войска, шедшего на приступ. Вместе с тем приказал провести окопы и рвы от лагеря против крепости; после того как с большим трудом работа эта была окончена, на следующий день тотчас установили пушки, между тем устроен был и плот Уровецким из материала, заимствованного от одного высокого здания, которое одно только оставалось, так как все остальное было сожжено неприятелем. Замойский велел затем расставить с этой стороны, с которой озеро было всего уже, много пушек, чтобы поражать прямо направленными выстрелами спереди выше указанные больверки; а другие пушки поставил с

боку, где крепость смотрит к югу, для того, чтобы неприятель не мог вырваться через противоположные ворота и окружить наших, перешедших через мост и осадивших спереди крепость и вместе с тем, чтобы, направив вдоль боков выстрелы, отбросить **[153]** тех, которые стали бы на более высоких бульверках. Устроив все это, он решил начать приступ. У подошвы крепости был покатый всход к ней, который неприятель загородил одним палисадом из высоких бревен и двумя рядами огромных и весьма острых кольев, оставив между каждым значительный промежуток.

Против этого Замойский придумал следующее: так как у него не было шерсти, то он, набрав со всего войска чепраки и попоны лошадей, сделал из них огромное множество мешков. Он объяснил солдатам, что природа местности достаточно их защищала от выстрелов больших пушек, ибо их нельзя направлять вниз, а для защиты себя против ружей, при вступлении на противоположный берег он научил их эти мешки прикрепить к кольям и, спрятавшись за ними, тотчас проводить рвы с той стороны под крепостью; отсюда можно будет потом и отогнать неприятеля, если он выйдет за свои укрепления, и зажечь бульверк. Когда это устроено было указанным образом, плот с того места, на котором доселе находился в надлежащем расстоянии от лагеря, был притянут насупротив крепости и направлен на противоположный берег, при чем солдаты, сбежавшиеся во множестве со всех сторон, ревностно и наперерыв помогали делу среди многочисленных выстрелов, производимых с тех и других укреплений. Но плот оказался слишком малым, чтобы на нем возможно было пристать туда (к противоположному берегу), и потому на этот раз они и другая сторона прекратили свои действия и удалились. Однако случайно наши понесли значительную потерю в лице Христофора Разражевского, старосты Ленчицкого, человека очень храброго и знатного. Замойский приказал ему во время переправы плота наблюдать при пушках, чтобы там все шло надлежащим образом; когда он выбежал не смотря на то вперед, то и пал, получив с неприятельских укреплений пулю выше правого глаза. **[154]**

После этого пехотинцы польские потащили назад плот, для того, чтобы его исправить, и так как неприятель в них беспрерывно стрелял с крепости из пушек, то те, которые держали канат, выпустили его, будучи поражены выстрелами.

Увидя это, трое других пехотинцев, не будучи в состоянии никаким иным способом удержать плот, вскочили на него и, подхваченные сильным ветром, были отнесены к неприятельским укреплениям вдоль ближайших болверков. Москвитяне видя, что во всяком случае они отрезаны водою от войска, сев на лодки,

которых много было отведено ими в крепость, в большом числе поплыли к плоту. Сперва наши мужественно защищались ружьями, потом шестами, и очень многих неприятелей столкнули, наконец, когда со всех сторон стали их окружать, то они, поймав ближайшие лодки, с которых сбросили неприятелей, вскочили в них и, оставив плот, спаслись. Между тем, гонимый силою ветра, плот поплыл на противуположный берег, и хотя неприятели не прекращали за ним погони, Замойский, послав несколько всадников, снова достал его.

Плот починен был в этот же день, но солдаты, которых Замойский склонил раньше обещанием награды ехать на нем, испуганные предшествовавшею неудачею, теперь уже не так охотно брались за исполнение поручения, сопряженного с опасностью жизни; по этому Замойский приказал Николаю Уровецкому, своему родственнику, взойти на плот и, поставив пред собою один из вышеуказанных мешков, плыть на противуположный берег. Уровецкий взялся за дело с ревностию, поместил за собою несколько рядовых, а сам, прикрывшись спереди только тем вышеуказанным образом и отражая многочисленные пули своим мешком, причалил с плотом к берегу в то самое время, как неприятельские передовые посты, стоявшие на краю берега, бежали в крепость. **[155]**

Солдаты и преимущественно Венгерцы, толпою, как приказано было, перейдя мост, стали сперва рубить топорами находившийся перед ними частокол; но затем, предпочитая подвергнуться всяческим опасностям, чем терпеть неудобства холода и мороза в самое неблагоприятное время года, и желая поскорее покончить работу, они, не набросив мешков на колья, не проведя никаких рвов, не сделав ничего того, что было приказано, даже прежде чем глина была сбита, бросились вперед, с целию поджечь больверки.

Неприятель уже обнаруживал довольно явные признаки страха и смущения, но пока наши довольно долго занимались палисадом, так как было два ряда кольев, и ширина каждого ряда была немного менее 10 футов, пока они посылали за озеро Георгия Суффи (Georgius Suffius) принести факелы и горючие материялы и пока приготовляли все другое нужное, неприятели собрались снова с духом и, выбежав из задних ворот, окружили Венгерцев. Враги находились сами в гораздо лучшем физическом состоянии, нежели наши, которые были почти неспособны от холода и мороза к сражению; они были вооружены длинными копьями и острым загнутым мечем, который у них называется бердышем, и сражались против людей снабженных коротким оружием и копьями. И так они обратили Венгров в бегство; одни

из наших были перебиты, другие, толкая в толпе друг друга, бросившись в озеро, потонули. Хотя Замойский уже решил лучше вытерпеть все бедствия, нежели оставить начатую осаду, однако в виду толков о том, будто мужество солдат поколебалось вследствие успеха неприятелей, он созвал совет и старался выведать настроение каждого относительно дальнейших опасностей. Когда собрался этот совет, то нашелся едва один человек, который был того мнения, что нужно принять во внимание время года и уступить судьбе, так как ни то, ни другое не благоприятствовало нам. Все же остальные не сказали **[156]** ни одного слова, несовместного с их прежними успехами и мужеством, и когда Фаренсбек первый заявил, что должно скорее претерпеть все, что угодно, нежели без успеха отказаться от осады, то все на том согласились.

Замойский отправил тотчас Георгия Сибрика (Georgius Sibricus) с письмом к королю, чтобы тот не беспокоился вследствие понесенной неудачи при осаде, ибо она произошла только от чрезмерной поспешности солдат; просил короля, чтобы не отзывал его от осады и сам не оставался бы ради его слишком долго в Невле. Писал о том, что он поставил лагерь в самом удобном месте для ведения осады, ибо благодаря с одной стороны тому, что это место по самой природе весьма удобно и крепко, а с другой — благодаря тому, что по соседству находятся плодородные и изобилующие всем земли, он в состоянии выдержать самое сильное нападение неприятельских сил на этом безопасном месте и вообще не иметь ни в чем недостатка, так как земля эта богата и фуражем и скотом, и хлебом, и водою. Король до сих пор еще оставался в Невле, на месте в особенности невыгодном, так как оно было опустошено прежде стоявшими тут войсками и грабежами казаков, от чего по необходимости был недостаток в провианте и фураже.

Около этого же времени появившаяся в воздухе какая-то зараза, пришедшая сперва с востока, затем перенесенная в Италию и Францию и другие страны, распространившись по всей Европе, проявилась в Кракове, в Вильне, а оттуда дошла и до войска; зараза эта внушала не столько страх по какой либо смертоносной силе своей, сколько удивление по быстроте своего развития, с которою она распространилась по всем соседним местностям. Сперва она по большой части охватывала ознобом спинной хребет, затем переходила у больных в головную боль и слабость; особенно болезнь эта была мучительна для груди; тех, которые в продолжение **[157]** и 5 дней не умирали от нее, она изнуряла, превращаясь в лихорадку; верную почти смерть приносила тем, которые пользовали себя слабительными

средствами или пускали себе кровь: и то и другое средство еще более затрудняло дыхание, первое потому, что весьма сильно отвлекает в грудь всю влагу от головы, а второе — кроме охлаждения тела еще ослабляет силы, нужные для дыхания. Верного названия для этой болезни не было найдено никакого. Король присоединил к войскам, имевшимся раньше у Замойского, 900 польских всадников и около 1.000 пехотинцев венгерских со Стефаном Карлом и затем двинулся в Вильну, захворав и сам в Полоцке выше сказанной болезнью. Между тем Замойский снова стал приготовлять с величайшим рвением все нужное для штурма: приказал увеличить вдвое плот, хотя он и был сделан из довольно больших в ширину бревен, для того, чтобы все-таки солдатам легче можно было приступить к крепости. Деятельно искал он по всем деревням и по берегам озер лодок и судов, для того, чтобы на всех их вести приступ и чтобы сколько возможно больше раздробить на части силы крепостного войска. Неприятели заранее уже увели все оставшияся суда, оставив только одно. Это судно принадлежало тамошним монахам и употреблялось ими для вытягивания больших неводов, и хотя могло вместить почти 80 человек, но так как оно от ветхости уже было негодно и было полно щелей, то неприятели и не взяли его.

Замойский починил его так, что можно было на нем плыть, закрыв его в поврежденных местах частию свежими воловьими кожами, частию мхом. Узнав в то же время, что воевода Полоцкий, Иван Петрович Шуйский находится с войском при Порхове, он отправил туда старого полковника Мартина Вольского с легкой конницей для рекогносцировки. Шуйский, услышав об отъезде короля и не ожидая в продолжение этого времени другого войска, **[158]** распустил свое ополчение и возвращался в Псков. По этому случилось то, что естественно должно было произойти; в то время, как не ожидая никакой опасности, неприятель оставил всякую осторожность и передвигался спокойно с места на место. Вольский напал, захватил весьма многих; отпустив поселян, пощадить которых приказано было ему Замойским, увел с собою в лагерь несколько взятых в плен дворян. Приготовив все выше сказанное нами для приступа, по прошествии 10-ти дней Замойский, сев с несколькими взятыми с собою военными людьми на большое судно, поправленное, как мы сказали, стал тщательно рассматривать, с каких сторон удобнее всего повести приступ. После этого приказал поражать пушечными ядрами три больверка, находившиеся, как мы сказали, против крепости, чтобы, сбив глину, сделать их более доступными пожару, и вместе с тем, расщепав бревна и как бы обнаружив их жилы, сделать их

более восприимчивыми к огню. Было очевидно, что пехота сильно пострадав от непогоды, против которой была плохо защищена, не будет иметь достаточно мужества и сил; по этому шляхта, согласившись между собою, слезши с коней стала требовать, чтобы ее вели к крепости. С нею же соединились, желая того же, и некоторые знатные Немцы, служившие всадниками под начальством Фаренсбека. Поставив посредине людей с факелами и смоляными деревьями, которые должны были поджечь стены, Замойский выстроил отряд так, что с правого фланга, против которого находился верхний больверк, были Поляки и Немцы, с левого у второго больверка — Венгерцы; те и другие должны были охранять против неприятельской вылазки идущих посередине с зажигательными снарядами. Над Поляками поставил начальником Уровецкого, и на всякий случай дал ему в помощники Андрея Оржеховского. С Немцами Фаренсбек отправил Оттона Укскеля. С обеих сторон он приказал защитить плот **[159]** вышеуказанными мешками против наискось шедших выстрелов из мелких орудий. Проведя его среди многочисленных выстрелов неприятелей, наши пристали к противуположному берегу; так как погода в то же время переменилась и после продолжительных дождей наступило ясное время, то вместе с тем у всех проявилась тем большая бодрость и желание сразиться. Вот передние перешли с плота на берег; в то же время быстро подплывали отовсюду другие суда с солдатами, пушками и факелами, с обеих сторон производилась пальба и наши частые выстрелы наносили большой урон неприятелям. Вдруг неприятели стали кричать о королевской грамоте.

За несколько дней прежде, Замойский обратился к осажденным в крепости с воззванием от имени короля, так как не хотел писать от себя, зная, что его собственное имя внушает неприятелю ужас, ибо ему, как главному распорядителю осады, приписывали жестокости, совершенные при взятии Великих Лук; воззвание это, снабженное королевскою подписью и печатью — по званию канцлера, Замойский всегда имел ее при себе — было следующего содержания:

“Король приказал Замойскому приложить все старание в деле осады города, но если они добровольно покорятся, то из милости своей решил их пощадить и не желает, чтобы им были причинены какие либо обиды; а для того, чтобы могли больше быть уверенными в том, он посылает им своего спальника”. Сперва осажденные не хотели принимать письма. После того как они узнали содержание письма, они отвечали, что пусть король пишет в свои крепости, а эта не принадлежит к той области, где обязательно принимать королевские грамоты. Вот эту именно

грамоту и стали теперь осажденные требовать сначала криком, а потом посредством депутации из нескольких стрелецких начальников. Она им была выдана и вместе дано уверение, что жизнь их будет **[160]** сохранена. Вместе с тем Замойский отправил Ивана Фому Дрогойевского, старосту Премышльского, принять крепость под свою власть и привести к нему воевод. Последний сперва нашел, что не только воеводы, но и даже большая часть солдат еще колебались; но наконец, когда солдаты поддались страху, то воеводы, не смотря на сопротивление, были приведены к Замойскому. Относительно всех сдавшихся было сохранено данное им обещание; кроме того Замойский отдал им и несколько знатных женщин, которые были взяты в плен при завоевании Великих Лук, так как, он опасался, что во время столь долгого похода и при таком множестве солдат оне могут подвергнуться грубым оскорблениям. Москвитяне. удивляясь такому поступку Замойского, сознавались, что не возвратили бы нашим таких молодых и красивых женщин; поняв же причину, по которой Замойский это сделал, говорили, что не должно потому нисколько и удивляться, если при таком различии нравов и счастье двух сторон также другое. Таким образом взята была без разрушения твердыня весьма крепкая от природы и снабженная всем нужным для защиты, не смотря на содействие неприятелям со стороны времени года, непрерывных дождей и морозов. Сабуров раньше придумал средство, чтобы невозможно было при осаде ее воспользоваться калеными ядрами. Наученный исходом других осад, он сломал стену, где она была слишком толста и, оставив только один ряд бревен, которым она держалась, внутреннюю часть ее прикрыл довольно широкою насыпью, которую он скрепил плетнем, вследствие того ядра, быстро проходя чрез тонкую стену, оставались в насыпи и там сами собой и потухали. Имея в виду, что король намеревается в будущем году пройти дальше по этим местам в неприятельскую область, Замойский решил оставить в Заволочье пушки и часть более тяжелых военных орудий, и приказал **[161] (1581)** Стефану Карлу и венгерским солдатам все перевезти в крепость. Мост, как мы выше сказали, был сломан неприятелями, а плот, которым пользовались солдаты при осаде, был слишком не крепок для того, чтобы можно было бы по нем придвинуть такие тяжелые пушки, построить же другой мост в короткое время представлялась величайшая трудность; поэтому Стефан Карл вез пушки от наших укреплений чрез самое озеро, там, где, как он знал, грунт был более тверд и песчанен, связав их крепкими канатами в большем числе, для того, чтобы в случае, если бы сорвался один, другие сдержали, расставив

предварительно на противоположном берее несколько венгерских полков по самому озеру. В крепости был оставлен с частью венгерского войска Георгий Сибрик, Фаренсбеку же Замойский приказал приблизительно с 1000 всадниками, взяв в сторону на большое пространство, направиться к Опочке и свернув затем влево чрез Нещерду, сойтись с ним снова у Полоцка. Город Опочка расположен ниже на реке Великой, и хотя его осада предполагалась только в будущем году, Замойский считал нужным заранее изучить течение реки и положение города, тем более, что помнил, что на том же месте при короле Сигизмунде было нанесено нам поражение. С такою же заботливостию о будущем походе, он старался, чтобы заранее были собраны сведения и об остальных дорогах и реках, какие из них судоходны; особенное его внимание обратили на себя сведения о том, что есть озеро Усция, (Uscia), из которого вытекает река того же названия, что река эта затем впадает в озеро Ужицу (Usicia) и затем, переменивши название свое в озеро Дриссу, а по выходе из сего последнего дает начало реке одного с ним наименования, и что, благодаря главным образом такому удобному положению, Москвитяне снабжают Сокол провиантом и другими необходимыми предметами; вследствие всего вышеизложенного **[162]** Замойский весьма старательно стал разведывать про все течение реки Усции с ее начала до конца.

Войско сильно пострадало во время обратного тяжелого похода от дождей, от морозов, от множества лесов, чрез которые приходилось идти, и от недостатка в большинстве случаев мостов, в особенности же, вследствие вышеозначенной заразы, поразившей войско; тем не менее Замойский, совершая путь по областям вполне замиренным, благополучно прибыл чрез Полоцкую землю к королю в Вильну. В то время как, покончив с таким полным успехом Велико — Лукский поход, король возвратился в Литву, Московский царь, разведясь с прежней женой, что по его понятиям можно было ему делать столько раз, сколько он хотел, в шестой уже тогда раз сделался женихом и, назначив общий смотр девиц, взял в супруги новую и даже заставил тоже сделать некоторых из своих бояр и советников[111]. Подобный смотр, как мы узнали от одной пленной дворянки, бывшей на том смотру, производился редко. Издав указ, Московский царь приказал боярам и дворянам, у которых были дочери или родственницы невесты, отличавшияся красотою, привести их к нему в назначенный день. К этому дню уже раньше при дворце приготовляется для сей цели обширный и богатый дом, и в каждую комнату, имеющую 12-ть кроватей, определяется столько же девушек. Сам царь в сопровождении одного старика

обходит все комнаты по порядку; войдя туда, он тотчас садится на заранее устроенный трон, а все девушки в красивой, богатой одежде, сильно желая понравиться государю и достичь такого счастия, по одиночке, по порядку становятся перед ним на колени и, бросив к ногам его платок, вышитый золотом с жемчугом, удаляются; царь выбирает ту, которая больше всех ему понравится, остальных же, одарив землею или казною, отпускает. **[163]**

Пробывши немного дней в Вильне, король отправился в Гродно; помышляя о будущем походе и зная, что сейм можно будет созвать только позднее, и что в случае, если утвердят на нем налог, то он будет собран никак не скоро, он, чтобы не быть вынужденным терять время благоприятное для ведения войны, стал уже в то время искать способов занять денег частным образом.

Кроме маркграфа Георга Фридриха, герцога Прусского, он обратился с просьбою дать ему заимообразно денег для этой войны к курфюрстам Августу Саксонскому и Иоганну Фридриху Бранденбургскому. Он думал, что устроив это, он сразу достигнет двух вещей: выразит свое к ним доверие во всем, а ссылкою на сочувствие их в чужом для них деле подействует на сословия (станы), собравшияся на сейме, и возбудит в них тем большую охоту продолжать войну, начатую в их интересах. Данные ими в долг на известный срок деньги доставлены были уже по окончании сейма и, после продления срока, были уплачены в надлежащее время. В это время низовые казаки с Иваном Оришовским (Joh. Orisovius), опустошая с другой стороны Московскую область вплоть до Стародуба и раззорив на весьма обширном пространстве окрестности, предали пламени и город, и некоторые внутренние укрепления крепости; затем, сделав нападение на Почепово и будучи отбиты от крепости, вернулись назад, угнав все-таки большую добычу. Вслед за королем в Гродно отправились и уполномоченные г. Риги. Этот город был взят Сигизмундом Августом под покровительство на таких условиях, которые сильно умаляли право и величие королевской власти в отношении к нему, и были повидимому составлены более для блеска самого города, нежели для его пользы. Так как король при таких условиях хотел считать Рижан не столько подданными, сколько союзниками, то уже и раньше, при прежних походах, город **[164]** чрез послов вел переговоры относительно точных условий касательно подчиненности. Во время этого похода в Дрогичине наконец окончено было дело и король отправил туда Яна Дмитрия Соликовского (Demetrius Solikovuis), чтобы тот, приняв под власть город, взял бы с него присягу на верность

королю. Прежде всего поднялся вопрос об установлении таможенных сборов. Вся почти торговля города Риги держится на судоходстве по реке Двине, а вследствие прежних побед короля последняя стала свободною в большей части своего течения; дело было в таком положении, что кроме Кокенгаузена, Ашерадена, Леноварта, находившихся еще в руках неприятелей, теперь ничто не мешало плаванию по Двине. На этом основании король считал справедливым, чтобы эта торговля, ради которой Польское королевство понесло столько усилий и расходов и благодаря которой город Рига и частные люди получат возможность увеличить свое благосостояние, доставила также некоторую выгоду и королевству Польскому; он не хотел, чтобы без этого условия вся торговля туда была перенесена. Благоразумные люди, хорошо зная, что государство не может существовать без податей и налогов и что справедливость всего скорее допускает установление их в тех провинциях, которые приобретаются вновь войною, наконец согласились на то, чтобы установить пошлину для всех, идущих из-за моря товаров, и чтобы две части из доходов с нее поступали безусловно королю, третья городу на ремонт гавани и пристаней. Оставался не решенным вопрос об имениях, принадлежавших некогда архиепископской власти, а также о вале, выстроенном городом против крепости и о некоторых других предметах; решение относительно этого было отложено до прибытия в названные места самого короля. В то время, как король находился с войском в Московской области, Иоанн III, король Шведский, отправил флот к Нарве, но, так как дела Москвитян **[165]** в то время в той стороне шли хорошо, то флот этот, сжегши несколько рыбацких построек на берегу, без успеха принужден был вернуться назад. В это время король прибыл на сейм в Варшаву. Он убеждал сословия поддержать всеми средствами успехи, приобретенные в последнем походе и не только радоваться победе, но и воспользоваться ею; если, по их мнению, не следует даже желать или надеяться покорения всей Московской области, этого обширнейшего государства, не смотря на то, что уже является весьма большая к тому возможность, то советовал по крайней мере не класть оружия до тех пор, пока не возьмут себе всю Ливонию, которую поставили себе уже сначала целью войны, как достойную награду за свои труды, чтобы вместе с тем оставить потомству памятник своего мужества. Король указывал и на то большее неудобство, что его самого ежегодно вызывают в королевство для присутствования на сеймах, собираемых ради податей, а между тем войско от непрерывных походов утомляется, неприятелям же дается время отдохнуть и собраться с силами и кроме того, так как налоги собираются

слишком медленно, то по необходимости пропадает много удобных случаев от этой задержки для успешного ведения войны; для избежания подобных неудобств он просил разрешить двухгодовой налог. Сословия соглашались на налог, но не расположены были принять предложение относительно срока, на который его требовали. Прежде чем приступить к какому либо иному делу, они представили королю изложенные письменно пункты, относительно которых они желали, чтобы изданы были законы, и просили, чтобы таковые были утверждены в предлагаемом ими виде. Ответ на это дан был таков: все, что считается возможным уступить, будет уступлено, иное будет смягчено посредством толкования, но большая часть пунктов будет отложена до другого времени. Получив такой ответ, по прошествии **[166]** нескольких дней они снова написали тоже, что и раньше было письменно представлено, не приведя никаких других доводов против королевской декларации. Выбрав несколько человек из сената и равным образом из посольской избы (из среды земских послов), король поручил им разобрать с надлежащею с обеих сторон умеренностию те дела. Все то, что коммиссиею с общего совета было постановлено, было снова письменно передано в посольскую избу, но земские послы по прошествии нескольких дней опять навязывают, как это и прежде сделали, все тоже свое писание королю. Между тем приближался к концу определенный законами срок сеймовых заседаний. Поэтому наконец на известных условиях последовало соглашение, и были обнародованы конституции (постановления) относительно тех вопросов. После этого сейм разрешил королю сначала обыкновенный налог, но потом, когда король стал доказывать, что этого ему никак не будет достаточно и ссылался при этом отчасти на приведенные выше причины, равно как и на то, что еще не все жалованье солдатам уплачено, а между тем у названных выше государей и других частных лиц сделаны новые долги, и нужно приготовляться к новой войне; тогда они утвердили двойной налог сперва с тем условием, что взимание оного прекратится тотчас с заключением мира, а затем, когда король отверг и это условие на основании тех же аргументов, то согласились на назначение двойного налога с такою оговоркою: сведя счеты, нужно будет уплатить все, что будет израсходовано на жалованье солдатам, на покрытие заключенных ради этой войны займов и на покрытие будущих военных издержек, и затем остаток, какой окажется от этого налога, пусть будет положен в казну в городе Раве.

Сюда прибыли, как мы выше сказали, послы московские, проведенные чрез всю Польшу, как бы в триумфе. По получении

новых наказов от своего государя, они снова допущены **[167]** были к переговорам. Сперва послы московские настаивали на условиях, предложенных ими в Невле, и говорили, что литовские сенаторы дали им верную надежду на окончание всего дела именно на тех условиях. Когда это было опровергнуто, на основании таких преимущественно доводов, что уже после того сделаны были большие издержки королем и со взятия Заволочья дело представляется уже больше не в прежнем положении, то послы наконец после обычных своих переторжек дошли до того, что помимо ранее предложенных крепостей Ливонских уступали королю и все остальные, оставляя для своего государя только следующие важнейшие города и крепости: Фелин, Дерпт, Мариенбург, Пернов и Нарву. Король же был того мнения, что если неприятель не откажется от всей Ливонии, то ему не следует заключать с Московским царем мира ни на каких других условиях. По представлении такового решения сословиям, оно заслужило приличное одобрение. При этих переговорах с Москвою присутствовало несколько уполномоченных от шляхты, для того, чтобы они могли, заметив увертки Москвитян, рассказать подробнее об этом своим товарищам. Так как обе стороны оставались при своем решении, то поэтому совещание не имело никакого результата[112]. По утверждении двухлетнего побора, король оставил сейм, дав себе обещание не заключать мира с неприятелями, прежде чем последние совсем не выйдут из Ливонии. Под конец сейма послы от шляхты обратились к королю через Станислава Пршиемского (Stanislaus Priemscius), который по возвращении с войны был избран послом в Великой Польше и который затем коллегиею земских шляхетских послов при начале сейма по обычаю был избран сеймовым маршалком, и просили у короля дозволения по удалении тех, которые не имели права **[168]** быть в сенате, переговорить с ним; испросив, это они умоляли короля позаботиться о том, чтобы кончить войну этим походом и указывали на то, что шляхта и в особенности ее крестьяне, благосостоянием которых никто из них не может пренебрегать без ущерба для своего имущества, до того изнурены поборами, что едва ли будут в состоянии перенести еще больше.

Король отвечал им через канцлера, что он не длит нарочно войны, предпринятой для общего спокойствия и выгоды; что неприятель находится теперь в таком положении, что легко довести его до последней крайности, продлив, хотя немного войну, что он охотно уступит общему желанию сословий и лишь только принудит неприятеля передать ему Ливонию, прекратит его нападения, и обеспечит государству спокойствие и безопасность, то не будет никаким образом препятствовать

заключению достойного и выгодного для всех мира. После этого прощаясь с королем, по обычаю предков, уполномоченные просили его позаботится также о домашних делах и об искоренении внутренних зол. Просьба их главным образом касалась установления какого нибудь постоянного твердого способа избрания королей и состояла в том, чтобы этот вопрос был подвергнут обсуждению сейма, как скоро это можно будет сделать без вреда для государства; чем больше была опасность, которой недавно подвергалось государство, когда вследствие борьбы между партиями, само королевство Польское было разделено между двумя государями; тем тщательнее следует теперь когда королевство освободилось от такой напасти, озаботиться о том, чтобы оно снова не подверглось тому же самому бедствию. Сюда же относятся раздоры между духовным и светским сословиями; депутаты полагают, что к ним никак нельзя относиться легко и что если бы можно было их совершенно устранить, то это было бы в высшей степени полезно для государства. **[169]**

На это король отвечал через того же канцлера, что он одушевлен таким же горячим желанием устроить надлежащим образом домашние дела, как и окончить войну согласно со своими видами, и хотя он не смотрит с пренебрежением на славу военных подвигов, однако имеет тем больше желания как можно дольше оставить память у потомства хорошим внутренним устроением королевства, чем яснее видит, что без этого даже прежняя слава его не может быть прочною и постоянною. Часто размышляя о временах, безкоролевья, о том, в какой опасности находилось королевство в прежние времена, когда избирательные интриги и честолюбивые происки как волны потрясали государством; ясно сознавая, что он должен любить Польшу не меньше, как и родину свою, и даже должен почитать ее для себя дороже, потому что она, приняв его, почтила наивысшею честию и чином: он содрогается в душе и признает, что только благодаря особенной милости Божией республика достигла в настоящее время лучшего положения. Он понимает, что вопрос о лучшем способе избрания королей должен быть поднят; но когда это будет сделано, сколько трудностей в нем окажется! и если, чего следует ожидать, при этом обнажатся некоторые тайные язвы республики, то не следует ли бояться от того большего вреда? Впрочем он не отказывается послужить своим содействием и авторитетом желанию республики и сословий. То же самое он думает о восстановлении согласия между духовным и светским сословиями; полезнее и необходимее этого ничего нельзя и представить для упрочения государства; но во всяком случае и

для того и для другого дела необходимо согласие и свобода духа от всякой вражды и страсти; этот вопрос будет для него предметом самой большой заботы; но он убеждает их самих равным образом явиться для обсуждения этих предметов со спокойным духом, отдавшись исключительно мысли о благосостоянии и славе **[170]** отечества. Затем он убеждал их, как делал обыкновенно и в предшествовавшие времена, чтобы во время его отсутствия каждый из них от себя заботился бы об общем спокойствии и чтобы был готов мужественно встретить всякие опасности; просил у Бога всего хорошего для них и счастливого, пусть бы и те, которые останутся дома, и те, которые пойдут на войну, вели свои дела так, чтобы потом с радостными поздравлениями встретить друг друга взаимными объятиями. Когда при этих словах поднялись рукоплескания окружающих, тогда канцлер объявил, что король принимает это самое рукоплескание как радостное предзнаменование будущих успехов и непродолжительной войны. Около того же времени сейма Шведский король стал спрашивать Польского короля письменно, с каких сторон начнет он свои военные действия в предстоящем походе. Ради того, что король Шведский раньше более всех склонял его к этой войне, и ради взаимного родства не считая нужным скрывать от него своих намерений, Стефан Баторий объявил ему, что намерен теперь идти па Псков, и на просьбу посла шведского о том, чтобы королю Шведскому позволено было провести чрез владения и гавани польские то войско, которое он намерен был набрать в Германии с целию перехватить московское посольство, отправленное к христианским государям, король дал ему грамоту, в силу которой ему можно было это делать. В то же время Филон Кмита, поставленный королем в начальники над Лукскою крепостью, для того, чтобы в это время солдаты не лишились бодрости от покоя и скуки, отправил Мартина Курца (Martinus Kurtius) и Габриэля Голубка (Gabriel Holubko) на Холм[113], московскую крепость, расположенную выше реки Ловати. Узнав от пленных, что Москвитяне уже раньше по обыкновению своему сожгли город, и что от него **[171]** оставлен неприятелем один дом внизу крепости для содержания караула, эти начальники, отправившись ночью, прибыли туда еще до рассвета, и в то время, как Курц, объехав дом сзади, с тыла напал на караульных, Голубко поджег крепость. С другой стороны Сибрик, начальник Заволочья, вызвал всех людей той области для присяги; пять волостей издревле тянули к Заволочью. Пришли в том числе и жители Воронеча, избрав для себя, по обычаю польскому, войта (advocato). Город Воронеч расположен выше Заволочья при реке (У)совке и благодаря удобному положению

этой реки, впадающей в Великую, а чрез нее у Пскова в Пельбское (Pelba) озеро и далее в залив Финляндский, был некогда обширен и по торговле, и по числу жителей. При нем была крепость, которая в виду множества укрепленных мест по соседству, была оставлена Москвитянами. Теперь Москвитяне опасались, что Заволочьский гарнизон может легко овладеть неукрепленным городом, и потому хотели его заранее сжечь, а горожан, которые принесли присягу по приглашению польских властей, наказать, применив к ним, для устрашения других, все виды мучения. И так, собрав несколько войска, они двинулись, для того чтобы захватить город нечаянным нападением, но бдительный в своей должности и опасениях прокуратор (т. е. войт) немедленно известил Сибрика; последний, разбив Москвитян, занял вместе с Киралием местность, на которой стояла крепость и поставив там гарнизон, укрепил ее сообразно обстоятельствам военными корзинами и, руководимый самими крестьянами, которым известны были соседние места, взял потом с неприятельской земли много добычи. Филон Кмита (Philo Kmita), подстрекаемый успехом холмского нападения, по присоединении к нему того же Сибрика и других крепостных войск, напал на Старую Русу, по направлению к Новгороду. Из этого места Московский князь извлекал большие доходы с **[172]** солеварен; здесь большое население и обширная торговля. Филон без труда разграбил этот город, устроенный более для пользы соловарен и торговых дел, расположенный на месте, отдаленном от границ, и неукрепленный никакими искусственными сооружениями; войско его воротилось обремененное добычей.

КНИГА IV

По распущении сейма, как это было описано в предыдущей книге, король приказал Замойскому как можно скорее набирать солдат для восполнения убыли в войске в виду предстоящего похода, и привести их поспешно в Литву, а сам отправился прямо в Гродно, оттуда в Вильну. В это время он написал брату Христофору, владетелю Трансильванскому, относительно нового набора венгерских всадников и пехотинцев. Письменно дано было поручение набирать немецких солдат Фаренсбеку, который уже раньше доказал, что он может доставить в значительном количестве испытанных солдат, служивших прежде в Нидерландах. Чтобы иметь у себя более отборную пехоту, Замойский приказал Уровецкому, отпустив эскадрон всадников, над которым тот командовал, набирать пехоту из одной только шляхты. Пока еще не были собраны податные деньги, эти приготовления производились частию на те деньги, которые были, как сказано, получены от государей, частию на ту сумму, которую прислал королю вместо военной помощи маркграф, Прусский герцог, частно на деньги самого короля, но более всего помогало усердие самой шляхты, которой огромное число было привлечено Замойским. Общая готовность была столь велика, что многие шли на войну, и поспевали к сроку, даже не получив вперед никаких денег на снаряжение; очень **[173]** многие получили некоторую часть жалованья только в самом лагере. Когда король уже выступил в Гродно, прибыл к нему гонец от Московского царя с письмом, что тотчас придут другие послы с более обширными полномочиями, на основании которых можно де будет условиться относительно мира; пока же пусть король не собирает войска и не идет дальше, пусть удержится от напрасных издержек и труда[114]. Послы явились; на просьбу их дана была аудиенция. После длинных проволочек, по обыкновению, и после прения с той и другой стороны, они наконец договорились до того, что за исключением Нарвы, Нейшлосса, Дерпта, Адзева (Адежа), Ливонского Новогродка, называемого Немцами Нейгауз, уступали королю всю Ливонию вместе с теми местностями, которые они раньше взяли, Вейсенштейн, Фелин, Пернов и все другие. Король объявил на это, что не может быть никакой речи о мире, если Московский царь не уступит ему всей Ливонии. Послы настойчиво требовали, чтобы было объявлено им также, какие намерения имеет король относительно возвращения отнятых у их государя земель, так как они с своей стороны объявили от лица своего государя, что он намерен уступить. Именно, они сами

требовали назад, за исключением Полоцкой области, входившей исстари в состав владений королевских, всего остального, что было взято во время войны в предшествовавшие годы. На это им было объявлено, что король готов возвратить сказанные земли государю их, кроме Велижа, от которого он ни под каким видом не откажется, но с тем, что царь передаст ему крепость Себеж, находящуюся совершенно внутри королевских земель, или же разрушит ее; а чтобы царю легче было согласиться на это, он в свою очередь разрушит Дриссу; и затем пусть царь **[174]** заплатит часть военных издержек, в количестве 400.000 золотых. Послы просили позволения довести о таких предложениях до сведения своего государя, и требовали, чтобы тоже ему было написано от имени короля[115]. В тоже время перешел на сторону короля Богдан Бельский (Bogdanus Bilscius) [116], двоюродный брат которого, снискав любовь Московского царя, пользовался величайшим его доверием. Московский царь отправил послов к Римскому императору Рудольфу; отправившись от него затем дальше, они прибыли в Рим к папе. Чрез посольство к папе царь обещал свою помощь христианству против Турок, жаловался на обиды, наносимые ему королем и даже, говорят, тайно просил, чтобы папа склонил того к миру; во всяком случае самыми своими жалобами он довольно ясно обнаружил свое желание, чтобы папа взял на себя посредничество. В Польшу приходили известия, будто люди греческой веры долго отказывались поцеловать ногу у папы, так как это противно их обычаю, но что наконец их все-таки заставили сделать это. Папа назначил Антония Поссевина, который вместе с ними должен был отправиться в Москву. Так как путь чрез королевские области был загражден, и Москвитяне потому шли назад сперва чрез Германию на Любек, чтобы оттуда переправиться в Нарву, то Антоний Поссевин письменно известил короля о своем посольстве и заявил, что если будет то позволено, он пойдет чрез Польшу и Литву. Король не только ему позволил, но отвечал, что позволяет тоже и послам самого Московского царя. Однако последние, не желая ни в чем отступать от приказаний своего государя, **[175]** пошли в Любек и оттуда, тою же дорогою, которою раньше шли, вернулись в Москву к своему государю. В то же время получено было известие о смерти брата короля, князя Трансильванского, Христофора; это известие с одной стороны сильно огорчило короля, с другой в особенности воодушевило Московского царя; он полагал, что король будет отвлечен из Польши делами своего брата в Трансильванию, и что ему дано будет время собраться с силами для того, чтобы снова отвергнуть мир на тех условиях, которые, как мы указали, были

им самим незадолго перед тем предложены. Но король уже раньше позаботился о том, чтобы дела Трансильванские не отвлекали его от забот о войне; думая, что возраст брата зашел далее обычного предела человеческой жизни, и видя, что он страдает непрерывными болями в сочленениях, король Стефан прежде чем отправиться на сейм в Варшаву, внушил брату и местным чинам на всякий случай избрать и назначить Сигизмунда, сына Христофора. В Варшаву по этому поводу приходили послы к королю, Александр Кендий (Alexander Kendius) и Владислав Самборский (Vladislaus Samborius); по возвращении их потом домой, согласно с советом короля Стефана, голосом всех сословий был выбран князем Сигизмунд; при этом вышло так, что судьба умеряла для князя Христофора радость горем, ибо сын его Сигизмунд вступал на княжение во время двух похорон, одних его жены, других младшей его дочери. Почти все питали весьма сильную надежду на мир; с одной стороны думали, что если даже Московский царь не примет условия о тех 400.000 золотых, то король все-таки из за этого не пойдет вопреки стремлениям чинов, желавших, чтобы война окончилась, а с другой стороны полагали, что и Московский царь, уступивши из желания мира почти всю Ливонию, не начнет войны ради тех немногих крепостей, которые он исключал. Вследствие этого король **[176]** согласился на перемирие до известного срока; впродолжении которого Московский царь должен был ему ответить. Но вскоре стало ясно, что послы уже тогда думали о том, как бы отступить от предложенных условий. На границах Московских к Смоленску находился в то время предводитель казаков Винцентий, о коем мы упоминали выше. Он пристал к послам, как только они переступили границу, и отправился вместе с ними тем же путем в Вильну, и по до-роге свел с ними тесную дружбу, и вот они начали возбуждать этого человека перейти на сторону их государя. Сперва он резко отказывался; когда же те продолжали настаивать, то он донес об этом властям в Вильне; по их совету, он притворился, будто переходит на сторону Московцев, а для того, чтобы более понравиться их государю и чтобы не явиться к нему без видимого доказательства своего усердия, он потребовал от них, пусть они поручат ему какие либо важные письма, для доставления к царю. Те обещали; однако, с целию каким либо способом испытать его верность, они просили сначала сослужить одну службу собственно для них самих, именно разузнать о времени, когда отправится король и где пойдет. Когда он донес об этом властям, то для внушения большего к нему доверия, ему вручен был верно описанный маршрут короля; получив его от перебежчика, как бы в залог его

верности, послы поручили ему доставить письмо к их государю. В этом письме они убеждали царя быть твердым, ибо, говорили они, у короля вообще собрано мало войска, и при том, по случаю смерти брата, Трансильванские дела могут потребовать его присутствия, тем более, что по слухам той стране угрожают Турки; это де заставит его менее заниматься Московскою войной. В то время, как король пребывал в Вильне, Московский царь укреплял всеми средствами Псков, так как был убежден, что против него направится в **[177]** эту войну неприятель. Он велел с большою поспешностью чинить стены, оставленные в пренебрежении вследствие ветхости; к прежним укреплениям прибавил новые. Взяв из всех других крепостей крепостные войска, он стянул их в это место. С другой стороны, француз Понтус-де-ля Гарди, полковник шведской службы, которому Шведский король отдал свою незаконную дочь в супружество, занял некоторые крайние крепости Ливонские, находившияся на о. Эзеле и в Приморской Ливонии. Уже раньше, лишь только король прибыл в Польшу, Шведский король чрез своего посла усердно побуждал короля к войне против Московского царя и вел речь о договоре и о союзе против общего врага. Тогда король отправил к нему по этому поводу Ивана Герборта, Саноцкого кастеляна; с той и другой стороны были выставлены разные условия и между прочим следующия: пусть Шведский король передаст Польскому еще и Ревель и пусть королю Польскому достанутся земли по сю сторону реки Наровы; остальные же земли за Наровой в соседстве со Швецией по направлению к Ледовитому морю, занятые соединенными войсками, пусть принадлежат Шведскому королю. Так как король Польский не хотел откладывать войны, то на дороге в Полоцк он снова послал из Вильны к Шведскому королю Лаврентия Гослицкого; объявляя о своем выступлении в поход, он убеждал Шведского короля напасть с своей стороны с войском на Московское государство, предлагая ему некоторые планы взаимной помощи и ведение военных действий. Король Шведский на то отвечал, что он не желает, чтобы ему предписывали, в какую именно сторону он должен направлять свои войска и что кто что займет, тем и будет владеть; тогда Гослицкий, как ему приказано было, потребовал, чтобы он всетаки не касался Ливонии, ради которой, как он знает, король и предпринял преимущественно войну, и которая принадлежит тому по **[178]** праву, торжественно заявляя, что король никак не может поступиться правом своим и государственным на Ливонию. Теперь, когда дело дошло до того, что Московский царь чрез послов предложил ему всю почти Ливонию, король снова уведомил Шведского государя и

военачальника, полковника его войск, письменно о том, в каком положении находятся дела и требовал, чтобы они удерживались вообще от Ливонии, помня, что она уже принадлежит не неприятелю, но ему, и требовал, чтобы они вели войну с неприятелем, если им так угодно, в других лучше местах.

Послав вперед из Вильны пушки и все военные орудия в Поставу, он сам отправился в Дисну. Там он узнал, что войско неприятельское было стянуто к Смоленску и что оттуда сделано было нападение на Могилевскую и Шкловскую области. На зимних квартирах находилось в тех местностях несколько эскадронов всадников; из числа их эскадроны Христофора Радзивила и Мартина Казановского встретили неприятеля, появившегося одновременно в разных местах, имели с ним несколько счастливых стычек, и заставили его, не долго пробывши в нашей земле, тотчас вернуться на свои границы. Однако король, получив известие о таких нападениях неприятеля, тотчас отрядил Христофора Радзивила, бывшего вместе с ним в Дисне, прибавив к тем эскадронам всадников, которые у него были, несколько других польских, стоявших в тех местностях у Днепра на зимних квартирах, надлежащее число пехоты и несколько легких пушек, которые ему следовало отправить вперед в Витебск на судах. Он приказал ему прямо идти против неприятеля и завязать сражение, лишь только представится к тому возможность. Если же неприятель уже ушел, то чтобы взяв средний путь чрез Велиж между Белою и Торопцом, стараться и отсюда навести страх на противников. В то же время он отправил к Турецкому **[179]** султану Ивана Фому Дроговского (Johannes Thomas Drojovius), старосту Премышльского. Причины посольства были следующия: так как к несчастию христианства Трансильвания вместе с Венгриею сделались данницею Турок, то король опасался, что, по смерти брата Христофора, Турецкий султан на нового князя наложить более тяжелые условия; по этому следовало требовать, чтобы он оставил нового князя владеть на тех же самых условиях, на каких владели этим княжеством прежние князья, и заявить, что в противном случае король должен будет помочь своему отечеству и землякам. Но кроме того посольство отправлено было и для того, чтобы жаловаться на неправильные действия воеводы Валашского Янкула, совершаемые им во множестве в отношении к жителям королевских областей и просить, чтобы он был сменен, а вместо его восстановлен был в прежнем своем достоинстве бывший воевода Петр, так как король спокойно переносить соседство Янкула не может, да и не должен равно-душно относиться к оскорблениям своих подданных. Первое требование посольства

было тотчас принято, исполнение второго отложено до другого времени. В тоже самое время и среди Татар произошли волнения. Девлет — Гирей, недавний властитель Татар, оставил после себя очень много детей. Ему наследовал доныне находящийся во власти Магомет — Гирей; имея среди братьев почти ровесника по летам, Адлея, человека даровитого и пользовавшегося у своих хорошею репутациею за свою храбрость, он не осмелился его убить, хотя по турецкому обычаю у Татар в большинстве случаев, ради безопасности наследующего княжескую власть, остальные дети князей лишаются жизни; однако, чтобы не дать места каким-либо замыслам его честолюбия, он сделал его калгой. Калгой называется у Татар главный военный начальник, пользующийся таким влиянием, что и при жизни государя имеет после него наибольшее значение, а по смерти наследует тому **[180]** на престол. Когда Адлей был взят в плен Персами и убит, Девлет — Гирей таким же образом передал второму его брату Али — Гирею эту должность, и привлек его на свою сторону, возбудив в нем надежду на то, что будет наследником. Но укрепившись потом на престоле, побуждаемый и летами сына своего Сади, и отеческою любовью, — он свергнув брата, назначил на его место сына, и боясь, что тот, возмущенный этой несправедливостью, составит против него заговор вместе с вторым младшим братом Солометом — Гиреем, задумал опять братоубийство, которое он раньше не привел в исполнение часто вследствие боязни, частию из жалости, и решился их умертвить теперь, прежде чем они будут в состоянии замыслить что либо против него. Испугавшись такой опасности, они принуждены были бежать и, долго проблуждавши на границах, были захвачены казаками и приведены к Михаилу Вишневецкому, старосте Черкасскому. Получивши от последнего донесение о беглецах, король приказал задержать их до своего прибытия. Между тем король отправил вперед на судах, уже прежде, как мы указали, испытанным водным путем, чрез Дисну в Двину, а оттуда дальше чрез Дриссу, тяжелые военные орудия, и сделав в Дисне смотр части войска, прибыл в Полоцк. Когда он занимался смотром других войск, сюда возвратился от Московского царя с грамотой Христофор Держек, который, по просьбе московских послов, был раньше отправлен королем к Московскому царю. Грамота эта была совершенно другого содержания, нежели прежняя[117]. Повторив в длинной и многословной речи все происшедшее с самого начала, — **[181]** Московский царь все истолковывал в худую сторону и брал назад все то, что предложено было королю чрез его послов; его возмущало в особенности то, что король не хотел согласиться на Невельские условия, требовал разрушения Себежа и денег за

военные издержки, что король говорил, будто дела уже не в таком положении, в каком были в Невле, и ссылался на свои большие издержки, которых потребовала осада Заволочья; в своем письме царь спрашивал, по чьему побуждению или просьбе король осаждал и брал Заволочье; он мог бы оставить этот труд, и конечно не по его желанию последовало занятие оного[118]. Что же касается до требования денег, то король ведь знает, что он, т. е. царь, не желает быть его данником, да к тому же неслыханное дело между государями высчитывать расходы на войну или требовать денег за них[119]. Еще когда король Сигизмунд не **[182]** правил в Польше и Литве, во время его отрочества основан был Себеж, и он, царь, постоянно владел им даже и тогда, когда Полоцк был под властию королей Польских; кроме того, хотя бы он и разрушил Себеж, а король — Дриссу, однако король всегда может, когда ему угодно будет, восстановить Дриссу, да наконец ничто не помешает ему предъявить всегда какие нибудь новые требования[120]. Московский царь обвинял короля и в том, что депутаты от шляхты были приглашены на совещание с его послами, и в этом поступке он видел обиду себе[121]. Выражал свое негодование и на то, что король не посылает к нему никаких послов, и потому заявлял, что не пошлет также и сам ни одного посла, разве только спустя 50 или 40 лет[122]. Много говорил о своем праве на Ливонию. Весьма сильно нападал на самого короля то за то, что тот не королевского происхождения, то за его жестокость относительно побежденных, приводя в доказательство (о чем выше упомянуто было) вырезывание жиру, то на его снисходительность по отношению к тем же для того, чтобы привлечь их к переходу на свою сторону, затем порицал его за коварство и хитрость в том, что сжег калеными ядрами — необыкновенным способом — Сокол[123]. **[183]** Получив такую грамоту, король отвечал послам, что, хотя он мог бы по народному праву считать их, как врагов, так как они пришли к нему под предлогом просить мира, а на самом деле чтобы высмотреть все и обмануть его, однако он не желает из-за их коварства отступать от своей постоянной кротости и снисходительности, и потому пусть они сами возвращаются к своему государю; он же ответит на его грамату чрез своего посла. Вместе с ними отправился к царю Московскому Антоний Поссевин, который, как мы выше указали, был послан к нему папою. Король подарил ему воевод, взятых в плен в Велиже. Затем король прибыл в Заволочье, на этот раз без особых затруднений пройдя леса, так как страна была замирена уже раньше по приказанию короля; старанием жителей Заволочья

были наведены мосты и проложены более удобные пути. Хотя общее мнение относительно цели похода уже заранее без всякого колебания склонилось в пользу того, что нужно идти на Псков, однако король, желая чтобы решение было постановлено соответственно обстоятельствам настоящего положения и более правильным образом, держал об этом совет. Большинство оставалось при прежнем убеждении, в пользу которого говорил также и самый ход военных дел, а равно и цель, ради которой предпринята была война, так как все были между собою согласны, что по покорении этого города в тоже время подчинится и вся Ливония, которая в то время представлялась единственным поводом к войне. Однако король и немногие с ним колебались, не идти ли лучше к Великому Новгороду, дворянство которого, как слышно было, волнуется почему-то против Московского царя? Но казалось очень опасным оставить позади себя обширнейший город, куда собрались как — бы все неприятельские войска; этот город даже после удачных военных действий при Новгороде все-таки может приостановить дальнейшие успехи, а если в **[184]** неприятельской земле им пришлось бы пострадать, положим, не столько от войны, сколько от непогоды, болезней и других бедствий, то при отступлении он мог бы внушать чрезвычайные опасения. Один только Вейер был того мнения, что нужно идти к Дерпту, на том основании, что большая часть гарнизонного войска выведена оттуда для защиты Пскова, и следовательно не трудно будет завоевать его, тем самым открыть себе доступ ко всей остальной Ливонии, которая собственно и составляет цель этой войны. Одержал верх голос большинства и как бы естественный и последовательный ход самых дел, который указывал прежде всего на Псков, чтобы идти туда. Ибо хотя войску можно было отступить, как казалось, через реку Ловать, которая, направляясь от Лук в Новгород, в большей части своего течения принадлежит нам; но так как все суда были уведены неприятелями, а для постройки других в такое короткое время в провинции новой и не совсем еще надежной не представлялось возможности, да притом и р. Ловать не во все время года судоходна, то и от этого также, ясно было, войско может получить немного облегчения. Что же касается до крепостей, угрожавших с боков, то король долго колебался: нужно ли ему попробовать взять их, прежде чем отправиться в Псков, или осаду их отложить до другого времени? Из этих крепостей Московский царь сам, уведя сперва пушки и все снаряды, около этого же времени разрушил Красногород, овладеть которым тщетно пыталось некогда войско Сигизмунда Августа, а потом Велию, так как не рассчитывал на возможность удержать ее. Остались Себеж,

Опочка и Остров. Хотя Себеж оставался у левого берега Двины с тылу, и мог, конечно, мешать судоходству по этой реке, однако, так как путь к нему вел лесистыми, по большей части непроходимыми и опасными местами, то казалось лучше или оставить его до другого времени, или в случае, если бы дело между тем пришло к миру, **[185]** взамен его предложить другую крепость, нежели потратить время, нужное для более важных дел, на преодоление лесов и трудностей пути и наконец на самую осаду. Опочка, как казалось, не на столько преграждала путь, чтобы нельзя было ее обойти; кроме того река Великая выше Опочки еще не была так глубока, чтобы можно было спустить по ней пушки и военные снаряды, на каковое удобство некоторые преимущественно обращали внимание; и, хотя бы она была судоходна, все-таки казалось, не следовало ради ее замедлять осады Пскова. К тому присоединялось еще то, что, как полагали, можно легко воспрепятствовать всяким из нее вылазкам, наблюдая за нею из крепостей Заволочья и Воронеча. Кстати произошло и то, что около того же времени казаки укрепили в поспешной работе Красногород, покинутый Москвитянами, чтобы сделать в нем склад для добычи, добываемой в неприятельской земле. Король тотчас отправил туда несколько войска с легкими пушками и, расставив туры, приказал тщательнее укрепить место и препятствовать гарнизонам Себежскому и Опочецкому. И так, по занятии Красногорска, Заволочья и Воронеча, из коих, как казалось, легко можно было удерживать Себежский и Опочецкий гарнизон, за исключением их оставался еще один только Остров, выходивший на самую дорогу ко Пскову. К Христофору Радзивилу, который, как мы выше указали, был послан удерживать неприятеля у Днепра, король приказал в тоже время присоединиться Филону Кмите, равно как Литовским Татарам, некогда получившим в подарок от князя Витовта земли для поселения и теперь поставленным под начальство Михаила Гарабурды; задачею их было удерживать неприятеля страхом неизвестности и мстить за прежние нападения взаимными опустошениями; о чем написано было Радзивилу. Прежде чем двинуться из Заволочья, король отправил курьера с письмом к Московскому царю, и хотя он был убежден, что обвинения **[186]** царя нисколько не могут умалить его чести и считал несовместным с величием души бранить с оружием в руках своего неприятеля, тем не менее, чтобы тот по причине молчания его по обыкновению своему не возъимел еще большего высокомерия, отвечал и на прежние его грамоты[124]. В своем ответе он разъяснил, как именно произошло на самом деле все то, что Московский царь истолковывал в смысле обиды для себя;

показывал, почему он не мог соблюдать условий Невельских, говорил, что он не требовал от него ничего обидным образом или сверх обычая других христианских государей; отвечал, что не вследствие чьих либо просьб он осаждал Заволочье, но вынужден был к тому его же упорством и несправедливыми действиями, что он не может иметь покоя, пока оружием не добудет своего права, да и он сам не иначе может быть обращен к справедливому образу действий, как только близким страхом войны. На сколько возможно было, он несколько раз объяснял чрез своих послов, что чем дальше он будет тянуть дело и чем к большим издержкам будет вызывать его своими проволочками, тем более тяжелые впоследствии условия ему придется по необходимости предложить. Он потребовал денег за военные издержки по обычаю и примеру других христианских государей и нет ничего более согласного со справедливостью, как то, чтобы тот, кто наносит оскорбление, был бы и ответчиком за всякое оскорбление; так как тому кажется это тяжелым, то пусть он знает, что после того он **[187]** будет сражаться не за Ливонию или за военные издержки, но за верховную власть. Что касается до того, что Себеж, по его словам, основан во время его малолетства, если этим он надеется преимущественно доказать свое право, то этим всего более обнаруживается его коварство. Так как Полоцкая область всегда доходила до реки Двины, и внутри ее недавно был построен Себеж, то это служит достаточным доказательством того, что он неправедно выстроен на чужой земле. Что король стал прибавлять к прежним условиям постоянно новые, это он мог бы с некоторою основательностью утверждать, если бы раньше того попробовал согласиться на предложенные королем условия. Шляхетские послы были приглашены на совещание с послами для его же пользы; потому что все то, на что они согласились бы, имело бы большую крепость. Что касается до того, что он не посылал к нему послов, то и в этом нет повода его обвинять; ибо не существует никакого закона относительно отправления послов, кроме собственной выгоды или доброй воли каждого, и все тут зависит скорее от личного рассуждения, чем от какой-либо необходимости. Что он не пришлет к нему никаких послов после 40 лет, то легко в этом ему поверить; ибо это слишком долгий век и для доброго человека, не только для тирана, и потому он не пошлет спустя 50 или 40 лет, а может быть захочет послать ранее того; что касается его самого, короля, то он не намерен заранее необдуманно связывать себя какими либо обязательствами в таком деле. Король говорил также о праве на Ливонию. На брань его отвечал, что он не таков, чтобы принимать какие либо ругательства, и что

к Московскому царю по справедливости не идет эта роль нападать на других, так как его гнусность и жестокость известны всем. Что не родился королем, то этим он не столько обижается сколько этому радуется, так как достиг королевства **[188]** благодаря своей доблести, и был призван к этому сану так, как избирается папа кардиналами, Император, имеющий первое достоинство среди христианских государей, курфюрстами Германии, как многие другие короли и государи во все времена каждый избирались сословиями своего королевства. Все-таки он считает высоким и славным свое происхождение хотя из частного дома, но от знаменитых предков, которые часто оказывали большие услуги христианскому миру, имели почетнейшие должности, управляли провинциями и много прославились своею доблестью и благочестием; хотя его предки не были королями, однако он достиг королевской власти своей доблестью, между тем как тот, если бы он не был царского происхождения, по своим нравственным качествам мог бы быть скорее чем либо другим, только не государем; он нисколько не завидует ему, потому что он сделался государем Московским не столько по выбору большинства людей или по отличной своей доблести, сколько потому, что он сын Глинской, дочери человека, некогда изменившего Сигизмунду. Жестокость, выразившаяся в вырезывании сала у некоторых трупов пошла прежде всего не от него; кроме того, в том и никакого нет проступка против правил благочестия и обычая христиан, так как медицинская наука допускает, чтобы уметь помогать живым, разрезание мертвых даже на самые мелкие части; смешна жалость того самого человека, который, показывая на живых образцы всевозможных мучений, говорить о том, что его трогает забота о мертвых. Подобного же рода и обвинения его в мягкости и милости по отношению к побежденным, так как он жалуется то на жестокость, то на мягкость и негодует на то, что король не умертвил в мучениях всех взятых им в завоеванных крепостях. Что касается до обвинения, будто Сокол разрушен пожаром по необыкновенному способу, то в этом он не столько обвиняет короля в каком либо коварстве, сколько **[189]** обнаруживает свое собственное невежество, которое весьма велико, как во всем, так и в том, что многие прекрасные открытия в военном искусстве до сих пор остаются ему неизвестными. Король давал весьма обстоятельный ответ по поводу и многих других вещей; о всех их упоминать здесь нам даже и не приходится, тем более, что это самое письмо находится в обращении у людей. В конце письма он вызывал царя на поединок — и заявлял, что грамота эта посылается ему писанная по русски и по латыни; а чтобы он не

слишком предавался самодовольствию и узнал мнения о нем других людей, он послал ему вместе с письмом книги о его жестокости, изданные в Германии[125].

Выступивши из Заволочья в Воронеч, король в этой последней местности принял новые меры для большего укрепления военной дисциплины, частью исправив прежние законы и частью дополнив их. Эти писанные законы король предложил сперва сенаторам, затем военным людям, всем начальникам, дав возможность публично разбирать их. Когда эти положения были одобрены всеми, то военные начальники стали просить о назначении военного гетмана и восстановлении должности, существовавшей у предков их и пользовавшейся большим значением в государстве. Сам король помнил, что в прошлом году, когда начальство было разделено между многими, военная дисциплина в лагере не была хорошо охраняема, что его беспокоили даже по самым незначительным де-лам и что оттого происходили разные другие неудобства; поэтому, призвав к себе частным образом Замойского, полезную деятельность которого он уже испытал в прежние походы **[190]** и во многих весьма важных делах, объявил ему, что хочет вверить ему означенную должность. Замойский стал ссылаться на важность ее и на трудность, что он явился (на королевскую службу) во всех отношениях не подготовленным, в особенности же совсем не думал о подобной должности. Сначала Замойский просто просил, чтобы король передал ее кому либо другому, или чтобы по крайней мере не возлагал на него такого бремени, а потом стал даже сильно умолять короля. Но когда король ничего не хотел слышать, то он принял, говоря, что повинуется наконец Богу и ему, призывает ли он его к славе, или только к новым опасностям. Сообщивши сначала частным образом свою мысль Замойскому, король потом сделал тоже публично и, созвав раду, объявил ей, что он думает. Так как все одобрили его намерение, то он чрез Андрея Зборовского, надворного маршалка, объявил, что Замойский назначается постоянным и генеральным гетманом войска с наивысшею властию, какою только пользовались военачальники в прежние времена, а именно Ян Тарновский. Замойский, как и раньше пред королем, точно также и теперь публично говорил о великой тягости этого бремени, так как оно и само по себе тяжело и связано еще с тем, что может возбудить величайшую зависть; он явился в армию не имея тех данных, обладая которыми можно было бы взять на себя столь важную должность; набрав, сколько приказано было королем войска, он отправился из дома с тем намерением, чтобы принять на себя только некоторое участие в военных действиях, подобно тому, как это было в прежние

походы; если же ему приходится управлять всею войной, то ему нужно было бы сперва подумать обо всем, относящемся к войне, все знать, изведать, приготовить раньше и с этими сведениями явиться из дома; самому ему нужно было бы поближе узнать и раньше набрать наместников и других помощников еще **[191]** дома; хотя последние у него есть, но все-таки их не больше, чем нужно для управления и командования только набранным им войском. Наконец, как и прежде в частной беседе с королем, так теперь и публично, Замойский принял должность. Устроив все это, король вздумал сделать осмотр всему войску. На этом параде перед прочими гораздо лучше снаряженными оказались кавалерийские польские эскадроны, так как из знатных семейств собралось на эту войну далеко большее число, чем прежде на какую либо другую экспедицию. Замойский в числе других к прежним своим войскам, которые он навербовал в прошлый год и которые он по приказанию короля разместил для противодействия неприятельским вторжениям в Ливонию на зимних квартирах в Самогитии (Жмуди) присоединил несколько тысяч весьма хорошо вооруженных всадников и все они — подобно тому, как в прошлый поход, по примеру полководца, имели траурную одежду, теперь надели голубую. Одинакового с ними рода была пехота Уровецкого, набранная из одних только шляхтичей. Литовцы также нисколько не остались позади против прошлогоднего своего усердия и превосходного снаряжения. Когда король вместе с Замойским установил маршрут, Литовцы отправились с правой стороны, и к ним были присоединены дворцовые солдаты, бывшие при Гданске и находившиеся тогда по причине отсутствия Ивана Зборовского под начальством Христофора Нищицкого. Часть других войск под предводительством Станислава Тарновского, человека весьма знатной фамилии и сенаторского сословия, Замойский отправил вперед к Острову выбрать место для лагеря; с ним же приказал отправиться Вейеру и Уровецкому. Тарновский, согласно приказанию, проехав мимо крепости, расположился на Псковской дороге, по которой должны были направляться и подкрепления в Остров и отправляться гонцы оттуда, и стал устраивать все, что нужно **[192]** было для осады. Между тем прибыл и Замойский и расположился лагерем в нижней части реки Великой. Через два дня за ним пришел и сам король. Остров находится на острове реки Великой и, так как с суши нет доступа к нему, то потому он и получил то название, которое означает на славянском языке остров. Город этот имеет довольно крепкие каменные стены и также очень много башен или бульверков, в особенности один в углу северной крепостной части, откуда только и есть ворота и

вход в крепость, замечательный по своей величине и тщательно сделанный по образцу современных бульверков; он расположен так, что защищает два бока крепости, один по направлению к северу, другой к востоку. Когда король рассуждал с Замойским относительно осады, он заметил, что западная сторона крепости немного изогнута полукругом так, что никакие выстрелы из пушек нельзя направить по прямой линии по этому боку и потому не должно бояться солдатам почти никакой опасности от пушек с этой стороны. Вследствие этого он решил стрелять из пушек в два другие большие бульверка, обращенные к югу, так как очевидно было, что если те были бы оставлены защитниками, то в виду того, что западная сторона, как уже раньше замечено, не представляет опасности, войско безопасно могло бы идти на приступ. Венграм был назначен бульверк восточного угла, Полякам западный; и когда в два дня были сделаны окопы и поставлены между ними пушки, то и там и здесь стали бить в стены. После того как Венгры разбили непрерывными выстрелами пушек осаждаемую ими башню, а затем отчасти и ближайшую стену, то для них открыт был доступ чрез развалины, которые впрочем все-таки представляли слишком крутой вход в крепость. Поляки, у коих пушками управлял Вейер, направили пушки на основание башни и на нижние своды, потому что, казалось, что войти в крепость **[193]** будет легче с нижней части, также и для того, чтобы неприятель не мог их взорвать на воздух, подложив порох под фундамент, когда они займут верхнюю часть башни, что предполагалось нужным с тою целию, чтобы оттуда через окна стрелять из ружей и прогонять неприятеля из внутренней части крепости. Венгерцы хотели тотчас ворваться в крепость по тем развалинам, благодаря которым стена была проломлена со стороны их окопов. Замойский удержал их от нападения, не желая, чтобы войско понесло ущерб без нужды, тогда как его нужно было беречь в целости для предстоящего важного дела. Когда с тех и других окопов снова с усиленною яростию стали направлять выстрелы против стен крепости и проломы в них все более и более увеличивались, то неприятели в тот же день согласились на сдачу. Уже наступала ночь, и нельзя было слишком далеко их отвести; поэтому, назначив им охрану, стали их переводить из лагеря на отдельное место; между тем деревенский народ, напуганный воспоминанием о Велико-Лукской резне, тотчас громким голосом стал добро-вольно присягать королю. Так как крик этот повторялся несколько раз, то Замойский, полагая, что они подвергаются какому-нибудь насилию, побежал туда; они стали говорить ему, что присягнули королю и впредь будут соблюдать ему верность; а подняли такой

громкий крик с тою целью, чтобы он был услышан даже самими Москвитянами. Прочие и в том числе начальник крепости Нащокин, родственник того, который, как мы упоминали, правил посольство у короля и впоследствии взят был в плен, были отпущены. Послав наперед лазутчиков в Псков, король затем выступил и сам. В авангарде шли Балтазар, сын Андрея, брата короля, с венгерскими полками и Брацлавский воевода с несколькими польскими войсками. Когда они пришли к реке Черехе, впадающей с востока в Великую, то часть **[194]** Венгерцев переправилась чрез реку и разделилась на 3 отряда. Первый отряд прямо отправился ко Пскову, остальные два в разных местах засели в засаде. Первые, встретившись с неприятельским объездом, тотчас стали отступать; неприятели же, боясь засады, что и в самом деле было, однако последовали за отступавшими, и когда вторые поднялись из засады, то, не боясь уже ничего больше, так как превосходили оба отряда численностью, бросились в рассыпную их преследовать и попали на третьих, которыми и были обращены в бегство; взятые в плен три человека из боярского рода были приведены в лагерь и от них узнано было, сколько в городе войск, каков гарнизон и каков дух неприятелей. С подобным же успехом Сигизмунд Розен, будучи послан с отрядом польских ветеранов, которые, как мы выше указали, были присоединены к литовским, и затем с несколькими немецкими воинами, между которыми находился волонтером Редер из Силезии, сделав вылазку у города, привел нескольких пленных. Сам Замойский сперва переправившись чрез реку Череху, потом реку Пскову, объехал кругом города, чтобы узнать его местоположение. Тут случилось, что, взяв с собою одного Уровецкого и приказав другим следовать за ними, он, чтобы лучше рассмотреть вблизи расположение города, подошел под самые как бы стены против каких то ворот; неприятели, завидевши его, выслали против него эскадрон всадников и, когда последний подошел к нему на расстояние выстрела стрелы, то Замойский, хотя и видел свое опасное положение, однако не смутился, а выше упомянутый отряд боялся засады, и в продолжение значительного промежутка времени они стояли друг против друга, ни тот ни другой не двигаясь. Между тем подоспели и те, которые запоздали и, напав на неприятелей, прогнали их в город. Король, также подступив близко к городу, сам объехал его вместе с Замойским, желая рассмотреть местность. **[195]**

Самое древнее упоминание о городе Пскове, около 6412-го года от сотворения мира[126], находится в летописях Псковских, которые найдены были в числе других в Полоцкой библиотеке и

попали в наши руки; в этом году, как говорят, сын Рюрика, князя Русского, Игорь, взял себе в супруги из того города Ольгу, от которой родился у него сын Святослав. Затем, как рассказывают, у Псковитян были многочисленные войны с соседними народами; преимущественно, однако, заключив договор с Новгородцами, они воевали и нанесли поражение народу Иколам, имя коих, как кажется, вместе с государством, также с этого времени исчезло. Часто происходили у них стычки и с Судетами, владевшими некогда теми местами, на которых теперь находится Дерпт, и с Ливонскими Немцами, так как Псковитяне старались или не допускать их на свои границы, или же сами вносили войну в их пределы. Город даже был взят Немцами, как гласит предание, около 6750-го года. Однако, немного спустя после того, Александр Ярославович, из рода Мономахова, возвратил свободу городу; будучи отправлен ханом татарским Батыем и получивши в подмогу татарские вспомогательные войска, он победил в сражении Ливонцев и затем по договору возвратил город; несмотря на это, и после того были продолжительные у города войны с теми же Ливонцами. Хорошо известно, что этот город некогда имел особенно большое значение по своему богатству и, прежде чем был приведен в зависимость отцем этого царя Василием, не только имел свои законы и своих правителей, но, что может быть еще более достойно удивления в той стране, превосходно даже управлялся ими. Самыми первыми считаются посадники, что, если переводить слово в слово, означает заседателей, из которых составлялась дума; **[196]** при обсуждении более важных дел, при принятии послов и при отпуске их, при утверждении договоров, при избрании князей, наконец при заключении мира и решении войны, при издании законов, высшая власть принадлежала народу, который в полном составе постановлял на собраниях, называемых ими “вече”, все, что касалось всех. После посадников самые близкие к ним по почести бояре. В городе, который возвысился преимущественно благодаря торговле, было много купцев, и старшины, стоявшие во главе различных купеческих обществ, занимали по своему значению место за боярами, имея права и полномочия лиц должностных. Жители владели весьма обширною областью, и к этой области принадлежали как Великие Луки и Изборск, так и все земли, находившиеся между этими городами. Все эти области управлялись наместниками, которые назывались у них воеводами. Над этими всеми чиновниками с ограниченною властью возвышался князь. Его они выпрашивали то у великих князей русских, то у литовских на известных условиях и с тем, чтобы он творил суд и расправу по их законам, считая это

(присутствие князя) нужным частию для избежания домашних раздоров партий, частию для лучшего, как они думали, отпора иностранцам, желающим захватить власть над ними. Предание упоминает, что от Литовцев ими был призван Довмонт, т. е. Тимофей, после того как сделался христианином, около 6774-го года от сотворения мира, и потом они взяли сына его Давида; в последующие же времена, они взяли от Олгерда его сына, который пожелал принять христианство и был назван Андреем; а некоторых князей, управлявших ими не по их законам, они удаляли. Наконец, они договорились с великими князьями русскими, что они будут почитать великокняжеское достоинство на известных условиях и будут принимать князя только от них, но с тем, чтобы он управлял городом по **[197]** отеческим законам и чтобы прямо был прошен гражданами с указанием лица. Иван, сын Василия Темного, прежде всех назначил наместником Василия Шуйского, а затем его сын Василий был дан в князья вместе и Псковитянам и Новгородцам. Около того же времени Иван Васильевич подчинил себе Новгородцев с помощью вспомогательных войск псковских, которые Псковитяне послали ему частью в силу упомянутого выше договора, частью из злобы на Новгородцев, так как немного раньше, когда на Псковитян напали Ливонцы, Новгородцы отказались им помочь и оставили их, а им подал помощь Иван Васильевич[127]. В таком положении город оставался до 7018 г., когда был лишен свободы Васильем Ивановичем, отцем нынешнего государя. Василий назначил князем этого города Ивана Михайловича Репку[128], которого прозвали потом *“Найденыш”,* так как они его не просили, но он некоторым образом был им навязан[129]. Когда Василий находился случайно в Новгороде, то город отправил к нему послов, чтобы подать некоторые жалобы на этого наместника. Когда же и Иван пришел в Новгород к Василию, то по совету его самого, Василий вызвал большую часть сенаторов (думных людей), чтобы в присутствии их покончить споры; а затем всех послов посадил в темницу, объявил жителям Пскова, чтобы они уничтожили вече, прислали бы к нему большой колокол, которым призывались все сословия для присутствия на вече, для того чтобы он знал, что они сделают это, пусть дадут ему в заложники других многих людей из всех сословий. Псковитяне отчасти из любви к своим, частью полагая, что они освободятся от предстоящей опасности, если сделают это, исполнили требования; они послали к князю очень много других заложников. Получив их, князь **[198]** сам прибыл во Псков, в 24-й день месяца января, в день Св. Ксении[130], которой и посвятил затем храм в память удачного окончания дела; отправившись

сперва в храм Спасителя, затем в храм Троицы, покровительству которой именно вверили себя граждане, великий князь, ободренный речью епископа Коломенского Вассиана, пришедшего туда вместе с ним, и теперь провозглашавшего о взятии города, разграбил город, всех сенаторов (членов думы), большую часть дворян посадил в темницу и затем, прислав в город новых поселенцев, увел с собою пленников в Москву, так что многие из дворян, чтобы не быть выведенными из отечества, вступали в монахи и присоединялись к какой-нибудь братской монашеской общине. С этого времени Псковская область попала в самую тяжелую зависимость от великого князя. Город, весьма обширный в длину, к северу делается уже; с юга он орошается рекою Великой, которая в этом месте не только по названию, но вследствие притока многих других рек и действительно велика; на расстоянии вниз от него на 5000 шагов, она впадает в озеро Пелбу; с севера находится река Псковка, которая, начинаясь не в далеком расстоянии от Новгорода, протекает посредине города, которому дает название и впадает в реку Великую. Сам город разделяется на три части, каждая часть отделена одна от другой находящимися в промежутке особыми стенами; вторую часть, направляющуюся к западу, называют они Запсковье, как будто она находится вне Пскова, затем третья и средняя часть есть крепость (Кремль), в свою очередь разделяющаяся тоже на три части — внешнюю, идущую к северу к реке Великой, они называют Кремлем (Krsemnovia), вторую Домантовской; третью называют **[199]** средней, при чем название это дано не по отношению к крепости, но по отношению к самому городу, которого она составляет как бы пуп. Северный бок, самый длинный, простирается в длину до 8000 шагов и окружен каменною стеною. К этой стене, по взятии Великих — Лук и Полоцка Московский царь прибавил другую с внутренней стороны, наложив в промежутке между двумя рядами бревен, которыми она держалась, громадное количество земли. Со всех сторон имеются очень крепкие башни, сделанные из того же камня; и так как башни прежней постройки недостаточно были равны между собою и вследствие того не прикрывали себя взаимно от пушечных выстрелов, направленных от одной к другой, то, поставив с углов тех новые стены и покрыв их весьма толстым дерном, и разместив по ним окна, он устроил так, что оне находились на равном друг от друга расстоянии; у тех же башен, которые казались частию слишком тесными, частью слишком непрочными для того, чтобы могли выдержать выстрелы от более тяжелых орудий, с внутренней части на удобных местах расставил в промежутках другие башни, также деревянные,

сделанные с великим тщанием из самых крепких бревен и снабдил их достаточным количеством больших пушек. Вид этой местности со всех сторон очень красив: с одной стороны сливаются две реки, инде расстилаются широкие поля, инде поднимаются невысокие холмы, покрытые можжевельником, который, начиная от Воронеча, как будто нарочно с большим старанием был насажен до самого Пскова, придавая местности вид сплошных садов; с другой стороны — виднеется ряд монастырей, которые все, числом более 40, рассеяны по соседству и превосходно выстроены из камня[131]. Самым знаменитым из этих, монастырей **[200]** считается монастырь Святогорский[132], как по святости, от которой и место то назвали святой горой, так и по укреплениям его. Он находится на очень суровой скале в расстоянии от Пскова около 3000 шагов, имеет кроме того очень крепкую башню и огражден на подобие крепости окопами. Так как Московский царь, как раньше было указано, полагал, что нисколько не должно сомневаться в том, что король по взятии Лук направится ко Пскову, то снабдил его весьма хорошо всем нужным для выдержания осады и приказал все свезти туда в огромном количестве. Исполнить это было тем более легко, что помимо прежних приготовлений для защиты города, здесь по необходимости проходили все военные снаряды привозимые из Германии чрез Нарву и других западных стран. Посему в этом городе был такой большой запас всего, относящегося к войне, что Московский царь в прошедшем году, не полагаясь достаточно даже и на его недоступность, задумал некоторую часть тяжелых пушек перевести во внутренность Московии; но так как по тяжести своей оне передвигались слишком медленно, то он потопил их в Ильменском озере, недалеко от Великого Новгорода. В Кремле начальствовали: Шуйские Василий и сын его брата Петра, убитого во время Сигизмунда Августа при реке Уле Николаем Радзивилом, по имени Иван, — они происходили из фамилии Суздальских князей, — за тем, Андрей Хворостинин и Плещеев, — из них пользовался большим уважением у Московского царя Иван Шуйский по своему уму, Хворостинин по телесной и нравственной силе; и потому, хотя Василий был старше Ивана, однако главное начальство поручено было Ивану. Известно, что всадников в городе было более 7.000; пехоты вместе с теми из городских жителей, которые **[201]** исполняли солдатские работы наряду с солдатами, было около 50 000; столько же городских жителей[133]. Среди начальников пехоты особенную репутацию серьезности и мужества имел Козецкий, пользовавшийся также расположением великого князя ради храбрости своей и высокого роста. Под предводительством

Николая Черкасского, родившегося в королевской области, но уже давно служившего Московскому царю, пришло туда несколько казаков с тем намерением, чтобы по своему воинскому обычаю расставлять засады для захватывания бродивших на полях и для угона добычи. Привыкши на практике к такому роду военной службы, не имея на себе никакого оружия, едва только прикрывшись одеждою для защиты против непогод, они сражаются вооруженные саблею и одним копьем, очень часто владея, впрочем, и ружьем; как по легкости оружия, по способности переносить жажду, голод и труды, так по привычке и сноровке своей, они в особенности годятся для того, чтобы окружать и захватывать одиночных, для расследования дорог, местностей, сил неприятельских; они могут на челноках и бревнах переплывать реки, проходить по самым дремучим лесам и непроходимым местам, — в этом они превосходят почти всех прочих военных людей. Однако Шуйский, пригласив их на обед, задержал внутри города. Узнав все это и рассмотрев укрепления города, король легко понял, что он был прав, когда не соглашался сначала с мнением тех многих, которые утверждали, что лучше всего прямо идти сюда, и что далеко не все, как он сам теперь узнал, было ему сообщено о положении города Пскова и его укреплениях. Он видел, что **[202]** приступил к осаде города, не имея достаточно пехоты, что если бы он хотел, не щадя величайших усилий, взять город приступом, то нужно было бы привести ее втрое больше, что у него не было и достаточных запасов пороха. Запас в Сузе сгорел от неосторожного обращения с огнем тех, которые охраняли его; а в замен его, вследствие предвзятой мысли о мире, с самого начала подскарбиями заготовлено было недостаточное количество; да притом, вследствие особенной трудности подвоза, так как только по реке оставалась возможность транспорта, они с трудом могли привезти даже и тот, который был приготовлен. Вследствие того, раздумывая о всех случайностях, ему казалось иногда, что лучше было бы или, оставив Псков, направиться прямо к Великому Новгороду, который, как полагали, был менее укреплен, или обратиться к соседним крепостям: Порхову и Гдову и уже, покорив их, из них теснить город, так как первая, находясь между Новгородом и Псковом, как полагали, очень удобна была для того, чтобы отрезать Псков от подкреплений и подвоза съестных припасов, а последняя прилегает к крепости Ивангороду, который образует Нарвский порт; но с одной стороны как и вышеуказанные доводы и опасность от Пскова, а с другой и слава самого Новгорода, который также, как известно, и сам может иметь значительные силы, чтобы сопротивляться, наконец

дальность дороги, ибо уже кончалось лето и ожидались непогоды, не допускали исполнить упомянутое намерение. Что касается до второго способа осады и взятия соседних крепостей, то, по его мнению, во первых, это было бы недостойно славы начатого похода, а во вторых, придало бы мужества неприятелю. Вследствие таких соображений, не отчаяваясь в возможности преодолеть вышеозначенные трудности при помощи доблестного духа и храбрости своих воинов, при содействии которых он уже достиг многого другого, король **[203]** стал обдумывать выбор места для лагеря. Сперва он полагал поставить лагерь со стороны Новгородской дороги, где река Псковка течет в город и затем впадает ниже его в Великую; это казалось особенно выгодным в том отношении, что доставляло бы возможность отрезать от города подкрепления и препятствовать подвозу провианта; но слишком длинное протяжение города на этой (северной) стороне, простирающееся приблизительно на 8.000 шагов, как выше указано, и весьма обширные с той стороны открытые кругом соседние поля заставили оставить такой план. Не было никакой возможности ни расставить там без большой опасности засадных конных отрядов, ни придвинуть лагерь ближе к крепости, из которой неприятель открыл бы непрерывную стрельбу из пушек. Король опасался, что его пехота, лишенная близкой поддержки конницею, во время самых осадных работ и устройства окопов, могла бы со всех сторон быть окружена пешими и конными массами неприятелей, вдруг во многих местах устроивших вылазку, особенно если в решительный момент ему пришлось бы бороться и с пришедшими на помощь Новгородцами и с вылазкой из города. Замойский, убеждая короля остаться при своем первом намерении, указывал на реке Пскове некоторые извилины, в коих могут расположиться под палатками в надлежащем количестве эскадроны всадников, способные в нужное время подать помощь нашим против неприятельских вылазок; таким образом, растянув как можно шире лагерь по направлению к Новгороду, весьма легко будет отрезать осажденных от всякого подкрепления и подвоза провианта, даже не ставя многочисленных караулов; а в случае расположения лагеря на другой стороне, их пришлось бы держать постоянно, крайне утомляя тем солдат; кроме того, с этой стороны благоприятствовала, де, совершенно мягкая почва, во все другие стороны сменяющаяся твердыми и жесткими скалами, которые стали бы мешать **[204]** всякой работе, и совершенно не допустили бы устройства траншей и подкопов. Король однако полагал, что следует сперва думать о безопасности, а потом уже о победе, и порешил вести осаду с восточной стороны, так как на этом месте и пехота, занятая

работами, будет защищена слева рекою Великой, да и лагерь может быть придвинут очень близко к окопам неприятелей, ибо возвышающиеся в той стороне холмы должны были защищать фронт от выстрелов неприятельских пушек; наконец и то, что городские стены сходились здесь и смыкались углом, представляло по его мнению выгодное для дела обстоятельство. Поэтому, переправившись через реку Череху и расположив там лагерь, он перевел туда литовские войска и польскую конницу из ветеранов, коим приказано было идти, как мы сказали, с левой стороны. Туда же Фаренсбек привел немецкую пехоту, с которой пришел к тому времени; в ней в известном количестве находились люди, служившие в Бельгии, но по причине краткости времени, и потому, что Любечане оказались менее благосклонными при допущении вербовки, большая часть отряда была набрана наскоро в соседних Немецких странах и притом среди неопытных и неслуживших прежде новичков. В тоже время от Курляндского герцога прибыл в лагерь Варфоломей Бутлер с некоторым числом воинов, которые во время предшествовавших походов, когда король вел войну в других пунктах, стояли на страже у границ Ливонии против неприятелей; сверх того пришло несколько волонтеров как из Пруссии, между которыми замечателен был Фабиан фон Донау (Fabianus Donaus), и кроме Редера, о котором мы выше упоминали, также и несколько других иностранных молодых людей, которые были привлечены молвою об этом походе. Переправившись со всем войском через реку, король расположился лагерем у подошвы выше названных холмов. Венгерцы расположились с левой стороны при реке Великой; **[205]** Литовцы с верхней стороны при Порховской дороге; в середине же между ними, поставив, по вышеописанному способу, тройной ряд повозок по обе стороны протекавшего там ручья, укрепились лагерем Поляки; то место, которое оставалось как бы углом между ними и Литовцами, было отдано Немцам. Около этого же времени прибыл в лагерь посол от турецкого султана, человек уже преклонных лет. На основании договора относительно возврата с обеих сторон перебежчиков, он требовал назад беглых Татар, о которых речь была выше. Ему было объявлено, что так как король их еще не видел и не слышал их объяснений, то, по возвращении своем в Польшу, он, разобрав дело, даст ответ его государю. Хотя пехоты было гораздо меньше, чем того требовала важность начинаемой осады, но она достойна была внимания как своею численностью, так и по самому подбору солдат и вооружения; что же касается конницы, то, как выше было сказано, ни в один из прежних походов не была она так блестяща и хорошо вооружена, как в этот. И потому, когда чужеземец был

проведен по самой многолюдной части лагеря, то, удивляясь величине его, вооружению всадников, бывших перед ним, красоте коней и виду всего войска, сказал, разумея короля и своего властителя: “дай Бог, чтобы эти государи были между собою сердечно согласны, тогда бы вся вселенная не могла бы устоять против них”. Между тем неприятель, заметив, что венгерские солдаты прошли слишком близко к городу, чтобы занять место для проведения траншей, тотчас сделали против них вылазку. Но когда Венгерцы стали преследовать их почти до самых ворот, причем с той и другой стороны было несколько человек убито, то они были отброшены в город. Затем Венгерцы стали проводить траншеи с той стороны, где был у них лагерь, против так называемой Покровской башни вдоль реки Великой; Поляки не вдалеке от них против Свинской башни, **[206]** укрепив заранее несколько мест на значительном расстоянии военными коробами и расставив на них караулы из всадников и пехотинцев с тем, чтобы подать помощь солдатам, занятым в окопах против неприятельских нападений, если бы неприятели вздумали сделать это. С большим трудом проводились там траншеи вследствие твердости грунта, так как на глубине локтя он походил на скалу. Однако и это нисколько не удерживало усердия Венгерцев; разбивая топорами огромные камни, при неустанном рвении, они окончили свою работу, причем потеря была незначительна: один юноша знатного венгерского происхождения Петр Кендий, (Petrus Kendius), прибежав на шум Московцев, ночью по обыкновению выкликавших свои караулы, погиб, будучи поражен выстрелом из пушки. Между тем Венгерцы, которые вели свои шанцы от самой реки без всякого обхода на очень коротком пространстве, прямо против города, сделав рвы, стали бить противуположную башню и, в короткое время ниспровергнув больверк, разрушили и некоторую часть ближайшей стены. Для Поляков же большим препятствием служило то, что они начали вести шанцы (прикопы) против города от указанного выше места на гораздо большем расстоянии, и что им приходилось защищать свои фланги против неприятельских нападений заслонными машинами и другими средствами, тогда как у Венгерцев они защищены были с одной стороны рекою Великой, с другой окопами Поляков. Затем, когда покончено было с шанцами, причем Вейер наблюдал за пушками, им (Полякам) нужно было прогнать сперва защитников с многочисленных башен, откуда почти со всех сторон на них сыпались выстрелы, а потом уже направлять пушки на основания и нижнюю часть стены — по тем причинам, которые выше были нами указаны; вследствие всего этого с их стороны стена была

пробита несколько позже. Венгерцы тем не менее сделали попытку ворваться через **[207]** пролом, который им раньше удалось сделать в стене. Замойский, докладывая о том королю, полагал, что было бы гораздо лучше в отношении безопасности и более верной надежды на успех отложить штурм крепости, пока не будет открыт проход чрез стену и со стороны польских шанцев; между тем, следовало бы еще в большем числе пунктов громить стены, разширить пролом в стене противу венгерских шанцев, разузнать, каков оттуда будет доступ внутрь города, и хорошо все рассмотрев, заранее заготовить все нужное для приступа. С другой стороны высказывались такие опасения, что отсрочка, пожалуй, даст неприятелю время укрепиться и провести новые рвы; в особенности же против этого плана говорил недостаток пороха, вследствие чего казалось необходимым что-нибудь предпринять прежде, нежели, потратив весь порох, пришлось бы вместе с тем лишиться всякой надежды овладеть крепостью. Остановились на том, чтобы сначала отправить людей разглядеть местность и разузнать не встретятся ли какие рвы и препятствия после прохода чрез пролом; было выбрано из Немцев около 50 человек, так как между ними находились люди, раньше принимавшие деятельное участие при осадах других городов. В то же время король убеждал Замойского распорядиться приготовлениями к приступу, чтобы не просрочить даже ни малейшего времени, когда будут получены хорошие известия относительно доступности входа. Между тем какой то венгерский десятник, быв послан ротмистром к отверзтию, сделанному, как выше было сказано, в стене Венгерцами, объявил, что все легко и открыто: вход широк, спуск легкий, с внутренней стороны города находятся незначительные рвы. Кто то из первейших сенаторов тут стал советовать отложить еще на несколько времени приступ, чтобы не возникло какого либо соперничества между Поляками и Венгерцами, в случае, если Венгерцы прежде ворвутся; на это Замойский **[208]** объяснил, почему не мог быть открыт Поляками столь же широкий проход, а тот отвечал, что всякая кошка охотится сама за себя. И так Замойский, отправившись к укреплениям, присоединил Немцев к Полякам и приказал заготовить все нужное для приступа. Над Венгерцами был поставлен начальником Борнемисса. Подъехав к самому берегу реки, до которого доходили венгерские окопы, король в коротких словах, соответствующих положению, поощрял к мужеству солдат, приготовившихся к нападению, и стал ожидать по близости исхода приступа. Уже раньше было перевезено несколько пушек чрез реку Великую; оне поставлены были так, чтобы действовать противу нижней части тех стен, чрез которые

войско намеревалось идти внутрь на приступ, дабы, разметав противолежащую стену, за тем громить защитников прямыми выстрелами вдоль всего этого фронта. По обычаю военному, конница была расставлена на всякий случай на удобных местах выше окопов около города и дорог. От неприятелей не могло укрыться то, что делалось в лагере, так как вид из города был широк и охватывал все стороны. Вследствие того, неприятели и сами также стояли во множестве на стенах. Сперва Замойский приказал двадцати избранным легко вооруженным из польской пехоты прокрасться по поперечному рву к стенам и разузнать, как с этого места можно пройти в город[134]. Они объявили, что с той стороны находится ров, а чрез него немного развалившийся мост, по которому тем не менее без труда можно переправиться через ров. Тогда Замойский отправил туда 50 человек Немцев с тем, чтобы они с начала как можно ближе подошли к стенам, и если бы оказалось возможным перейти чрез развалины, то пусть прошли бы вперед и там, по условленному сигналу, ожидали бы других, коих он **[209]** пришлет им в помощь на сколько возможно поскорее; если же увидят, что нет по ним прохода в город, пусть без стыда вернутся. Между тем на случай, если бы тем удалось и они подали бы условленный сигнал, он расставил вспомогательные отряды, чтобы их послать на помощь сперва из солдат, к той же нации принадлежавших, так как посланные вперед просили того; за тем Поляков частию из конницы, которые отозвались на призыв своих вождей: Юрия Мнишка, начальника Саноцского, Станислава Стадницкого, Прокопия Пенионжка, и Андрея Оржеховского, а также и некоторых других, и, слезши с лошадей, добровольно предложили свои услуги, частию же из пеших. Впереди всех он поставил Пенионжка и Оржеховского с их людьми, которые сражались посредством копий, затем Уровецкого с пищальниками, затем Станислава Стадницкого с другим эскадроном всадников; за последним приказал стать Выбрановскому и Сирнею, каждому со своими ротами; на самом последнем месте и отдельно от других поставил Юрия Мнишка со всадниками, находившимися под его командой; а другую часть оставил при орудиях и окопах. Когда Немцы подошли ко рву, Иван Гаронн (Garonna), француз, вышедши вперед, первый попробовал пройдти, но был сражен тяжким ударом неприятельским; тогда остальные, полагая, что развалины слишком тесны для того, чтобы можно было удобно перейдти по ним, столпившись, остановились у рва. Поляки, напиравшие сзади, видя, что для них нет места, прошли чрез середину их и прогнали неприятеля с деревянной башни и укрепления, которое они, в углу башни, образуемом ею при соединении со стеною,

выстроили из бревен вышеуказанным способом и покрыли дерном. С большим трудом ворвались они в башню, и начальники их Выбрановский и Сирней воткнули на самом верху башни свои знамена. Немцы отправились к пролому, бывшему **[210]** против венгерских окопов, видя, что чрез него открыт более широкий проход. Вышеуказанный порядок действия был назначен и Венгерцам, и с этою целью к ним отправлен был Франциск Везелин (Franciscus Veselinus), первый постельничий королевский.

Но когда этот порядок прежде всего был изменен у Немцев, то Венгерцы, видя также, что Поляки врываются, получив сперва сигнал короля, бросились по развалинам в другую башню, и прежде всех Фома Держек (Thomas Dersecius) и Матвей Керекеш (Matteas Kerekesius) выставили на ней знамена. За ними уже бросился Гавриил Бекеш, схватив знамя и ведя с собою всадников; и когда уже внесено было много других знамен, и войска желали затем дальше направиться в город, то их дальнейшему движению против всякого ожидания помешал ров, который уже раньше был выкопан неприятелем, и несколько деревянных укреплений, оказавшихся перед ними. Неприятели, сначала устрашенные нападением наших при переходе чрез стены, видя, что свои прогнаны с укреплений и знамена уже воткнуты в разных местах, стали было искать удобного случая для бегства. Между тем в то время, как наши были задержаны при взятии стен, Иван Шуйский разъезжал тут и там на раненом коне; он своими угрозами, просьбами, наконец, даже слезами, и с другой стороны епископ, выставляя мощи и иконы, успели остановить бегство и ужас своих. Враги сперва стали стрелять в наших из пушек и бросать камни, в то время как наши в свою очередь метали в них копья и, когда с той и с другой стороны очень многие были ранены, то Москвитяне пытались подложить порох под башню, занятую, как мы выше сказали, Поляками и, так как наши солдаты этим нисколько не были сбиты с толку, то повторили еще два раза сию попытку. Когда наконец башня занялась, наши, не будучи уже в **[211]** состоянии дальше выносить огня, сперва стали спускаться вниз, под конец же, когда стали сами терпеть большие потери под перекрестными выстрелами неприятельских пушек с болверка, находившегося над рекой Великой, которого не возможно было разрушить в столь короткое время нашими пушками, то принуждены были совсем покинуть свою позицию. После этого все Москвитяне бросились против Венгерцев: последние, видя, что нельзя им преодолеть противопоставленные им указанные преграды, долго выдерживали нападение неприятелей и при наступлении уже ночи, унеся сперва по военному обычаю своих убитых, вернулись назад. В этот день

погибло из польской знати более 40 человек, у Венгров не меньшее число, и между ними оказался и знаменитый Гавриил Бекеш. Неприятели также потерпели большой урон; очень много было у них убито, в числе коих первые начальники пехоты, а также и Николай Черкасский, предводитель казаков, и очень многие были ранены[135]. По этому в грамоте, посланной ими к гарнизону Гдовскому, которая по прошествии короткого промежутка времени была перехвачена нашими, они высказывали сильный страх и просили немедленно уведомить царя о положении дел их и о необходимости выслать им подкрепление. Замойский, полагая, что после всех трудностей и неудач того дня нужно дать отдых солдатам, приказал занять караулы около пушек и траншей всадникам Юрия Мнишка, старосты Саноцского, которые были помещены в резерве и до сих пор оставались нетронуты, так как по изменении порядка опасность не дошла до них, и начальником над всей пехотой и окопами он поставил Станислава Пенкославского, так как Уровецкий был ранен во время приступа.

На другой день, когда созван был совет, прежде всего **[212]** стали думать о том, чтобы достать еще пороху для пушек. Отправлен был с этою целью человек к герцогу Курляндскому, к жителям Риги и в другие соседние места. При этом Замойский давал для списывания экземпляры письма жителей Пскова, перехваченного нами, для того, чтобы распространением его сделать известным трудное положение осажденных, и тем уничтожить впечатление слишком неприятных слухов о нашем неудачном приступе, имеющих достигнуть Польши.

Во то же время Замойский обратился к королю с таким предложением: дабы предупредить возможность какого нибудь несчастия, которое могло бы принудить их оставить осаду, всего лучше и сообразнее с положением дел было бы заблаговременно, пока войско еще в полном составе, построить несколько бульверков и укреплений для того, чтобы солдаты, размещенные там, могли держать город в продолжительной осаде и теснить его недостатком провианта; а так как отряды волонтеров, по его мнению, не могли выносить слишком долговременной службы, да они притом только увеличивали бы трудность содержания остального войска, то после исполнения вышеозначенной задачи, следовало бы отпустить их домой, и за тем, так как было не сообразно с достоинством короля оставаться при уменьшившейся численно армии, пусть бы он (король) поспешил в Польшу для присутствования на сейме и для набора дополнительного числа солдат, а его, Замойского, оставил бы с остальным войском при

осаде города. Если ожидать зимы, то волонтеры, вынужденные и трудностями осады, и суровостью зимы, все равно будут просить отпуска; а между тем остальное войско сохранило бы гораздо меньше бодрости и силы, если бы ничего не было заранее приготовлено, и вся провизия была издержана, и тогда уже не будет никакого основания укреплять или сооружать блокгаузы. Напротив, по мнению короля, следовало бы **[213]** испробовать все, прежде чем последовать этому совету; помимо других причин, его склоняло к этой мысли главным образом следующее соображение: так как Поссевин, бывший в Москве, дал знать, что он имеет сообщить о расположении Московского царя к миру, то король опасался, ранее его возвращения к войску, принимать такие меры, которые могли бы усилить надежды неприятеля на возможность отстоять город, и тем самым побудить его к изменению своих решений относительно уступки всей Ливонии, если он уже таковые принял. Пока все это происходило и пока ожидали пороха и военных снарядов, решено было попробовать взять неприятельские укрепления посредством подкопов. Два подкопа, начатые с польских шанцев по направлению (городского) рва, не могли быть доведены до конца, ибо встретили твердую и толстую скалу. Венгерцы, проведя ров на поверхности почвы и прикрыв его плетнем, довели таким образом до конца только один подкоп. Но и этот последний не остался тайною для неприятелей, ибо хотя они и не видели работы наших, но уже по тому самому, что так долго не было возобновляемо приступа, они стали догадываться о наших намерениях, и вот они провели вдоль всей той стороны встречный подкоп, из которого могли наблюдать за неприятелем; затем, подложив порох, они уничтожили наш[136]. В то же время получено было известие, что из Москвы идут подкрепления к осажденным через Гдов. Замойский, предположив, что они пойдут на судах через озеро Пельбу (l. Pelba) и через реку Великую, собрал сперва несколько лодок и скрепил их между собою, соответственно ширине реки, вбив в каждой железные крючья и пропустив через них цепи; и за тем расставил их поперек реки двумя отдельными рядами, так что один ряд был расположен повыше по течению реки, при **[214]** береге, где тотчас после прохода неприятельских судов он мог быть притянут канатами так, чтобы занять всю ширину реки и тем преградить врагам отступление назад, а другой ряд, быв поставлен поодаль первого, ближе к городу и ниже по течению реки, должен был загородить дальнейшее плавание неприятельским судам, когда они достигнут этого места, так чтобы окруженный с обеих сторон флотилией лодок неприятель не имел себе никакого исхода[137].

На собранные суда Замойский посадил Немцев, так как они считались более опытными в деле управления оными; заведывание всеми действиями поручил Уровецкому и вместе с ним расставил вдоль обоих берегов легко вооруженную пехоту. Около того же времени прибыли весьма кстати Альберт Речайский, кастеллян варшавский, приблизительно с 150 всадниками, Стефан Белявский с 700 всадников, Николай Корф и Вильгельм Платер с несколькими конными ливонскими сотнями[138]. Так как они находились еще вне лагеря, то Замойский приказал им расположиться против Святой горы и оградить лагерь рвом, чтобы быть в большей безопасности от неприятельских нападений. Когда неприятели, в тишине ночи выехавши на кораблях, попали в засаду и наткнулись на наши корабли, то они не могли даже вынести первого натиска, тотчас выскочили на берег и там, бродя до рассвета, были захвачены, причем было взято в плен около 200 человек боярского рода и приведены в лагерь[139]. Немного спустя было отправлено осажденным подкрепление из-под Дерпта; но это подкрепление быстро вернулось назад, так как наши солдаты слишком рано показались при его приближении. Затем, по прошествии некоторого времени, **[215]** было дано знать разведчиками, что Николай Хвостов, пользовавшийся среди вождей пехоты после Косецкого особенным почетом у князя, идет на помощь к осажденным с 7000 воинов. Поэтому Замойский, опасаясь, что неприятели обратятся в другую сторону, если узнают по слухам о неудаче прежних подкреплений, решил окружить стражею всю ту местность, которая простиралась от лагеря до Святой горы больше чем на 8 миль[140]. До этого времени военные посты расположены были только на протяжении от лагеря до реки Псковки, а расстояние от этой реки до Святогорской дороги было весьма велико, и для того, чтобы не утомлять солдат, растянув их на столько постов, литовские волонтеры заявили королю о своем добровольном желании занять все это пространство. Долго промедлив на одном из островов озера Пелбского (l. Pelba) и догадавшись о захвате первого подкрепления, шедшего на судах, Хвостов высадил войско на сушу и ночью отправился по непроходимой дороге через леса ко Пскову; ночью большая часть его войска разбежалась от него так что из 7000 едва осталось 300 человек; и чтобы удержать силою убегавших, он даже сам шел сзади. Когда Литовцы, утомившись от держания караулов в предыдущие ночи и видя, что неприятель не приходит, уменьшили свою бдительность и против обычая зажгли при караулах огни вследствие суровой погоды, то Даниил Исленьев, шедший в первом отряде пробрался в город с оставшимся

войском, избегая тех мест, где видны были огни; а Хвостов, находившийся, как сказано, в тылу отряда и крайне утомленный продолжавшимися целую ночь усилиями остановить бегство своих солдат и кроме того, будучи человеком тучным и дородным, подвигался вперед медленно и с трудом, так что был застигнут рассветом при выходе из леса; **[216]** спрятавшись в траву, он укрывался здесь несколько часов, а находившиеся с ним воины разбежались, и тут он был пойман всадниками Андрея Вишневецкого, воеводы волынского державшими в тот день караул, и приведен к королю; разбежавшиеся же от него солдаты, частью были перебиты, но большая часть их была взята в плен. Несколько дней спустя, на помощь осажденным пришел с несколькими полками Федор Мясоедов[141]; он почти уже миновал литовские караулы, когда его арриергард был замечен Гавриилом Черкаским; последний напал на него с тылу, и на поднявшийся при этом шум поспешил также со своими войсками Белявский, при этом около 150 человек было убито, 60 взято в плен; но остальные, числом около 300, вместе с Мясоедовым проникли в город.

Между тем, как все это происходило у Пскова, Шведский король извлекал выгоды из чужих побед; с помощью войска, отчасти набранного в Германии и в Гданске, благодаря вышеупомянутым письмам, отчасти собранного в собственных владениях, он занял Нарву стараниями своего главнокомандующего Понтуса Делагарди. Город этот находится при реке Великой, при выходе ее из озера Пелбского (l. Pelba), где она переменяет свое название на Нарову и дает имя этому городу; потом, протекши еще около 30 миль, Нарова впадает в море и имеет такое широкое русло, что большие корабли с грузом пристают к самому городу и можно было бы их провести еще дальше до самого Пскова, если бы этому не мешали пороги, находящиеся выше озера по направлению к Пскову и достигающие в вышину почти 20 локтей. Пока Нарва находилась под властью магистров Ливонского ордена, она не была особенно многолюдна и не была даже укреплена по той причине, что все московские товары **[217]** отвозились в Дерпт, отсюда через Ревель или Пернов шли к морю для разгрузки. Впоследствии Иоанн старший соорудил на другом берегу более укрепленную крепость, названную им Иван — городом, Ливонцами же Русскою Нарвой для отличия от своей, которую назвали Немецкою; и при том он построил ее так близко от старой Нарвы, что можно было соединить их мостом, и из одного города в другой можно было перебросить стрелу. Когда Московский царь из Иван — города овладел и Нарвою, то сделал этот город центром торговых

сношений с Немцами и другими западными народами и перенес туда всю торговлю и товары. Услышав о походе короля под Псков, большая часть гарнизона этой крепости, равно как и других, отправилась для защиты Пскова. Когда Гарди начал стрелять из пушек в стены, то Москвитяне бывшие в Иван — городе для защиты Ливонской Нарвы, за которую они боялись, перешли через мост и перевезли с собою большую часть пушек; но так как шведские солдаты уже врывались в город, то они в страхе стали отступать; тогда несколько Итальянцев, находившихся в шведском войске с Иеронимом Каньолом, вдруг закричали: *"победа!"* и бросившись с остальными солдатами преследовали Москвитян до самых ворот, при чем умертвили много народа; остальные, которые успели убежать в крепость, напуганные этим и лишившись пушек, которыми могли бы защищаться, и которые не задолго пред тем перевезли в Нарву, наконец отчаявшись по самой своей малочисленности в успешности защиты, тоже сдались. Благодаря такому же страху других гарнизонов, Гарди взял Ям-город и Копорье, соседние крепости[142]. Окончив таким образом свой поход, Гарди вернулся с войском во внутреннюю Ливонию, чтобы направить оружие против остальных крепостей, **[218]** находившихся во власти Москвитян; благодаря все тому же оцепенению Мосвкитян и малочисленности гарнизона, не имевшего при том никакой надежды на помощь, пока Псков был осажден, Гарди скоро взял Вейсенштейн[143], крепость сильно укрепленную как естественно природою, так и искусством. Отсюда он двинул войско к Пернову. После взятия Нарвы, Делагарди послал королю от своего государя письмо, представляющее ответ на прежнее письмо короля, в котором Стефан дружески уговаривал Шведа оставить Ливонию, за которую ведут войну другие, то есть Поляки; в ответном письме, помеченном задним числом, говорилось, что каждый может иметь свое мнение о том, в каких местах ему лучше вести войну с неприятелем и на какие его области напасть. Король в начале питал большую надежду что, увидев справедливость прежних его требований, король Шведский обратит на них внимание; он знал, что королю Шведскому не безызвестно о постоянной принадлежности всей Ливонии Польским королям, ибо в предшествовавшие времена, когда брат Шведского короля, Эрих, занял Ревель, то король засвидетельствовал в своем собственноручном письме незаконность поступка Эриха; тем менее король Стефан мог предполагать, что после того, как он сам с большим трудом и издержками принудил неприятеля к переговорам о мире, к уступке всей Ливонии, а за тем почти к совершенному очищению ее, ему нужно будет делиться со

Шведским королем плодами приобретенной им победы. Хотя король по этому был весьма сильно возмущен несправедливым поступком Шведского короля, однако решился пока отложить сей вопрос до будущего времени.

В то же время и королевские вожди также удачно взяли несколько крепостей в Ливонии у Русских. Герцогом **[219]** Магнусом (Датским) был взят Киремпеш, наскоро укрепленный Фабианов, Пирхель был взят Берингом, Сала Фомою Эмбденским, Дембинским были взяты Леновард и Ашераден, две крепости, лежащие при реке Двине; эти две последние крепости были взяты при содействии пехоты, присланной от граждан города Риги, для которых было тягостно соседство с неприятельскими гарнизонами, и при помощи задержанного Дембинским у себя шотландского войска, шедшего к королю[144]. Казалось, что и Кокенгаузен, крепость весьма сильная и осажденная тем же Дембинским, скоро покорится нашим вследствие недостатка в провианте.

Мы выше сказали, что Христофор Радзивил был послан королем с частью войска по направлению к Москве, чтобы отомстить неприятелю за его нападения на Могилевскую и Шкловскую земли, и с ним приказано было соединиться Филону Кмите и Гарабурде с Литовскими татарами. Кмита[145], выступив из Лук приблизительно с 2000 всадников и Татарами, бывшими под начальством Гарабурды, остановился на расстоянии около 8 миль за Торопцем у реки Немези и подле какого-то монастыря, ожидая там прихода Радзивилла. Около того же времени и князь Московский, находившийся в то время недалеко оттуда в Старицах, еще не зная о прибытии нашего войска, отправил Михаила Ноздроватого и Петра Барятинского с 3000 солдат с тою же целию, чтобы, нагнав как можно более страха повсюду на тех, которые, будучи его подданными, подчинились королю, разграбить и опустошить их области. Когда их разведчики, неосторожно разъезжавшие, встретились с нашими фуражирами, то двое из них были захвачены и, будучи приведены в лагерь, объявили, что в расстоянии 15-ти миль находится при Залесье **[220]** русский отряд. Радзивил, прибывший уже в то время, отправил против него Богдана Огинского, назначив ему из различных эскадронов 700 человек легко вооруженных; каких нибудь две сотни отсюда завязали, противно приказанию, из желания битвы, схватку с неприятельскими караулами, были завлечены к каким-то мостам, около которых неприятели расположили в засадах пищальников, и потеряли несколько человек из своих; но в это время подоспели на помощь к ним другие; Гавриил Голубка посоветовал своим слезть с коней и

сражаться ружьями; тогда неприятели были оттеснены от моста, и наши бросились преследовать неприятельских всадников, обратившихся в бегство; преследование продолжалось на расстоянии почти 15 миль, при чем и несколько человек из Москвитян наши взяли в плен.

Узнав, что другая часть неприятельского войска расположились у Ржева, Радзивил выступил против нее с войском по весьма неудобной дороге, по которой не проходило еще никакое войско, и остановился в 30 милях от Ржева, потом обратился на Зубцовский *ям* (Sukopsciam jamam), так называется место, где даются проезжающим подорожные, и, поставив лагерь при реке Волге, приказал Алимбеку с Татарами, бывшими у него, направиться через реку к Старице, чтобы на сколь возможно обширнейшем пространстве произвести опустошения и пожары в неприятельской земле[146]. Хорошо известно, что Московский царь, который, как выше было сказано, ожидал тогда в Старице исхода осады Пскова, узнав о приближении войска, видя бегство поселян, пылающие всюду пожары, как потом было узнано от Поссевина, находившегося тогда при нем, имея около себя **[221]** только 700 воинов, находился в величайшем беспокойстве, торопливо и без разбора произвел набор всякого рода людей и уже помышлял о бегстве. Но пока он отправил разведчиков, чтобы осмотреть наше войско и как можно скорее дать ему о том знать. Разведчики дошли до Окомечья (Ocomeciam), другого места, где выдавались подорожные и где стояли Татары на расстоянии пяти миль; здесь они узнали от поселян, что наши тщательно держат караул и что кроме того расположились в укрепленном месте. И так, Московиты свернули в сторону и, перейдя через находившияся на пути болота, захватили несколько человек из Нагайских Татар и наших фуражиров. В это время перешел на нашу сторону некто Даниил Мурза (Daniel Mursa), один из стольников Московского царя; о количестве войска у царя он сообщал тоже самое, что уже было известно прежде по слухам и из речей пленных, а при том еще во многом прихвастнул от себя; тем не менее наши, вследствие укоренившегося мнения о великом могуществе такого государя, легко поверили его словам; и вот, когда нашим представлялась возможность совершить достопамятный подвиг, если бы они подошли к Старице, они вернулись назад, считая свои силы недостаточными в сравнении с войском, которым, предполагалось, была ограждена жизнь и безопасность могущественного монарха; они направились к Двине, а оттуда достигла Дубна, измученные большими трудностями этого пути. Заключив на основании пустых слухов среди сельских жителей,

что Торопец находится в затруднительном положении от недостатка провианта, наши свернули с дороги к нему и придвинули войско. Но спустя немного времени они узнали, что дошедшие до них известия о положении крепостного войска ложны, и возвратились назад, при чем Радзивил прямо направился против Холма, а оттуда против Старой Руссы. При Опочке против Новгорода был **[222]** поставлен некоторый отряд казаков, чтобы развлекать неприятеля, угоняя добычу из его земли, отчасти же, чтобы мешать подвозам и подкреплениям, если таковые будут посланы из Новгорода во Псков. Так как эти казаки постоянно угоняли добычу из неприятельской земли и вообще причиняли неприятелям большой вред, то последние улучили удобный момент, когда одна часть наших отправилась по обыкновению за добычею, а другая держала себя несколько беспечно, и вот Московские Татары, подойдя неожиданно, напали на тех, которые были оставлены на месте. После того как Татары снова были прогнаны остальными вернувшимися казаками, Москвитяне выставили со стороны Новгорода другие свои посты в двух местах, при Руссе и Мичаге (Misciaga), против наших казаков; и вот именно против тех, которые находились при Руссе, Радзивил выслал имевшихся у него казаков, отправясь и сам вслед за ними. Так как неприятели были уже раньше устрашены слухом о приближении войска и обратились в бегство при первом приходе наших, то последним удалось захватить Оболенского и несколько человек из боярского рода. Затем Радзивил вернулся отсюда к королю и к остальному войску.

Уже раньше этого Антоний Поссевин, который, как мы выше сказали, отправился послом к Московскому царю от папы, прибыл к королю, как только был отпущен после отступления Радзивила от Волги, и был отведен в лагерь, сопровождаемый несколькими эскадронами всадников, которых выслал ему на встречу король, когда получил известие из Новгорода о его приближении.

Антоний Поссевин говорил, что, хотя царь находится в сильном беспокойствии и в особенности вследствие неудачных военных действий желает мира, однако твердо решился не принимать его ни на каких иных условиях, как только на тех, которые предлагал уже королю раньше в Полоцке **[223]** чрез своих послов. Так как уже наступала зима, обыкновенно приносящая очень жестокие морозы в тех местностях, то царь был уверен, что войско короля не выдержит и первых ее тягостей, что солдаты будут размещены по зимним квартирам, а король по обыкновению своему возвратится в королевство, чтобы присутствовать на сейме; в это же время город освободится от осады, а он от страха, и найдет легко какой либо другой способ,

чтобы задержать военные действия и нападения короля. Когда король стал возражать Поссевину, что он не уведет войско от города, пока не овладеет им, или пока Московский царь не уступит всей Ливонии, Поссевин тем не менее уговаривал его не уничтожать по крайней мере всякой надежды на мир и позволить назначить место для съезда, чтобы туда собрались с обеих сторон послы и вели бы переговоры на счет мира. После того как король согласился на это, Поссевин послал через гонца письмо к Московскому царю, в котором говорил, что король вообще решился не уходить и не прекращать военных действий, пока Московский царь не выйдет из всей Ливонии. Поэтому пусть он не расчитывает на то, что войско, принужденное жестокостью морозов, наконец уйдет; он видит, что все укрепились мужеством, чтобы переносить эти холода и быть в состоянии продолжать осаду; царь должен во всяком случае тронуться бедствиями и иметь жалость к стольким своим невинным подданным, которые не отказываются переносить всяческие страдания и опасности ради его безопасности; он подлежал бы обвинению в величайшей несправедливости, если бы он не считал их жизнь дороже своих выгод и упрямства. Ведь они не могут скрываться в лесах из-за сильных морозов; при том и морозы не могут дольше защищать их от нападений, потому что, когда от сильных холодов замерзнут болота, то они в скором времени станут проходимы для наших солдат; я сам **[224]** видел, писал Поссевин, в тот самый день, когда пришел в лагерь, что большое число их частью было перебито, частью взято в плен. Именно около времени прибытия Антония, как было выше рассказано, захвачены были те подкрепления, которые пришли с Мясоедовым. Поэтому пусть царь сам решает, как ему угодно; что же касается до него, то он советует сериозно взвесить в уме мысль о мире, и по этому поводу он уже говорил с королем, чтобы тот все-таки не уничтожал возможности мирных переговоров и испросил у него позволение придти его послам в известное место, какое угодно будет назначить Московскому царю, и вести речь с послами короля о мире. Получив это письмо, Московский царь немедленно отпустил гонца вместе со своим курьером и письмом к Поссевину. Местом совещаний он выбрал Запольское село в 90 милях от Пскова, тоже служившее для выдачи подорожных, и требовал для своих послов охранной грамоты[147]. Грамота была послана и место принято.

Между тем войско, находившееся при Пскове, терпело величайшие невзгоды как от зимы, так и от продолжительной осады. Вследствие этого, когда и войско волонтеров стало открыто требовать отпуска, и повсюду стали толковать о мирных

условиях, нашлись такие, которые полагали, что лучше уступить что нибудь из Ливонии Московскому царю, нежели дальше длить осаду, причиняющую войску такие бедствия. Они даже тайно убеждали Поссевина, чтобы он старался склонить к этому короля от имени папы и для того, чтобы удобнее это сделать, полагали, что нужно позвать его, когда сенат станет толковать об условиях, и чтобы он в присутствии сената высказал свое мнение. Среди простых солдат распространялись слухи, будто король хочет разделить **[225]** всю Ливонию, как только присоединит ее, между Венграми, или сыновьями своих братьев. Вследствие такого говора даже и войско, состоявшее на жалованье, стало волноваться; для чего оно сражается с опасностью жизни ради чужих выгод за провинцию, от которой не достанется ни ему самому, ни государству никакой пользы; неужели только для того, чтобы другие обогатились, оно подвергает опасности свою жизнь и проливает кровь? Король действовал против всего этого с величайшею твердостью и решительностью; в особенности он убеждал волонтеров не губить своим уходом надежды на почти уже верную победу или почетный мир[148]. Кроме короля и Замойский со всем жаром ревностно хлопотал об этом; он публично высказал, что решится на все, прежде чем уйдти без успеха, или без такого мира, какой обещал сословиям король и он сам от имени короля на предшествовавшем сейме; и, хотя бы это казалось в высшей степени необходимым, он все-таки будет упорствовать в своем мнении, пока по созвании сейма не получит новых приказаний от сословий; что касается до того, чтобы позвать в сенат Поссевина, то он утверждал, что это противно обычаю предков. Он знает, что Поссевин человек умный и сериозный и никак не станет излишне усердствовать в пользу чужого государства, однако он боится, что Антоний вследствие просьб и желаний других, или же по своему человеколюбию и миролюбию, будет склонен к такому мнению, что и сам вместе с другими будет советовать уступить часть Ливонии Московскому царю. Тем не менее он потом извинялся пред Поссевином за такое свое мнение, приводя ту причину, будто он полагал тогда, что Антоний сам не захочет своим примером уничтожить особую свою привилегию, так как по основным законам государства послы всех **[226]** других государей получают аудиенцию публично, и с одними только послами папы, величайшего первосвященника, короли могут говорить наедине. Когда созван был затем совет по поводу этого, то вообще предлагалось два способа для того, чтобы остаться: или вести осаду из лагеря и окопов, как то было и до сих пор, или, построив маленькие крепости и разместив по ним солдат, стеснить город

продолжительным голодом и недостатком съестных припасов. То и другое средство все почти отвергли, как вследствие тягостей зимы, так и вследствие того, что почва уже замерзла, и солдатам нельзя было ни находиться под палатками, ни делать какие либо работы. Литовцы же, устроивши частным образом между собою совет, представили королю записку, в которой, отвергнув с своей стороны всякий план, чтобы здесь оставаться, просили держать войско в Московской земле, чтобы тем избежать тех бедствий от зимних квартир, которые они терпели у себя дома постоянно в прежние годы. В то же время они назначили срок королю и говорили, что если в продолжение его не будет заключен мир, то ни под каким видом они не согласны будут долее оставаться. Все это не могло быть скрыто от неприятеля, так как вследствие полного своеволия волонтеров, не слушавших никакой власти, ежедневно несколько человек из военной прислуги и подобного рода людей попадались неприятелям. В эти же дни перешел на сторону Москвитян какой-то Жаба, и принес им копию с того решения, о коем было сказано выше. Среди таких обстоятельств особенную ненависть возбуждал Замойский; про него говорили, что он один виновник такого положения, что этот человек, с детства предавшийся изучению наук и долго вращавшийся в итальянских школах, погубит все войско своими советами и упорством, оставит наместника с войском в неприятельской земле, а сам в стороне от страха и опасностей вернется в Польшу, под **[227]** предлогом исполнения своей канцлерской должности на сейме. Король же уже назначил съезды дворян; на них дворяне поставлены были через королевские грамоты в известность, в каком положении находится дело, чтобы не быть вынужденным или отвести войско назад, или уехать самому от осады ради собрания сейма; король убеждал панов утвердить на тех собраниях новые налоги и все другое, необходимое для приведения войны к концу. Тем не менее, если дело не удастся, он на всякий случай при этом послал и грамоты, призывающие на сейм. Ненависть к Замойскому увеличивалась еще вследствие его сильного старания соблюдать военную дисциплину, к чему он был наклонен с того времени, когда стал держать своих солдат, и всего более это старание проявилась у него против тех, которые отличались знатностью: так как, говорил он, их положение высоко, то и проступки их важнее и наказание за их проступки должно быть сильнее, чтобы устрашить других. На него роптали, что он уже приказал не только весьма тяжко наказывать женщин, пробиравшихся в лагерь, и некоторых даже предал смертной казни, но даже держал в оковах королевского придворного, провинившегося в чем-то против военных законов, и не хотел

простить его, не смотря на просьбы всего войска; негодовали и на то, что некоторых знатных юношей, слишком вольно живших в лагере, он, привязав публично к столбу, выставил на позор; повесил одного подхорунжего (наместника хорунжего), а некоторых шляхтичей за несоблюдение чистоты в лагере избил палками. Вследствие этого против Замойского даже сочинялись пасквили и распространялись по лагерю; в этих пасквилях ему ставили в упрек его схоластическую ученость. Однако эти пасквили совсем не смущали Замойского. После того как раз была открыта дверь своеволию, стали подбрасывать сочинения и против других; когда же об этом стали **[228]** рассуждать в сенате, то Замойский объявил, что он не отказал бы в своей помощи оскорбленным назначением следствия, если бы это оскорбление не коснулось прежде всего именно его самого; но, так как он уже прежде подвергся оскорблению от тех же людей, то ему нужно опасаться, чтобы не могли почесть его за малодушного человека, желающего под чужим лицем отмстить собственную обиду; лучше сделали бы оскорбленные, если бы уничтожили эти пасквили, не придавая им никакого значения, нежели приписывать им важность, сберегая их. Давая по военному обычаю пароль, Замойский большею частию избирал такие слова, что в них порицалась бездеятельность, трусость и праздность тех, которые спешили домой, или восхвалялось постоянство и твердость, качества достойные благородного человека; в двух-трех словах заключалось увещание перейдти от уныния к терпеливости, если кто из них не был достаточно бодр. При начале возмущения отряд его ветеранов, служивших еще при Гданске, попытался также завести между собою собрания для рассуждений об общих делах, в особенности же о неуплате жалованья. Но он тотчас объявил в приказе, что будет считать тех, которые будут иметь частные собрания, за нарушителей военной дисциплины, и будет наказывать их по закону; если же, по их мнению, нужно им поговорить о своих делах, то пусть они или обращаются к нему, или потолкуют о них между собою в его присутствии. Вследствие этого ветераны собрались у его палатки. Здесь он указал им с одной стороны на затруднительное положение казны, а с другой стороны объяснил им все, чего требует любовь к отечеству и государству, и сколько блага заключается в твердости; наконец объявил, что не оставит при войске какого либо наместника, но сам останется на все время осады, и убеждал их сделать то же самое. Все по примеру, поданному Иваном Зборовским, обещались **[229]** также непоколебимо оставаться до тех пор, пока он сам останется. Друзья втайне не одобряли намерения Замойского остаться, но советовали ему подумать, какое дело он

берет на себя; так как это дело с одной стороны полно опасностей, с другой же стороны может, в случае неудачи, испортить всю его славу, приобретенную прежними подвигами. На это он отвечал им одно, что, по его мнению, хороший полководец и в то же время хороший гражданин должен заботиться не столько о своем достоинстве, сколько о чести государства. Если придется снять осаду без успеха, то при данных обстоятельствах лучше пусть вина этого несчастия падет на него, нежели на короля или на все государство.

Так как раньше этого уже был привезен порох от герцога Курляндского и граждан Риги, то было решено до отъезда короля попробовать еще раз приступ. С той стороны, с которой раньше Поляки разбивали стены из своих окопов, неприятели выставили частые деревянные палисады и окружили их рвами; по этому, перенеся окопы вправо на несколько более высокую сторону, наши оттуда стали громить стены из орудий. Но и на этом месте неприятели выставили новый палисад с такими тяжелыми орудиями, что залп их (одно стреляло ядрами весом в 70 фунтов, другое в 80 фунтов) пробивал ряд из трех корзин, наполненных песком и расположенных одна за другою. Так как Венгерцы уже открыли довольно широкий проход в башню, прилегавшую к реке Великой и их траншеям, то вступили в схватку с неприятелем, при чем то сами гнали неприятелей по развалинам, то были прогоняемы ими назад. Затем осаждающие начали разбивать стены кирками и ломами со стороны реки Великой и, хотя сперва неприятели пытались отогнать их от стен, выливая на них горячую воду и кипящую смолу и бросая в них разные горящие предметы, однако Венгерцы, достигли того, что, розваливши нижнюю **[230]** часть стены, поместились там и были прикрыты верхнею частью, как бы щитом, и осажденные более не могли их беспокоить, что бы ни бросали в них; тогда неприятели из города с верху стен, разрушить которые старались Венгерцы, стали спускать огромной величины бревна, со всех сторон обитые железными зубцами и прикрепленные железными цепями к длинным шестам; неприятели, потрясая ими, действовали так искусно, что все, находившиеся на работе, получали с низу направленные удары как бы плетью, вследствие чего эти бревна причиняли большие несчастия[149]. Не смотря на это, Венгерцы не оставили своей работы, пока не разрушили большей части той стены; наконец, так как и в этой части неприятели поставили палисады против башни и выкопали ров, то решено было оставить намерение взять город приступом[150].

В расстоянии 30 миль от Пскова, на дороге, шедшей в Ливонию и Ригу, возвышается монастырь Св. Девы, называемый у

Москвитян Печерою, то есть как бы гробницею Богородицы, известный ее иконою, которую они чтут как обретенную на этом месте и явившуюся из дерева, прославленный молвою о его святости и некоторых чудесах и благодаря этому снабженный весьма обильными и богатыми доходами, получаемыми с земель, взятых от Новгорода и Ливонского ордена и приписанных Московским князем к монастырю. Русские и в нем поместили гарнизон; гарнизон этот по близости своей к нам причинял нашим много беспокойства: он захватывал очень часто наших фуражиров, делал небезопасными дороги и даже забирал обозы, высылаемые к нам; **[231]** наконец ограбил некоторых рижских купцов. Те, кого касались эти потери, а их было не мало, в особенности же те, которые намеревались послать свои обозы по той дороге, упрашивали короля захватить этот гарнизон. С другой стороны было выставляемо на вид, что пока солдаты не отдохнули от трудов столь продолжительного и неудачного приступа, нельзя вполне безопасно начинать эту новую осаду[151]. Склонясь на непрерывные просьбы многих, король отправил туда Фаренсбека. Он приказал ему, ознакомившись с местоположением, уведомить его о том, какое он примет решение; и если ему покажется, что можно овладеть монастырем без большого труда, то король вышлет ему на подмогу солдат и пушки; если же, по его мнению, взятие монастыря окажется слишком трудным, чтобы можно было предпринять его в это время, то пусть вернется назад, оставив дело в прежнем положении. Отправившись с несколькими всадниками Фаренсбек наткнулся на дороге на неприятельских конников, далеко превосходивших его числом, которые, выступив из Печерского монастыря против наших фуражиров, в это время возвращались домой; одних из них перебив, других разогнав, Фаренсбек, подстрекаемый успехом стычки и видя, что монастырь не был защищен ни довольно большим рвом, ни палисадами или естественным положением, с другой стороны, как человек смелый, возъимел большую надежду на успех и решился сделать приступ[152]. Король послал ему немецких солдат с несколькими тяжелыми пушками и, когда последние, проведя сперва траншеи, разрушили некоторую часть стены, то попытались ворваться по развалинам. Уже Вильгельм Кетлер, сын брата Курляндского герцога, Гаспар и Рейнгольд Тизенгаузены и некоторые другие **[232]** пробрались было в ближайшую башню и по лестницам стали спускаться в нижнюю часть ее, как вдруг лестницы подломились под тяжестию следующих за ними людей, и солдатам, оставшимся внизу; не было никакой возможности прорваться даже через пролом, как вследствие тесноты его, так и

потому, что неприятели стали против него густою толпою; тогда все они попали в плен к неприятелям. Король выслал к отправленным раньше войскам еще немецких солдат и Борнемиссу с 500 пешими Венгерцами и несколькими большими орудиями. Польское же войско Замойский все оставил в лагере. Венгерцы стали разбивать стены с той же стороны, с которой раньше действовали Немцы, но в более низком месте по направлению влево, и уже разрушили некоторую часть стены; тогда Фома Соланд (Thomas, Solandius), собрав отряд из обозной прислуги и польских казаков, стал взлезать по приставленным лестницам на башню, обращенную задом к немецким и венгерским окопам, с целью занять неприятеля; когда они были отбиты, то Немцы снова попытались прорваться чрез пролом в стене но были отброшены всем множеством неприятелей, обратившихся на них. Такой же исход имело и сделанное Венгерцами нападение, так как те оставались праздными, пока не вернулись Немцы. Неприятель приписывал эту неудачу наших чуду, наши же заклинаниям и колдовству. На самом деле тут можно было заметить, что в виду более слабых укреплений столь же часто вредит небрежность, сколько при взятии сильных мешает самая трудность дела; потому что в последнем случае самая великость опасности и раждающийся отсюда страх часто возбуждают военную доблесть, а в первом случае самая маловажность дела ослабляет силу напряжения души и усердие. Однако некоторые думали, что, если бы наши пошли на приступ со всеми силами и в одно время, то без сомнения можно было бы взять монастырь даже **[233]** без большого труда[153]. Между тем, пока наши наступали по одиночке, сперва сами по себе Немцы, потом Венгерцы, неприятелям была даваема возможность собирать все силы в одно место, и натиск наших был ослабляем. Во время отбоя наших шотландские солдаты, прибывшие не задолго до того к королю, расположенные для поддержки на удобных местах, убивали меткими выстрелами Москвитян, стрелявших в наших со стен из ружей или пускавших стрелы. Прежде своего отъезда король назначил послов для ведения переговоров о мире с Москвою: от королевства Польского воеводу Брацлавского Збаражского, от великого княжества Литовского маршалка княжества Литовского Альберта Радзивила. К ним король, по обычаю предков, присоединил секретарем Михаила Гарабурду, человека даровитого и в особенности знающего московские дела. Когда зашла речь об условиях, на которых желательно было бы заключить мир, литовские вельможи стали настаивать на том, чтобы неприятелю были возвращены Великие Луки, взятые в прошлом году[154] от Москвы, чтобы тем легче

было заключить мир. Замойский заметил на это с своей стороны, что хотя он видит, какое большое значение имеют для защиты Литвы столь выгодно расположенный город и его область, отличающаяся таким плодородием и обилием всего, тем не менее уступки его он нисколько не препятствует, так как он не был обязан пред панами удержать этот город, о котором не было даже никакого упоминания на сейме, такою же клятвою, какою он связан был по отношению к Ливонии, но он неприятно поражается тем, что толкуют об уступке прежде времени без всякой пользы, даже с некоторою опасностью, что это станет известно неприятелю. Вследствие этого король, **[234]** посоветовавшись наедине с Замойским, предоставил ему заключить мир по своему усмотрению; затем дав ему знать, чего от него хочет и о чем сам будет стараться по приезде в королевство, отъехал полный лучших надежд и доверия. Но прочие его спутники, рассуждая об исходе дальнейшей осады на основании прежде бывших осадных неудач и трудностей при наступлении зимы, и полагая, что неприятели не пропустят удобного случая, чтобы уничтожить ослабленное и истощенное войско, сожалели об опасном положении тех, которых оставляли на месте, как будто видя их в последний раз. Нашлись даже некоторые сенаторы из самых знатных, которые пытались убедить короля, оставлявшего сына своего брата Андрея, Балтазара, с венгерскими войсками в лагере, не делать этого. Вместе с королем отправилась и дворцовая свита и почти все волонтеры; выбрав дорогу через Остров и Красный город, он отсюда проехал без препятствия мимо Лудзена (Люцина) и Розиттена (Режицы), в которых находились еще неприятельские гарнизоны. За королем последовали довольно поспешно и другие войска, так как все старались опередить его при реке Двине. По этому, хотя Радзивил и расставил войска в засадах для противодействия неприятельским нападениям, но, так как солдаты, находившиеся в засадных пунктах, стали разбегаться, то несколько наших повозок были отняты Московскими крепостными войсками. Переправившись не без трудностей через Двину за неимением судов, король прибыл в Вильну. В лагере с Замойским осталось все войско, состоявшее на жалованье, как то, которое сначала пришло с ним ко Пскову, так и то, которое вернулось из Старицкой экспедиции вместе с Радзивилом. В то же время прибыли в лагерь вместе с начальником своим Мартином Курцием с той же экспедиции и 600 человек Литовцев; для того, чтобы оправиться от неудач ее, они **[235]** выпросили у начальников поместиться в соседних деревнях по направлению к Порхову. Из волонтеров остались некоторые Поляки, впрочем

немногие.

КНИГА V-я

По отъезде короля из лагеря, Замойский тем с большим тщанием стал утверждать военную дисциплину, бывшую предметом всегдашнего его попечения, чем яснее понимал необходимость соблюдать величайшую осторожность, находясь среди стольких затруднений и в неприятельской земле. Из начальников, выдававшихся перед прочими как своими летами, так и чином и знанием военного дела, он выбрал шесть человек, которым можно было бы доверять тайные и важные дела; из сенаторского сословия он выбрал Станислава Тарновского, кастеллана Радомского, Стефана Грудзинского, кастеллана Накленского, из других Эрнеста Вейера, Мартина Казановского, Иоанна Лесновольского, Сигизмунда Розена (Sigismundus Rosnius), а для прочих дел он приглашал на совещание всех. В то же время, согласно с тем, как было условлено с королем, он стал прилагать все свое старание к тому, чтобы в случае, если не состоится мир с неприятелем, иметь все заранее наготове и в запасе для продолжения как можно дольше осады и к принуждению жителей города к сдаче голодом и недостатком во всем. В успехе же он был уверен, так как от писца Шуйского, Сутурны (Suturna), который был взят в плен вместе с братом при одной вылазке, или, если верить его словам, сам добровольно перебежал к нам, он точно знал, сколько в городе сил, военных снарядов, хлеба и запасов; все хорошо расчитавши, он нашел, что **[236]** город может держаться немногим долее мая месяца, если прервать наперед подвоз провианта и приход подкреплений. На основании этого им был составлен следующий план дальнейших действий: либо продолжать теснить город осадою из ранее устроенного лагеря, как это делалось до сих пор, либо в случае, если жестокая зима или недостаток в съестных припасах, которые уже почти все были уничтожены войском, помешают этому, дать сначала роздых войскам, позволив грабеж в неприятельской области, за тем придвинуть всю пехоту и часть пушек к Печоре; по этой причине он не увез оттуда посланные туда раньше пушки; по занятии Печоры взять соседние крепости Порхов и Гдов, поместив там гарнизонные войска, и таким образом держать неприятеля запертым внутри стен Пскова. Если бы он заметил, что осада тех крепостей будет представлять слишком много трудностей, чтобы стоило ее предпринять, то, следовало бы, устроив деревянные больверки из зданий соседних деревень, занять самые наивыгоднейшие дороги, в особенности же идущие от Гдова, Порхова и Пскова к Новгороду; при этом он

сам предполагал остановиться с частью войска против Новгорода выше озера Ильменя под бараками на Пребузии Симеона, а другою частью занять Старую Русу и Осташков, пока озеро не покроется льдом, и из этих местностей теснить как Псков, так и Новгород, и на обширнейшем пространстве опустошать кругом лежащие выше Новгорода по направлению к Твери и Москвы местности. Все-таки он имел в виду держаться как можно дольше первого плана, то есть, непосредственной осады Пскова и не отступать от него, пока к тому не принудит или жестокость зимы, или недостаток в провианте. Войско, расставленное на удобном месте, как выше было указано, около Святогорска выше Пскова для занятия Гдовской дороги, он совсем не считал нужным переводить на другое место, но, чтобы **[237]** неприятели не могли его захватить врасплох сделанным нападением, он прибавил к нему значительное количество пехоты и несколько пушек малого разряда со Станиславом Пенкославским. В случае, если бы неприятель сделал на них нападение, он приказал, если это было днем, поднять военный флаг, чтобы по усмотрении его можно было сколько возможно скорее поспешить к ним на помощь; а если бы это случилось ночью, приказал зажигать огни. При этом, дабы неприятель не думал, что с отъездом короля он освободился от всякого страха, Замойский не пропускал никаких случаев завязать с ним дело. Соображая, каково было своеволие наших фуражиров при разделении военной власти между двумя лицами, при чем значительная часть волонтеров совсем не допускала необходимости какого бы то ни было начальства, как они (то есть фуражиры), не боясь ни неприятеля, ни начальства, бродили повсюду, и нередко подходили без приказания к самым стенам, Замойский понял, что в этом представляется возможность удачного военного предприятия. Разместив в засаде на удобных местах войско, он приказал в день Св. Николая, особенно почитаемого Русскими, провести несколько телег на близком расстоянии от стен. Но, так как неприятели, соблюдая честь праздника не обратили никакого внимания на находившуюся как бы перед глазами их добычу, то он приказал повторить это и на другой день. В засадных пунктах, в двух соседних ямах, образовавшихся вследствие дождей, расположились в одной венгерские всадники, в другой юноша Станислав Жолкевский и Иван Кретковский, — наместник хоругви Пршиемского с Поляками. При первом виде добычи, неприятели тотчас сделали вылазку, будучи завлечены в место засады, они скоро были разбиты поднявшимися оттуда Венгерцами. Так как Поляки были на более дальнем от них месте и по причине очень крутого всхода чрез холмы, **[238]** находившиеся против них, должны были

делать обход и от того не могли подоспеть к бою, то они напали на неприятеля с правой стороны и бросились на него после того как тот уже обращен был в бегство, и соединившись с Венгерцами, преследовали неприятеля до самых стен. Не смотря на то, что Венгерцы, находившиеся в первом засадном месте, были самые отборные всадники и между ними Петр Баторий, Георгий Сибрик, Иван Каллай, (Iohannes Kallajus) и все имели превосходейших турецких (фракийских) лошадей, тем не менее они с трудом могли равняться в быстроте бега с лошадьми русскими, хотя последние большею частию малорослы и безобразны на вид. Однако и при первом нападении было убито около 30 человек бояр и взято в плен 12 человек и в том числе весьма храбрый и известный некоторыми подвигами военными Петр Колтовской[155]. После этой потери Шуйский, спустив с большим трудом несколько пушек большого размера к нижним отверстиям стены и болверков и скрыв в удобном месте недалеко от рвов города значительный отряд пищальников, стал высылать из задних ворот всадников приблизительно по двадцати человек, чтобы раздражать наши караулы, стоявшие по сю сторону реки Плесковы (Plescovia) и завлечь их в засаду. Но когда Замойский, получив известие о вылазке неприятелей, сам с тремя эскадронами всадников переправился через реку, то все, бывшие в засаде, при первом виде одного нашего всадника, которому Замойский приказал подойти ближе к месту засады, до одного выпалили в пустое пространство из ружей, и одна почти только близость города и ров, служивший препятствием для наших всадников, **[239]** спас неприятелей от смерти. В то время, как все это происходило у города, пришли послы от Московского царя для переговоров: Дмитрий Петрович Елецкий (Demetrius Petri filius Ilecius), Роман Васильевич Олферьев (Romanus Romani f. Olphirio) и данный им в качестве дьяка, Николай Басенок (Nicolaus Bassorekus)[156]. Когда навстречу им отправился за Порхов Антоний Поссевин с польским отрядом, и когда пришли туда и наши послы, то спустя короткое время начались переговоры о мире. Сначала предложено было включить в договор Шведского короля. Хотя несправедливый захват крепостей сильно изменил мысли короля, но вследствие просьб королевы Анны, которая из любви к сестре своей Шведской королеве и вследствие постоянных ее писем, обняв колена короля, умоляла его не заключать мира без Шведов, король обещал ей постараться о том, чтобы был включен и Шведский король в мирные переговоры, притом и Поссевин, страстно желавший устроить мир между христианскими государями, весьма сильно домогался того же; так что король приказал послам, чтобы вели переговоры, начав с

того[157]. В то время как произошла остановка в этом деле, некто Богдан, знавший о всех тайных наказах послов, перебежал из посольства московского к Брацлавскому воеводе и тотчас был отправлен последним к Замойскому[158], от **[240]** него Замойский и узнал, что послы имеют следующие наказы: если они увидят, что король и войско отошли от Пскова, то пусть, выдумав какую нибудь причину, прервут переговоры; если же заметят, что осада упорно продолжается, то без обмана пусть ведут переговоры о мире и заключат его на том условии, что уступят всю Ливонию, если король возвратит им кроме Велижа и всего княжества Полоцкого, которая Московский царь уступает королю, Луки и другие крепости, взятые в предшествовавшие годы. Заметя, что, хотя король уехал, а осада продолжается, послы согласились на многие условия мира, но надеясь на какие либо неблагоприятные слухи о положении войска вследствие сильных морозов и недостатка провианта, так как вся область была опустошена, они в то же время стали делать разные проволочки и отправляли гонцов к своему государю по самым пустейшим делам. Поссевин написал с дороги Замойскому о том, что послы ему объявили, будто Московский царь питает сильное желание удержать хоть какую либо часть Ливонской земли, чтобы пользоваться титулом Ливонского государя. Замойский отвечал в письме, что он оставит опустошенные и не имеющие никакой пользы крепости Нейшлосс (Новый замок, Novacastrum), Серенск и Нейгаус (Новгородок Ливонский Novogrodcum) с тем уговором, что во власти короля останутся Луки, Заволочье, Невель. Когда послы объявили, что у них нет никаких полномочий относительно Лук, Замойский отвечал, что без Лук не уступит Московскому царю даже ни одной пяди Ливонской земли. В это время, когда до войска дошел слух о том, что некоторые части войск стягиваются в Новгород для того, чтобы отправиться на помощь жителям Пскова, Замойский послал туда, дав **[241]** ему несколько конных эскадронов, Иордана Спытка (Spitko), совершившего уже раньше несколько славных дел, между прочим в сражении при Дершове. Последний нагнал сильный страх на передовые посты неприятелей, находившиеся недалеко от стен, на самый город и на всю соседнюю область. Ему же Замойский приказал потом расположиться в удобном по подожению селе между Порховым и Новгородом как для того, чтобы препятствовать подвозам и подкреплениям, если какие либо будут посылаться неприятелем на помощь Псковитянам, так и для того, чтобы производить более широкие фуражировки, но главным образом, чтобы устрашить неприятеля. Однако еще до него опустошили здесь все находившиеся, как выше указано было,

при Опочке казаки, переведенные после того Замойским к Зайончковскому за Русу. И уже раньше по той же причине Замойский приказал Симону Карлинскому (Simon Charlenscius) прогнать гарнизон из крепости Кобылий город (Kobilogradum), так как, когда замерзло озеро Пелбское (l. Pelba), граничащее с Псковом, Дерптом, Кобыльим городом, то в этой крепости засело некоторое количество из прежнего Дерптского гарнизона, и затем поставил его при Пребуже выше реки Плюсы, по которой, по замерзании озера, открывается дорога из Дерпта и Гдова к Новгороду; отсюда затем опустошения пошли дальше. Вследствие этого, как и раньше он предполагал, недостаток в провианте не мог принудить его уйдти от Пскова, потому что наши почти по всем сторонам могли свободно собирать фураж; а с другой стороны, после опустошений на обширном пространстве с одной стороны выше Старой Русы и Новгорода по направлению к Твери, с другой до реки Вологды и Ладожского озера (lacus Lahoda), и по занятии нашими самых удобных дорог, страх неприятеля, теснимого со всех сторон, с каждым днем все более увеличивался. Иордан послал Замойскому двух **[242]** знатных Москвитян, захваченных им при внезапном нападении. От них было узнано о смерти старшего сына государя, Ивана.

Когда отец его хвастался огромным количеством своих богатств и сокровищами, последний сказал, что предпочитает сокровищам царским доблесть, мужество, с которыми, хотя бы имел меньше того богатства, которое имеет царь в изобилии, он тем не менее мог бы опустошать мечом и огнем его владения и отнял бы большую часть царства. Другие передают, что царевич слишком настойчиво стал требовать от отца войска, чтобы сразиться с королевскими войсками. Так или иначе, но отец, разгневавшись на него, ударил его в голову жезлом и не много спустя, как рассказывают, тот или от удара, или от сильной душевной боли впал в падучую болезнь, потом в лихорадку, от которой и умер. Это происшествие сверх остальных невзгод причинило тем большую горесть Московскому царю, что сын хотя и развелся, по приказанию отца, с первой женой, с которой жил весьма согласно, и женился на другой, однако умер, не оставя детей; второй же сын Московского царя, Федор, был еще слишком молод и по мнению царя был неспособен, по несовершенству своего ума, для царствования и вообще для какой бы то ни было деятельности.

С другой стороны Шуйский, видя огромную силу морозов и получая от перебежчиков известия, что повсюду в лагере распространяются от того лихорадки (именно вследствие сильных морозов невозможно было, чтобы дело обошлось без

перебежчиков), стал изыскивать способы, как бы к славе спасения города присоединить еще славу взятия польского лагеря и уничтожение неприятельского войска. Почти третья часть в лагере была поражена болезненностию, ибо всякий, раз подвергшись сильному ознобу, чего никто не мог избежать, тотчас заболевал лихорадкой; однако все таки **[243]** немного умирало от нее. Тем не менее и Замойский желал, чтобы представилась возможность вступить в битву, так как видел, что солдаты предпочитают бороться с неприятелями, чем с напастями сурового климата. Хотя и прибегал он к различным средствам, чтобы выманить неприятеля из-за стен и окопов, но всем его планам мешали, как мы выше сказали, жестокие морозы. Морозы были так сильны, что лишь только кто нибудь выходил из палатки, как отмораживал все члены, в особенности же те, которые преимущественно открыты для действия воздуха: нос, уши, лицо, и затем умирал. Что писалось удивительного об этом свойстве русского климата некоторыми, будто морозы в тех местностях бывают таковы, что и вода замерзает при своем падении, когда ее выливают, то теперь многие испытали на деле. Но всего более страдали от этих жестоких морозов, что по необходимости и должно было быть, наши караулы, и потому вообще их редко выставляли, а когда это делалось, то только немногие из караульных возвращались назад с неотмороженными членами. Особенно замечательный случай был с одним знатным всадником из хоругви Сигизмунда Розена: когда у него совершенно были отморожены обе голени, и он впал в лихорадку, а затем в беспамятство, то в это-то время доктор отрезал ему обе ноги, и когда тот пришел в себя, то стал спрашивать о потерянных ногах так, как будто искал какую либо часть одежды. Другой кто-то, хотя со смешным исходом, тем не менее подвергся величайшей опасности. Будучи оставлен Василием Сураницким (Basilius Surannicius) на первом карауле, не-далеко от городских рвов, он заснул среди ночи; когда он совершенно окостенел от холода, то лошадь, как часто бывает при морозе, вдруг сделала сильный прыжок, и он, не имея возможности держать лошадь и держаться на ней, ибо совершенно уже замерз, упал с коня и запутавшись **[244]** ногою в стременах, висевших с седла, был протащен лошадью, бежавшей вскачь, до самых городских ворот, прося о помощи у других громким голосом, так как сам не имел сил выпутаться. Замойский тотчас послал, чтобы поймать его, но запретил в случае, если нельзя этого сделать безопасно, подвергать себя безрассудно опасностям. Стоявшие на стене неприятели, полагая; что тут кроется обман, с своей стороны стали смеяться и браниться, говоря, что уже довольно обманывать

и жалостно кричать, вед таким образом нельзя нас обмануть. Благодаря этому, тот невредимо был взят нашими. Тогда было такое время года, когда, как известно было из ходячих рассказов Москвитян, в тех местностях бывают самые сильные морозы; желая обозначить их силу, последние называют их морозами Никольскими и Христовскими. Так как вся Московская область находится под самым созвездием Большой Медведицы, то обыкновенно ни в каком почти другом месте, за исключением лежащих около Ледовитого моря, не бывает морозов более сильных, какие бывают в Псковской области. Вследствие того и всякого рода животные, как замечено, имеющие в прочих местностях черный или рыжий цвета, как например: прежде всего вороны, совы, дикие куры, медведи, волки, зайцы и другие подобного рода животные, или от влияния климата, или от силы морозов здесь обыкновенно все белого цвета. Длина же здесь ночей такова, что во время самой большой долготы день вообще не продолжается более 5-ти часов. Не смотря на все это, войско с весьма большою твердостью переносило все трудности, и Замойский, на сколько возможно было ему, разумно и старательно устранял их. Он сменял денные караулы четыре раза в сутки; три смены из них делал с помощью других; около сумерок же и при рассвете, чрез своего родственника Станислава Влодко (Stanislaus Vlodeko), которого он взял к себе в **[245]** наместники по отсылке Збаражского, Брацлавского воеводы (Sbarasius p. Braslaviensis), на совещание с Москвитянами, ибо в это время всего более нужно было ожидать вылазок со стороны неприятелей. Для того, чтобы меньшее число страдало от морозов, он, по обыкновению предшествовавших лет, расставлял на постах и на караулах немного только людей, не столько для противодействия вылазкам неприятелей, сколько для того, чтобы давать знать о приближении тех другим. Уже и раньше с тех пор, как только войско подступило к городу, Замойский соблюдал этот обычай, так что, расставив весьма тщательно караулы, он сверх того всегда имел наготове в лагере резервные войска для защиты от неожиданных вылазок, и он всегда назначал для этого по очереди в рассылаемых приказах известное количество людей. Вследствие того, хотя и тут, как обыкновенно бывает при осадах, нередко делались вылазки, и неприятель довольно часто показывался, однако никогда вообще не было смятения и крика браться за оружие, за исключением разве одного раза после отъезда короля, когда Замойский нарочно для возбуждения бдительности солдат поднял тревогу. Только те, которые были в очереди, садились на коней, выступали против неприятелей и прогоняли его в то время, как другие

ничего не знали. В настоящее же время он считал тем более необходимым тщательно соблюдать это правило, чем меньшее число караульных он ставил вследствие жестоких морозов, не желая подвергать им солдат; он видел, что если бы он стал выставлять и более сильные караулы, то все одно, пострадав от мороза, они были бы бесполезны в случае завязавшегося дела с неприятелем. Вследствие этого он приказал, чтобы в самых палатках, устроенных частию из разобранных построек соседних деревень, частию из выкопанных землянок, прикрытых прутьями и соломой, как каждый сумел это сделать для собственной защиты от **[246] (1582)** непогод, — постоянно находилось в готовности попеременно известное количество людей в качестве сторожевых, имеющих наготове коней, чтобы на них сесть, и оружие; в случае известия о какой либо вылазке, эти свежие, не пострадавшие от непогоды, люди могли тотчас, севши на лошадей, дать надлежащий отпор неприятелям. Такая мера много содействовала как безопасности лагеря и спокойствию солдат, так и их удобствам.

Шуйский, узнав от перебежчиков о численной слабости внешних постов и о количестве оных, возъимел намерение, захватив сперва нечаянным нападением караульные посты, напасть на самый лагерь; с этою целью он собрал около 700 лошадей, оставшихся еще живыми после всех бедствий осады, и посадил на них самых смелых людей[159]. Против города находилось два поста со стороны лагеря; один стоял за рекою Великой, наблюдая за Печорской дорогой, второй — по сю сторону реки выше лагеря. С другой стороны за безопасностью наблюдали отряды, стоявшие при Святой горе. Шуйский выслал около 300 отборных всадников за реку Великую против тех, которые стояли на постах, как указано было, при Печорской дороге; он, как потом стало известно от пленных, имел в виду следующий план: как скоро, по занятии им тех постов, другие, стоявшие на караулах с верхней стороны лагеря, как он имел основание рассчитывать, покинут свои места и переправятся по покрытой льдом реке для помощи своим, то лагерь таким образом будет обнажен и ему будет возможно ворваться в него неожиданно, не встречая никакого препятствия. В тот день пришлось занимать посты хоругви Зборовского, которая состояла из 300 всадников; Фома Оринский **[247]** (Thomas Orinscius) расположился приблизительно с 40 человеками из этого числа за рекою Великой, а с прочими занимал караулы по сю сторону реки Плесковы выше лагеря Лаврентий Скарбек (Laurentius Scarbecus), наместник хоругви. Но уже до этого Замойский дал приказы вообще всем сторожевым постам при вылазке неприятеля не

давать ему возможности завязать тут же сражение, но тотчас, обходным движением отступать к лагерю не только для того, чтобы легче можно было с более близкого места отправить им подкрепление, но и чтобы завлечь неприятеля и заставить его вступить в битву подальше от города. Оринский (Orinscius) так и сделал. Шуйский выслал часть пехоты из города, которая, заняв какую-то долину, так как все место было пересечено неровностями, и, отрезав отступление, открыла сильную пальбу из ружей. В это время Замойский приказал Скарбеку, державшему, как выше указано было, караул на более отдаленном посту тотчас переправиться через реку и произвести нападение на неприятелей, и вместе с тем сам, сев на коня, приказал следовать за собою находившимся в резерве, как объяснено было выше. Когда Скарбек очень скоро переправился через реку, то Шуйский, лишь только заметил, что лагерь лишен охраны, тотчас выслал из разных ворот всю пехоту и конницу для взятия лагеря. В это время составлявшие, как выше было сказано, караулы в палатках, которым Замойский приказал следовать за собою, уже приготовились к битве и прежде всех Венгерцы, занимавшие часть лагеря при реке Великой, затем Иван Кретковский (lohaunes Kretkovius) с хоругвию Станислава Пржиемского, (Stanislaus Prijemscius), Сарнацкий (Sarnacius) с хоругвию Иеронима Гостынского (Hieronymus Gostinius), коих они были наместниками; за ними и другие с такою стремительностью бросились вперед, что при одном их движении, при одной стычке и натиске около 300 человек неприятелей пало, **[248]** более 60 было взято в плен и весьма много ранено[160]. Шуйский, ожидавший на ближайшей стене исхода вылазки, видя это поражение и бегство своих, тотчас, отозвав их, увел в город. С нашей стороны также погибло несколько чело-век в этой стычке, так как при занятии неприятелями долины невозможно было другим придти на помощь окруженным. Взят был в плен знатный всадник Пентковский (Pientkovius) и уведен неприятелями. Оринский (Orinscius), долго храбро сопротивлявшийся неприятелям, также погиб, пораженный с более высокого места, пулею в плечо и грудь. Петр Грудзенский (Petrus Grudsenscius) был убит выстрелом со стены из пушки большего размера в то самое время, когда уже открыл себе дорогу мечом сквозь неприятелей и почти добрался было до безопасного места у наших и почти до самого лагеря. Из венгерских всадников пал Франциск Кобор (Franciscus Kobor) и Барраб Балог (Barrabus Balog), мужи храбрые. Если бы не слишком скоро нашим нужно было выдти из лагеря для защиты их, которые вместе с Оринским были окружены, то нисколько не следует, как кажется,

сомневаться в том, что все неприятельские войска легко можно было бы завлечь к самому лагерю и, уничтожив их, почти покончить войну. Тогда был 4 день января месяца. К ночи Замойский, зная, что Москвитяне вообще очень заботятся о предании погребению своих, приказал Николаю Уровецкому занять караулом место сражения и быть готовыми на все случайности, если как нибудь представится возможность к сражению, когда неприятель выйдет для взятия тел. В ту ночь Москвитяне не двинулись ни в одну сторону. На другой день он дал такое же поручение **[249]** Мартину Лесновольскому (Martinus Lesnovolscius), начальнику, известному своей храбростью; когда последний показался вместе с другим всадником в то время, как некоторые, выйдя из города, начали убирать самые близкие к ним лежавшие трупы, то они снова быстро убежали в город и после этого все оставались внутри стен. Замойский видел, что уже нечего более рассчитывать на вызов к сражению и полагал, что следует добровольно предложить неприятелю то, чего требует долг благочестия или человеколюбия; и потому он послал сказать осажденным, что он отдает им мертвых и прикажет собрать их солдатам и передать им, или если они желают, пусть сами возьмут их, объявив им наперед, что могут делать это безопасно, полагаясь на данное слово. Бывшие на стенах стали сильно восхвалять это благочестие и христианский образ мыслей; и, сообщивши об этом Шуйскому, просили его на следующий день около полудня вернуться к ним, чтобы в это время можно было устроить это дело.

Около того времени Станислав Жодкевский (Stanislaus Solkevius), весьма даровитый юноша, Мельхиор Завиша (Melchior Savissa), конюший Замойского, и некоторые другие знатные юноши без приказания отправились все вместе, нарядившись великолепнейшим образом, на отличнейших турецких лошадях. Какой-то перебежчик, узнав Жолкевского, сообщил неприятелям, что он кроме того, что находится в близком родстве с Замойским, еще обладает знанием многих секретов, потому что Замойский обыкновенно пользовался большей частью его услугами при докладывании королю более сокровенных дел, так как видел в нем, не смотря на его возраст, отличные способности и ум. Москвитяне под влиянием этого, переменив свое намерение и отдав предпочтение представлявшейся в настоящее время выгоде перед долгом благочестия к мертвым, стали тянуть на словах дело, а между **[250]** тем тайно расставили на стене много больших пищалей и около 500 пищальников. Жолкевский, замечая, что под разными предлогами тянется дело, стал уговаривать их наконец объясниться; тогда один из пищальников,

прицелившись из пищали в Завишу и выстрелив в него, дал промах вследствие крепости орудия, а в это время разом выпалили и другие из всех пищалей. Жолкевский и бывшие с ним, повернув коней, быстро ускакали; неприятели тотчас пустились за ними и преследовали их выстрелами из других пищалей со стен, и чем дальше те уходили, тем из больших орудий в них стреляли. Не смотря на это, наши благополучно вернулись в лагерь ко всеобщему изумлению, что избежали столь сильного дождя пуль. Уже раньше наблюдавший за пушками Иван Остромецкий предлагал Замойскому такого рода вещь. В железный ларь рядом положил он двенадцать пищальных дул, нарочно сделанных тонкими, чтобы тем скорее их разорвало; их же, равно как и самый ящик, наполнил самым мелким порохом; а в средине он поместил, взведенную и готовую, ту ружейную часть, которая посредством колеса и прилегающего кремня возбуждает огонь для воспламенения пороха; ларь этот был положен в деревянный ящик; и за тем к той пружинке (fibula), которая, быв притянута, обыкновенно повертывает колеско и возбуждает огонь, он прикрепил два шнурка — один к нижнему дну деревянного ящика, другой к самой покрышке железного ларя; таким образом, что вынет ли кто железный ларь из деревянного или тронет крышку самого железного ларя, по необходимости в том и другом случае потянул бы пружину, и тогда порох воспламенился бы и все присутствующие были бы поражены осколками разорвавшихся стволов и железного ящика[161]. Остромецкий полагал, что, если **[251]** в таком виде послать его Шуйскому, то последний не удержится, чтобы не раскрыть его и тем даст ввести себя в обман[162]. Замойский не хотел до того времени допускать, чтобы подобного рода хитростями вести дело с неприятелем. Но так как уже тот первый нарушил данное публично слово, то по настоянию Жолкевского и всех других, участвовавших на собрании у Замойского, последний позволил отомстить подобным образом за вероломство против них и все предоставил дело Остромецкому. Последний, взяв пригодного пленника, в продолжение нескольких дней хорошо с ним обращался и, как будто намереваясь посвятить его в большую тайну, заставил дать клятву и обязал его себе верностью. Он выдумал, будто он какой-то Иван Моллер, служивший некогда с Фаренсбеком у государя Московского; впоследствии, когда тот перешел на сторону короля, то и он де, последовал его примеру и, не смотря на то, что имеет теперь некоторое положение у короля, все-таки желает де, снискать прежнюю милость к себе Московского государя и потому, убив сперва главнокомандующего войском, в то время, когда тот будет

совещаться с ним без свидетелей — по поводу его искусства в артиллерийском деле, имеет будто бы намерение перейдти снова на сторону Московского царя. Пока же он просил его отнести этот ящик Шуйскому, говоря, что положил туда самые драгоценные вещи и другие важные дела, что и сам скоро затем придет, сперва оказав ту услугу, о коей выше сказал, Московскому государю; — ему очень важно, чтобы ящик был открыт до его прихода. Он дал пленнику письмо такого же содержания, чтобы отнести Шуйскому. Московский пленный, вдвойне обрадованный тем, что по его мнению, может получит свободу и принесет столь приятное известие Шуйскому, будучи проведен **[252]** Остромецким чрез караулы, прибыл к Шуйскому. Последний занят был в то время разными делами, но тотчас приказал другим, собравшимся сюда случайно на совещание открыть ящик, не дав себе времени разузнать; очень многие прибежали также сюда, привлеченные как новинкой дела, так и по врожденному людям любопытству. Самый храбрый между всеми и соперник Шуйского, другой воевода, Андрей Хворостинин, как потом было узнано как от Александра, посланного послами к Псковитянам по заключении мира (о чем будет речь ниже), так и от многих других, упершись ногою в деревянный ящик, силился рукой вытащить железный ларь. В это время, приведена была в сотрясение пружина, порох воспламенился, железный ларь и трубки разорвало, и не только все присутствовавшие были рассеяны, но даже сорвана была некоторая часть крыши от силы огня, и разрыва железных стволов; из числа погибших при этом особенно известны Андрей Хворостинин, о коем сейчас была речь, и Косецкий (Kosetsius)[163]. Думали тоже и о Шуйском, так как он в продолжение нескольких целых дней не показывался по болезни; в особенности же у наших твердо держалось это предположение, так как он потом больше не показывался никогда, между тем как до этого случая постоянно был на стене и сам объезжал все посты. По поводу этого происшествия Шуйский написал бранное письмо Замойскому и в брани своей доходил до того, что вызывал на поединок. Но, когда Замойский в назначенный день вышел на условленный пункт с указанными выше начальниками, неприятель не явился.

Тем не менее, между тем шли рассуждения с той и другой сторон, как выше было указано, об условиях мира. **[253]**

Уже сначала Москвитяне ответили относительно Шведского короля, что их государь не отказывается заключить с ним мир, но он должен по обычаю предков отправить кого либо к воеводе Новгородскому, чтобы договориться с последним об условиях мира. Вообще ему нельзя ничего делать против обычаев и

постановлений предков. Когда нельзя было никак отклонить их от этой мысли, тогда перешли к главнейшему условию о возвращении Ливонии и других крепостей с обеих сторон. Всего более было спора по этому пункту, так как они оставляли Ливонию не с меньшим горем, как если бы шло дело о самой Московской области, ибо с трудом она была приобретена войною в продолжение 29-ти лет и стоила много крови; в ней кроме того успели народиться люди русского происхождения; весьма многие из них там прочно основались, устроившись домами. Под конец Москвитяне, уступая остальные города и почти все крепости, сильно спорили из-за Дерпта и Ливонского Новогродка, потому что, как говорили они, в провинции этой была введена их вера, в ней поставлен ими епископ, и она посвящена была Печерской Божией Матери. Наконец дело состоялось, так как Москвитяне стали замечать, что дела у Пскова идут сверх ожидания еще не так, как бы им хотелось, и даже величайшие затруднения, как во всех вещах, так и от морозов, нисколько не отвлекают наших от осады, и уже наступает более мягкое время года, ибо большая часть зимы прошла; Поссевин, который оставался среди Москвитян ради того, чтобы не возбуждать в них недоверия к себе, с своей стороны настаивал на мире пред тою и другой стороной с величайшею прямотою и свободою, дабы не пропали даром его хлопоты в деле столь благочестивом. Постановивши условием, чтобы им позволено было взять священные сосуды из Дерпта и Новогродка, и чтобы епископ или священники не подвергались **[254]** оскорблениям, послы уступили всю Ливонию, бывшую под властью их государя; от имени короля с другой стороны были уступлены им Луки, Заволочье, Невель и некоторые другие крепости, взятые у неприятеля в прежние годы, при чем возвращены были им Велиж и вся Полоцкая область. Относительно Нарвы и других крепостей, занятых Шведами, долго происходили прения; по мнению наших, оне достались Шведам благодаря медлительности Москвитян (в деле мирных переговоров), а Москвитяне возражали, что до них вовсе не касается дело отдачи этих крепостей, ибо эти крепости и не были упомянуты между Ливонскими крепостями, которые они предложили королю, к тому же оне и теперь не находятся в их власти. Наконец, когда вследствие этого стало затягиваться дело, и когда спор стал таким, что послы короля начали свидетельствовать, что король никак не уступит своего права на Нарву и другие крепости, находящиеся в руках Шведов, то послы Московского царя стали уступать Вейссенштейн, предложенный королю уже раньше Московским царем, после чего стали говорить о размене пленных. Между тем как Москвитяне желали

возвращения пленных с обеих сторон без вознаграждения, послы короля требовали за пленных Заволочье, Невель и в крайнем случае Себеж, и, так как у короля было очень много сановных Московских людей, а у тех не было ни одного знатного пленника из королевских, притом и царь Московский был того мнения, что ему следует принимать во внимание не столько людей, сколько земли, то все это дело было отложено до другого времени, когда с обеих сторон пришлют послов для принесения взаимно друг другу присяги в хранении мира. Относительно пушек и военных снарядов, находившихся в крепостях, условлено было так, чтобы, оставив все то, что было там при взятии, увезти с собою каждому то, что с той и другой сторон туда после **[255]** было доставлено. На таких-то условиях было заключено перемирие на десять лет[59]. При этом Московского царя, крайне огорченного потерею провинций, не оставляла надежда вернуть назад в более удобные времена отнятое у него, воспользовавшись какими нибудь беспорядками во время безкоролевья или другими случаями. А с другой стороны и король, нанеся такое поражение и раззорение Московскому государству, что оно не могло никоим образом в немного лет поправиться, несовсем был недоволен тем, что не исключается для него возможность совершить еще более великие дела в случае, если бы Московский царь вздумал возобновить войну, когда между тем провинция Ливония была бы закреплена за Польшею и защищена всеми необходимыми способами. Послы тотчас скрепили эти условия клятвой; относительно государей было постановлено так, чтобы великие послы посланы были сперва от короля к Московскому царю, а затем от Московского царя к королю для принесения присяги. В продолжение нескольких дней спорили о редакции договора; Москвитяне хотели сперва, чтобы царь их был назван царем всей России, потом отступившись от этого титула, но требуя наименования его Московским и Владимирским и многими другими, хотели назвать его еще царем Астраханских и Казанских Татар; наши же возражали на это, что не могут противно обычаю предков ничего лишнего приписать ему.

Уже несколько раньше Замойский узнал от Томаса Эмбдана (Thomas Embdanus) и некоторых других, трудами **[256]** коих пользовался при разузнавании обстоятельств, что Пернов, осаждавшийся Шведами, сильно стеснен вследствие недостатка в провианте, и едва ли Москвитяне в состоянии выдержать в продолжении четырех недель; кроме того от Ивана Зборовского, вернувшегося в Польшу, вследствие тяжб весьма важных и необходимых для себя и своей фамилии, он узнал, что Ливонцы возбуждаются к бунту и распространяются между ними слухи,

будто король намерен разделить всю Ливонию, по получении ее, между Венгерцами. Так как само собою разумелось, что этого сделать невозможно, если туземные владельцы не будут прогнаны со своих мест, то по необходимости многие волновались по этому поводу. В то же время от имени Шведского короля объявлялись эдикты, в которых обещался возврат каждому его имущества и владений, которые предки его, в прежние времена, держали на ленном праве, и приглашались те, кому принадлежат имения, явиться для вступления во владение ими. В числе других некто Беринг, имевший во власти несколько королевских крепостей, как потом было узнано от Москвитян, уходивших из Пернова, написал Москвитанам письмо, в котором убеждал их, если не могут дольше выдерживать осады, сдаться лучше королю Шведскому, нежели Польскому. Хотя Замойский и не терял надежды, что наконец Псков будет взят либо силою, если король, как условился он с ним, пришлет ему вспомогательные войска, либо сдастся в его власть вследствие голода и недостатка провианта не позднее июня, дольше которого, он ясно видел, осажденные не выдержат, тем не менее в виду такой возможности потерять Ливонию в пользу Шведов, он также склонялся в пользу мира.

Около того же времени прибыл в лагерь какой-то купец от коменданта Нарвского, присланный Шведами для того, чтобы жаловаться на разные обиды на границе обоюдных **[257]** владений, будто бы нанесенные нашим войском, стоявшим выше Гдова на Пребуже. Когда сверх ожидания Шведов ему дан был слишком любезный ответ, то потом к Замойскому пришел от Понтуса Делагарди Каньоли Итальянец (Cagnolus Italus), коего деятельность особенно была замечательна при занятии Нарвы, и, высказав приветствие Замойскому вместо короля в почтительных выражениях и отдав письмо Понтуса к королю, просил позволения по его личному желанию отправиться к послам московским. Замойский, хотя и знал хорошо о том, что делается в Ливонии, однако полагая, что нужно держаться его обычной учтивости перед иностранцами, теперь на просьбу Каньоли благосклонно отвечал, что королю не могло придти в голову, когда он особенно так долго оставался в лагере и никто не приходил к нему от Шведского короля, что потом будет прислан посол, и потому с одной стороны король не дал ему на этот счет никаких приказаний, а с другой стороны он не может ничего разрешить ему, не имея на то королевского приказания и без его воли; он с своей стороны готов послать письмо с курьером к королю, или, если ему угодно, разрешить ему самому поехать к королю, причем он даст ему конвой. Получив такой ответ и

оставив курьера с письмом, Каньоли вернулся к Понтусу; за ним, когда еще не был послан из лагеря гонец к королю, отправился в Ливонию вестник о заключении мира.

Уже раньше прибыл к Замойскому Александр[60], присланный московскими послами из Заполья, возвестить жителям Пскова о заключении мира, и когда Замойский пригласил последнего на завтрак, то тот отвечал, что он сочтет за величайшую милость, если ему будет позволено, **[258]** как можно скорее пройдти к городу. “Пока, говорил он, я буду здесь пировать, осажденные будут между тем пить кровь”, и прибавил, что он будет завтракать у него тогда, когда вернется назад, сообщив своим радостное известие о мире. Дав ему конвой, Замойский приказал проводить его к городу. Когда тот подошол к Покровской башне, прикасавшейся к реке Великой и разрушенной, как выше было сказано, пушками Венгерцов, и объявил, кто он, то стоявшие на стенах выказали такую сильную радость и благодарность, что тотчас, схватив его, подняли вверх на стены и, нисколько не стыдясь ни своих, ни кругом стоявших наших, бросились целовать его ноги, называя его в радостных криках архангелом и вестником мира; затем, обратившись к нашим, называли их братьями и приглашали их без боязни подойти к ним ближе и свободно ходить. На следующий день тот же Александр с несколькими другими знатными людьми, вернулся в лагерь к Замойскому; так как, по их мнению, мир уже состоялся, то они просили у Замойского дозволения свободно рубить дрова, и чтобы он как можно скорее отвел войско. Замойский отвечал на это, что хотя уже переговоры о мире кончились, но он еще не получил грамоты, в которой написаны условия мира, и еще не пришли от их государя те лица, которые должны передать крепости; затем он пригласил их к своему столу. Так как завтрак был очень роскошен, то те, которые были убеждены, что наши терпят сильный недостаток в провианте, тем более были удивлены при виде запаса не только всех нужных предметов, но даже и очень многих таких, о которых они сами никогда и не знали. Замойский, как он это сделал в предшествовавший год, так и при начале этого похода, кроме пушечного пороха, для потребностей набранной им пехоты, сам заготовил и военные снаряды, равно как и огромнейшее количество провианта, а **[259]** сверх того, не малое количество более тонких запасов для угощения чужестранных гостей; одна часть этих заготовлений, сделанных в Риге и Гданске, на подводах, вытребованных у герцога Курляндского и города Риги, была перевезена и сложена выше Кокенгаузена, находившегося еще в руках неприятелей, и оттуда на судах вверх по реке

доставлялась в Дисну и далее в Заволочье; другую же часть он свез на телегах. Когда во время обеда вспомнили также о посылке ящика к Шуйскому, то Александр рассказал и о случившемся с Хворостининым, о чем мы выше сказали, и также прибавил, что если бы в это время не был заключен мир, то они, чтобы не показаться побежденными изобретательностию наших в свою очередь послали бы им вместо того 300 золотых яблок. Это довольно ясно показывало, что они ни к какому другому происшествию не относились с большим негодованием, как к этому. Уже и раньше до заключения еще мира, когда Венгерцы слишком близко подходили и весьма часто с усмешкою говорили им об ящике, они до того по собственному признанию возмущались этим, что, когда те же Венгерцы бросили как то перед ними ящик на реку, покрытую льдом, то они стали давать по нем в досаде и гневе многочисленные выстрелы из пушек. Подобным же образом они потом довольно часто стали приходить к Замойскому, который всегда их ласково принимал. Прийдя однажды для обмена пленных, они встретились тут с начальником хоругви Прокопием Пенионжеком, дававшим в то время пир. Если они раньше были того мнения, что Замойский, находясь в стесненном положении от недостатка в провианте и фураже, отведет сам назад войско, то теперь увидели, что не только главнокомандующий, но и все войско пользуется большим изобилием. На следующий день послали к Замойскому Федора Мясоедова и многих других просить его по заключении мира увести наконец свои войска и тем **[260]** освободить город от осады; если же он не сделает этого в трехдневный срок; то, они заявляют, что не будут считать себя связанными миром. На это Замойский отвечал, что по его мнению они говорят, по заключении мира, не то, что думают, так как он знает, что мир им не неприятен, и конечно приятнее чем тому сословию людей, которое живет жалованьем; он уведет войско, когда то будет удобно.

В это время прибыл в лагерь сам воевода Брацлавский и объявил, что ни на каком другом условии не мог состояться мир, как только на том, чтобы немедленно было отведено войско; равно как и для возвращения крепостей приняты такие условия, чтобы как можно скорее были посланы тем и другим государем к тем крепостям, которые должны быть возвращены, дворяне; и как скоро они прибудут, передающие должны вводить принимающих во владение землею и крестьянами. Между тем те, которые вступают во владение, должны доставить уходящим для перевозки их имущества нужные подводы; когда оне будут доставлены, то на восьмой день после прихода дворян крепость

подлежала очищению. В случае, если нельзя будет перевезти чего либо из более дешевых вещей удобным образом, то такие вещи могли быть оставлены за печатью, с тем чтобы при первой возможности быть возвращенными своим владельцам. В этих то именно условиях Замойский видел большое затруднение. Так как в стране, опустошенной непрерывными войнами, естественно оставалось весьма малое количество лошадей, то он понимал, что почти во власти Москвитян будет по своему усмотрению оттягивать возвращение. Однако, чтобы узнать их намерения и вместе с тем выказать им свое доверие, он приказал передать им Остров прежде, чем пришол срок его отдачи; и хотя он понимал, что в том только и заключается вся надежда на получение обратно остальной Ливонии и на прочность мира, чтобы **[261]** удерживать Москвитян в верности договору страхом осады и близостью войска, однако для того, чтобы они не могли потом утверждать, будто им положено начало нарушению присяги, данной послами, — отозвав отовсюду фуражиров, Замойский приказал всей пехоте с пушками и более тяжелыми военными орудиями выступить вперед к Новгородку (Ливонскому), на расстоянии 8-ми дневного пути, где в крепости и думал все оставить. Отсюда он выслал вперед в разным стороны другие отряды для того, чтобы принять обратно порознь крепости Ливонские; за этими отрядами вслед им шел отряд, служивший для защиты больных, за ним следовали обозы. Сам он с остальным войском, двинулся из-под Пскова в,6-й день февраля. Москвитяне во множестве смотрели на переход войск частию со стен и болверков города, частию с берегов реки и других более высоких мест; они любовались преимущественно последней частью войска, которая, хотя, доходила приблизительно численностью до 24.000 всадников, но однако более обращала на себя внимание их скорее блеском и вооружением и красотой коней, нежели количеством и численностью; большая часть из них были в таком хорошем состоянии, что казалось, будто ничто или мало изменилось у них от перенесенных ими трудностей зимних холодов и продолжительной осады. В таком порядке Замойский перевел войско к Сескелии и к другим соседним селам выше Дерпта, имея в виду, что с этого места ему легко можно будет, если Москвитяне не станут исполнять условий мира, вернуться в Московские пределы, а равным образом отсюда представлялась возможность близкого наблюдения за Перновом; если бы Шведские войска не захотели отступить от него, как им о том было заявлено, то он сейчас же мог принять решение сообразно времени и обстоятельствам, потому что раньше еще, тотчас по заключении мира, он послал с несколькими

хоругвями **[262]** всадников Ивана Лесновольского объявить начальнику города и крепости о том, чтобы тот оставил этот город, как по праву уже принадлежащий королю. Хота Москвитяне получили обратно Остров и даже прошел срок, в который они назначили возвратить Новогродок, однако они нарочно делали проволочки; может быть они ожидали того, чтобы наше войско было распущено, может быть они хотели, чтобы их люди успели достигнуть из более отдаленных крепостей до крайних пределов Ливонии и даже до самых границ Московии и переправить безопасно свои вещи; иначе, по удалении ближайших, последние, находившиеся в Кокенгаузене, Пернове и более других отдаленных местах, могли бы замедлить и подвергнуться обидам и притеснениям со стороны наших. Замойский, видя, что эта проволочка доставляет и ему, и войску величайшее неудобство, приказал уже раньше Уровецкому, послав его наперед с пушками к Новогродку, открыть себе вход в крепость. Последний, скоро вступив в дружелюбные отношения с комендантом, стал потом свободно бывать у него. Спустя несколько времени, прибыл сюда и сам Замойский, вместе с воеводой Брацлавским и 60 приблизительно солдатами, которые за ними поодиночке следовали; на обычный вопрос привратника наши отвечали, что идет сотник, и таким образом Замойский вступил внутрь крепости. Около того же времени туда прибыл Петр Волконский. Со времени переговоров в Заполье, при которых Волконский присутствовал, он знал воеводу Брацлавского и потому с упреком заметил коменданту, зачем тот впустил воеводу, когда говорил, что впустил только сотника; воевода отвечал, что не только он (Брацлавский), но и сам Замойский находится тут. Видя, что комендант смущен этим, Замойский сказал: “ведь все одно, эта крепость была уже потеряна для твоего государя, если бы даже ты не должен был по условиям мира отдать ее добровольно; никакого коварства в этом **[263]** нет со стороны моей, я пришел сюда, чтобы осмотреть крепость, принадлежащую моему государю”. И при этом он стал уговаривать этого человека уступить. Когда последний стал отговариваться недостатком подвод, то Замойский дал ему известное число из тех лошадей, которые везли пушки. Воспользовавшись ими для вывоза всех своих вещей, московский комендант сдал замок и удалился. Хотя Новогродок представляется небольшим по своей величине, но важен своим соседством с Московской областью и вследствие этого именно обстоятельства хорошо защищен валом, в особенности же тройною стеною и многочисленными башнями и одним замечательным болверком.

Отсюда Замойский прямо прибыл в Сескелию (Seskelia) и остановился там на несколько дней, чтобы узнать, возвращен ли Дерпт Москвитянами Сигизмунду Розену, отправленному для принятия города в качестве коммисара; видя, что Москвитяне все-таки не уходят, не смотря на подводы, которые туда Замойский послал в большом количестве, выпросив их при большом в них недостатке у герцога и у других, он сам направился в Дерпт и остановился в близком к городу монастыре. Отсюда он послал к начальнику города Николая Жебржидовского и Станислава Жолкевского сына с требованием, чтобы тотчас тот удалился, и согласно с условиями мира сдал город и крепость; если же он не сделает этого в продолжении 3 дней, то, как объявил, он переведет снова войско в Московскую область. В это время уже прибыл от Московского царя Василий Головин (Basilius Holovinus) из его первых дворян. Горько вздыхая, он говорил, что помнит то время, когда можно было Москвитянам быть гордыми и упрямыми; причиною же теперешней медленности выставлял то обстоятельство, что еще не достаточно приготовлено было лошадей и повозок и потому просил прибавить еще один день к **[264]** трехдневному сроку. Замойский, отдав ему из собственного запаса около 200 лошадей, принял Дерпт в 24 день февраля месяца. Московский царь владел Дерптом уже 29 год, и потому очень многие разлучались с этим городом с величайшею горестью и слезами, как с таким местом, где они родились или выросли. В особенности женщины, сбегаясь на могилы и своих мужей и детей, отцов и родственников, по обыкновению своему испускали страшные рыдания. Весь народ Московский, более чем какой другой, отличается суеверием — в особенности в деле почитания могил и умерших. От обычаев других народов у них есть здесь та особенная разница, что они не тотчас погребают умерших, но в продолжение одного года держат их в гробах в склепах со сводами, а затем, по прошествии года, предают земле со слезами и стенаниями.

Некогда Дерпт был богатейшим городом Ливонии, доказательством чего служит даже доселе вид публичных и частных зданий. В Ливонии нет нигде лучшей и более плодородной земли, чем Дерптская. Прежде, чем Немцы, переселявшиеся в Ливонию, принесли в эти места христианскую религию и свой язык, все это пространство от моря выше Пелбского озера (l. Pelba) до Пскова находилось во владении варварского племени Судетов (Sudetes), с которыми, по рассказу Московских летописей, происходили многочисленные войны у Русских. После того как эта страна сделалась христианскою, она подчинилась епископам, под властию которых и состояла до

Германа Весселя (Vesselius). Когда Московский царь по взятии Нарвы и Нейгаузена заставил его вместе с городом сдаться под свою власть, то противно данному обещанию увел его в Москву. Большое вероломство показал он в отношении к живому епископу, но не меньшую ненависть обнаружил и к умершим, трупы которых спустя немного времени он выбросил из **[265]** храма и из гробниц. Некоторое время затем в городе на равных правах жили и Ливонцы, и Москвитяне; по прошествии же некоторого времени, когда Ливонцы вследствие не-справедливых действий со стороны Москвитян составили заговор с целью умертвить их, и когда Ливонцы без труда были усмирены Москвитянами, превосходившими их числом, то очень многие из прежних жителей в это время были перебиты, а остальные отведены в Москву; с тех пор город этот имел жителями только Москвитян. Уже раньше, уходя из Новгородка, Москвитяне подложили огонь под его основание, но он был тотчас во время захвачен нашими и потушен. В Дерпте были замечательны два здания: замок, в котором прежде жил епископ, а когда город подпал под власть Москвы, — владыка, — и другое здание, предназначенное для государя, которое сам князь, заняв несколько частных лучших домов и убрав их по своему, выстроил для себя. Жители Дерпта полагали, что Замойский остановится в замке, так как по обычаю их считается уголовным преступлением для частного человека поместиться для жительства в доме государя; на основании такого соображения, в разных местах под замком они подложили пороховые мины, так чтобы, сообразно с тем, когда догорят проведенные к ним затравки (Funiculi), одне из них должны были взорваться через 24 часа, другие чрез 48 часов, после их ухода. Остановившись прямо в доме государя, Замойский отплатил за опасность, которой он подвергался, тем, что велел казнить нескольких крестьян, на которых лежал уход за замком. Несмотря на это, принятые по отношению к неприятелю обязательства были соблюдаемы самым тщательным образом, и Замойский не только не мстил за это никому из тех Москвитян, которые оставались в Ливонии, но даже, когда один мальчик, родственник Дерптского воеводы Плещеева, не столько подученный нами, сколько прельстившись **[266]** ребяческим образом некоторыми детскими приманками, добровольно пристал к нашим, и Плещеев сильно о нем беспокоился, то Замойский приказал весьма ревностно искать его и возвратить. Подобным же образом заняты были другими начальниками и прочие крепости, которых было не мало. Прежде чем сделалась известною сдача Дерпта, Москвитяне скорее были вытесняемы из них нашими ловким и хитрым образом, чем сами их оставляли.

По занятии Дерпта также были отданы приказы королевским наместникам, начальствовавшим в Заволочье, Луках и других Московских крепостях, передать означенные крепости Москве. До этого же дня, ни одно владение, кроме Острова, не было передано Москвитянам, но потом все были честно сданы.

В это время де-ла Гарди, когда Лесновольский от имени Замойского, объявил ему то, о чем мы выше сказали, увел войско от Пернова, после того как ему полюбовно были указаны границы; сняв осаду, он распределил войско по крепостям, собрав его с полей. Около этого же времени Замойский отправил к нему Эрнеста Вейера (Ernestus Veierus) и Михаила Конарского (Michaeles Konarscius) по делу о Вейсенштейне, чтобы объявить об уступке его Москвою королю и спросить, намерен ли он воспрепятствовать его переходу в наше владение. Тот на это отвечал, что его король сам пошлет к Польскому королю послов, чтобы переговорить по поводу этих спорных вопросов.

Вот таков то был исход войны, веденной Московским князем с меньшим мужеством, чем то, какое он показал во время прежних войн, или даже какое он обнаружил при ее начале, или наконец какого требовала старая слава об его могуществе. Во первых, он не сделал совсем никакой попытки остановить движение нашей армии, когда она встречала препятствия при переходе через леса и реки, хотя он весьма легко мог это сделать, прежде чем она **[267]** проникла в открытую Московию и в самое сердце государства; а кроме того многие находили удивительным, что он ни разу не дал своим (воеводам) полномочия и возможности вступить в битву с надлежащими силами. Я не могу положительно сказать, поступал ли он так потому, что рассчитывал, будто он может посылками своих посольств отнять время для действия и ослабить между тем напрасными издержками силы короля; или же потому, что, наученный неудачами прежних лет, он считал невозможным полагаться на (искусство) своих в открытом бою, или же тут было то, что обыкновенно делает Господь, отнимающий с начала разум и мужество у тех, кого Он хочет наказать за их злодеяния, то есть, что страх, постоянный спутник и мститель жестокости, не позволял ему надлежащим образом позаботиться о своих делах, ни мужественно за них взяться. Хорошо известно только то, что в начале был весьма удобный момент, когда, среди всех тех затруднений от лесов, болот и рек, он мог бы сильно обуздать стремление вперед нашего короля и войска, и что если бы он отважился на решительную битву, то едва ли мог бы понести больший ущерб, чем тот, какой он испытал на деле — вследствие того, что, постоянно сомневаясь в исходе и избегая всякого

сражения, он в разных отдельных случаях и в разных местах противопоставлял своих нашим по одиночке, так что они были окружаемы многолюдством нашего войска. Известно, что во время опустошения Московского государства на весьма обширном пространстве от Днепра выше Стародуба и Радогостья вплоть до Чернигова, затем от реки Двины до Старицы и в сторону Новагорода до Ладожского озера, во время завоевания стольких крепостей и при сдаче многих, погибло около 300.000 человек, до 40.000 взято было в плен, так что повидимому на счет такого количества можно было бы вести не одну войну. Сколь велико было **[268]** число молодых людей, взятых в плен, можно заключить из того, что почти не было ни одного частного человека из дворян, который не имел бы одного и двух у себя в неволе, многие имели их больше; конечно, эта потеря по наружному виду была меньше выше упомянутой, но на самом деле была гораздо больше. Ясно, что, так как все почти юноши из некоторых провинций, особенно же Лукской, Заволочской, Псковской и Новгородской были уведены, то все эти местности, теперь населяемые только более взрослыми, сами по себе, при недостатке подростков, должны были бы обезлюдеть. На основании окончательного договора он потерял приблизительно до 18 городов и замков, бывших прежде под его властию, а именно: Дерпт, Феллин, Лаиш, Мариенбург, Кокенгауз, Пернаву, Вольмар, Румбург, Гассель, Новогродок, Мариенгаузен, Лудзень, Розиттен, Трикат, Берсон, Ландеск, Сесвег[61], Вейсенштейн, который, хотя занят Шведами, но не мог быть по праву требуем обратно, затем (утратил) местности, которые раньше взяты были королем и находились под его властью, именно: Полоцк и в том же княжестве Сушу, Сокол, Красный, Ситну, Озерище, Козьян, Нищерду, выше Витебска Велиж, составлявший наиболее древнее владение Москвы, область которого простирается почти на 120 миль; в Ливонии: Венден, Леноварт, Дюнебург, Пиркель, Салу, Киремпешь, Эльсен, Фабианов; между тем как царь сам получал обратно из земель, которые завоеваны были королем оружием: Луки, Заволочье, Остров, Невель, Холм, затем только крепостцы, разрушенные им самим, Красный, Красногород, Воронеч, Велий. Из всех этих потерь может быть самою важною была та, что, уступив все гавани на Балтийском море, Московский царь, уже и раньше отрезанный оружием Турок от судоходства по **[269]** Днепру, был как бы изгнан почти со всех морей, за исключением только Ледовитого, не имеющего никаких пристаней и весьма опасного; он как бы оттеснен был от всех торговых сношений с другими западными и южными народами в глубь Московского государства, и на него наложены были как бы

оковы, мешающие ему двигаться в ту или другую сторону.

КНИГА VI

После замирения с Москвою, как рассказано в предшествовавшей книге, первою заботою короля было отправиться лично в Ливонию и Ригу для того, чтобы дать надлежащее устройство провинции. Как только он вступил в Ливонию 12-го дня марта месяца, то на следующий день прибыл к нему Замойский. Другие сенаторы, польские и литовские, в довольно большом числе уже раньше явились, чтобы сопровождать короля. К ним король вызвал письмом герцога Курляндского и сколь возможно большее число из ливонского дворянства и, посоветовавшись со всеми ими обо всем, что относилось к устройству той провинции, просил их письменно изложить свое мнение. Главнейшими пунктами, о которых они совещались, были следующие: возобновление храмов и восстановление (католического) богослужения, восстановление епископа, разделение провинции на известные судебные округа, затем учреждение управления и общественной казны. Каждый выразил свое мнение об этом. Король хорошо знал, что его предки провинции, ими приобретенные, устраивали по своей воле без совета сословий; однако, чтобы сделать им приятное и в виду того, что все так или иначе оказали свое содействие и рвение для возвращения той **[270]** провинции, он предпочитал, чтобы главным образом и известное положение об ее устройстве было составлено с общего совета; и потому он отложил все дело до сейма; а тогда только назначил коммисаров частию из своих спутников, частию из ливонского дворянства, чтобы осмотреть всю провинцию, описать земли, все доходы с них и повинности и донести ему обо всем этом, для того чтобы тем лучше можно было — бы затем на сейме сделать надлежащие постановления. В тоже время он считал нужным установить четыре разряда владений: первый разряд, который бы имел в виду государственную безопасность, следовало приписать к пограничным замкам, дабы они могли содержаться отсюда, как — бы из собственных доходов, получать все необходимое для защиты и вообще быть охраняемы; второй разряд тот, который служил бы фондом для содержания епископа и католического богослужения и для составления государственной казны; в третий разряд он предполагал отнести такие имущества, которые следовали частным лицам на основании известного права, или же могли быть даны в виде мены, если бы восстановления их наследственных прав не допускали интересы республики; наконец — последний разряд имений предназначался в дар за доблесть

лицам, оказавшим хорошие заслуги и в особенности тем, которые отличились усердием в этой войне; военным людям розданы были вакантные уряды и староства, а некоторым назначены были казенные пенсии. В продолжение всей этой войны по отношению к павшим на ней король наблюдал такое правило, чтобы в случае смерти лиц, владевших на основании какого либо права государственными землями, утверждать те же имения за их детьми, хотя бы последние были несовершеннолетни, отчасти даже и за дочерьми; многим даже из среди простого народа за те или другие славные подвиги, оказанные как в прежних походах, так особенно в этот последний, дарованы были права **[271]** шляхетства; так как очень многие из таких просили Замойского допустить их к общению герба, то он ради этих храбрых людей охотно сдался на то, что если уже они раньше сделались достойными дворянства благодаря своей доблести, то могут быть им признаны не недостойными гербов его рода; и даровал право на такие гербы, частию прибавив к ним кое что, частию убавив, частию несколько изменив большей части тех, которые о том просили. Когда устроено было все это означенным образом, начались совещания с жителями Риги относительно тех дел, которые, как мы выше сказали, были отложены до прибытия короля.

Город этот со смерти архиепископа Вильгельма завладел как дворцом и кафедральным собором архиепископа, так и всеми принадлежавшими к ним правами и доходами, и во всех приходских церквах ввел права Аугсбургского исповедания. Порешили относительно этого пункта так: храм св. Иакова и ближайший к нему св. Марии Магдалины со всеми издревле принадлежавшими им по какому либо праву доходами возвращались для потребностей католической религии; а дворец, принадлежавший архиепископу и находившийся близ стен, вместе с домами каноников и с пустыми пространствами, которые до того не были никому отданы, оставался во власти города. Но, так как с этих местностей некогда взимались ежегодно некоторые общественные поборы, то решено было, чтобы город в замен их также выплачивал известную ежегодную сумму храму св. Иакова и его служителям. Относительно вала, выстроенного городом против крепости, король согласился, чтобы он остался на том же месте, на котором был и, когда он объявил, что с своей стороны намерен со всех сторон окружить замок валом, прибавлено было только то, чтобы и городской вал также был сделан в уровень с тем, каким он намеревался **[272]** оградить замок, и чтобы в сторону крепости были бы пробиты ворота в городской стене.

Между герцогом Курляндским и городом также произошел

спор относительно плавания судов, и портовой пошлины (мыта); первый утверждал за собой право на пользование рижской гаванью, так как река течет из его владений и впадает в Двину ниже Риги; а также право беспошлинного вывоза товаров, а город отказывал ему в этом. Король уговаривал их согласиться между собой и объявил, что он разберет это дело на сейме, если теперь не последует между ними соглашения. В Ригу прибыл также и принц Магнус. Он стал просить подтверждения на право владения той частью Ливонии, которую он прежде имел, и соглашался признать ленную зависимость и дать присягу; ему было объявлено, что по обычаю предков это возможно сделать только на сейме. Позже всего заявило королю свои желания и местное дворянство. Так как последние касались устройства всей провинции, то ему был дан ответ, что сама простая справедливость требует не решать без согласия чинов королевства этих дел, после того как эти сословия приняли на себя столько труда и издержек при освобождении провинции. Так как говорили, будто Московский царь, собравший на границах Ливонии значительные войска, выведенные им из крепостей Ливонских, имеет намерение осадить с ними Нарву, то король всего более беспокоился о том, как бы не потерять бы ее обоим, в случае если в то время Шведский король окажется не приготовленным и будет иметь слишком мало сил для того, чтобы дать отпор. Вследствие того он тотчас отправил к Московскому царю с письмом литовца Петра Визгерда. В письме он объяснял следующее: от своих послов, бывших в Заполье, он узнал о том, что между ними и послами его состоялся мир на известных условиях, которые он, король, принимает; но **[273]** хотя он и видит, что ливонские крепости, находящияся во власти Шведского короля не упомянуты в условиях, однако, в случае если оне будут взяты Московским царем, он всетаки не может отказаться от права на них, своего и республики, которое всегда поддерживала и молчать об этом ему не позволяют ни вера, ни совесть; чтобы это обстоятельство как нибудь не нарушило мира, он убеждает воздерживаться от всякого насильственного против них действия, пока не придут к нему великие послы, имеющие подтвердить с обеих сторон мир, и, если окажется какое либо недоразумение в условиях, придти с ним об этом к соглашению. Королева также думала писать об этом к сестре своей — Шведской королеве чрез Христофора Варшевицкого. Так как последний мешкал, то король, в виду неизвестности относительно намерений Московского царя, так и относительно других дел не желавший никакой проволочки, не колебался в своем решении как можно скорее отправить к

Шведскому королю Доминика Аламания (Dominicus Alamannius), своего кухмейстера, считая его более годным перед прочими для отправления этого посольства, так как уже в то время, когда велись переговоры чрез Ивана Баптиста Тенчинского (Johannes Baptista Thencinius) о браке Шведского короля, тогда бывшего герцогом Финляндским, с королевой Екатериной, Аламанний был на службе у Тенчинского, и потому был известен столько же королю, сколько и королеве; даже думали, что он пользовался большим расположением королевы, перед которой, казалось, и нужно было теперь всего более хлопотать об этих делах, вследствие ее очень близкого родства с королевским Польским домом, и так как она имела, по мнению всех, не малое значение у своего мужа. Главною задачею посольства было во первых, припомнив все, что произошло между обеими сторонами с начала войны, объяснить, что поход третьего года войны предпринят был **[274]** королем не ради какой иной причины, как только ради Нарвы и ради включения в общий мир Шведского короля, так как почти всю остальную Ливонию Московский царь еще ранее уступил ему, когда присылал послов в Вильну; между тем, против всякого ожидания короля, пока он находился с войском у Пскова, о походе на который дружески сообщено было (в Швецию) раньше по взаимному родству, и в то время как он лишал неприятеля всякой возможности помочь своим в Ливонии, Шведский король, вместо того, чтобы, как от него надеялись, с своей стороны сделать нападение на Московское государство с другой стороны, неожиданно занял не только Нарву и соседние крепости, свободные от гарнизонов, которые неприятель из всех крепостей стянул во Псков, и лишенные провианта и всякой надежды на помощь, но также овладел и Вейссенштейном, об уступке которого неприятелями королю он уже знал, не обративши внимания на королевское письмо; и притом с помощью тех самых войск, большую часть которых его уполномоченные набрали в Гданске, и затем теперь осадил также и Пернов. Король мог бы, если бы предвидел такой образ действий Шведского государя, воздержаться от траты денег и труда, каких потребовал поход того года; вследствие этого он вынужден был остановить ход военных действий, отлично начатых против Московского царя и прекратить Псковскую осаду в то время, как, преодолев более трудную часть задачи, легко мог бы преодолеть и остальную, наконец вынужден был заключить мир отдельно без него (Шведского короля), дабы, в то время, как он старался об его выгодах, не потерпеть от того еще большего вреда в Ливонии, из-за которой только и происходила война. Послу приказано было требовать у Шведского короля удовлетворения королю и

государству за все те его несправедливые действия.

Кроме того, ему дано было тайное поручение: в случае, **[275]** если Шведский король, как полагали, станет требовать части наследства Сигизмунда Августа, уплаты денег, должных ему, выдачи обещанного приданого, все еще не полученного, и некоторых других вещей, объявить ему, что одно дело — его требования, для которых существует в Польском королевстве принятый издревле известный закон и надлежащие суды, и что совсем другого рода те обиды, которым с его стороны подвергся король, и которые не имеют ничего общего с теми делами. Если однако посол увидит, что Шведский король будет расположен отказаться от Ревеля и вместе с тем от всякого права на Ливонию, то пусть обещает ему уплату без всяких вычетов приданого и долга, требуемых им, пусть объявит, что король соглашается представить решение остальных спорных вопросов сообща выбранным посредникам и будет стараться пред Московским царем о том, чтобы включить и его в общие мирные условия; если же он (Швед) не будет сдаваться на такие предложения, то пусть он примет одно из двух, либо несомненный мир с Москвою при содействии короля, либо король на свой счет даст ему 1.000 всадников для войны московской и притом всадников таких, которые, будучи облагодетельствованы Сигизмундом Августом, охотно согласятся на этот поход, и при том могли бы это сделать на свою ответственность без нарушения публичного мира в силу вольностей Польского народа. На жалованьи и на содержании короля (Польского) они будут до тех пор, пока Московский царь не заключит с ним (Шведским королем) такого же мира, какой заключил с Польским королем; если же Шведский король сочтет при настоящих обстоятельствах неудобным договариваться о всей занятой им Ливонии, то послу приказано было объявить, что король не прочь от того, чтобы существующие между ними пререкания были после улажены посредничеством общих друзей, и что, если его считают еще что либо должным, то он **[276]** готов это уплатить; только бы с той и другой стороны приняты были на всякий случай достаточные меры предосторожности относительно Нарвы, только бы она не была занята Московским царем в то время, как они об ней ведут переговоры. Всего лучше это может быть достигнуто тем, чтобы в нее был допущен королевский (польский) гарнизон. Ибо, как скоро в нее будет принят королевско-польский гарнизон, то Московский царь, по причине заключенного с королем мира, уже не может воевать Нарву, и таким образом он (Швед) без всяких хлопот и убытков обеспечит безопасность не только Нарвы, но и других своих Ливонских укрепленных местечек (замков), впереди

которых находится Нарва; при этом, соединив все свои войска, он (т. е. Шведский король) окажется гораздо более приготовлен для защиты Финляндии, так как ему не нужно будет защищать против неприятельской силы спорные крепости и не нужно будет раздроблять войска для содержания разных гарнизонов. Между тем в это время они условятся относительно посредников, и все их несогласия или будут прекращены при посредстве оных, или же, в случае невозможности уладить эти несогласия, король возвратит ему Нарву и найдет иные способы для достижения своего права; а чтобы ему (т. е. Шведу) не было никакого обмана, от того, что он ради общей опасности передал ему (Польскому королю) Нарву, он (король Польский) даст на этот случай приличное обеспечение.

Когда уже Аламанний отправился, Варшевицкий прибыл в Ригу с письмом от королевы. Король дал и ему такие же поручения к Шведскому королю, какие были даны Аламаннию. Но при этом приказал ему возвратиться назад без изъяснения цели посольства, если увидит, что первый посол чего-либо добился. Если же узнает, что тот отпущен без успеха, то пусть объявит, что в это самое время посылаются королем в Москву великие послы и что король **[277]** скоро назначит сейм; что таким образом он будет иметь самый удобный случай к тому, чтобы заставить Московского царя включить и его (Шведа) в мирные условия, а вместе с тем, чтобы посоветоваться с чинами о других своих делах, — и вот причины, почему уже прежде отправив к нему об этих делах посольство, он, побуждаемый просьбами своей супруги, а также их взаимным свойством, снова посылает к нему посла и указывает ему на удобный случай для разъяснения всех их споров. В условиях ничего не было изменено, как выше указано было. Прежде чем оставить Ригу, король назначил великих послов в Москву, о коих выше упомянуто было, Ивана Збаражского, воеводу Брацлавского, Николая Тальвоша, кастелана Жмудского, Михаила Гарабурду. Им был дан наказ, по произнесении Московским царем присяги о соблюдении мира, завести речь кроме того о включении в тот же мир и Шведского короля. Относительно же Нарвы и других Ливонских крепостей, находящихся во власти Шведов, объявить, что в случае, если Московский царь изъявит на них притязания, то король, как уже раньше объявил в письме, не отступится от них и даже не будет считать мир действительным, если это произойдет. Что же касается до пленных, то, так как Московский царь раньше требовал, чтобы они возвращены были одинаковым образом с обеих сторон, пусть объявят, что не одинаков счет пленных у того и у другого, ибо во власти короля находятся отличные

полководцы Московского царя, а у последнего из королевских подданных нет ни одного довольно знатного; из дворян очень мало, а остальные из смешанного класса. На основании этого пусть они требуют, чтобы он или уступил за пленных королю Заволочье и Невль, или, по крайней мере, тот, либо другой из них, потому что уже и раньше, когда его дела были еще в хорошем положении, он предлагал за более малое число **[278]** пленных Усвят и Озерище, такие города, которые еще тогда не были во власти короля; иначе, пусть бы и теперь выкупал своих подобным же образом, как раньше во времена Сигизмунда Августа, когда обыкновенно выплачивал известную сумму денег за каждую голову. Около того же времени возвратился в Ригу к королю от Московского царя Поссевин, испытавши много тягостей и бед во время этого путешествия. Поссевин всего более старался перед Московским царем об уничтожении церковного разногласия, которое разделяет как большую часть восточных племен, так и Московского царя с Римскою церковью, и о приведении его к церковному единению; затем из усердия своего к пользам христианства, он по собственной воле завел речь о заключении союза с королем против Татар и старался разузнать, как расположен был бы Московский царь относительно совокупных военных действий против варваров. Московский царь относительно последнего пункта указывал на то, что он уже заключил мир с Татарами. Вместе с Поссевиным пришли также послы, отправленные Московским царем к папе и к императору Римскому Рудольфу; один из них послан был также в Константинополь к патриарху Константинопольскому с некоторыми дарами, чтобы искупить ими убийство сына. Тем и другим были даны грамоты о свободном проезде. Почти в то же самое время он отпустил к королю Матвея Превосту (Matthias Prevosta), посланного к нему из Заволочья с указанным выше письмом, в котором король отвечал на его послание, и купцов, которых удерживал при себе во время военных действий.

На письмо Иоанн отвечал в коротких словах; он понимает, что оно, будучи послано среди разгара военных действий, написано несколько резко, но теперь, когда уже с обеих сторон восстановлены мир и дружба, он считает лишним во время мира отвечать на такое письмо, которое **[279]** несколько грубым в то время сделала война; что же касается до того, что так долго задержал принесшего ему письмо, то не мог иначе поступить, потому что все дороги вследствие войны были заняты войсками. Отпустив комиссаров, которые, как выше мы указали, были назначены для описания провинции, король отправился в Вильну.

Там он дал аудиенцию посольству татарскому, прибывшему туда несколько раньше от Магомета — Гирея, хана Крымских Татар. Последний просил обещанных даров, жаловался на при-теснения и обиды со стороны казаков; хотя последние и в самом деле бывали нередки, однако, Татарский хан еще нарочно преувеличивал их, чтобы, притворно указывая на домашние страхи и близкие опасности, избегнуть персидского похода, на который в то же время его вызывал Турецкий султан. Ответ от короля сказан был Татарам такой: что дары даны будут по обыкновению предков и что с их ханом будет мир на тех же условиях, на каких был раньше. Относительно же казаков было сказано то же, что несколько раз и раньше выставлялось на вид: эта толпа людей, составившаяся из разноплеменного сброда, бродячая и не имеющая прочной оседлости, не признает ничьей власти, но тем не менее, на сколько возможно ему будет, король постарается о том, чтобы удержать их от неприязненных действий и враждебных набегов. Этот ответ короля был принят варварами с некоторою надменностию, и главный посол, выслушав его, при самом как бы отъезде публично засвидетельствовал, что как бы там ни было, но если казаки не будут обузданы, они тоже не будут хранить мира. Раньше того шляхта Малой Польши и Руси через послов уведомила короля, что новый налог утвержден ими на их сеймиках. В то же время, прежде чем король уехал из Вильны, к нему явились послы от шляхты Великой Польши, а также Мазовии и Подляшья, от них он **[280]** узнал об утверждении такого же налога и на их сеймиках.

Тем и другим послам объявлена была благодарность и дан был совет во всем положиться на желание и старание короля о пользе государства, и в ответе, данном последним послам, было прибавлено, что король созовет в настоящем же году сейм для устройства государства и вместе с тем для приведения в порядок Ливонии, ибо, приобретя оную общим всех советом и помощию, король предоставлял общему решению всех чинов ее участь. Мы уже выше сказали, по какому поводу и с какими поручениями в то время был послан королем к Московскому царю Висгерд Литвин, а к Шведскому королю Аламанний. Московский царь, получив письмо короля, в котором последний уговаривал его не трогать Нарвы и прочих Ливонских крепостей, тотчас согласился на это. Посольство же к Шведскому королю было принято неблагосклонно, и даже помощь королевы оказалась мало действительною к смягчению короля, ибо, кроме того, что его раздражительность преграждала всем все возможные способы для умиротворения его, и она со своей стороны жаловалась на несправедливые действия и обиды, которым; по ее мнению, она

подвергалась в том, что не было выдано мужу ее приданое и наследство от брата, и в том, что муж ее не был включен в мирный договор. По этому, когда Аламанний оттуда стал давать известия, ясно указывающие на то, что помимо прежних неудовольствий отношения сделались еще более натянутыми, то король прибывший уже из Вильны в Гродно, вызвав туда большую часть сенаторов, решил, по желанию всех, тем скорее назначить сейм для того, чтобы доложить сословиям о несправедливых действиях также и со стороны Шведского короля.

В это время обстоятельно было написано в Ливонию и городским властям и начальникам о том, в каком **[281]** положении находятся дела, и им было дано приказание заботиться о том, чтобы не понести по нерадению какого либо вреда. Условлено было с Литовцами, что они пошлют помощь, если обнаружится какое либо движение в соседней Ливонии; то же самое было условлено чрез Райнгольда Гейденштейна с Прусским герцогом, так как и он был соседним государем Ливонии. С другой стороны, так как отправленные к Московскому царю великие послы, коим, как мы выше сказали, дано было поручение устроить мир между Шведским королем и Московским царем, уже были в дороге, то им было через курьера сообщено о том, чтобы они не упоминали совсем об этом и предоставили бы Шведу самому делать свое дело. В августе месяце король выехал из Гродна в Вильну; туда прибыли к нему в то же время и Аламанний и Варшевицкий, окончив свои посольства. Когда ожидали дня открытия сейма, пришло известие, что воевода Валашский — Янкул (Jancola) попался в наши руки. Последний, как мы выше указали, был по происхождению из Трансильванских Саксов и человек незнатного рода. Выдумав, будто происходит из рода Валашских господарей, он, благодаря содействию Ахмета паши, достиг княжеской власти над этой провинцией, и уже сначала тотчас показал в какие отношения он станет к королю; против обычая своих предшественников, он никогда не посылал никаких послов к королю, затем стал наносить разные оскорбления королю и его подданным, несколько раз перехватывал королевские письма к Турецкому султану, распечатывал их и распечатанными отсылал назад; пытался всевозможными способами возбудить ненависть и презрение против короля и королевского сената; сделал нападение на несколько соседних имений дворян, грабя, убивая и предавая все огню; избив раз королевских людей за то, что они пришли требовать назад свое имущество и за получением **[282]** суда, он заключил их в тюрьму. Когда король, возмущенный этими оскорблениями, как мы раньше сказали,

обратился по поводу их к Турецкому султану и потребовал, чтобы султан удалил Янкула из Валахии и оградил его от подобных оскорблений, в противном случае обещая принять решение собразное своему достоинству, то дело это было отложено. Но теперь, когда он был вызван к турецкому двору, а на его место преемником был послан другой, то Янкул, ограбив провинцию и набрав всего и собрав также отряд людей, задумал уйдти в Венгрию, находившуюся под властию цезаря; но он боялся идти туда прямо, так как думал, что все дороги заняты Трансильванцами. Поэтому он сделал обход и пытался пробраться через провинцию Польской области Покутье; но здесь Николай Язловецкий, староста Снятинский, и некоторые другие из королевских областей уже знали по слухам о его бегстве и стали преследовать его; таким образом он был ими пойман и отведен во Львов. Король тотчас написал Николаю Сенявскому, начальствовавшему над пограничньм войском в Руси, и к Николаю Гербурту, старосте Львовскому, чтобы они по народному праву совершили над ним смертную казнь, конфисковал его имущество и отправил надворного подскарбия Гиацинта Млодзевского принять имение в казну, а жене и детям назначил ежегодное содержание.

Между тем наступило время сейма. Король назначил сейм на 2-е октября. Так как Московский царь обещал остановить свои наступательные действия против Нарвы только до прибытия великих послов, как это от него требовали, то король опасался, как бы не оказаться неготовым к принятию нужных решений, в случае, если бы послам не удалось удержать царя при том же обязательстве далее, и потому он полагал, что ему не следует откладывать, но как можно скорее условиться о всем с сословиями. Кроме **[283]** того, нужно было в провинции Ливонии учредить законы, поставить правительственных чиновников, дать гарнизоны, про-виант, всякие военные снаряды и другие необходимые средства для защиты против неожиданных нападений; нужно было возобновить упавшие укрепления, устроить новые: во всем этом чувствовался недостаток, так как с одной стороны страна была опустошена непрерывною войной, длившейся в продолжение столь многих лет; частью же потому, что все передано было неприятелем в таком виде, в каком обыкновенно передается то, что сдается по неволе и уступая силе оружия; поэтому король, как мы выше упоминали, полагал, что все это нужно ему устроить согласно с мнением сейма. При этом также и речь посла татарского, о коей мы выше сказали, объявившая как бы войну, сильно тревожила короля. Так как к тому же присоединились еще получаемые часто из Руси слухи о

начавшемся брожении, что Татары будто уже совсем готовы пуститься в поход, то поэтому уже раньше король приказал Замойскому отправить к Сенявскому, начальнику пограничного Русского войска вперед 22 хоругви всадников, находившихся на службе под Псковом. Но, хотя в это время Татары еще не брались за оружие, однако король, видя, что малейший повод может их побудить вторгнуться в его владения, считал сообразным своему достоинству и славе своих подвигов принять такие меры, чтобы заставить их также бояться за себя самих и освободить государство не только от их набегов, но и от всякого страха опустошений в будущем. О средствах, как этого достигнуть, не нарушая мира с Турками, он намерен был сделать свои предложения на сейме, которые и следовало обсудить совокупно со всеми чинами. Кроме того, нужно было заплатить жалованье солдатам. Хотя на частных сеймиках был разрешен налог для этой цели, однако налог этот собирался в далеко меньшем количестве, чем нужно было **[284]** для уплаты жалованья, равно как и для уплаты некоторых других долгов, и кроме того низшая против ожидания сумма еще умалялась частию вследствие небрежности, частию по вине некоторых сборщиков, так как они приносили то меньше, чем должны были, то слишком поздно; поэтому король полагал необходимым обратиться к сословиям для постановления по этому делу надлежащих решений. Хотя король помнил, чего от него требовали от имени всего народа на прежнем сейме, и что обещал он относительно утверждения известного порядка для времени безкоролевья и для выборов короля, однако ему казалось пока еще несвоевременным приступить к этому предмету, так как еще не зажили вполне раны от прежних смут безкоролевья, и не касаясь оных, нельзя было рассуждать о предполагаемых мерах. Не смотря на то, что таковое было мнение большей части старших сенаторов, у которых он по обыкновению письменно спрашивал совета, тем не менее, в виду того, что по усиленным просьбам земских послов он обязался на первом же сейме поднять об этом речь, король полагал, что ему невозможно уже отступать от своего обещания. Равным образом такого же взгляда он держался относительно попытки водворить согласие между светским и духовным сословиями; хотя он тоже считал при данных обстоятельствах неудобным приступить к ней, тем не менее по тем же указанным причинам принял на себя обязанность предложить об этом пункте сословиям. Сверх того, в случае, если бы оказалось что либо неудовлетворительным в судопроизводстве или, если они пожелали бы какого либо исправления в нем, то он и в этом также деле готов был оказать свое содействие государству. Все это он прибавил более для того,

чтобы с одной стороны удовлетворить желанию сословий, с другой, чтобы выказать свое расположение к ним; главнейшее же внимание он обращал на те пункты, которые мы перечислили на первом месте. **[285]**

После того, как об этом было предложено с начала сенаторам, потом собраниям шляхты, которые обыкновенно составляются до сейма по обычаю в каждом воеводстве, то не с одинаковым расположением принято это было всеми, и снова началось почти такое же волнение и стали раздаваться те же речи, какие были, как мы выше указывали, на некоторых прежних сеймах. Те, которые помнили, что король им обязан своим королевством, так как они своим голосом поддерживали его при выборе, теперь досадовали, что они или получили меньше того, на что надеялись или, что другие достигли того, чего они сами желали. В среде прежних противников не мало оставалось таких, которые не могли забыть о своем поражении в борьбе, сопровождавшей прежние безкоролевья. Те, которые раньше пользовались преобладающим голосом и влиянием на сходках и собраниях шляхты и приобрели себе вследствие того имя, народное расположение и достаток, теперь роптали на то, что все награды отданы войсковым, и досадовали, что теперь больше нет места и признания для тех мирных талантов, которыми они сами преимущественно отличались. Вообще умы были сильно возбуждены в ту или другую сторону, смотря потому, чем кто более был затронут. Иные громко кричали, что дело идет совсем не о том, чтобы рассуждать о каком либо новом способе королевских выборов на будущее: время, а напротив о том, чтобы заранее облечь королевскою властью наместника чужой власти и помощника, при чем разумели Замойского: сюда клонятся благодеяния, которыми он старался привязать к себе военных людей, с этою целию и по заключении мира многие из них удержаны при себе Замойским: поразив шляхту страхом, он хочет при помощи насилия и оружия захватить королевскую власть. Диссидентов пугали стеснением свободы вероисповедания и ограничением их прежних прав. Иные рассуждали, что **[286]** король ищет не какого либо исправления судопроизводства, но просто хочет, уничтожив существующие суды, забрать судебную власть в свои руки. Вообще все принималось ими и перетолковывалось на выворот; дошло до того, что вместо означенных королевских предложений в народе распространялись другие артикулы, в которых смысл проекта нарочно был извращен для возбуждения тревоги; при чем в известной степени опять проявлялась и ненависть к Замойскому. Много и открыто жаловались на почести, предоставляемые

Венгерцам, указывали при том на Ландскорону, которою владела вместе с детьми сиротами вдова Гаспара Бекеша, после того как потеряла с начала своего мужа, получившего за свою храбрость право польского шляхетства, в лагере у Полоцка, а потом и брата его Габриэля, погибшего при осаде Пскова; она около этого времени вышла замуж за Франциска Весселина (Franciscus Vesselinius). Между тем были и такие, которые добровольно предлагали свою помощь королю, если он желает поднять вопрос о наследнике; но король, хотя и сознавал за собою большие заслуги пред государством, которые давали его фамилии не меньше прав на внимание, чем фамилиям других королей, однако полагал, что несообразно с настоящим положением хлопотать о достижении этого и что нужно лучше подождать добровольного желания сословий. Те с своей стороны полагали, что король ими пренебрегает, рассчитывая достигнуть цели с помощью других, и тем более поддавались раздражению. Шляхта, хотя и сознавала, чем она сама и республика обязаны величайшим благодеяниям короля, однако, вследствие возбужденных опасений относительно сохранения свободы и других самых дорогих благ, колебалась и действовала с некоторою медлительностию, наконец ко всему относилась с подозрением.

При таком то настроении умов открылся сейм. Замойский, как исполняющий должность канцлера, держал речь от **[287]** имени короля и начал ее напоминанием о пожеланиях и обете, которые всеми были сделаны при распущении прежнего сейма: как все тогда желали, чтобы король вернулся к ним невредим и цел из похода, и как давали обет с радостными чувствами броситься взаимно в объятия друг друга! И вот то, чего они просили у Бога, сказал он, теперь достигнуто с такою полнотою, что, как видим, король возвратился из неприятельской земли не только невредим и с сохранным войском, но и приобрел своими подвигами бессмертную славу; вполне было в их власти встретить теперь друг друга со взаимными поздравлениями и с братскими добрыми чувствами; но этому воспрепятствовало недоброжелательство некоторых личностей; он не думает, чтобы ему теперь следовало розыскивать, благодаря чьим стараниям это произошло, но он однако видит, что в государстве уже появляются какие то Петилии: нужно желать, чтобы не явились также Катилины. Сказав это в приступе, он далее объявил, что король не имеет намерения предлагать на этом сейме что-либо другое, касающееся внутренних дел, как только то, что постановили они ранее, еще при жизни Сигизмунда Августа и на предшествовавшем Ендржеевском съезде, и о чем потом сами часто просили, как при других случаях, так и на ближайшем

сейме. Итак король, следуя их просьбам, предлагает на обсуждение вопрос об обеспечении свободного и благоустроенного избрания. Указывая, что они должны отыскать определенный способ избрания королей, король не хочет тем сказать, что им следует помышлять об отмене избирательного права, этого наследия свободы, драгоценнее которого ничего не могли оставить их предки, но позаботиться о том, каким образом сохранить ту свободу во всей ее неприкосновенности и навсегда ее укрепить. Что обсуждение этого вопроса составляет настоятельную необходимость, того, он думает, нет нужды подтверждать примерами других; **[288]** если они припомнят события во время предшествовавших безкоролевий и ту величайшую опасность, до которой в то время доведено было государство, то сами рассудят, что тут речь идет не о каком либо личном деле короля, но об их собственном; король желал, чтобы они не пропустили столь удобного случая, и в Божеской милости, оказанной им в прежние годы, когда, они знают, государство спасено было одним чудом, скорее нашли бы поощрение к принятию мудрых решений на будущее, а не злоупотребили бы ею для оправдания своей беспечности и нерадения. Если же происками некоторых людей удалось поселить в их умах подозрение, то, конечно, как больные не могут переварить здоровой пищи, так они сами не будут доступны благоразумным внушениям; во всяком случае король вполне все предоставляет на их волю: или постановить, что желают относительно этого вопроса об избрании, или совсем его устранить. Таково же его мнение и о другом пункте, — относительно утверждения согласия между сословиями, о чем король счел нужным предложить на втором месте. Сами они отлично помнят, с какою ревностью настаивали они на съезде Ендржеевском о том, чтобы этот вопрос был вновь предложен к обсуждению, и как усердно потом просили о том же короля[62]. При общей печальной судьбе почти всех государств и при теперешних смутных обстоятельствах, мы однако, продолжал Замойский, имели особенное счастье, так что даже до сих пор отлично сохранили внутреннее согласие, а оно только почти и основывается на том, чтобы с обеих сторон удерживаться от несправедливостей и оскорблений: **[289]** решать что либо не путем насилия или чрезвычайных мер, но согласно с признанным правом и существом дела, а в особенности, чтобы воздавать всем то, что каждому принадлежит. Это относится не только к имуществу, но и к почестям и прерогативам, ибо в этом одном и заключается справедливость; справедливость же есть основа государства и согласия, которым оно держится. Никто не сомневается, что это государство главным образом покоится на

двух сословиях: духовном и светском. По этому пусть сами те, которых дело касается, посмотрят и выскажутся, должно ли рассуждать об этом деле или оставить эти рассуждения? Существуют ли какие недостатки в наших судах, лучше всех могут решить те, которые занимаются судебными делами; но во всяком случае нельзя скрыть того, что в короткое время в них в такой степени умножились злые каверзы, что не мало людей, оставив более важные занятия, всецело предались выдумыванию юридических уловок и хитростей, чтобы ловить в них других. Король предложил им свое содействие, если они признают потребность каких либо исправлений в этой области: они могут воспользоваться его содействием, если им угодно; но он не будет навязывать его против желания. После этого Замойский начал говорить о Ливонии, описав ее положение, сообщил о ходе переговоров с Московским царем относительно мест, удерживаемых Шведами, упомянул о несправедливых действиях Шведов, и в особенности настаивал на соображениях, которые должны были убедить (слушателей), что не следует позволять кому либо из соседей укорениться там. Всякий раздел власти — дело не надежное, а в провинции, недавно приобретенной, пока колеблющиеся умы людей не свыклись с законами и учреждениями, такое совместное господство исполнено опасностей; ни один благоразумный народ не пускал соседа в новую провинцию, в особенности людей одного и **[290]** того же происхождения и языка с туземцами, а тот, который допускал, то тотчас и раскаявался в том.

После этого Замойский сообщил об угрозах Татар и беззаконных действиях казаков, способных вовлечь государство в неожиданную войну. На предъидущем сейме было принято предложение, по которому предоставлена была королю чрезвычайная по отношению к ним юрисдикция на известный только срок[63], и теперь необходимо либо держать их (казаков) в повиновении, либо помышлять о начатии войны с Татарами. Наконец, была речь о жалованье солдатам. На прежних сеймах были утверждены предложенные для этого налоги, пусть теперь сами они рассмотрят, хватит ли их на жалованье и на уплату долгов, сделанных у иностранных государей, на защиту Ливонии, на войну Татарскую; пусть расследуют, от кого также зависело, что эти налоги были внесены слишком поздно и меньше надлежащего — хотя, как они увидят, при взимании этих налогов соблюдались и верность, и величайшее усердие. Что касается военных людей, сказал Замойский, то они оказали такие услуги, что забота о них должна стоять на первом плане; так как они сражались за славу и честь Польского народа не только с

воинственным врагом, под городом весьма укрепленным во всех отношениях, во время самой жестокой зимы, но и ничем достаточно не снабженные и почти полуобнаженные, боролись с трудностями климата и погоды, и почти с самою природой. Я ничего здесь не буду говорить о Ливонии, продолжал Замойский, провинции, некогда весьма цветущей и даже теперь изобилующей всякими средствами, которая приобретена благодаря их твердости; но о том, на сколько они своею доблестью подняли наше имя в глазах иностранцев, могут засвидетельствовать те, которые помнят, каким (малым) **[291]** значением пользовалось оно у иностранцев после отъезда Гейнриха, когда все находились в страхе и трепете от Татар; пусть они справятся, каково теперь общее мнение об их доблести, после того как, победив могущественнейшего врага они не только возвратили некоторые потерянные провинции, но еще приобрели новые. Однако и это не ценится им еще так высоко, как то неоценимое сокровище, которое республика приобрела в них самих, в наличности множества храбрых мужей, одушевленных таким духом и так привыкших к войне, что они с величайшею готовностью пойдут на встречу всякой опасности, угрожающей государству. По этому пусть сословия не обманут надежды тех, которые не задумались отдать все свое достояние, пролить кровь и отдать даже самую жизнь, чтобы только не уронить достоинства Польского народа; при этом они не благодеяние окажут чужим людям, но заплатят должное вознаграждение за труды и храбрость собственным братьям и близким. Вот все, что король считал нужным предложить им теперь, сказал Замойский; они сами теперь видят, согласно ли это с тем, что распространяли в народе некоторые с неблаговидною целью?". Затем, обратившись к королю, он сказал, что желал бы, чтобы за его столь великие подвиги была воздана ему, по крайней мере, хоть такая же благодарность, которая обыкновенно воздается в добром и благо-устроенном государстве за гораздо меньшие заслуги не только королю, и притом королю, столь любящему государство, но и всякому предводителю войска; впрочем, вследствие величия своего духа он не нуждается в утешениях, ибо в этом величии заключается гораздо лучшая защита против всяких ударов судьбы и больше силы для перенесения обид от недоброжелателей, нежели у последних хватит средств для сокрушения оного. Не должно сомневаться, что эти самые оскорбления от некоторых людей еще более послужат к **[292]** прославлению его чести и имени. Всякий, кто ознакомится с его подвигами, будет удивляться столько же тому, что он действительно совершил столь великие дела, сколько тому, что, при столь многочисленных противопоставляемых ему

затруднениях, он вообще мог предпринять оные. Это самое величие его духа ручается за то, что оскорбления и обиды не отвратят его от дальнейшего служения пользам государства, как он это раньше делал. Обращаясь к жолнерам, Замойский просил их не думать, чтобы на столь мужественных и добрых гражданах могло лежать пятно столь неблагодарного настроения и столь великой несправедливости. Под конец он убеждал послов больше всего заботиться о государственном достоинстве и пользе. “Желал бы я”, сказал — “он, чтобы здесь находились и прочие честные и хорошие граждане, каких насчитывается, помимо присутствующих, громадное количество, которые заняты дома воспитанием детей своих и домашними делами; он легко бы их убедил, что ничего не следует считать дороже польз государства; так как они, послы, во всем заступают место отсутствующих, то тем с большим вниманием следует им отнестись ко всем этим делам; ибо прочие, оставшиеся дома, им вверили не только благосостояние свое и своих, но и благосостояние государства”.

По окончании речи, сенаторы стали высказывать свои мнения и все почти решили, чтобы были внесены предложения об установлении известного способа избрания и о прочих указанных в речи пунктах, за исключением только двух сенаторов, из которых один полагал, что Бог ставит и низвергает королей без всяких советов с людьми; а другой был того мнения, что невозможно и даже не должно в каком бы то ни было государстве преграждать дорогу искательству, направленному к достижению высшей власти. В посольской шляхетской избе с начала много волновались по поводу речи канцлера; в особенности упирали на его замечание, **[293]** что есть уже некоторые Петилии, и что нужно опасаться, чтобы потом не явились также и Катилины. Но другие стали оправдывать это, говоря, что тут указано не целое сословие, но известные люди и даже не люди, но их пороки, и пусть всякий, кто чувствует, что не имеет их, будет знать, что и речь та не относится к нему. Тем рассуждение и кончилось. Затем дано было поручение Святославу Оржельскому от имени всего рыцарства (шляхетства) принести благодарность королю за хорошее управление государством и дать ему удовлетворение за те оскорбительные для его достоинства речи, какие некоторыми были допущены и даже, говорят, были распространяемы в народе. Когда Оржельский в этой своей речи выразил мысль о том, что король должен назначить следствие над авторами и, разобрав дело, наказать их, то встречен был неблагоприятным ропотом из среды товарищей, а потом чуть не бранью.

Относительно самого дела, в особенности относительно установления известной формы избрания, мнения земских послов

были различны; одни вообще отрицали необходимость подвергать этот вопрос обсуждению, потому что всякое постановление, касающееся предмета, наиболее тесным образом связанного с делом свободы, и ограничивающее его пространство, тем самым повело бы к умалению самой свободы и заключило бы ее в более тесные пределы, чем это было прежде. Другие напротив возражали, что самая свобода выборов гораздо более упрочится, когда всякий обман и происки будут устранены законом; при этом они настаивали, что вопрос уже затронут и поставлен на очередь, так как относительно его обсуждения последовало соглашение на предъидущем сейме, и, что особенно важно, принято священное обязательство еще на Евдржеевском съезде. Многие готовы были допустить обсуждение вопроса, но только не его решение; они хотели бы сообщить своим, что об этом будет **[294]** говорено, дабы затем на следующем сейме постановить решение согласно с желаниями всей шляхты. Пока длились эти споры, протекли первые восемь дней сейма, в продолжении которых, на основании нового закона, должны были разбираться уголовные дела: по этому король приступил к разбору прочих судебных дел. Явились к королю послы и стали жаловаться, что многие вызваны были к задворному суду противозаконно; пусть король поручит нескольким сенаторам, чтобы они, вместе с представителями их (рыцарского, шляхетского) сословия, которых они сами (послы) выберут, разобрали дело об этих (неправильных) позвах (к королевскому задворному суду), и пусть то, что в этом деле будет подлежать отменению, будет отменено, а то, что законно, пусть останется в силе. Король отвечал, что существуют власти, которые ведают этими делами; и если будет доказано, что оне не удовлетворяют своим обязанностям, то король не отказывается снизойдти до того, чтобы прибавить к тем других. Между тем он, как уже начал, продолжал далее заниматься разбором дел.

Самым первым делом, представленным в суд, было дело Станислава Чарнковского о невозвращении в казну документов по делу Брауншвейгскому, которые он получил, будучи отправлен Сигизмундом Августом в Германию. Дело заключалось в следующем. Сигизмунд отдал в замужество за Гейнриха, князя Брауншвейгского, сестру свою Софью, и в брачном договоре было при этом выговорено, что в случае, если не будет детей, все приданое по обычаю будет подлежать возвращению. Когда Гейнрих умер не оставив после себя детей, несколько раньше кончины Сигизмунда Августа, и супружество окончилось, то Август отправил к сестре Чарнковского наблюдать за вещами и помогать советом вдове. Когда Чарнковскому были отданы все

документы относительно условий о приданом, то он **[295]** удержал их при себе. Немного спустя после того умер Сигизмунд; избран был королем Гейнрих; он также скоро удалился из королевства, а между тем, по смерти сестры Софьи, другие сестры: Анна, королева Польская, и Екатерина, королева Шведская, стали требовать себе ее наследства. Впродолжение нескольких лет князь Брауншвейгский Юлий отделывался проволочками; а между тем заметили, что это наследство совсем не таково, чтобы его должно было требовать по праву родства, но что на основании договора и условий оно принадлежит Польским королям и государству, и для осуществления этого права был послан к князю Юлию Лаврентий Гослицкий, декан Плоцкий. Так как Чарнковский не захотел передать ему, как было приказано, тех документов, а Гослицкий не мог ничего представить, кроме незначительного количества актов, взятых им из Архива Варшавского, то он очутился в таком почти положении, что его доказательства могли показаться недостаточно убедительными. Вследствие того, когда вопрос был поставлен не только о самом предмете тяжбы, но и о чести народной, то тем с большим рвением стали требовать от Чарнковского главного документа сперва письменно, затем чрез специально по этому делу посланного по просьбе Замойского Стефана Грудзинского, кастелана Накельского. Король, видя, что мягкие меры ни к чему не приводят, приказал вызвать Чарнковского в суд через инстигатора скарбового (прокурора казны). И вот в то время, как принимались такие меры, в суд поступило другое дело, касавшееся того же Чарнковского. Это дело заключалось в следующем.

Вышеупомянутый Чарнковский, человек знатного и благородного происхождения, имел весьма большое влияние на шляхетских сеймиках и пользовался большим уважением и любовью всей шляхты; будучи возведен Сигизмундом Августом в должность референдария, незадолго до его кончины, он **[296]** получил староство Плоцкое и, хотя Ансельм Гостомский, воевода Равский, имел постоянные с ним споры из-за него, тем не менее Чарнковский удержал за собой это владение. После отъезда Гейнриха, когда уже вступил на престол Стефан и большая часть признала власть этого короля, Чарнковский, приняв на себя посольство от противной партии, отправился в Германию к императору Максимилиану. По прибытии короля в Краков, когда сословия стали настаивать, чтобы он наказал тех и других, упорство коих было слишком заметно и решительно, то староство Плоцкое было отдано Станиславу Крийскому, воеводе Мазовецкому. Затем назначен был сейм в Торуне, и король по

необходимости должен был заняться разбором судебных дел; так как по обычаю предков было установлено, что короли при этом, кроме канцлеров, пользовались содействием референдариев, а Чарнковский еще не вернулся, то король отдал должность референдария Николаю Фирлею, который тоже принадлежал к кесарской (австрийской) партии, позволив ему удержать кастеланство Бецкое. По прошествии некоторого времени вернулся в Польшу Чарнковский, будучи вновь призван друзьями, в особенности братом Альбертом, тогда генералом Великой Польши, после того как тот выпросил королевскую грамоту для брата. Он был милостиво принят королем и ему сказано было, что он может рассчитывать на королевскую благосклонность и ожидать от особенной милости короля вознаграждения с избытком за причиненный ему убыток. Между тем из Рима было написано королю, что Чарнковский просил от папы утвердить за ним коадьюторию архиепископства Гнезненского, на которую заявлял притязание по известному праву, и делал это без ведома короля при посредничестве некоторых иноземных государей. К тому присоединилось и то обстоятельство, что, пока король был у Полоцка, ему было доложено с самыми верными доказательствами, что на **[297]** Люблинском съезде, где шляхта в первый раз отправляла аппеляционные суды (держала заседания трибунальские), некоторыми замышлялся переворот, и что Чарнковский главный виновник замысла. Это обстоятельство снова весьма сильно изме-нило расположение к нему короля; между тем, по смерти архиепископа Якова Уханского, король, чтобы исполнить обещание свое, данное сословиям при коронации, назначил на место его Станислава Карнковского, в то время бывшего епископом Куявским, который еще в этом звании совершил некогда коронацию над Стефаном. Именно: так как при происшедшем тогда раздвоении выборов, Уханский, а следуя его примеру, и прочие епископы, за исключением Куявского, почти все перешли на противную сторону, то Уханский, призванный к посвящению, не послушался и не явился, а когда вследствие того король коронован был Карнковским, то шляхта просила короля, чтобы он, низложив Уханского, выбрал на его место Карнковского. Король на это отвечал, что, если этого просят они ради только того, что Уханский не согласился на выбор его королем, то он лучше желает привлечь его к себе снисходительностью и не отчаевается, что ему удастся этого достигнуть; если же хотят сделать это для того, чтобы почтить другаго, то он лучше после смерти Уханского, от которой последний уже недалек вследствие глубокой старости, окажет эту честь их кандидату, которого они предлагают в настоящее не

совсем удобное для того время. Чарнковский между тем держал Сминское владение, принадлежавшее архиепископии, и, так как не желал оставить его, то был вызван архиепископом на суд к королю. Когда ему было приказано явиться, он сперва не хотел отвечать; на суде ему было объявлено, чтобы он указал, по какому праву он владеет тем имением, ибо, если он опирается на присвоиваемую им себе коадьюторию, то никто не сомневается, что вопрос, касающийся королевского права, **[298]** подлежит только ведению короля; если же он владеет захваченным имением на основании частного права, то будет отослан к земским судам, которые обыкновенно ведают дела о земле. Поверенный Чарнковского потребовал срока для того, чтобы представить имеющиеся у него документы: если кто требует срока, то, по нашему закону, считается, что он признает свою подсудность подлежащему суду и назначает для себя, в силу собственного своего обязательства и желания, окончательный термин. Поверенный стал отговариваться, что ему невозможно доставить документы к сроку, так как документы находятся в Риме, и потому он не имеет возможности предъявить их. В это самое время земские послы обратились к королю с просьбою, чтобы отменены были все судебные вызовы к (королевскому) двору, на основании примера Сигизмунда Августа, который одним декретом зараз уничтожил все вызовы, кои относились к делам государственной казны. От них потребовали указать, какие это были вызовы, и сказано было, что король не желает, чтобы кому нибудь причинялись неприятности вопреки законам, но несправедливо также, чтобы всякий мог без причины увертываться от суда; если же они настаивают на своей просьбе, то король скорее согласится на то, чего они ранее требовали, именно позволяет, чтобы коммиссия) составленная из сенаторов и из их среды, разобрала вызовы и отделила законные от незаконных. Те на это ничего не отвечали; но просили, чтобы им дана была, по крайней мере, возможность поговорить об этом в особом совещании с сенаторами. Получив на то разрешение от короля, уполномоченные посольской избы делают то же самое представление в сенате; они требовали от сенаторов, чтобы они, первенствуя пред остальною шляхтою своим достоинством, были также впереди там, где требовалось привести короля к соблюдению справедливости и где дело шло об охране законных прав **[299]** шляхетства. На это им отвечали, пусть они укажут тех, которые, по их мнению, вызваны противозаконно; или пусть укажут, в каком именно деле, по их мнению, право дворянства подверглось сокращению и, если они докажут, что последовали какие либо действия противозаконные, то сенат, конечно, не

изменит своему долгу. Тогда предводитель и оратор депутации заявил, что он взял на себя предъявление общих требований и что отдельные лица сами должны объяснить, в чем они считают себя лично обиженными. Вышел на средину Чарнковский и объявил, что он был противозаконно вызван к надворному дворскому суду. Но ему было объяснено: что касается первого его дела, то нет никаких оснований считать оное не касающимся государства; от него требуют возвращения документов, ему вверенных, чтобы на основании их доказать иск государства; требуют в силу того права, которое имеет каждый частный чело-век по отношению к тому, кто обязался к нему услугами; а если кто желает пользоваться одинаковым общим правом свободы со всею шляхтою, и если кому эти вызовы ко двору кажутся тягостными, то он может заключиться в пределах частной жизни, жить дома, держаться вдали от служб королевских; но раз кто вступил в такую службу, тому не прилично было бы домогаться, чтобы его освободили от обязанности отдавать отчет в том, что он добровольно принял на себя; иначе король в общественном деле поставлен был бы в худшее условие, чем всякий частный человек в своем деле; по этому предмету, кроме того, есть постановление Сигизмунда I, смысл которого сюда же клонится; наконец предъявляемое притязание прямо противоречить общей пользе: государство подвергалось бы часто величай-шей опасности, еслибы в делах, не терпящих никакой отсрочки, оно могло достигнуть своего права не иначе, как после собрания сейма, что всегда предполагает длинный **[300]** промежуток времени. Что касается до другого его процесса, то и сенат лучше желал бы, чтобы он был представлен на решение сейма, но так как поверенный его потребовал срок для представления доказательств, то он сам добровольно лишил себя всякой благовидной отговорки, чтобы не подвергнуться решению королевского суда. На это Чарнковский отвечал, что, апеллируя к документам, он тем самым апеллировал к сословиям, которые суть живые документы республики.

После того уполномоченные обратились снова к сенату и просили, чтобы в присутствии их были высказаны мнения. Почти все высказанные мнения были такого рода, что несправедливо делают те, которые постановление Сигизмунда Августа о делах казны относят также и ко всем королевским процессам. Постановление Сигизмунда таково, что на основании его дела, относящиеся лично к королю, к величию власти и наконец к праву и ко владениям королевским, ясно отделены от дел податных и фискальных; итак нужно рассмотреть, каковы те дела, и возможно ли допустить, чтобы король отменил все те позывы

без раз-бора, так как, приняв подобную меру, он пожертвовал бы, ради желания просителей, не только своим правом и правом государства, но и правом других лиц, что даже и не в его власти; это имело бы место именно по отношению к таким делам, которые были начаты по инициативе частных лиц и касались их частной пользы. Тем не менее послы упорствовали в своем намерении, и, когда спор этот затянулся на много дней, то нередко на своем собрании они доходили до крупных беспорядков. Король заявил им, что хотя это несправедливо, что они даже не желают делать разбора между законными и незаконными вызовами; и хотя, кроме того, он видит, что они даже и не получили от своих никаких полномочий возбуждать этот **[301]** вопрос, однако он дает им возможность перенести спор до сведения своих (на сеймиках), чтобы на будущем сейме можно было принять какое либо определенное решение, а пока он оставит дело в том же положении и не будет разбирать никаких других процессов, кроме двух касательно Чарнковского, которые уже представлены в суд. Были здесь и такие, которые вызваны были архиепископом за оскорбление храмов и присвоение священных вещей; последние тем сильнее боялись за свою участь, что в те дни распространен был слух, будто король решил как можно строже судить таких людей; к тому же и король способствовал усилению подобного слуха тем, что, находясь на охоте недалеко от владений архиепископа и получив приглашение от него, прибыл к нему в Лович и несколько дней провел у него в качестве гостя. Многие, быв вызваны к суду даже по другим делам, дали себя избрать в земские послы для того только, чтобы тем легче ускользнуть от суда; они теперь решились пустить в ход всяческие средства, чтобы прежде чем дойдет до них очередь держать ответ, всем освободиться от суда в лице Чарнковского. Хотя (после королевского заявления) они избавились от своего страха, так как король объявил, что он не будет судить никаких других дел, за исключением процессов Чарнковского, однако кто зашел в этом деле так далеко, что уже не мог просто отступить назад, не подвергая опасности своей репутации в глазах других, того и теперь оказалось не-возможным отвлечь от первоначального намерения даже таким резоном. Иные, под влиянием чужих речей, опасались, не идет ли в самом деле речь об очень сериозном предмете, касающемся, как им толковали, их свободы, и охотно соглашались на некоторую отсрочку, пока вопрос не будет вернее исследован; иные, хотя не видели ничего опасного для себя в этом деле, боялись возбудить злую **[302]** молву и быть выставленными на позор, как будто они оставили без поддержки поборников свободы. Следствием этого

было то, что те, которые вообще не одобряли всего того предприятия, подвергаясь нападкам со стороны одних и не находя поддержки у других, сами ничего не могли сделать при таком численном преобладании противной стороны.

Тем не менее (на суде) голоса были поданы против Чарнковского. По первому делу постановление состоялось еще гораздо раньше, и обвиненному приказано было возвратить документы; при чем это постановление не подверглось сильному оспариванию даже со стороны самих послов (сеймовых). Что же касается до второго процесса, то до сих пор он трактовался различно, а теперь некоторые стали выставлять на вид то обстоятельство, что Чарнковский выпросил себе коадъюторию, как говорили, после отъезда Гейнриха, при чем особую вероятность этому указанию придавало собственное сознание, которое он не усумнился сделать перед королем относительно второго своего, то есть Познанского епископства, именно, что эта номинация дана была ему после удаления Гейнриха. Но на Варшавской конфедерации было признано, что всякий, кто выпросит что либо от отсутствующего Гейнриха, будет считаться действующим против республики; и вот полагали, что нужно применить и по отношению к Чарнковскому силу этого постановления. В последний день сейма король дал приговор: звание коадъютора не было признано за Чарнковским; что же касается земельного владения, присвоенного им, то решение по этому вопросу признано входящим в компетенцию обычных шляхетских судов; там и следовало Чарнковскому защищать свое право, на котором основывалось его владение.

Таким образом прошло время, установленное для сейма. Все на это сильно досадовали; в особенности Замойский заклинал всех и каждого, чтобы приняли на себя обязанность **[303]** позаботиться о Ливонии и о Руси, как бы им не потерять снова провинцию, приобретенную большим трудом и кровью, а теперь лишенную всякой помощи, и как бы не отдать Руси на разграбление варварам. Константин, князь Острожский, воевода Киевский, с своей стороны присылал ежедневно известия о предстоящем нашествии Татар. Не смотря на все это, ничего не было сделано. К королю в эти дни часто обращались Литовцы с просьбой присоединить Ливонию к Литве. Против этого не было сделано сильных возражений ни в сенате, ни в посольской избе; напротив не было недостатка в таких, которые, повидимому, охотно готовы были отказаться от нее в пользу Литвы, чтобы тем легче получить от короля с помощию Литовцев то, чего добивались. Тогда поднялся Замойский и, бросив взгляд на остальных, сказал, что Ливония отнята у неприятеля с

опасностию жизни им и его сотоварищами; если кто либо из них сомневается в том, то он отдает это дело на суд Московскому царю; он не сомневается, что ему удастся убедить их в том признанием самого врага; поэтому, если никто не возражает против отделения Ливонии от королевства, то он один за всех воспротивится этому. К сейму прибыли послы Московские, чтобы принять от короля клятву на мир подобно тому как уже раньше королевские послы обязали клятвой их го-сударя. Клятва дана была королем при огромнейшем собрании всех сословий, при чем на месте, где происходил сейм был поставлен с этою целью алтарь, и архиепископ, после того как были прочтены секретарями листы договора, подсказывал ему слова. Кроме принятия клятвы, им было приказано переговорить относительно обмена пленных с обеих сторон. Не быв в состоянии достигнуть этого, они просили собрать всех пленных в одно известное место и дать возможность выкупить их у тех, кому они принадлежат. Была речь и о пограничных делах; споры возникали **[304]** преимущественно вследствие такого обстоятельства: в Запольском договоре о земле Велижской писцами литовскими было прибавлено, что она должна принадлежать к воеводству Витебскому, как это было и прежде, и сделана была такая прибавка для того, чтобы предупредить на нее притязания со стороны чинов Польского королевства, войсками которого Велиж был взят, а Москвитяне с своей стороны утверждали, что после того как Велиж достался в их руки, к нему была отнесена значительная часть прилежавшей Торопецкой земли[64].

Решено было с обеих сторон отправить коммиссаров на место для установления границ. Относительно крепостей Ливонских, занятых Шведами, уже раньше у бояр Московских условлено было с послами, чтобы Московский царь впродолжение всего мирного времени удерживался от находящихся по сю сторону Нарвы, а король — от лежащих за Нарвой. Затем послы были приглашены на пир по обычаю предков и приняты с большой пышностью; при чем эти люди, незнакомые почти совершенно с красивым убранством, удивлялись, как великолепию пира, так и разнообразию приготовленных блюд; но еще более смотрели с удивлением на самого короля.

При столь замечательной неурядице в общественных делах, или, лучше сказать, при таком о них небрежении, в особенности достойным жалости казалось положение людей военных. Большая часть их надеялась не только на получение **[305]** своего жалованья, как им было обещано, но также надеялась достигнуть больших почестей, подобающих им за их заслуги, и получить в

дар земли; в особенности же те, которым за храбрость было даровано право шляхетства, рассчитывали, что им даны будут при этом и средства, с помощью которых они могли бы прилично поддержать свое шляхетское достоинство; крайне нуждаясь во всем и почти нагие в это крайне неблагоприятное время года, они дошли теперь до того, что многие, и притом из благородных, говорили, что лучше было бы им пасть при Пскове, нежели быть доведенными до такой сильной нужды и недостатка во всем. В то же время Иван Шуйский, который, как мы выше сказали, выказал блистательную деятельность в деле защиты Пскова, будучи удален от лица государя, сильно печалился и горевал.

Но затруднениям и нуждам жолнеров, сколько было в его силах, помог король, собравши отовсюду денег, так как он считал своею обязанностию не покидать лично республики, оставленной всеми другими. Благодаря затем содействию Замойского, в военных людях проявился такой бодрый дух, что они не только дали себя упросить отсрочить уплату до Троицы, но даже обещали в случае нападения Татар служить без жалованья и идти туда, куда только поведет их Замойский, только бы отвели им квартиры на та-ком месте, где они могли бы пока доставать себе пропитание. Когда уже сеймовые послы разъехались, король вместе с сенатом приложил возможно большую заботу и относительно Ливонии, начав прежде всего с устройства духовных дел. Большая часть епископств в этой провинции была уничтожена вследствие войны и неблагоприятного времени; теперь король назначил для епископства Венден, который, по его мнению, наиболее был удобен для утверждения там нового местопребывания епископа, прибавив к городу несколько **[306]** крепостей и имений, и просил папу, чтобы последний основал там своею властию епископию. Также сообразно обстоятельствам были написаны для провинциальных жителей известные уставы и положения для того, чтобы они видели, что о них всетаки имеют некоторую заботу. В Варшаву прибыли уполномоченные от дворянства, а, кроме того, много других частных лиц, каждый для получения вновь своих владений, из которых, по их словам, они или их предки были изгнаны Москвитянами. Главным предметом всех общественных домогательств было то, чтобы король признал и утвердил артикулы договора, заключенного между Сигизмундом Августом и сословиями той провинции, когда последние признали его власть. Пункты эти приблизительно были таковы, чтобы в провинции той должностные лица были только германского происхождения; чтобы землями, находившимися теперь у каждого в отдельности или потом имеющими достаться, они продолжали

бы владеть на основании того наилучшего права, по которому некогда владели; права и привилегии каждого в отдельности пусть будут сохранены без перемены. К этим они сами прибавили условия, чтобы установлен был известный способ судопроизводства, чтобы их не принуждали разрушать крепости, что они выпросили у короля в Риге, затем пусть король поможет им возвратить своих, взятых в плен. На это им был дан такой ответ. Что касается до старинных, данных им Сигизмундом Августом, привилегий, то они, конечно, помнят хорошо, сколь много событий и перемен случилось в промежутке; и по своему благоразумию они, нужно думать, ясно сознают, что своевременно теперь и что нет; они должны довериться решению короля; он был виновником их спасения и он докажет, что имеет также не меньшую заботу относительно достоинства и выгод приобретенной провинции. В частности же, что касается до их требования, чтобы **[307]** высшие правительственные места в той провинции вверялись лицам только немецкого происхождения, то король с своей стороны не желал бы лишать никого из провинциальных жителей права на такие должности, если кто из них окажется к тому способным; но тем более несправедливо с их стороны желать, чтобы были устранены от почестей за столь славную победу именно виновники их собственной свободы и спасения; король постарается поставить во главе провинции такого человека, который будет управлять ею по справедливости, по праву и законам их; затем при сформировании общего высшего провинциального совета и судебных учреждений, а также при замещении должностей президентских (старостинских) и подкоморских особенное внимание будет оказано лицам старинного Ливонского дворянства. Между правами и частными владениями было сделано такое различие, что те, которые были даны, как лены, прежними Ливонскими государями и законными должностными лицами до времени Вильгельма, маркграфа Бранденбургского, архиепископа Рижского, считались бы на этом самом основании законными; относительно же других имений, полученных от позднейших правителей, когда настал смутный период, во время которого многое делалось вопреки порядку, и в провинции почти не было никакой настоящей власти, то король постановит о них решение сам, сообразуясь с общими интересами провинции, которую прежде всего требовалось снабдить силами и средствами против всяческих случайностей, а также принимая во внимание заслуги каждого и самый характер владения; а для рассмотрения этих дел скоро назначит общий провинциальный съезд, с тем, чтобы каждый на нем представил свои права. Но так как очень многие, как говорили, потеряли в предшествовавшее

время свои привилегии, то те должны будут объявит, от кого и когда, какого содержания они имели грамоты и подтвердить все те **[308]** права присягой, как своей, так и присягой надлежащих свидетелей. Им дан был также судебный устав, определенный вышеуказанными конституциями. Разрушения крепостей с самого начала король требовал преимущественно с тою целию, чтобы предупредить разделение сил провинции, как то было сделано в предшествовавшие времена, и при этом он объявил, что по той же причине много разрушит и своих. Это самое было теперь сказано в ответ ливонским уполномоченным с замечанием, что они не должны отказываться последовать примеру короля в таком деле, которое касается общего блага провинции. Для выкупа же пленных им обещали выдать известное число людей боярского происхождения. Так как принц Магнус не мог, по причине каких-то затруднений, сам лично присутствовать на сейме, как о том просил его король в Риге, то он прислал своих уполномоченных и через них предложил все то же, что предлагал и в Риге, а так как нельзя было в отсутствие его обсудить эти требования, то потому это дело отложено было до будущего сейма. По окончании этих дел, король отправился из Варшавы в Краков, так как в Варшаве получены были частные известия о снаряжении Татар. При его прибытии к нему явилось посольство от Татар и объявило войну, если король не примет тотчас предложенных условий и не удовлетворит их. При этом Синан-паша отдал письмо, в котором указывал, что и Турецкий султан не оставит без внимания обид, причиненных Татарам. Но уже раньше, как было нами указано, Замойский отправил в Русь значительную конницу, к которой теперь он прибавил сколь возможно большее число жолнеров; теперь он собрал во Львове все эти значительные силы, набрал новых других, на свое жалованье вызвал самых храбрейших шляхтичей, а кроме этих, князь Острожский Константин с величайшей **[309]** готовностью предлагал для услуг государству свои войска, набранные им в весьма значительном количестве из своих клиентов. Снарядив таким образом Замойского, король отправил его из Кракова в Русь против Татар.

notes

Примечания

1

Наиболее полное исследование о жизни и сочинениях Гейденштейна принадлежит Нерингу; оно явилось первоначально в виде докторской диссертации на латинском языке: De Reinholdi Heidensteinii scriptis historicis tractavit Wladislaus Nehring (Posnaniae. 1857), а после было переделано и пополнено для польского издания: O zyciu i pismach Reinholda Heidensteina, napisal Wl. Nehring (Poznan, 1862). Это издание, кроме частного, имеет более общее заглавие на выходном листе: O historykach polskich szesnastego wieku. Czesc piervvsza. — Краткая биография автора с перечислением его прочих трудов присоединена также к польскому переводу большого сочинения Гейденштейна, вышедшему в Петербурге в 1857 году: Dzieje polski od smierci Zygmunta Augusta do roku 1594», Михаила Глищинского (Gliszczynski). Она принадлежит Вл. Д. Спасовичу.

2

Дело в том, что в гербовниках, из которых заимствуются эти подробности (у Неринга в польском издании стр. 1, у Спасовича стр. 1), сообщается даже о предках нашего автора, графах Гейденштейнах, современных Карлу Великому (Niesiecki, Korona Polska, III, 352): этого достаточно, чтобы судить о достоверности подобных родословных. Старовольский (De claris Sarmat. oratoribus. Florentiae, 1688) просто говорит, что Гейденштейн происходил из знатного рода в Пруссии: nobili loco in Prussia natus.

3

Nehring 1. c. Год рождения Гейденштейна определяется на следующем основании: в одном манускрипте, принадлежавшем Репелю (Roepell) и заключавшем в себе первые три книги Rerum Po-lonicarum, находится предисловие, очевидно принадлежащее Гейденштейну, хотя и подписанное другим именем; в этом предисловии, писанном в Январе 1617 года, автор сравнивает себя с кардиналом Бембо, историографом Венецианской республики, который хвалился тем, что трудился над своим произведением будучи шестидесяти лет от роду: тоже я могу сказать и о себе (item de me dicere possum), прибавляет автор предисловия.

4

Старовольский (De claris oratoribus Sarmatiae) говорит о полемических трудах Гейденштейна против еретиков: ex controversiis contra hostes ecclesiae factis; но, по видимому, из этих трудов ничего до нас не дошло.

5

Сообщение, что Гейденштейн был с начала личным секретарем Замойского, хотя и не заключает в себе ничего невероятного, но недостаточно удостоверено (см. Nehring, O zyciu Heidensteina pag. 2) и могло произойдти от смешения государственной службы под начальством Замойского с частною.

Русского перевода стр. 281. В биографии, приложенной к польскому переводу (стр. III), говорится о посольстве к князю Курляндскому, при том в 1592 году (последнее — вероятно опечатка): автор предисловия, г. Спасович, был введен в заблуждение неверным переводом Глищинского, который неизвестно почему заменил Пруссию Курляндией (польского перевода том II, стр. 114).

7

Об этом посольстве тоже говорит сам Гейденштейн — в тех книгах обширного своего и позднейшего труда О деяниях Польских по смерти Сигизмунда Августа, которые служат продолжением к Комментариям: Rerum Polonic. L. VII, pag. 183. Ср. Ranke, Preussische Geschichte: S. Werke XXV, 183.

8

Nehring, De R. Heidensteinii scriptis historicis pag, 14. — O zyciu i pismach R. Heidensteina str. 12. 13.

9

Nehring 11. cc. pag. 19; str. 18. 19 на основании собственного показания Гейденштейна в биографии Замойского (Vita Zamoscii — Wyd. Dzialynski) и свидетельства Рудгера Горста в книге о канцлере (Cancellarius, 1628. Rudgerus Horst).

10

De nuptiis illustrissimi Joannis de Samoscio ac Griseldis Bathoreae ad illustrissimum Principem Georgium Fridericum Marchionem Brandenburgicum in Prussia Ducem. R (einholdi) H (eidensteinii) S (ecretarii) R (egii) epistola. Cracoviae in officina Lazari an. 1583.

11

Gratissimam rem facies, si clarissimo viro Monauco (leg. Monavio) meis verbis multam salutem imperties, simulque significes Aidensteinium, per hos dies hue advenisse, eo consilio, ut typographo rerum Moscoviticarum commentarios excudendos tradat: simulatque excudentur, dabo operam, ut habeat: habitat et ipso in arce, in praetoria domo non procul a Regia, ut sit facultas crebro conveniendi. Michaelis Bruti opera varia selecta (Berolini, 1698) pag. 1155.

12

Verum haec quoque, quae ego quidem ipse in me requiro, si quis alius praeterea in commentariis hisce requirenda putabit, is vellem perspiceret, quam non modo brevi tempore, sed quam alieno etiam ac impedito, interque quot aliarum rerum occupationes in aula non solum negociosissima, sed-et quae nullo certo in loco consistens perpetuis quodammodo profectionibus circumfertur, scribendi mihi fuerunt.

13

Primum enim minime de remotis a memoria nostra rebus scribo, in quibus vel errare facile possim, vel fingere, si quid velim, nullios memoria iam refellente; sed edo haeciis cognoscenda, qui iis ipsis rebus, de quibus scribo, interfuerunt, ut res per hujus belli tempus gestas, iis, qui ab illis abfuerunt, eorum, a quibus administratae sunt, vivorum et praesentim memoria teste commendem.

14

Qua in re utrunque fuit, ut et ego facillime ea a multis, qui iis interfuerunt, cognoscere potuerim; a veritate autem ulla in re recedere non potuerim, tot hominum conscientia constrictus.

15

Accedit huc, ut publicorum actorum, quibus res, quae hisce libris compraehenduntur, magnam partem testatae sunt, pro eo loco, in quo sum, summam, facultatem habuerim.

16

См. стр. XIX примеч. I.

17

Карамзин изд. Эйнерл. т. III кн. IX, 175.

Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII, Francfurti. 1672.

19

Dyjaryjusze sejmowe r. 1587 wydal A.Sokolcwski. Krakow, 1887 (Scriptores reram Pulonicarum t. XIII), см. стран. 31, 54, 209, 221, 236.

20

pag. 246. Conditiones hae erant —: nominatim de commentariis (de) bello Moscovitico et accusatione, quae sub Andreae Rzecicii, instigatoris, ut vocant, Regii, nomine in Christophorum Sborovium exiisset (l.exiissent), abolendis adjectum fuit. Брошюра Ржецицкого носила заглавие: Accusationis in Christophorum Sborovium actiones tres etc. Cracov. typ. Lazari 1585.

21

E quibus commentariis, cum ad res Sborovianas nihil plane pertinerent, Ciarnkovii potissimum et unius lithuani senatoris, partim vera non ferentium, partim falsas laudis (l. laudes) sibi non tritbutas dolentium, odio datae fuerunt.

22

Reginaldus Heidenstenus, scriptor caetera egregius, mihique peramicus, in suis commentariis expeditionis istius famam et res gestas nescio quo consilio suppressit: Annales domus Orzelsiae издание Дзялынского (Dzialynskiego) 1854, pag. 19 (приведено у Спасовича в предисловии к переводу на польский язык Rerum Polonicarum XII libri I. pag. XIV).

23

pag. 247. De libris, de quibus ut tollerentur, nominatim conditio adjecta fuerat, quo consilio et qua religione scripti editique essent, ostendit.

24

Praeterea vero et libertatem publicam uno atque altero scripto notando, in aliis etiam tentari: nec eam rationem cum scriptis pugnandi esse; quae quo magis premerentur, eo magis fere expeterentur.

25

Si quis quid a re ipsa alienum sciptum existimaret; quod vel summos imperatores facere non puduisset, contrario scripto edito, argueret: vel cum sua sponte facile cuivis se probarent, tum magis, si contentione etiam falsi illustrata essent; atque illa ut dies, fere magis confirmaret, sic falsa sua sponte intercidere.

26

Вишневский в Истории Польской литературы (VI, str. XI) сообщает, что Зборовские и Чарнковский скупали экземпляры сочинения Гейденштейна и предавали их сожжению, но на чем основано это сообщение, не указывает. По видимому и Неринг (De Heidensteinii scriptis historicis, pag. 21; O Zyciu i pismach R. Heidensteina, pag. 27) несовсем доверяет Вишневскому.

27

Rerum Polonicarum ab excessu Stepbani regis ad Maximiliani austriaci captivitatem liber singularis in lucem editus cum additamentis Sebastiano Ciampi in Italia ab negotiis literariis pro regno Poloniae. Florentiae, 1827. — Издатель Чиампи больше склонялся к тому мнению, что автор любопытного и весьма важного по подробностям сочинения был известный Бруто, хотя уже и ему представлялись соображения в пользу Варшевицкого. Что именно Варшевицкий есть настоящий автор, убедительно и подробно доказывается в монографии, посвященной Варшевицкому, проф. Вержбовским: «Христофор Варшевицкий (1543–1603) и его сочинения» Историко — литературное исследование Федора Вержбовского. Варшава, 1886. См. стр. 237 и след.

28

Reinholdi Heidesteini publica totius conventus authoritate volebant, ut falsam, aboleri historiam, cujus nonnulli ipsum Cancellarium opinabantur esse scriptorem; constat quidem et a Rege, et a Cancellario diligenter revisam et emendatam extitisse (pag. 7).

29

Czarnkovius — ab Heidesteino, qui neque Moscoviam ejusque bella viderat, nec Czarnkovium, sicut describit, noverat, graviter admodum notabatur (pag. 8).

30

Detrahit enim fidem sibi ipsi is, qui non tam necessario et scienter, quam studiose et inepte magis rebus in historia extra seriem narrationis inhaeret conquirendis.

31

Quae Rex ipse non modo vidit, sed et correxit, et liber ille cum emendatione a rege facta in manibus ipsius est authoris (pag. 12). Не совсем ясно, что здесь разумеется под книгою (liber) — сочинение — ли в рукописи, или отпечатанный экземпляр.

Jam Reinholdi commentarios non modo intra, sed etiam extra regnum manibus teri permultorum, etiam perdoctorum, niquibus si quid forte desideratur, ostendendum est: non enim omnia simul possunt, ut par est, videri, et examinari (pag. 12, 13).

33

Typographus novis et ultimis exemplis typis vulgandis, anterioribus haud dubiae (sic) derogabit (pag. 13).

34

Письмо Замойского в (мнимо) подлинном его виде напечатано Жеготою Паули (Pamietniki do zycia i sprawy Zborowskich wydal Zegota Pauli we Lwowie 1846 pag. 197). Но мы, к сожалению, не могли достать этого издания; письмо приведено отсюда у Неринга (O Zyciu i pismach Heidensteina, str. 25–27), который, по видимому, не сомневается в подлинности документа. Но вот какие обстоятельства возбуждают в нас сомнение. Во первых, в начале Замойский говорит, что он получил Комментарии Гейденштейна, приложенные к письму примаса. Странно, что это могло иметь место в виду близкого знакомства канцлера с инкриминированным произведением его подчиненного. Еще непонятнее следующее обстоятельство; Замойский, оправдывая Гейденштейна от нареканий, указывает на то, что если у него и упоминается о Зборовских, то упоминается с уважением и даже с честию; так например, о пане Гнезненском говорится, что благодаря ему покойный король одержал победу под Щевом (по латыни Dirssavia: iz przezeri krol J. M. neboszezyk u Tszewa zwycieztwo odniosl) и т. д. Под паном Гнезненским нужно разуметь, очевидно Зборовского Яна, кастеляна Гнезненского, о котором в Комментариях упоминается на стр. 122, 191, 227, 246, 256 (перевода). Нигде, однако, ни здесь, ни в подлиннике речь нисколько не касается его подвигов под Щевом. Дело в том, что Щево есть местечко вблизи Гданска и победа, одержанная здесь Баторием, благодаря Яну Зборовскому, относится ко времени до начала Московской войны (к 1577 году), а в вследствие того совсем даже и не упомянута в Комментариях как они вышли и выходили в отдельном издании. Гейденштейн, правда, описал и осаду Гданска (Данцига) и победу под Щевом, но гораздо после, в своем более обширном сочинении о делах Польских с кончины Сигизмунда Августа (Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti pag. 110–111). Первые две начальные книги этого сочинения, за которыми уже следуют ранее написанные о Московской войне, писаны Гейденштейном вскоре после 1611 года (Nehring, O Zyciu — pag. 37), а издано оно в свет только его сыном в 1672 году. — Итак польское письмо Замойского заключает в себе грубый литературный анахронизм, заставляющий думать, что оно сложено после, на основании передачи содержания ответа Замойского у Варшевицкого, или что оно во всяком случае подновлено и дополнено позднейшим редактором.

35

Reiholdi Heidesteni (sic) secr. Regii de Bello Moscovitico quod Stephanus Rex Poloniae gessit commentariorum libri VI. Basileae per Conrad. Ualdkirchium MDLXXVIII.

Chromeri Polonia, sive de origine et rebus gestis Polonorum. His accesserunt recens ad historiam continuatio et cet. Coloniae Agrippinae, 1589.

37

Magnae cum voluptatis et utilitatis fructu perlegi commentarios de fortissimi et sapientissimi Stephani bellis cum Moscovitico tyranno gestis tuos, in quibus et *** judicii tui exquisiti sanitatem ac rectitudinem, et orationis in rebus narrandis perspicuitatem, elegantiam et puritatem probavi et admiratus sum.

38

Etsi igitur nulla inter nos notitia et familiaritas intercessit, tamen — scribere ausus sum… Adjunxi huic epistolae Vandaliam a me recens seorsim editam. Davidis Chytraei Epistolae Hannover. 1614, pag. 707. Так как отдельное издание Вандалии относится к 1589 году (оно есть в Публичной библиотеке), то этим определяется и год письма — не ранее 1589 года, но и не позже 1590 Предшествующее в собрании переписки послание к Замойскому помечено 1589 годом. — О Хитрее см. Wegele, Geschichte der deutschen historiographie (Munchen 1885) pag. 426–429. Отношения его к польской и русской историографии заслуживали бы особенного внимания; специальные немецкие монографии об его жизни и трудах Шютца и Краббе (Schutze, D. Chytraeus, Hamburg 1720, Krabbe, David Chytraeus Rostock 1870) — совсем не занимаются этим вопросом.

39

Libri de Moscovitico bello, qui nomine Reinoldi Heidenstenii secretarii regii circumferuntnr, elegantissime et accuratissime scripti, nisi judicii fallor, aut ab ipso Samoiscio scripti aut ab homine scribendi peritissimo, qui vel ipso Samoiscio dictante, aut saltem ex ipsius commentariis excripserit. Historia sul temporis (1553–1617) Francfr. 1618 lib. 73 pag. 716.

Ср. Nehring, de Heidenstenii Scriptis pag. 42; O zyciu i pismach Heidensteina str. 28, 52, 53, О. Вержбовский, Христофор Варшевицкий стр. 235. 237.

41

Bruti opera pag. 80. Краковское письмо в Ноябре 1580 года.

42

Имеем в виду: Hodoeporicon Moschicum — Christophori Radiwilonis — Scriptum Vilnae a Francisco Gradovio. Vilnae, 1582.

Повесть о прихожении литовского Короля Степана на великий и славный град Псков. — Москва, 1847 (в Чтениях общ. истории и древн. год III, № 7). Другое издание отдельно: «Повесть преславна сказаема о пришествии Владычицы нашея Богородицы в Богоспасаемом граде Пскове». Псков, 1878.

44

Panowanie Henryka Walezyusza i Stefana Batorego. Z rekopismow Albertrandego, z dolaczeniem Pamietnikow, odnosczacych sie do Stefana Batorego, a zebranych przez Ed. gr. Raczynskiego Wydanie Turowskiego. W Krakowie 1861.

45

Sprawy wojenne krola Stefana Batorego. Dyaryusze, relacyc. listy i acta z lat 1575–1586. Zebral wydal X. Ignacy Polkowski. (Acta historica res gestas Poloniae illustrantia tomus XI). Krakow 1886.

Poczatki panowania w Polsce Stefana Batorego 1575–1577 (Zrodla dziejowe t. IV). Wydal Adolf Pawinski.

— Acta metryki koronnej z czasow Stefana Batorego 1576–1586 (Zrodla dziejowe t. XI). Zebral i wydal Adolf Pawinski Warschawa. 1882.

— Skarbowosc w Polsce i jej dzieje za Stefana Batorego (Zrodla tom IX).

— Сверх того один том (III) носит заглавие Стефан Баторий под Гданском (Данцигом), эпизод, который не входит в нашу область.

Rome et Moscou (1547–1579) par Ie p. Pierling. Paris Leroux 1883.

— Un nonce da pape en Moscowie, Preliminaires de la treve de 1582, par Ie meme. Paris, Leroux 1884.

— Le Saint-Siege, la Pologne et Moscou (1582–1587) par Ie p. Pierling 1885.

— Ant. Possevini Missio Moscovitica et cet. curante p. Pierling Paris, Leroux 1882.

— Bathory et Possevino, documents inedits publies et annotes par le p. Pierling. Paris Leroux 1887.

С содержанием исследований Пирлинга знакомил проф. О. И. Успенский в Журнале Министерства Народного Просвещения за 1884 и 1885 годы.

48

Что дневник, изданный профессором Кояловичем, принадлежит ксендзу Яну Пиотровскому, уже догадывался сам первоначальный издатель; теперь личность автора совершенно разъяснена новыми сведениями, собранными *Полковским* во введении к изданному им тому "Исторических актов". — Дневник переведен и на русский язык: Дневник последнего похода. Перевод с польского О. Н. *Милевского*. Псков, 1882 г.

49

Polonicae historiae corpus: hoc est Polonicarum rerum latini scriptores, uno volumine comprehensi omnes Ex bibliotheca Joann. Pistorii Nidani (Nidda in Wetterau) Basileae, 1582. — Rerum Polonicarum tomi tres, Quorum primus omnium Poloniae regum, a Lecho — ad Stephanum Bathoreum, etiamnum Regem-gestas complectitur: adjecta recens historiarum in nostram aetatem incidentium continua narratione et ceter. Alexandro Guagnino, equite aurato peditumque praefecto authore. Francofurti. Excudebat Joann. Wechelus.1584.

50

См. например у Полковского Sprawy wojenne k. Stephana Batorego (Acta historica 1, 275): Реляция посольства в земли прусские Лукаша Дзялынского в Декабре 1580 года.

51

Две карты и текст всех восьми чертежей изданы Коркуновым в Журнале Министерства Народного Просвещения за 1837-й год (часть пятнадцатая, стр. 235–249) с объяснительною статьею; общая карта военных действий и план Полоцка также в первом томе Витебской старины *Сапунова*. Подпись на первой карте: Joa. Baptista de *Caualleris* incidebat anno Domini 1580 — typis aeneis. Сверх того на общей карте, а равно и на втором чертеже, представляющем план осады и взятия Полоцка, значится имя Пахоловича: S. Pacholowic; Delineavit in ipsis castris S. Pacholowic. Коркунов в своей статье приводит заимствованные из Несецкого и Папроцкого, сведения о *Пахоловиче* как о мастере рисовать города, крепости и провинции.

52

Это был "Petrus Francus Geometra noster». см. Zrodta dziejowe XI, 65. № 38. Diploma, quo cavetur, ne quisquam intra quinquennium expedtiionis regiae ad Polockum imaginem faciat praeter Petrum Francum Italum. Drisnae a. 1579 Septem. 19.

53

Неринг (pag. 55) пишет: “до какой степени Гейденштейн полагался на означенную брошюру видно уже из того, что он повторял в след за нею неточные даты. Анонимный автор говорит, что король прибыль в Усвяту 13 Сентября, ему последовал и Гейденштейн, хотя он мог даже из королевского манифеста — Edictum de supplicationibus (Pistorius III, 126), знать что уже 26 Августа король был под Великими Луками". — Но дело в том, что ни аноним, ни Гейденштейн указываемой мнимой ошибки вовсе не делали; у Гейденштейна (pag. 109) читается: XVIII Kal. Septemb — ad Vsuiatam pervenit, а это в переложении с Римского календаря на современный будет указывать на 15 число Августа (см. русский перевод стр. 122).

54

В русском переводе (стр. 149) осталась неисправленная опечатка в последней строке текста: 150 миль вместо 15.

Полное заглавие тома приведено было выше, (стр. XXXV).

Некоторые дополнительные части дневника Пиотровского сообщены в издании Полковского, но преимущественно те, которые уже относятся к его поездке в Лифляндию, куда он отправился не дождавшись конца Псковской осады и заключения мира. — Мы уже заметили, что после сообщений Полковского не может быть никакого сомнения в самой личности автора дневника.

57

В вышеуказанном письме Дзержка (у Тургенева, I, стр. 360) сказано что во время приступа или штурма убито сто человек, да до 400 пало внутри — в продолжение трех часов, пока поляки держались на стенах.

Martini Chromeri, Varmiensis episcopi, Polonia et ceter. Coloniae Agrippinae 1589.

59

Грамота Батория к великому князю Московскому с просьбою об охранной грамоте для великого посольства, писана в Варшаве 12-го июля 1576 года. См. в Книге посольской метрики великого Княжества Литовского (издана по поручению Московского общества истории и древностей М. Погодиным и Д. Дубенским. Москва. 1843) II, № 1 (стр. 1, 2). Там же читается в подлиннике инструкция посланцам Груденскому и Буховецкому (№ 2) а также грамота от панов рады коронных и литовских к московским боярам об установлении мира и о выдаче охранных грамот для посольства (№ 3). Ответ московских думных бояр панам (№ 6 стр. 7) писан в ноябре того же 1576 года, и в нем кроме жалоб на неправильный отказ в царском титуле и вступательство в Ливонскую землю — между прочим говорится об отправлении с посланцами Груденским (Городенским) и Буховецким охранной грамоты для большего посольства. Самая грамота, данная 4-го ноября в Москве, находится под № 11-м, стр. 17. Ср. Соловьев, История России VI, 312.

60

Отправление Крыского и Сапеги решено было в марте 1577 года и тогда же были составлены для них инструкции (Метрика Литовск. II. №№ 11, 12, стр. 17 и сл.); но за тем оно было приостановлено и замедлилось на довольно долгое время вследствие действий Иоанна в Ливонии. См. ниже.

61

Это было прописано в грамоте Иоанна Васильевича к пану Полубенскому при вторжении в Ливонию, а Полубенский, захваченный в плен и увезенный в Москву, переслал документ Баторию. См. об этом в инструкции Батория своему послу на поветовых сеймиках ноября 1577. Pawinski. Poczatki Panowania Stefana Batorego (Zrodla Dzjejowe t. IV. Warszawa, 1877, № 140, dag. 250); а также в метрике Литовской II № 16, стр. 27 (в инструкции гонцу Мартину Полуяну, июля 1577 г.).

62

Как сказано выше, отправление великих послов Крыского с товарищами замедлилось. В сентябре 1577 года Крыский находился в Вильне и ждал здесь новых инструкций от короля, посылал между тем гонца в московский стан в Ливонии, сообщал Баторию новости о ходе дел в Ливонии (см. Pawinski, Poczatki Panowania Stefana Batorego № 138, pag. 218); король писал ему два раза, второй раз в ноябре 1577 года (ibid. № 139. 150 pagg. 221.235) Крыский и Сапега прибыли в Москву в январе 1578 года. Соловьев, История России VI, 313. В наказе польскому гонцу Полуяну (июля 30, 1577), который был посылан в промежутке, объясняются причины замедления. Метрика Литов. II, № 15 и 16, стр. 26 и сл. Впрочем в письме в Крыскому от 17-го сентября 1577 года Баторий говорит, что нужно протянуть время до сейма, а между тем barbarum verbis ducendum (Poczatki pag. 222).

63

Сейм открылся 19-го января 1578 года и закрылся 10-го марта. Вержбовский, Отношения России и Польши в 1574–1578 годах. Журнал Минист. Народн. Просвещения 1882, август, стр. 233.

64

Донесение Збаражского о татарском набеге с перечислением раззоренных мест. Poczatki Panowania Stefana Batorego № 80, стр. 138 — без даты; но рядом другие документы показывают, что это было весною 1577 года (№№ 81, 85, 107, 109 и 110).

65

См. универсал Стефана Батория о налогах (universal poborowy: Volumina Iegum II, 980–994), данный во Львове 10-го июня 1578 г. после воеводских сеймиков. Albertrandi, Panowanie Henryka Walezyusza i Stefana Batorego (W Krakowie, 1861) pag. 373.

66

См. Konstytucya Seimu walnego Warszawskiego roku Panskiego 1578. Volumina legum II, 862 и сл. Впрочем здесь прямо формулованы постановления, принятые окончательно на сейме, и совсем нет следов тех прений, о которых сообщает нам Гейденштейн. — Подвергнутый пене в 150 злотых архиепископ есть Яков Уханский. См. Szujskego Dzieje Polski III, pag. 58.

67

Перемирная грамота в том и другом виде напечатана в Литовской Метрике II, №№ 17 и 18: на первом месте — перемирный лист великого князя Московского, данный в январе 1578 г. и привезенный послами короля в Варшаву, а на втором — лист панов послов его королевской милости, который они противу того листу Московского под печатьми своими великому князю дали; добавление о Ливонской земле см. там на стр. 32. Перемирие должно было считаться с Благовещения, 25-го марта 1578 года по Благовещение 1581 года. Крыский воротился в Польшу в апреле, но писал о заключении договора еще из Москвы в феврале; 15-го апреля папский нунций доносил в Рим о содержании разговора, который он имел с королем относительно результатов посольства, после возвращения Крыского. Обо всем этом см. в статье Вержбовского стр. 231 232. Ср. Соловьева История России VI, 314.

68

Еще по первым письменным донесениям Крыского, в которых говорилось о заключении перемирия только относительно Литовского княжества без земли Ливонской, Стефан Баторий 12-го марта послал в Москву гонцем Петра Гарабурду, наказ которого напечатан в Литовск. Метрике под № 19 (стр. 38). Московское великое посольство к Баторию, которое должно было присутствовать при его присяге о соблюдении перемирия, выехало 16-го мая 1578 года; во главе его стоял дворянин Михаил Долматович Карпов, а в числе товарищей названы Головин и Грамотин. Ср. Карамзин III, 171 и примеч. стр. 116 (примеч. 503). Соловьев, История России VI, 314.

69

У Рюрика, как известно, был сын Игорь, а у Игоря от Ольги — сын Святослав.

70

Опять явная ошибка, принадлежащая, конечно, самому Гейденштейну, а не его источникам.

71

Речь идет конечно об Игоре Ольговиче, который поэтому будет точно также внуком Святослава, как и его брат Всеволод.

72

Во Львове Баторий был в начале апреля. См. Albertrand. pag. 480 (вышеприведенная инструкция). О согласии трех воеводств на пивной налог пишет Лаурео от 6-го июня: вышеозначенная статья Вержбовского, стр. 234.

73

Умер в дороге Михаил Далматович Карпов — не на возвратном пути в Россию, как сказано у Карамзина (примечание 503 к тому IX), а на пути в Польшу. См. Литовск. Метр. II. № 21, стр 41: "ино посол твой старший Михайло Долматович Карпов еще идучи до нас в дорозе вмер” — пишет Баторий Иоанну. Править посольство должны были Головин и Грамотин; вместо того у Карамзина (изд. Ейнерл. IX, 171) и у Соловьева (VI, 316) ошибочно говорится о Карпове и Головине.

74

Послы выехали из Кракова 11 декабря 1578 г., а из Литвы — 12 июня 1579 г. Кар. Т. IX стр. 171 и примеч. 515. Ср. Метрика Литовск. II, стр. 41 и 45. Соловьев VI, 315. Albertrand. p. 130.

75

О Венденском бое и взятии Поляками Вендена (21 Октября 1578 г.) см. Карамз. IX стр. 168 (Эйнерл.) и примеч. 509 — Соловьева VI, 311, 312 и примеч. 105 (Стр. XII). Бестужева-Рюмина Русская История II, 292. Albsrtrand. p. 131.

76

Письмо Батория, отправленное с гонцем Вацлавом Лопатинским, и данная сему последнему инструкция напечатаны в Метрике Литовской, т. II, №№ 22 и 23; первое помечено 26 июня 1579 г. в Вильне. Ср. Карамзин IX стр. 171.

77

Гарабурда, посланный гонцем в апреле 1578 года (см. выше), был отпущен из Москвы в январе 1579 года; в след за ним отправлен был к Баторию Андрей Тимофеев Михайлов (Метрика Лит. II, 42) или Михалков: Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 169 и пр. 512. Соловьев VI, 315. Нужно помнить, что Гарабурда поехал в Москву раньше возвращения большого польского посольства, а Михайлов раньше возвращения Головина и Грамотина из Литвы.

т. е, 30 июня 1579 года.

79

Кар. Т. IX гл. 5 стр. 175 и пр. 522.

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 174, и пр. 521.

81

Солов. Т, I. стр. 320.

Кар. Т. X, гл. 5, стр. 175; Солов. Т. VI, стр. 326.

Кар. Т. IX, гл. 5 пр. 527 и 617.

Кар. Т. IX, гл. 2, стр. 70 и пр. 230, 231.

85

По документам: "от боярина и наместника Володимерского, от князя Ивана Федоровича Мстиславского; от боярина и наместника Астраханского, от князя Василья Ивановича Мстиславского; от боярина и наместника Новгородского, от Никиты Романовича Юрьевича — Захарьина.

86

Содержание этой грамоты московских бояр передано также у Карамзина (т. IX, стр. 179) со ссылкою на дела польские (примеч. 534); в печатной Метрике Литовской этой грамоты нет, потому что находящийся под 34-м № лист тех же московских бояр, писанный до их милостей панов рады великого князства Литовского (до тех же Радзивила и Воловича во главе), есть очевидно, позднейший; но именно в этом последнем говорится о предшествовавшем письменном сношении бояр и рады, при чем содержание прежней грамоты обозначается довольно близко с изложением Гейденштейна. Впрочем первый лист, который только и имеется в виду у Гейденштейна, отправлен был собственно не чрез польского гонца, известившего о взятии Полоцка, а чрез московского посланца Льва Стремоухова (отправленного 30-го сентября 1579 г.)

87

Лопатинского отправили из Москвы 10 января 1580 г. (Карамз. т. IX, примеч.534). Грамота московских бояр к панам рады, напечатанная в Метрике Литовской, помечена февралем месяцем, и отпись на нее панов рады из Вильны 8-м мая 1580 года. Из первой даты именно и явствует, что Гейденштейн излагает содержание более ранней переписки, чем находящаяся в Метрике под №№ 34 и 35. За то эта последняя у него совершенно пропущена. Второй лист бояр был отправлен в Литву с гонцом Грязным Шубиным в конце февраля. Карамз. IX, прим. 540.

88

Уже выше было замечено, что этот ответ относится к неизданной в печатной Метрике грамоте, а равным образом и сам он не тождествен с отписью под № 35, хотя и весьма сходен по содержанию.

89

Разумеется посольство царского гонца Елизарья Благова. — Лист от князя великого Московского до его королевской милости, писанный через дворенина его Олизарья Благово — представляет № 31 печатной Метрики; он дан, в Москве 6-го января 1580 года и в нем уже упоминается об обращении бояр московских к литовским панам. Сверх того Благому было поручено хлопотать о размене пленных (см. лист под № 32.). Отпись короля на царскую грамоту дана в Гродне 16-го марта (№ 33). Благов вернулся 15 апреля (Карамз. IX, прим. 540).

90

К посольству Нащокина относятся документы печатной Метрики Литовской под №№ 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, Ср. Карамз. т. IX, примеч. 540. Соловьев, т. VI, стр. 323–324.

91

Кар. Т. IX, стр. 180, и пр. 536 и 540. Срок назначен был пятинедельный считая от 14 июня, когда Нащокин представлялся королю в Вильне. См. Метрики Литовск. II, № 41.

92

Разумеется посольство гонца Федора Шишмарева, который был прислан под Чашники на Щудут к королю и должен был известить об отправлении из Москвы великого посольства — князя Сицкого с товарищами и о невозможности для них прибыть на рубеж ранее 6-го августа или даже 16-го. Лист на имя короля, отправленный с Шишмаревым, и содержащий требование о приеме имеющего прибыть посольства в Вильне, писан в Москве 2-го июля, и находится в Литовск. Метрике под № 43.

93

Отпись короля на грамоту, присланную с Шишмаревым, помечена 22-м июля в земле Полоцкой: Литовск. Метрик. II. № 44. Карамз. т. IX, стр. 182. Соловьев т. VI, стр. 324.

94

При отправлении Шишмарева, Иоанн еще не знал о движении Батория в Московские пределы; узнав о движении короля из Вильны в Чашники, он снова писал к нему, убеждая его воротить войска на границы и ожидать посольства, уже отправившегося из Москвы, либо в Вильне, либо “где велит у себе нашим послом бытии”. — Эта грамота, данная в Москве 19-го июля, была отправлена из Смоленска с боярским сыном Легково, который должен был вручить ее Федору Шишмареву, а этот последний — королю. Метрика Лит. II, № 45.

Этого ответа Баториева нет в печатной Литовской Метрике.

96

Этого документа также нет в числе изданных. Вероятно, Шишмарев уже уехал, когда пришло послание к королю и письмо к нему.

97

Кар. Т. IX, гл. 3, стр. 144, пр. 259.

98

Лист этого содержания, данный в Москве 2-го августа 1580 г, был прислан в Оршу, а из Орши доставлен к королю под Сураж: он находится в Метрике Литовск. II, № 46. Отпись на него Стефана Батория писан в Сураже 10-го августа. Метрика Литовск. II, № 47.

99

Этот второй лист от 5-го августа и отпись на него Батория также находятся в Метрике Литовск. II, № 48 и 49.

100

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 184.

101

Речь идет о посольстве князя Сицкого и думного дворянина Пивова; верющая грамота, данная им 24 июля в Москве, напечатана в Метрике Литовской II, № 53, и в современной приписке к ней о представлении послов рассказано тоже самое, что у Гейденштейна, а в заглавии день представления обозначен 29-м августа. Другие подробности о поведении Поляков с послами до прибытия к королю см. Соловьева Т. VI, стр. 326. Карамз. IX, стр. 184 и примеч. 545.

102

Послы Иоанна во второй раз представлялись Баторию под Великими Луками 2-го сентября (Метрика Литовск. II, стр. 106) и потребовали возвращения Полоцка, а также обязательства со стороны короля не вступать в землю Курляндскую и Ливонскую, ссылаясь на свои инструкции, а затем в переговорах с панами рады, что им по их желанию было дозволено, сделали те уступки, о которых говорит Гейденштейн.

103

Отправлен был гонцем короля вместе с посланцом московских послов дворянин Григорий Лозовицкий; отпись Батория (от 5-го сентября) которую он должен был вручить Иоанну, содержит изложение предшествовавших переговоров с послами Сицким и Пивовым и требование об уступке всей Ливонии; определенного срока для ответа в ней не назначено. См. Метрика Литовск. II, № 54.

104

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 184, пр. 544.

105

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 185, пр. 546.

106

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 185 пр. 547.

107

В грамоте Иоанна говорится следующее: “А почему мы называем Лифлянскую землю своею землею, и наша вотчина Лифлянская земля искони век: потому в лето шесть тысяч пятисот осьмое, прародитель наш великий государь Георгий — Ярослав, самодержец Киевский всея Руси и многим землям господар, ходил на тое землю ратью и пленил их и в свое имя город Юрьев поставил, и тое землю взял за себя, и от тех мест и до сих мест тая земля вотчина наша за прародителями нашими была и т. д. — Откуда явился у Гейденштейна Святослав Мстиславович, трудно понять.

108

Подлинный документ напечатан в Метрике Литовской II, № 57, стр. 102–121. Кроме отмеченного искажения относительно имени Дерпта, содержание его приведено здесь правильно, хотя и кратко; отпись Иоанна помечена 27 сентября в Москве и доставлена была Лозовицким, приехавшим 10 октября. (См. Метр. Лит. № 59 стр. 124).

109

Об этих переговорах говорится в документе Литовской Метрики № 59, представляющем как бы их протокол.

110

Кар. Т. IX, гл. 5. стр. 185, пр. 548.

111

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 187 и пр. 554.

112

Сюда относятся №№ 60 и 61 Метрики Литовской. Ср. Кар. Т. IX, гл.5, стр. 188 и пр. 558. Соловьев VI, стр. 328, 329.

113

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 185, пр. 550.

114

Речь идет о грамоте, отправленной с легким гонцем Григорьем Кабардеевым от 5-го марта 1581 года, извещавшей о назначении послами Пушкива и Писемского. Метрика Литовск. 11, № 62.

115

Акты посольства Пушкина и Писемского находятся в печатной Литовской Метрике под №№ 65, 66, 67.

116

Собственно не Богдан Бельский — любимец Иоанна, но Давид Бельский бежал к Стефану. Карамз. Т.IX гл.5, стр. 187 и премеч.556. Это случилось в июне 1581 г.

117

Она теперь напечатана в Литовской Метрике т. II. См..№. 68, стр. 140–157. “Отпись от князя великого до его королевской милости через Криштофа Держка, гонца его королевской милости, принесенный до Полоцка, тягнучы его королевской милости подо Псков, писано в Москве 29-го июня”.

118

Стр. 146. “И волочил еси наших послов за собою осень всю, да и зиму держал еси их у себя, и отпустил еси их ни с чим, а тым всим нас укоряя и поругаяся нам. А что твои паны рада говорили нашим послом под Невлем и на чом хотели тогда делати, да как у тебя были послы наши в Варшаве, и паны твои рада потому не захотели делати; а в кою пору приходили твои паны рада к нашим послом с ответом, и в ту пору с ними пришли твоих людей чоловек сорок, а паны твои рада нашим послом сказали, что то твоя меньшая рада, и того ни при которых твоих предках не бывало, чтобы тут опричь панов радных иншие люди были… А то твои панове, жалеючи ли о крови хрестианское, нашим послом Варшаве говорили, которые дела под Невлем мы с вами, а вы с нами говорили, и чего есте просили и что против того объявили и по тым мирам на покой хрестиянству статисе не может; я после того уж продлилося долгое время, и наклады господару нашому и утраты в воинстве не малые: взял господар наш господара вашого после того Заволочье, а ныне вжо почал господар наш воинство свое избирати изнова и то, ведь, не без накладу ж. И то хрестиянское ли дело твои панове говорять? А о кровопролитстве хрестиянском не жалеют, а о накладе жалеють! А коли тобе убыток, и ты бы Заволочья не имал: хто тобе о том бил чолом?

119

Стр. 155. “А что подъему просишь, и то вставлено з бесерменского обычая: такие запросы просят татарове, а в хрестиянских господарствах того не ведется, чтоб господар господару выход давал, — того в хрестиянех не ведется, то ведеться в бесерманех… А за што нам тобе выход давати? Нас же ты воевал, да такое плененье учинил, да на нас же правь убыток. Хто тебе заставливал воевать? Мы тебе о том не били чолом, чтобы пожаловал, воевал”.

120

О Себеже в грамоте стр. 153, а, и 154, б.

121

См. в примечании 1-м на предыдущей странице. Гейденштейн, как отсюда видно, не сдедует в своем изложении порядку и ходу мыслей в подлинной грамоте; впрочем и последняя, по крайней мере, в том виде, как она напечатана, не отличается посдедовательностию и раздельностию пунктов.

122

Стр. 156, т. е. почти в конце грамоты. “А будет же не похочешь доброго дела делати и похочешь кровопролитства хрестиянского, и ты б наших послов к нам отпустил, а уже вперед лет на сорок и на пятдесят послом и гонцом промеж нас не хаживати”.

123

О правах на Ливонию стр. 147, б. в конце и след. до 151; нападки на короля относительно происхождения стр. 143 (впрочем слегка); относительно жестокости — стр. 144. б, (“твои люди собацким обычаем делали, выбирая воевод и детей боярских лутчих мертвых, да у них бруха взрезывали, да сало и жолчь выймали, как бы волховным обычаем”); относительно привлечения чужих людей стр. 155; относительно Сокола стр. 144: “пришедши под Сокол воевода твой Виленский — Сокол новым умышлением взял”.

124

Длинное послание Батория занимает в Литовской печатной Метрике (т. II, № 74) страницы 177–206; писано в Заволочье 2-го августа 1581 г. Ср. Карамз. Т. IX, гл. 5, примеч. 561: “в сей грамоте, писанной варварским языком, ни русским, ни польским, около двух сот страниц”. Ср. Бестужев-Рюмин, Русская Истор. II, 297, примеч. 105. Письмо это первоначально было писано по латыни Гизиусом (в этом виде напечатано в Histor. Russiae Monumenta Тургенева I, № CCXXV), на польский было переведено Замойским (у Кояловича, дневник последнего похода Батория, прилож. 58), и уже с польского переложено на западно-русский язык, не признанный Карамзиным.

125

О книгах см. Карамз. т. IX, гл. 5, примеч. 561-е в конце. Albertrandi, Panowanie Henryka Walezyusza i Stefana Batorego pag. 202. Догадки обоих оказались не совсем удачными: автор дневника последнего похода Батория прямо говорит (стр. 36), что король имел в виду послать сочинение итальянца Гваньини и другое какого-то Крауция (Craucii).

Псков. Лет. III, стр. 9-я.

127

Псков. Лет. стр. 92.

Псков. Лет. стр. 175 и Кар. Т. VII, гл. 1-я, стр. 21.

129

Псков. Лет. стр. 175 и Кар. Т. VII, гл. 1-я, стр. 21.

130

Псковск. Летоп. стр. 181; Кар. Т. IX, стр. 20–29. По свидетельству Карамзина, Василий въехал в Псков 20 января, по показанию же летописи 24 января.

131

Ильинский. Историческое описание Пскова и его древних пригородов (стр. 23).

Иначе называемый Снетогорский.

133

Псковск. Лет. стр. 211; Кар. т. IX, гл. 5, стр. 192 и пр. 567.

134

Кар. т. IX, гл. 5, стр. 196 и пр. 577 (Повесть о Псковской осаде).

135

Кар. Т. IX. гл. 5. стр. 197 и пр. 577, 578 и 579.

136

Кар. Т. IX, гл. 5, пр. 582 (Повесть об осаде). Дневник последнего похода Стефана Батория (2-го сентября), стр. 89–90.

137

О взятии судов: Дневник похода стр. 85. Albertrandi, pag. 214.

138

Дневник последнего похода (12 сентября), стр. 81.

139

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 199 и пр. 583. Дневник похода стр. 85.

140

В издании Старчевского на две мили (dua millia passuum), в старом издании — octo millia pass.

141

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 199, пр. 583. Дневник похода стр. 99, 100 (17 окт.)

142

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 201, 202 и пр. 592.

143

Вейсенштейн (Белый Камень) находится в нынешней Эстонии.

Кар. Т. IX, гл. 5, пр. 600.

145

Кар. Т. IX, гл. 5, пр. 590.

146

Кар. Т. IX, гл. 5, пр. 591.

147

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 202 и пр. 593, 594.

148

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 203.

149

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 199 и пр. 582. Из повести: “а кои под стену подсекошася, на тех зделаша на шестах железные пуги с вострыми крюки, и теми гайдуков за ризы их и с телом захватывая, из под стены выторгаху”.

150

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 200 и пр. 584.

151

Кар Т. IX, гл. 5, стр. 200 и Т. VII, пр. 383.

152

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 200 и пр. 586, 587; Опис. Пскова, стр. 231.

153

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 200 и. пр. 586, 587.

154

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 202, пр. 504.

155

Краткое сообщение об этом деле отправлено Замойским в самый тот день, то есть 7-го декабря 1581. См. Кояловича, Дневник похода, стр. 378. За тем подробнее (и о пленных) в донесении от 3-го декабря; там же стр. 379–381.

156

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 202 и пр. 194 и 595. Замойский извещал короля о прибытии послов в Заполы в письме от 11-го декабря: Кояловича, Дневник последнего похода стр. 383, № 94. 13-го в среду они имели первое совещание с польскими уполномоченными: Метрика Литовская, II № 81, стр. 213–236.

157

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 204 и 205, прим. 548 и 549. Метрика Литовск: II, № 21 (стр. 216). Требование о включении в мирный договор короля Шведского было предъявлено и отвергнуто на втором съезде послов 14-го декабря. “Послы Московские тож, что и перво поведали, иж всее земли Ифлянтское уступити не могуть; а о короля Швецкого и мовити не хотели, поведаючы, иж на то росказанья и науки от господара своего никоторое не мають”.

158

В донесении от 13-го декабря польских коммиссаров Замойскому (Коялович, Дневник похода № 102, стр. 396) говорится о перебежчике Федоре Иванове Зубатом. В письме от 20-го декабря Брацлавский воевода пишет Замойскому, что посылает к нему русского переметчика (ibid. № 130, стр. 431); а ниже приведены показания переметчика Федора Зубатова о намерениях Иоанна (№ 135, стр. 437).

159

Кар. Т. IX, гл. 5, стр., 205, пр. 599.

160

Это дело подробно описано в письме Замойского к королю от 4-го января (Коялович, Дневник последнего похода № 191, стр. 512–515.). Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 205, пр. 599.

161

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 203 и пр. 596.

162

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 205, пр. 599.

163

Кар. Т. IX, гл. 5, пр. 596. Известно, что Хворостинин не был убит, чрез несколько лет после этого здравствовал и воеводствовал.

164

Кроме протокола мирных переговоров, напечатанного в Посольской Литовской Метрике (II, № 81) под заглавием “Розмовы послов его королевской милости с послами Московскими”, сюда же относится очень большое количество документов, изданных пр. Кояловичем вместе с Дневником последнего похода Стефана Батория. — Самые договорные грамоты, подписанные 6-го января 1582 года, находятся тоже в Литовской Метрике, №№ 82 и 83.

165

Разумеется боярский сын, Александр Хрущов Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 602.

166

Кар. Т. IX, гл. 5, стр. 205, пр. 600.

167

Съезд в Ендржееве или Андржеове (= Андрееве), на котором преобладали сторонники Стефана Батория, протестовавшие против кандидатуры австрийской, относится к январю 1576 года: см. о нем у Гейденштеина Rerum Gestarum ab excessu Sigismundi Augusti Liber II (pag. 92), Albertrandi pag. 69 и сл. Затем об установлении более правильного избирательного порядка шла речь на Варшавском сейме 1581 года: см. здесь выше стр. 169.

168

См. выше стр. 95.

169

В перемирном листе, напечатанном, в Метрике Литовской II, № 97, стр. 262, сказано так: рубеж учинити Торопецким землям с Витебскою землею и з городом з Велижем, как было исстари Витебской земле с Торопецкою землею, по старым рубежом, и № 98, стр. 266: А земля Велижу по старим рубежом; как было Витебской земли с Торопецкою землею: Витебская земля з городом Велижем к Витебску, а Торопецкая к Торопцу.

170

Съезд в Ендржееве или Андржеове (= Андрееве), на котором преобладали сторонники Стефана Батория, протестовавшие против кандидатуры австрийской, относится к январю 1576 года: см. о нем у Гейденштеина Rerum Gestarum ab excessu Sigismundi Augusti Liber II (pag. 92), Albertrandi pag. 69 и сл. Затем об установлении более правильного избирательного порядка шла речь на Варшавском сейме 1581 года: см. здесь выше стр. 169.